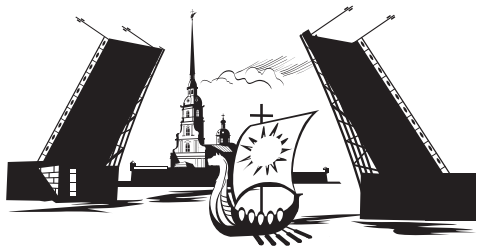
Родная Ладога

№ 3(25)' 2013

**КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ**



Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

**Заместитель главного редактора,
заведующая литературным отделом**
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

**Руководитель
редакционно-издательского отдела**
Татьяна МАКАРОВА

Референт редакции
Юлия СОКОЛОВСКАЯ

**Издается ежеквартально
при участии:**

Союза писателей России

**Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России**

**Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга**

ЗАО «Утро»

*Зарегистрировано УФС по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Северо-Западному Федеральному округу
ПИ № ТУ78-01365 от 04 июня 2013 г.*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов); ***Агафонов Николай, протоиерей*** (Самара); ***Громов А. В.*** (Самара); ***Денисов Н. В.*** (Тюмень); ***Казин А. Л.*** (Санкт-Петербург); ***Коняев Н. М.*** (Санкт-Петербург); ***Корольков А. А.*** (Санкт-Петербург); ***Корытин С. Н.*** (Санкт-Петербург); ***Орлов Б. А.*** (Санкт-Петербург); ***Попов Г. А.*** (Орел); ***Сдобняков В. В.*** (Нижний Новгород); ***Семёнов В. Е.*** (Санкт-Петербург); ***Смолькин И. А.*** (Псков); ***Швечиков А. Н.*** (Санкт-Петербург); ***Ясенев В. А.*** (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БАКЛАНОВ Андрей Глебович (Москва) — советник заместителя председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

БОНДАРЕНКО Владимир Григорьевич (Москва) — главный редактор газеты «День литературы», секретарь СП России.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич (Москва) — председатель СП России, доктор исторических наук, заместитель Главы ВРНС.

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», секретарь СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИВАШОВ Леонид Григорьевич (Москва) — президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРАМАРЕВ Аркадий Григорьевич (Санкт-Петербург) — помощник председателя постоянной комиссии по вопросам правопорядка и законности ЗАКСа Санкт-Петербурга, генерал-майор милиции.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына.

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако», гл. редактор журнала «Однако».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

РАСПУТИН Валентин Григорьевич (Иркутск) – сопредседатель СП России, лауреат премии Президента РФ в области литературы и искусства.

Княгиня *ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна* (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

ШЕВЦОВ Никита Всеволодович (Москва) — заведующий кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ, профессор.

СОДЕРЖАНИЕ

Родная речь

Валентин Распутин. Слово о Пушкине. *Произнесено на Всероссийском Пушкинском празднике поэзии во Пскове* 5
Людмила Вербицкая. Тенденции развития произносительных закономерностей в современной русской речи 30
Валерий Павлов. Русский язык — основа духовного сплочения граждан Российской Федерации 40
Алла Новикова-Строганова. Руси православный дух 237

История и современность

Анастасия Лотарева. Издательство «Молодая гвардия» и «русификация» общественного сознания. *К 80-летию В. Н. Ганичева* 10
Валерий Егошкин. Русская церковь в Алжире 81
Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов). Путь Царский. *К 400-летию Дома Романовых* 149

Поэзия

Леонид Ивашов 19
Юрий Перминов 26
Андрей Попов 61
Татьяна Маругова 65
Светлана Макарова 142
Григорий Калюжный 146
Александр Бывшев 227
Ярослав Кауров 230

Мировоззрение

Панко Анчев. Бунт культур 35
Игорь Андрушкевич. Аксиополитика ориентирует геополитику. *Влияние шкалы религиозных и нравственных ценностей* 108
Владимир Крупин. Программы превращения детей в животных. *Выступление в Общественной палате на слушаниях «Роль литературы в духовно-нравственном формировании общества»* 203

Проза

Сергей Куняев. Басня и быль о Есенине. *Глава из новой книги* 46
Дмитрий Рогозин. Николай Антонович. *Из повести «БАРОН ЖОЛТОК»* 167
Михаил Зарубин. Во сне и наяву. *Рассказы* 288

Поэзия дипломатов

Моя Смоленка. *Стихотворения сотрудников и ветеранов МИД России* 69

Беседа

Интервью господина Радована Караджича с Лиляной Булатович-Медич для журнала «Родная Ладога» 73

На рубеже цивилизаций

Борис Ключников. Исламизация и взрыв национализма в Европе 89

Славянское братство

Иржи Опршал. 130 лет со дня рождения Ярослава Гашека 105

Дороги войны

Александр Королев. Это было под Сталинградом. *Из повести «Воспоминания ветерана войны»* 122

Доспехи

Мария Жукова. Маршал Жуков и старец Нектарий 138

Памятослов

Валентин Осипов. Патриарх Алексий II: внимание, заботы, поощрения. *Из воспоминаний издателя* 173
Никита Шевцов. Елена Наумова. Правда о генерале Куропаткине 276

Лествица

Архимандрит Тихон (Шевкунов). Патриархи Смутного времени 182

Наследие

Протоиерей Борис Николаевский. Духовные беседы 187

Вопросы образования

Иеромонах Мефодий (Зинковский). «Просвещение Светом Веры Христовой». *Училищные монастыри* 195

Пути познания

Галина Скотникова. Святой воин в Византийско-Русском духовном архетипе. *К осмыслению ключевого смысла иконы «Благословенно воинство Небесного Царя»* 207
Лариса Беленчук. Западники и славянофилы о просвещении России как самостоятельной части европейской гуманитарной культуры 260

Точка зрения

Светлана Шорохова. Спор о «Римском наследстве» 218
Борис Споров. Крохоборы 233
Александр Скоков. Информационная безопасность как часть национальной политики, направленной на сбережение русского языка 308

Критика, литературоведение

Анатолий Парпара. «Итак, я жил тогда в Одессе». *Пушкин и Воронцов* 255

Великая провинция

Татьяна Грибанова. И никакого иного памятника 281
Виталий Шевцов. Мой город детства. Кёнигсберг–Калининград 299

Искусство

Екатерина Скоробогачева. «Сикстинская мадонна» Рафаэля. *500 лет в истории и культуре* 311



Валентин РАСПУТИН

СЛОВО О ПУШКИНЕ

Произнесено на Всероссийском Пушкинском празднике поэзии во Пскове[1]

Валентин Григорьевич Распутин — родился 15 марта 1937 года в поселке Усть-Уда Усть-Удинского района Иркутской области. Окончил историко-филологический факультет ИГУ. Автор многих книг, вышедших в России и за рубежом и неоднократно переизданных. Лауреат Государственной премии СССР в области литературы, искусства и архитектуры, лауреат премии Фонда Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного «За Веру и Верность», лауреат Государственной премии РФ за гуманитарную деятельность (2013) и др. **Живет в Иркутске.**

[1] Печатается с небольшими сокращениями.

Пушкин жил недавно. Соотнесем прожитое нами, старшим поколением, с возрастом Пушкина. Да ведь это всего три жизни. И всё очевиднее века для него принимают не фантастические, а реально близкие очертания, как некое жилое помещение, в котором меняются жильцы. Пушкину всего два века. В 1799 году Россия понесла удивительным плодом, ставшим затем «солнцем русской поэзии», «нашим всем». И горит-греет с той поры солнце бессрочно, и стоит «наше всё» непоколебимо от горизонта до горизонта, обогащаясь и расширяясь.

И не будет ему забвения не только доколе «жив будет хоть один пиит», но и доколе жив будет хоть один русский человек. Он пронизал своим волшебством каждого из нас, одних больше, других меньше, в зависимости от душевной и сердечной проводимости. Даже люди, огрубевшие или совсем окаменевшие, как раскаянье повторяют его стихи. Он всем что-нибудь да дал. Многие живут с его поэзией в сердце, как с вечно прекрасным и неувядающим букетом цветов. Многие, не найдя в мире чувств ничего более нежного, повторяют его признания в любви. Многие его же словами затем утешаются. Едва ли это преувеличение: у нас не только говорить о любви, но и любить учились у Пушкина, от его нежных слов возжигали свои сердца, от волшебной проникновенности его строк в заповедной глуби напитывали дыхание.

Вот бьет родник с чистой живой водой, без малого два века неспособный иссякнуть. Кто-то подойдет и, зачерпнув полной чашей, утолив жажду, мгновенно оживет, а кто-то, как эликсир, принимает по глотку и наращивает, напитывает в себе сладкое чудо быть человеком. Не дано нам, как водится, доложить, скольких

Александр Сергеевич обратил к душе и в ту пору, когда душа признавалась, но пути к ней поросли мхом древности, и в пору «закрытия» души; скольких привел он к нравственности, скольких к Богу. Он, кто, как известно, ангелом не был. Скольких привел он к Отечеству, опешил его сладким дымом, указал на святость вековых камней, натомил милыми пределами! Совершенство может все. Сосуд мог иметь и случайные черты, но напиток в нем, отбродив, производил божественное, то есть превосходящее земное действие, способное на чудеса. Читатель испытывает радость, преображение, возвышение, а автор продолжает парить, царить в своем вдохновенном совершенстве. Нравственное превосходство его музы заключается в самом движении и звучании, превосходстве, в тончайшем и легчайшем узоре чувств, чего-то даже более тонкого, чем чувства, в прекрасной несказанности говоримого, в «звуках сладких и молитвах». И какое же у чуткого читателя томительное блаженство возникает после них, какое же торжество души! Читатель по неопытности может с душой своей сообщаться тайно — Пушкин сумел сделать эти свидания открытыми и радостными, распахнуть в темнице окна, превратить ее в светлицу. Отвечая митрополиту Филарету на его стихотворное послание, которое, в свою очередь, явилось ответом митрополита на известное пушкинское «Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана?..», — поэт через высокое духовное лицо обращается еще выше, и многое, о чем нередко продолжают спорить, объясняет в себе:

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.
Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.
И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.
Твоим огнем душа палима,
Отвергла мрак дневных сует
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.

За 100 лет до Пушкина Россия буйной волею Петра была сдернута с лежанки, пусть и насквозь национальной, и направлена искать более широкой деятельности.

Петр сообщил ей недостающую энергию, Пушкин так и понимал Петра. Но вялостью зарастают не только мускулы, Россия была недостаточно подвижна и внутренне, душевно, наша душа как бы нагревалась и остывала, не

пульсируя постоянно. Своим талантом, своим удивительно тонким, небесно настроенным инструментом Пушкин дал нам капиллярную чувствительность, способность улавливать только еще подготавливающиеся движения.

За этой способностью должны были открыться новые, заповедные миры, и лицо наше должно было преобразиться вниманием к ним, глаза заискриться от невиданных картин. Посмотрите на старые фотографии, старые картины, портреты — так оно, должно быть, и происходило: лица глубокие, несущие полуразгаданность каких-то давних и мудрых загадок. Было ли это? Было. Надо ли оговариваться, что не одного Пушкина тут заслуга, и что далеко не на всех пала печать преображения, теперь, впрочем, уже и утерянная. Почему — это особый разговор. Не пушкинская тема. Перед Пушкиным лежало огромное, уже и обустроенное, но еще не отделанное до конца общественное пространство. Но все основы и изломы общественного сложения и государственного служения были заложены, архитектоника сложилась. Косность бывает разной. Бюрократической аппаратной косностью Россия прославлена до конца мироздания. Но не странно ли, всматриваясь в эпоху Пушкина, в самой подвижной, образованной, постоянно революционизирующейся части общества, которая носила тогда название «света» и переродилась потом в интеллигенцию, видеть худшую из косностей — косность одних и тех же заблуждений, чесотку нетерпения, возбужденный зуд отлепиться от национального тела.

Даже заблуждения Пушкина носили какой-то необходимый, полезный для ума, общеукрепляющий характер. Он не миновал парижской лихорадки, занесенной после походов 1813 года, и оказался среди декабристов, но не поддержал их, разглядев изнутри, что цели декабристов пользы Отечеству принести не могут. Был блестяще образованным человеком, с восторгом купался в европейской культуре, без которой нельзя представить его творчество, возвысился ею. Но оттуда, с высоты всемирности, оглянувшись «на волшебных демонов, лживых, но прекрасных», еще больше и страстнее полюбил и оценил свое, родное. И не однажды сказал об этом в стихах и прозе. Очень любил Чаадаева, восхищался его умом, считал его и братом и учителем, но не мог согласиться с его взглядами на Россию, как на растительную жизнь и заблудившуюся историю. И это в письме к Чаадаеву сказаны были знаменитые слова, которые с тех пор Россия впечатала в себя, как клятву для верноподданных:

«Клянусь честью, что ни за что на свете не хотел бы я переменить Отечество или иметь другую историю, чем та, которую дал нам Бог». Если поэзию Пушкина, особенно раннюю, можно назвать опьяняющим напитком, то его размышления об истории, о национальной судьбе и необходимости культурно-благой работы для Отечества — это как раз чаша отрезвляющая, из природного источника.

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

Свою избранность Пушкин понимал как дар, который должен быть отдан только служению красоте и отеческой крепости. Известны слова Импе-

ратора Николая, записанные им после беседы с поэтом в 1826 году: «Вчера я разговаривал с одним из самых умнейших людей России». Разговор у них, надо полагать, шел не только о стихах. Пушкин был государственный человек. Вслед за Пушкиным все крупные таланты всегда держались того же положения, верноотеческого, без лукавства и корысти. В пору Пушкина уже принято было в пресытившемся свете, который блистал талантом злоречия, не любить свое, насмешничать, издеваться. Вероятно, тогда это делалось элегантнее, чем в наше время, но яд есть яд, и когда отдаются ему с жаром сердец и талантов, действует он и затягивающе, и разрушительно. Общественное направление, которое лет через 30–40 после Пушкина своей талантливой безрассудностью превратилось в откровенное инквизиторство, иссекающее русскую жизнь литературными розгами, тогда только еще высматривало кривизну. Пушкин не мог не замечать этой опасности.

Вслед Радищеву совершил он путешествие по той же дороге, но уже из Москвы в Петербург и с другого конца. Не вступая в спор с опальным автором, ставя его лишь на место гражданина, наложил на радищевскую правду о «чудище», т. е. на правду социальную, правду свою, нравственную, и, так, сказать, стратегическую, глядящую не под ноги, а далеко. Пушкин с головой окунается в историю и знает ее до этнографических мелочей. Не однажды в письмах и замечаниях он указывает на ошибки: то Рылеев вручит языческому русскому князю герб со святым Георгием, то Загоскин не в те одежды оденет бояр. Мало того: как рыцарь, стоящий на страже чести истории, морали, Пушкин возмущается Вольтером, который в поэме «Орлеанская девственница» допускает кощунственные искажения образа Жанны д'Арк, национальной героини французского народа.

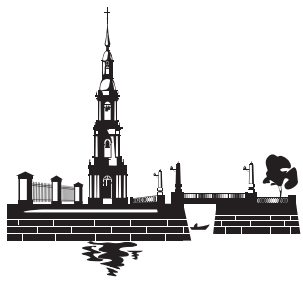
Трудно не согласиться с теми, кто полагает, что, продлись пушкинская земная жизнь, не покривела бы наша литература на правый глаз, на тот, который обращен к родному. Он бы своим обширным умом и огромным авторитетом предупредил, отвел. «Власть и свободу сочетать должно во взаимную пользу», — это его слова из «Путешествия из Москвы в Петербург».

Недорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
Журнальных замыслов стесняет балагура.
(Из Пиндемонти)

Вот уж слова, как почти все у Пушкина, не имеющие срока давности. Как далеко глядел он, сколь многое провидел! И на сегодняшний день, торжественный и тревожный, он оставил нам завещание, относящееся не только к себе («Нет, весь я не умру»), но и к событиям, нависшим сейчас над всем миром бешеным и мстительным Злом. Пушкин сейчас — первый защитник сербов. В «Песнях западных славян», точно перевоплотившись в многовековое страдание сербского народа, он пропел ему неясную и торжественную славу, в 1836 году он так и отзывается о порядке, составлен-

ном отборным мировым сбродом в Северной Америке; о порядке, который бомбит сегодня сербов. Цитирую: «С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую подавлено неумолимым эгоизмом и страстью к довольству». Как чудный дар, как дар бесценный, посланный России во исполнение замысла о ней, понимаем мы сегодня Пушкина. Как художника-виртуоза в стихе, сделавшего поэзию прелестной и одновременно мудрой, давшего ей художественную и государственную емкость. Как столп выше Александрийского, с которого началась слава русской литературы, немеркнущая во весь XIX и во весь XX века, сияющий сонм великих на этой стезе шел от Пушкина и оглядывался на него.

Это он, Пушкин, надолго задал тон и вкус, высоту и отечественность нашей словесности, да и всей культуре. Он окончательно освободил русский язык от косноязычия. Слово при нем стало радостным, сияющим, крылатым, способным воспроизводить мельчайшее движение чувств, услышать несказанное и поднять до небесного, вострубия торжественные минуты. Это он, Пушкин, соединил в один два языка, простонародный и литературный, и подготовил к чтению всю Россию. Пушкин — мера русского таланта и русской души. Удастся ли когда-нибудь эту меру уложить без остатка в нового гения — трудно сказать. Но уже одно то, что у нас гений такого масштаба и такой красоты был, уже одно имя Пушкина внушает надежду. Оно, это имя, говорит нам о тех великих закладах, которые в нас есть и требуют пробуждения, говорит о том месте, которое должны занимать русский человек и Россия в мире, напоминает о силах, с которыми выстаивал народ во все лихие годины, говорит о том, что нам делать, как сохранить честь и вечность. Красивое слово — Пушкин, вечно молодое, светлое, звонкое, песенное, искрометное, звездное, но и честное, надежное, доброе, работящее, правильное слово. Но и мудрое, емкое, всеохватное, сытное. Сытное — рядом с хлебом и водой. Любимое на всех российских языках и наречиях слово — Пушкин.





Анастасия ЛОТАРЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» И «РУСИФИКАЦИЯ» ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

К 80-летию
В. Н. Ганичева

Анастасия Александровна Лотарева — родилась в Москве в 1983 году, выпускница исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Аспирантка кафедры Новейшей истории Отечества Московского педагогического государственного университета. Преподавала в средней школе, Российском университете дружбы народов. Заместитель главного редактора журнала для детей и юношества «О, русская земля». **Живет в Москве.**

Многоуважаемый
Валерий Николаевич,
поздравляем Вас с Юбилеем!

Красивая цифра Вашего сегодняшнего возраста кажется промыслительной не только по меркам человеческой жизни, отсчитываемой Господом каждому человеку в соответствии со степенью его надобности в нашем мире, но и по подобию знаку, означающему бесконечность. Нынешний юбилей является свидетельством Ваших заслуг, которые уже сегодня следует назвать историческими, а Вашу жизнь и Ваши научные и литературные труды, Ваши общественные свершения — вошедшими в свод знаменательных вех русской истории. Божиим Промыслом Вам выпала непростая задача, которую кратко можно сформулировать, как сбережение национальной литературы в период русской смуты конца XX — начала XXI века.

Какой же подвиг жизни стоит за этими простыми словами! В большей степени об этом знают Ваши соратники, современники-литераторы. Но по своим заслугам Вы достойны всенародного признания, которое сегодня укоренилось в среде православных русских людей и в героической общности русского воинства. Здесь Вас чтят как того человека, кому Господь доверил миссию прославления Святого Флотоводца — Федора Ушакова, а также как одного из основателей и руководителей Всемирного Русского Народного Собора. И этих свершений достаточно, чтобы войти в ряд выдающихся людей тысячелетней России. Но Ваши заслуги на ее благо гораздо значительнее. Наиболее яркие, зримые — Ваши литературно-исторические тру-

ды, весомые тома Ваших книг. Менее заметное, даже почти невидимое, но чрезвычайно трудоемкое, вернее, духоемкое, Ваше служение на руководящем поприще в ранге председателя Союза писателей России. Два десятилетия враги русского народа в своем зверином стремлении искоренить русский дух из современной литературы вели открытую борьбу с этой стратегической организацией. Сегодня мы с полной уверенностью можем сказать — им это не удалось. И не удастся. Во многом благодаря Вашему героическому, мудрому стоянию на переднем краю обороны Русского Слова, Русской Литературы.

Понятно, что за метафорическим образом этого стояния сокрыт Ваш тяжелый каждодневный труд, сложные раздумья, сомненья и духовные прорывы. Все это в деталях должно быть интересно историкам. И уже стало интересно! И что особенно радует, историей Вашей жизни, Вашего служения интересуются молодые люди, новое поколение. Свидетельством тому является приуроченное к Вашему юбилею публикуемое исследование молодого историка Анастасии Лотаревой, посвященное одному из важных уровней Вашего литературного поприща во всех его многогранных связях. Это рассказ о временах, кажется, не столь давних, но без которых невозможно понять и правильно оценить события дня сегодняшнего и в преемственности исторической реальности сформировать национальные приоритеты будущего.

Дорогой Валерий Николаевич, от всех членов редакции журнала «Родная Ладога», от всех членов редакционного совета и редколлегии нашего издания, от всех наших читателей примите самые добрые пожелания в честь Вашего Юбилея. Мы желаем Вам Божией помощи во всех Ваших благих свершениях, крепкого здоровья, по-прежнему неколебимой воли, новых творческих достижений, уважения и любви родных, близких и всего русского народа.

Редакция журнала «Родная Ладога»

Издательское дело в СССР функционировало на очень высоком уровне. Довольно качественное оборудование, миллионные тиражи, общая дешевизна книг — лишь малая часть того, как можно охарактеризовать эту сферу производства. Но даже на общем фоне издательство «Молодая гвардия», подведомственное ЦК ВЛКСМ, выделялось масштабом своей деятельности. Стоит сказать, что в нем печаталась пятая часть всей печатной продукции СССР. Каждая вторая книжка для детей и юношества в СССР выходила из типографии этого издательства[1].

Издательство «Молодая гвардия» долгое время находилось в авангарде русского национально-патриотического движения. Конечно, это обуславливалось близостью издательства к ЦК ВЛКСМ и аппарату комсомола, возглавляемого С. П. Павловым. Однако не стоит забывать, что «Комсомольская правда», к примеру, также находилась в ведении ЦК ВЛКСМ, однако всегда была настроена либерально, а иногда и напрямую стояла в

[1] «Молодая гвардия»: жизнь замечательного издательства. М., 1997. С. 9.

оппозиции к своему же руководству, за исключением короткого периода пребывания на посту главного редактора В. Н. Ганичева.

Не в последнюю очередь связь издательства с патриотическим движением была обусловлена тем, что на протяжении долгих лет его возглавляли «павловцы», люди с патриотическими убеждениями, которые выстраивали свою деятельность сообразно этим убеждениям.

Н. А. Митрохин называет издательство «ключевым звеном в сращивании "группы Павлова" с этнонационалистическими кругами в Союзе писателей»[1] и относит начало этого альянса к приходу к руководству издательством Ю. С. Мелентьева в 1961 году. Мелентьев занимал этот пост вплоть до 1965 года, в дальнейшем ушел на повышение, долгое время работал министром культуры РСФСР. Карьеру он сделал стремительно, как и многие в комсомоле времен С. П. Павлова. Весной 1961 года перешел на работу в отдел печати ЦК ВЛКСМ из свердловской областной молодежной газеты «На смену». Интересно описание Мелентьевым предыдущего директора и, косвенно, его воззрений: «Помню свое первое появление в "Молодой гвардии" и знакомство с его тогдашним директором Иваном Яковлевичем Васильевым… Обилие книг за спиной на стеллажах… тома Ленина, которые здесь явно были не для солидной представительности, а для дел, поскольку в большинстве томов вижу десятки закладок, в которых хозяин кабинета явно ориентируется. За время нашего разговора он несколько раз подтверждал свои позиции ссылками на ленинские строки»[2].

Ю. С. Мелентьев упоминает, что в тот момент, когда он впервые посетил кабинет директора издательства, последний работал над текстом доклада к очередному съезду комсомола. Этот момент также стоит отметить — издательство, как и иные комсомольские структуры, не просто подчинялось ЦК ВЛКСМ и исполняло его распоряжения, но и полноправно участвовало в работе над ключевыми документами. Как мы помним из главы, касающейся журнала «Молодая гвардия», главный редактор последнего А. В. Никонов принимал активнейшее участие в работе над подобными документами. В дальнейшем работой над «комсомольскими докладами» занимался и сам Ю. С. Мелентьев.

С первых же дней своей работы Ю. С. Мелентьев попал в ситуацию, подобную истории с публикацией поэта Андрея Вознесенского в «Молодой гвардии», за которую В. Н. Ганичев получил от руководства фиктивный выговор. Пожалуй, эта ситуация была даже серьезнее, вряд ли, если бы она разрешилась по-иному, можно было бы отделаться просто выговором: «В первые же дни вышла у меня более чем неувязка. Как директор, я должен был подписывать "в свет" сигнал книги Корнея Ивановича Чуковского о русском языке. На книге стояли уже визы всех, кому положено выпускать ее, включая главного редактора… И тут взгляд упал на веселую, пестрящую разными словами, которые должны были представить звучность и богатство великого русского языка, обложку. Слова набраны тремя разными красками — серой, желтой и черной. Их совмещение давало красивый и интересной рисунок… И вдруг я замечаю, что желтые и серые слова фона

[1] *Митрохин Н. А.* Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М., 2003. С. 258.

[2] *Мелентьев Ю.* Молодогвардейские университеты // Сеятель и воитель: книга памяти Юрия Серафимовича Мелентьева. М., 1998. С. 76.

образуют странные сочетания: к примеру, “безбилетный комсомол”, “угнездились бюрократы”. Еще более неожиданные словосочетания возникали, если читать их не в строку, а в лесенку. Никому не докладывая, я принял решение срочно переделать обложку, а отпечатанную пустить под нож. Так я получил первый удар и первый урок»[1]. В дальнейшем в своих воспоминаниях Мелентьев не делает даже предположений, кому и для чего это понадобилось, равно и не обращается к тому, как проводилось разбирательство, и были ли наказаны виновные. Возвращаясь к этому эпизоду, он упоминает только, что потом вместе с Чуковским «смеялся над ним».

«Молодая гвардия» славилась своей системой работы с авторами. Известны многие отзывы писателей об этом, и, наверное, самой значительной можно считать запись в почетной книге для авторов М. А. Шолохова: «Всегда с радостью бываю у молодых молодогвардейцев! Даже вроде бы и сам молодею…»[2]. Можно привести и аналогичный по настроению отзыв автора военной прозы Е. И. Носова: «Как-то на редсовете в издательстве “Современник” зашла речь о том, как нелегко привлечь хороших авторов. Член редсовета Евгений Иванович Носов посоветовал: “А вы наденьте лапотки да пойдите в «Молодую гвардию», поучитесь, как надо встречать авторов”»[3]. Сам Ю. С. Мелентьев именно работу с авторами ставил во главу угла в своей работе: «В качестве одной из главных своих задач я поставил личное знакомство с возможно большим числом писателей, что называется, первого ряда… А следом за тем они приходили к нам с рукописями… Комсомол был в то время организацией живой, в командировки направлял по разным поводам охотно и часто. А я всегда старался совмещать их с возможными встречами с писателями»[4].

В одной из таких командировок Ю. С. Мелентьев попытался познакомиться с М. А. Шолоховым, однако помешала непогода, до станицы, где жил классик, Мелентьев не смог долететь, остановившись у его друга, также донского писателя патриотического направления В. А. Закруткина. Зато потом, когда Шолохов прилетел в Москву, он сам позвонил Мелентьеву и договорился о встрече с ним, после которой Шолохов стал охотно печататься в «Молодой гвардии»[5], позволив даже пойти на такой шаг, как изменение очень любимых им довоенных иллюстраций к «Тихому Дону».

Вторым знаменитым автором «МГ» был первый космонавт Юрий Гагарин. Известно, что он был дружен с С. П. Павловым[6]. Дочь Гагарина, отвечая на вопрос «Кто вам оказывал поддержку в первое трудное время после смерти отца?», говорила: «В первую очередь, Сергей Павлович Павлов, бывший первый секретарь ЦК комсомола, а потом председатель Спорткомитета СССР, и его жена. Сергея Павловича уже нет, а Евгения

---

[1] *Мелентьев Ю.* Молодогвардейские университеты // Сеятель и воитель: книга памяти Юрия Серафимовича Мелентьева. М., 1998. С. 76.

[2] *Десятерик В.* Почему мне не хочется писать воспоминания… // «Молодая гвардия»: жизнь замечательного издательства. М., 1997. С. 141.

[3] *Яхонтова З.* Кое-что из жизни редакции прозы // «Молодая гвардия»: жизнь… М., 1997. С. 160.

[4] *Мелентьев Ю.* Молодогвардейские университеты // Сеятель и воитель: книга памяти Юрия Серафимовича Мелентьева. М., 1998. С. 78.

[5] Там же.

[6] *Митрохин Н.* Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М., 2003. С. 242.

Михайловна и сейчас ближайшая подруга моей мамы»[1]. Подробно обстоятельства работы «Молодой гвардии» над книжкой Гагарина изложены в воспоминаниях принимавшего в ней непосредственное участие главного редактора издательства и также участника движения В. О. Осипова[2]. В «Молодой гвардии» издавались и книги многих других космонавтов.

Все эти контакты проводились и после того, как Ю. С. Мелентьева сменил Ю. Н. Верченко (директор издательства в 1965–1968 гг.), а затем В. Н. Ганичев (1968–1978). Н. А. Митрохин без сомнений относит Ю. Верченко к русскому движению, однако ни одного свидетельства о том, что это было так, в беседах с участниками движения и в их воспоминаниях нам найти не удалось.

Наиболее влиятельные фигуры для русского движения — М. А. Шолохов и Ю. А. Гагарин — объединились во время поездки последнего, Ю. С. Мелентьева и С. П. Павлова к Шолохову, в Вешенскую, в июне 1967 года. Об этой поездке и о том, что писатель и космонавт расстались довольные друг другом, написан обстоятельный очерк Ф. Чуевым. Свое же знакомство с Гагариным, которое, что интересно, произошло на вручении (1 февраля 1967 года) премии Ленинского комсомола писателю патриотического направления В. Чивилихину, Чуев описывает таким образом: «И вот вхожу я в комнату и вижу: живой Гагарин, при всех регалиях сидит за столом. Когда меня ему представили, он как-то очень просто сказал: “Я тебя знаю. Тебя очень любит Леша Леонов. Как-то вечером он пришел ко мне с твоей книжкой стихов, и мы долго читали…”»[3].

Среди иных влиятельных фигур в патриотическом лагере, сотрудничавших с издательством «Молодая гвардия», можно назвать С. Т. Коненкова, И. Х. Баграмяна, Г. Т. Берегового, С. Ф. Бондарчука, В. М. Шукшина и многих других. Особое место в этом ряду занимал писатель Леонид Леонов, поддерживающий долгие и тесные связи с издательством. Особенно тесным это сотрудничество было во время руководства издательством В. Десятерика (1978–1985), сменившего В. Ганичева. Н. А. Митрохин характеризует это так: «В. Десятерик находился под полным влиянием активного русского националиста писателя Л. Леонова и, согласно воспоминаниям, отчитывался ему о делах издательства, когда тот звонил. А звонил Леонов часто»[4].

Перечислить же более молодых писателей, изданных в издательстве и поддерживающих с ним хорошие отношения, не представляется возможным, слишком много места это бы заняло. Нам кажется особенно важным отметить такие имена, как В. Солоухин, М. Алексеев, издания первых книг, а затем и многотомников В. Распутина и В. Белова и вообще поддержку «почвеннического направления» в литературе. По свидетельствам работавших в издательстве в те годы, публиковать их было непросто, и на определенном этапе встречалось сопротивление. Что касается многотомников,

---

[1] Что папа делал в космосе? Интервью с Е. Гагариной // Трибуна. 2001. 13 апреля.

[2] *Осипов В.* Вектор обновления // «Молодая гвардия»: жизнь замечательного издательства. М., 1997. С. 149.

[3] *Чуев Ф.* О Гагарине // «Молодая гвардия»: жизнь замечательного издательства. М., 1997. С. 60.

[4] *Митрохин Н. А.* Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М., 2003. С. 268.

В. Н. Ганичев рассказывает: «Я выпросил право издавать собрания сочинений современным молодым писателям и первым издал 6-томное собрание сочинений Ю. Бондарева, М. Алексеева, В. Федорова, А. Иванова, В. Распутина, И. Стаднюка, В. Фирсова»[1].

Публиковались и авторы другого направления — например, Е. Евтушенко, А. Вознесенский и многие другие шестидесятники. Во многом это делалось для того, чтобы «разбавить» поток патриотической литературы и не вызвать нареканий «сверху». Г. М. Гусев в интервью Н. А. Митрохину высказывает версию, что «публикации эти были пролоббированы “антипавловской” фракцией в руководстве ЦК ВЛКСМ — и в первую очередь Б. Д. Панкиным, который стремился противопоставить “павловским” выдвиженцам в литературе (например, поэту В. Фирсову) наиболее популярных “западников”»[2].

В. Н. Ганичев подчеркивает особенное значение для патриотического дела нескольких отделов (редакций): редакция пропаганды издательства, редакция комсомольской литературы и редакция военно-спортивной литературы. Последняя была «голосом» набирающейся сил системы военно-патриотического воспитания, проводимой комсомолом. Заведующим редакцией был В. Таборко, кстати, участник подготовки выпуска книг космонавтов. Вся литература, посвященная походам по местам боевой, трудовой и революционной славы, выпускалась этой редакцией. Тут же была выпущена фундаментальная книга в 50 авторских листов, посвященная истории Великой Отечественной войны для подростков. Предисловие к этой книге было написано маршалами А. М. Василевским и И. Х. Баграмяном. Отчасти в этой редакции занимались книгами о пионерах-героях и комсомольцах-героях, но в первую очередь над этими сериями работала уже редакция комсомольской литературы. Также огромными тиражами издавались книги сочувствующего движению А. Митяева «Книга будущих командиров» и «Книга будущих адмиралов»[3]. Стоит сказать, что эти книги неоднократно переиздавались в постсоветское время.

В редакции пропаганды было около 25 человек. Она выезжала вместе с поэтами и писателями в разные города на территории Советского Союза. В списке посещенных мест — Чукотка, Таймыр, Камчатка, Запорожье, Мурманск, Донбасс, Кузбасс и многие другие. «Это был прекрасный канал рассказа о наших интересных книгах. Денег на это ни ЦК ВЛКСМ, ни “Молодая гвардия” не жалели. Полем битвы был отдел фантастики, возглавляемый Ю. Медведевым. Он попытался выпустить библиотеку истории русской фантастики в десяти томах, и это, конечно, вызвало очень бурную реакцию у фантастов-монополистов. Затем была известная история с романом Ефремова и с запиской фантастов в ЦК»[4].

Активно работала редакция по работе с молодыми — проводились различные многочисленные семинары и фестивали. Возглавлял отдел поэт Г. Серебряков, один из активнейших участников русского движения: «Вме-

---

[1] Запись беседы автора с В. Н. Ганичевым, 12.12.2004 // Личный архив автора.

[2] *Митрохин Н. А.* Русская партия. Движение русских националистов в СССР 1953–1985 годы. М., 2003. С. 258.

[3] Совокупный тираж переизданий этих книг до 1985 года составляет более 1 200 000 экз.

[4] Запись беседы автора с В. Н. Ганичевым, 12.12.2004 // Личный архив автора.

сте с заведующим редакцией поэзии поэтом Вадимом Кузнецовым и главным редактором альманаха "Поэзия" фронтовиком Николаем Старшиновым выводили и воспитывали молодую плеяду патриотических поэтов»[1]. Один из участников движения, яркий и талантливый писатель и публицист, тогда относящийся как раз к «молодым писателям» Петр Паламарчук, вспоминает: «Только в "Молодой гвардии", да еще в "Современнике" у Ларисы Барановой-Гонченко, были эти редакции "по борьбе с молодыми — и сколько они вывели в свет! Хрен с ней, с идеологией, мы о ней еще заведем речь, но русского в ступе не утолчешь — мы благодаря именно им выжили»[2].

Власти всегда внимательно контролировали деятельность издательств, а уж такое большое и значимое издательство, как «Молодая гвардия», естественно, находилось под пристальным контролем надзирателей из ЦК партии. С этим связаны проблемы с выпуском определенных авторов и определенных книг. Зинаида Коновалова вспоминает работу с повестью В. Г. Распутина «Прощание с Матерой»: «Познакомились мы с Валентином Григорьевичем на читинском семинаре молодых писателей… По итогам читинского и кемеровского семинаров мы выпустили сборник рассказов участников, куда вошли и два первых рассказа Валентина, а с ним договорились, что повесть, над которой он работает, по окончании сразу пришлет нам. Но вот "Матера… Повесть была опубликована в журнале и вокруг нее закипели страсти. Мы уже стали терять надежду, что нам разрешат выпустить ее в книге. Не верил в это и Валентин Григорьевич. В одном из писем он сетует: "Я пишу «в книге», а уверенности в том, что «Матера» будет в книге, чего-то у меня уже нет. Но даже и в том, что она доехала до этого положения, я должен быть очень и очень вашему издательству, а вернее, редакции вашей и В. Н. (Ганичеву. — *А. З.*) благодарен"»[3]. Было написано множество объяснений, Ганичев объездил множество инстанций, была проведена ювелирная работа над журнальным вариантом повести. В конце концов, эти старания увенчались успехом, и эта повесть все-таки была напечатана без особых изменений и сокращений.

Довольно серьезное нарекание вызвал поэтический сборник «О, русская земля»: «В газете "Советская Россия" публикуется письмо академика Д. С. Лихачева и ряда докторов наук с резкой критикой книги "О, русская земля" и стихотворения Н. М. Языкова "К ненашим". Это был сигнал, ибо близость Лихачева к правящим кругам была известна. Издательство и его работу обсуждали на бюро ЦК ВЛКСМ. Против него резко выступил главный редактор «Комсомольской правды» Б. Д. Панкин, однако большинство (В. Николаев — секретарь Ленинградского ОК, О. Зинченко — помощник по комсомолу Главпура, Г. Янаев — председатель КМО, В. Житинев — секретарь ЦК ВЛКСМ и др.) высказались в поддержку линии издательства. Гром грянул в ноябре 1972 года. И. о. зав. отделом пропаганды ЦК КПСС А. Н. Яковлев в ноябре выступил на совещании первых секретарей ЦК республик и обкомов комсомола с резкой критикой книг, изданных в МГ»[4].

---

[1] Запись беседы автора с В. Н. Ганичевым, 12.12.2004 // Личный архив автора.

[2] *Паламарчук П.* Старая «Молодая гвардия» // «Молодая гвардия»: жизнь замечательного издательства. М., 1997. С. 157.

[3] *Коновалова З.* Моя редакторская судьба сложилась удачно // «Молодая гвардия»: жизнь замечательного издательства. М., 1997. С. 167.

[4] Запись беседы автора с В. Н. Ганичевым, 12.12.2004 // Личный архив автора.

Как мы знаем, за этим выступлением последовала знаменитая статья «Против антиисторизма», и претензии, которые высказывались к сборнику и издательству, были предвестниками того критического разбора, который последовал немногим позже.

В «МГ» вышла и опальная книжка комсомольского работника А. С. Ципко «Азбука нравственности», вызвавшая, по деликатному замечанию Адель Алексеевой, «приток писем в редакцию» и чуть не стоившая автору карьеры, да и вообще членства в партии[1].

Приведенные примеры наиболее показательны. Разбирательств было много, практически по каждой книге «патриотического» направления возникали вопросы и претензии, которые надо было решать, порой на очень высоком уровне. Тем не менее, большинство представителей почвеннической литературы, равно как и писатели патриотического и публицистического направления, получили по одной, а во многих случаях и по несколько книг, изданных в издательстве «Молодая гвардия», способствовавших «русификации» общественного сознания.

Отдельно стоит сказать о всемирно известной серии «Жизнь замечательных людей», редакцию которой возглавил С. Н. Семанов. Участник многих комсомольских патриотических инициатив, он и на новом посту придерживался тех же принципов. Серия «ЖЗЛ» ведет свою историю с короткой биографической справочной серии, задуманной Ф. Ф. Павленковым, затем ею занимался А. М. Горький, который еще в 1936 году «писал тогдашнему генеральному секретарю ЦК ВЛКСМ А. В. Косареву и предлагал взять серию “Жизнь замечательных людей” под наблюдение комсомола»[2]. Передача серии в ведение комсомола все-таки произошла двумя годами позже. Серия, выходившая во время Великой Отечественной войны под названием «Великие русские люди», стала выходить в послевоенные годы как серия «Пламенные революционеры»: «Серия была — сплошной коммунизм и интернационал. Забавно, но в редакции работали все те, кто впоследствии сделали себе капитал на ругани в адрес Советской власти — Аксенов, Окуджава и многие еще “либералы”»[3].

Сам С. Н. Семанов про свою работу в этой редакции пишет так: «Издания серии в лучших своих образцах носили не только просветительский, познавательный характер. Уже с 60-х годов, с начала острой, хотя и прикрытой по цензурным обстоятельствам идеологической борьбы в стране, произведения некоторых авторов “ЖЗЛ” вызывали порой повышенный читательский интересе… Назовем тут лишь один пример: книги Ю. Лощица о Гончарове (1977) и М. Лобанова о драматурге Островском (1979). Обе они вызвали не только острую полемику в печати, но и возмущенные действия со стороны тогдашних руководящих идеологических органов»[4].

Направленность серии, которая резко поменялась, не могла не привлечь самых разнообразных критиков, начиная от деятелей либерального лагеря

---

[1] Подробнее эта ситуация описана в главе, посвященной реформированию системы политического просвещения.

[2] *Семанов С.* Самая замечательная на свете // «Молодая гвардия»: жизнь замечательного издательства. М., 1997. С. 198.

[3] Запись беседы автора с В. Н. Ганичевым, 12.12.2004 // Личный архив автора.

[4] *Семанов С.* Самая замечательная на свете // «Молодая гвардия»: жизнь замечательного издательства. М., 1997. С. 200.

до цензоров во властных структурах, серия выходила большим тиражом (средний тираж был около 100 тысяч экземпляров, а зачастую и выше) и была очень популярна.

Есть содержательный очерк Ю. Лощица, в котором он вспоминает обстоятельства появления в «ЖЗЛ» книги участника движения Юрия Селезнева о Достоевском: «Совсем недавно один восхищенный ценитель книги Селезнева… спросил меня:

— Но как все-таки удалось ее в таком виде выпустить — тогда? При тогдашней атеистической цензуре? Впечатление такое, что Юрий Александрович тут сказал все, что хотел. И совершенно открыто сказал, без оглядки. Много было вырезано из книги?

— Ничего. Ни слова.

— В это практически невозможно поверить.

— И все-таки, это было так»[1].

После С. Н. Семанова, заведовавшего редакцией с 1965 по 1975 год, ее возглавил Ю. А. Селезнев, остававшийся на этом посту до 1981 года.

Подводя итоги, следует сказать, что мы считаем выводы в литературе относительно издательства вполне адекватными: «Таким образом, и в конце 1960-х, и в 1970-е годы издательство “Молодая гвардия” в целом сохраняло линию поддержки движения русских националистов, хотя и не все редакции издательства полностью поддерживали ее»[2]. Во многом это было обусловлено личной позицией людей, на протяжении долгих лет возглавлявших издательство. Практически все они в большей или меньшей степени придерживались патриотических взглядов. ЦК ВЛКСМ также активно работал вместе с издательством, особенно в «павловский» период. «Молодая гвардия» была трибуной для комсомола тех лет и трибуной с очень широким охватом. Безусловно, в конце 1960-х и начале 1970-х произошло переориентирование крупнейшего издательства на патриотические позиции, которые отстаивались и в дальнейшем.

---

[1] *Лощиц Ю.* Книга, ставшая судьбой // «Молодая гвардия»: жизнь замечательного издательства. М., 1997. С. 126.

[2] *Митрохин Н. А.* Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М., 2003. С. 267.



ПОЭЗИЯ



Леонид ИВАШОВ

«ОФИЦЕРЫ РОССИИ, ВЫ — НАДЕЖДА СТРАНЫ»

Леонид Григорьевич Ивашов — родился в 1943 году в Киргизии. В 1964 году окончил Ташкентское высшее общевойсковое командное училище, в 1974 году — Военную академию им. М. В. Фрунзе. С должности заместителя командира мотострелкового полка был назначен помощником министра обороны СССР. В первой половине 1990-х годов стоял у руля Совета министров обороны государств-участников СНГ. А потом было несколько лет насыщенной работы в качестве главного военного дипломата. Избран вице-президентом Академии геополитических проблем, доктор исторических наук, профессор. Автор нескольких книг по геополитике и международным отношениям. Генерал-полковник. **Живет в Москве.**

Армия — древнейшая опора русской государственности. Святые русские князья и былинные витязи были первыми представителями офицерского корпуса, славнейшими и наиболее почитаемыми людьми Земли Русской, которой на протяжении всей истории приходилось и до сего дня приходится вести непрекращающуюся борьбу за свою независимость. Цари-воины — Александр Невский, Дмитрий Донской, Петр Великий, славные героические представители русского дворянства и аристократии Суворов, Кутузов, Багратион и многие другие — по сей день остаются общенациональными символами России, примерами героического служения, которое всегда основывалось на высочайшей духовности и любви к ближнему. А заповедная добродетель, что нет на свете большей любви, чем «душу свою положить за други своя» — не пустые слова, но основа тысячелетнего бытия нашей армии.

В нынешние времена Россия тоже воюет. Сегодня над нами не гудят вражьи самолеты, не рвутся бомбы, но война идет. Жестокая, немилосердная, пока идеологическая, но готовая перейти в наступательную, война против России и ее народа, против наших исконных союзников. Русской армии отдыхать не приходится. И сегодня, в новых условиях ведения войны, она побеждает. Потому что есть у нее верные и умелые солдаты и командиры, руководствующиеся понятиями верности и чести. Генерал-полковник Леонид Григорьевич Ивашов один из таких наших героических современников. Богат его послужной список, включающий службу в центральном аппарате МО СССР, где он работал вместе с легендарным маршалом Д. Ф. Устиновым, службу в ранге секретаря Совета

министров обороны государств СНГ, в должности начальника Главного Управления международного военного сотрудничества Министерства обороны. Известно его участие в приштинских событиях и неколебимая позиция по Косово, когда генерал-полковник Л. Г. Ивашов жестко и принципиально на мировой арене отстаивал национальные интересы России, активно выступал против военного решения политических проблем и за усиление роли ООН. И сегодня, возглавляя Академию геополитических проблем, проводя аналитические исследования вопросов внешней и внутренней политики, Леонид Григорьевич остается в боевом строю. Потому что знает, что реальная политическая информация является составляющей национальной безопасности.

Приведенных биографических сведений, конечно же, недостаточно для того, чтобы составить полное представление о славной личности человека, который при жизни вошел в историю нашего Отечества. И даже добавление героических фактов биографии, которые множеством вех отмечают жизненный путь легендарного генерала Леонида Ивашова, не раскроет личность в той степени, которая достигается при знакомстве с его поэзией. В честь 70-летия Леонида Григорьевича Ивашова мы представляем его на страницах нашего журнала как поэта. Неоднократно печатались аналитические статьи генерал-полковника, всегда вызывавшие первостепенный интерес наших читателей. Его поэзия свидетельствует о том, что офицер Леонид Ивашов не на жизнь, а на смерть стоит на защите России, защищая человеческое достоинство, исконные национальные устои, доблесть и честь, любовь и веру.

Дорогой Леонид Григорьевич, поздравляем Вас с Юбилеем. Желаем Вам доброго здоровья на долгие-долгие годы. Вы нужны России, врагов у которой не уменьшается. Желаем Вам творческих успехов, новых книг и новых читателей-единомышленников. Очень бы хотелось, чтобы Вы были для современников, особенно для современной молодежи, примером служения, чтобы получили всенародное признание, являющееся показателем единения нации на основе боевого духа, терпимости, выносливости, ратного братства. Приносим Вам искренне наши неиссякаемые уважение и любовь.

Редакция журнала «Родная Ладога»

* * *

Не помню детства первый стих,
Во мне лишь все мечтой дышало.
Над сверстниками лет моих
Ничто меня не возвышало.

О, как была ты хороша,
Пора беспечно босоногая,
Формировалась и душа,
И жизни строилась дорога.

Я проторенным шел путем,
Внимал словам и перезвонам.
Не уступал другим ни в чем.
И с гордостью надел погоны.

И колесницы Божий дар
Ко мне, увы, стремглав не мчался.
Судьбы ужасный снес удар.
Не сник, не спился, не сломался.

Погоны святы для меня.
В них — лира, доблесть, честь и слава,
И Петр, вздыбивший коня,
И величавая Держава.

Поклялся верно ей служить,
Как лучшие из той плеяды,
Кому за други положить
Главу — есть высшая награда.

ВСТАВАЙ, РОССИЯ!

Судьба твоя сурова и горда,
Но почему тускнеет цвет знамен?
В тумане — путеводная звезда,
И может оборваться связь времен.

Припев:
Сомненья прочь и униженья плен.
Пока рассвета не погасли свечи,
Вставай, Россия-Мать, вставай с колен
И расправляй натруженные плечи!

Уж так бывало на Руси не раз —
Полет высокий прерывался птичий,
Звучал набатом колокольный глас,
И восставала ты во всем величье.

Припев:
Сомненья прочь и униженья плен.
Пока рассвета не погасли свечи,
Вставай, Россия-Мать, вставай с колен
И расправляй натруженные плечи!

Сосредоточься, Русь и, не скорбя,
Преодолей нелегкие мгновенья.
Взирает мир с надеждой на тебя,
И вновь набат взывает к единенью.

Припев:
Сомненья прочь и униженья плен.
Пока рассвета не погасли свечи,
Вставай, Россия-Мать, вставай с колен
И расправляй натруженные плечи!

* * *

Не верьте в безумство стихии,
Нам разума, русским, достанет.
Хоронить не спешите Россию!
Она еще духом воспрянет.

Сегодня страна в сомненьи,
Как витязь у камня судьбы,
Прижата скалой униженья
И верует в силу мольбы.

Но близится бури праздник.
Расправивши плечи, встает
В казачьих степях Стенька Разин,
И Петр в Сибири растет.

Урал кует меч Державы,
В Москву Ломоносов бредет,
И Жуков — наследник славы
Приказа на битву ждет.

ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ КУПОЛА

Стали сестры нежней и красивей,
Когда каждая в косы вплела —
Беларусь, Украина, Россия,
Православных церквей купола.

В них небес благодатная сила
И тревожная, тихая грусть.
Три славянских народа сплотила
Православная светлая Русь.

Вместе радость и горе встречали,
И грядущего строили храм,
Разудалые песни звучали
От Непрядвы до хвылей Днепра.

Если слышались грома раскаты,
И к защите Земля-Мать звала,
Колокольным взрывались набатом
Православных церквей купола.

Возрождали величье и славу,
Да сожженные хаты дотла.
И могучую духом Державу
Освящали церквей купола.

Но опутала темная сила,
По углам трех сестер развела —
Беларусь, Украину, Россию…
И в надежде грустят купола.

* * *

Абхазия! Я потупляю взор
Перед жестокостью снарядного металла,
Домов разрушенных глазницы, как укор,
Бесчеловечности звериного оскала.

Одарена ты сказочной красой:
Природою расписанные склоны,
И пальмы стройные морской окроплены росой,
И купола священного Афона.

Стремятся горы струями воды
К морскому берегу услышать шум прибоя,
И щедрой спелостью налитые сады
Листвой зеленою судачат меж собою.

Солдатским сердцем не могу понять,
Какую нужно грань переступить или черту,
Чтобы с усмешкой злобной расстрелять
Божественную эту красоту.

Абхазия! Я мужеством пленен
И благородством твоего народа,
Пусть неподвластны будут тлению времен
Любовь к России, разум и свобода.

ОФИЦЕРЫ СОДРУЖЕСТВА

Разбросала судьба, разделили
столбы пограничные
Нас, сидевших недавно
в окопах одних,
И кладем мы в карман
паспорта заграничные,
Сквозь таможню идем,
навещая друзей боевых.

Мы служили в стране,
что была нашей общею Родиной,
И крепили ее, и хранили
в сердцах святость уз.
Много трудных дорог
по шершавой земле было пройдено,
И земля величаво звалась —
наш Советский Союз!
Где теперь та страна, что учила
нас мужеству,
И любили которую мы горячо?
А теперь нас зовут —
офицеры Содружества,
И не можем друг друга
прикрыть и подставить плечо.
А за эту страну, проявляя
великое мужество,
Полегли всех веков
миллионы солдат.
И сегодня они на судьбу всех
народов Содружества
Из могил своих братских
с надеждой глядят.
Пусть другие с ухмылкой
твердят про процессы логичные,
Эта логика жизни совсем
не про нас.
Нам бы сжечь паспорта и
разрушить столбы пограничные,
И в едином строю встретить
звездный свой час!
Будем жить мы в стране,
что учила нас мужеству,
И любить будем так же ее горячо.
И пускай нас зовут —
офицеры Содружества,
Мы друг друга прикроем
всегда и подставим плечо!

* * *

Я в далеком, победном погиб сорок пятом.
Вечный сон мой небесной объят тишиной.
И лежат со мной в братской могиле ребята,
Породнила судьба, опалив нас войной.

А вокруг жизнь кипит, залечившая раны.
Кто-то в жизнь воплощает мои фронтовые мечты.
Но все реже приходят друзья-ветераны
И скромней с каждым годом к могилам приносят цветы.

Из родных деревень беспокойные вести,
Пролетая, курлычат в ночи журавли,
Что распалась страна, и теперь мы не вместе,
Иностранцы: Микола, Зураб, Шерали.

Что случилось, вы нам объясните, живые.
Мы в атаки ходили в едином строю,
Под шинелью носили мечты вековые:
Отстоять пядь земли иль погибнуть в бою.

Опьянил сыновей ли дурманящий запах,
Иль в ручьи превратился могучий поток,
Кто-то вдруг устремился на призрачный Запад,
Чтоб оттуда смотреть сквозь прицел на Восток.

В том далеком, победном году сорок пятом
Позабыли, кто русский, узбек иль казах,
Называли всех просто советским солдатом,
И планета носила его на руках.

А вокруг жизнь кипит, залечившая раны.
Кто-то в жизнь воплощает мои фронтовые мечты,
Но все реже приходят друзья-ветераны
И скромней с каждым годом к могилам приносят цветы.

ВЫ СНОВА, ПОРУЧИК, РОССИИ НУЖНЫ

Тревожное утро встает над столицей,
У Белого дома команды слышны.
Из прошлого встаньте, поручик Голицын,
Вы снова, поручик, России нужны.

Бледны дорогие, знакомые лица,
Рассвет предвещает кровавый исход.
Вы будете с нами, поручик Голицын,
Здесь — честные люди, здесь русский народ.

По Белому дому бьют мощные танки,
Расчет хладнокровен, и точен прицел.
А в танках сидят не французы, не янки,
Россию предавший сидит офицер.

Еще одной драмы закрыта страница,
Парламент российский потоплен в крови.
Ах, как это подло, поручик Голицын,
Стреляя в народ, ему клясться в любви.

Расстреляна честь, и утрачена вера,
В глазах молчаливый суровый укор.
Вам стыдно, поручик, за тех офицеров,
Что в русский парламент стреляли в упор.

От пролитой крови земля стала алой,
Но в этом, поручик, не наша вина.
За память погибших поднимем бокалы
И молча, со скорбью осушим до дна.

РЕКВИЕМ ШЕСТОЙ ДЕСАНТНОЙ РОТЕ

Земля полыхала под нами, как ад,
Мы знали — недолго протянем.
Тогда попросили: «Товарищ комбат,
Огонь на себя вызывайте, батяня!»

Мы не играли с жизнью и судьбой,
От скверны просто землю очищали.
И сами выбрали последний бой,
А вам хранить Россию завещали.

Дрались отчаянно, однажды присягнув.
Ведь имя нам — «крылатая пехота».
Ушла, звездою яркою сверкнув,
В созвездье мужества шестая рота.

Простите нас, родные и друзья,
Простите все, кто о погибших плачет.
Сегодня юным умирать нельзя,
Но поступить мы не могли иначе.

И оглашая скорбью тишь полей,
Оставив нам, живущим, все заботы,
Поднялась в небо клином журавлей
Десантного полка шестая рота.

Скорбит земля, и матери скорбят.
Запомним всех ушедших поименно.
Пред подвигом десантников-ребят,
Россия, приспусти свои знамена.

Простите их, родные и друзья,
Простите все, кто о погибших плачет.
Сегодня юным умирать нельзя,
Ребята просто не могли иначе.

СУВОРОВА НА СКАЛАХ СЛЕД

200-летию перехода чудо-богатырями
А. В. Суворова швейцарских Альп посвящается

На Сен-Готард издалека
Принес венец он ратной славы,
И дерзость русского штыка,
И дух мятежно величавый.

И эта слава двести лет
Не увядает и не чахнет.
Суворова на скалах след,
В швейцарских Альпах Русью пахнет.

Сей подвиг небом освящен,
Не знает мир других примеров.
Швейцария! Земной поклон
Тебе от русских офицеров.

ОФИЦЕРЫ РОССИИ

Офицерское братство, офицерская честь
Святы в армии русской были, будут и есть.
На крутых переломах, в лихолетье войны,
Офицеры России, вы — надежда страны.

Вы — от витязей русских, от питомцев Петра.
Нет, не канула в вечность славы русской пора.
Этой славе великой и присяге верны
Офицеры России, честь и гордость страны.

Не изгладятся память, боль минувших утрат,
О погибших в сраженьях обелиски скорбят.
В скромных братских могилах спят России сыны,
В эполетах, в погонах дремлет совесть страны.

Медь оркестра и знамя вновь волнуют сердца
Генерала седого, лейтенанта-юнца.
Только жаждут не боя, а для всех тишины
Офицеры России, боль и слава страны.

ПОЭЗИЯ



Юрий ПЕРМИНОВ

«НЕБЕСНЫЙ СВЕТ ПУЛЬСИРОВАЛ В ЧЕРЕШНЕ…»

Юрий Петрович Перминов — родился в 1961 году в Омске. Окончил филфак ОмГПИ им. А. М. Горького. Член СП РФ. Автор многих книг и журнальных публикаций («Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Подъем», «Родная Ладога» и др.), лауреат нескольких Всероссийских литературных премий (им. Р. Гамзатова, В. Шишкова и др.). Главный редактор историко-культурологического литературно-художественного альманаха «Тобольск и вся Сибирь». Редактор и составитель двухтомной Антологии сибирской поэзии «Слово о Матери». **Живет в Омске.**

* * *

…И город — замер.
Тихой не была
ночь нынешняя, полная тепла…

И так бывает — город спит, хотя
наполнен всклень
земными голосами…

…И город —
замер вместе с небесами,
когда в ночи заплакало дитя.

* * *

Понять пока не в силах:
быть грозе ли
в начале мая, или сухоте…

Пьют бедолаги сумрачное зелье —
по кругу, по стопарику. А те,
что завязали, сшиблись в разговоре
про «шайбу-шайбу»,
курят дяди зло…

Зато грустит ворона на заборе —
загадочная, словно НЛО…

Шумят в беседке чахлой ребятишки:
похоже, не поверили стишку
А. Л. Барто, по-моему,
и мишке
не лапу оторвали, а башку.

Ах, гражданин в погонах,
не косись ты
на них! — Скажи, башку
приделать — как?

Облюбовала двор наш неказистый
печальная компания собак,
хотя и ветру негде развернуться…

А женщина —
храни, Господь, ее! —
удерживает мир от безрассудства,
развешивая детское белье.

ИСТОРИЯ ПРО НОСКИ

От тоски, от холода ли ныне
в сердце — словно стылая вода…

Побывал на рынке, в магазине,
а забрел — Бог ведает, куда:
не слышны ни карканье, ни крики;
пересуды — слышатся едва…
На капоте старенькой бибики —
скорбная свиная голова.
Дряхлый пес вылизывает крошку
костяную…
Божьих птичек рать —
гоношится…
Ведрами картошку
тетеньки пытаются продать.

Вот со мной история какая
происходит: с холода-тоски —
согреваю сердце, покупая
у бабуси теплые носки.

* * *

Помстилось мне: людей в округе нет,
есть — толпы, человеческие массы.
Сомкнулся мир настолько, что рассвет
встает из-за ближайшей теплотрассы,
где чутко, без мобилы и гроша,
укрывшись несминаемой рогожей,
спит Вечный Бомж, настойчиво дыша,
ни на кого на свете не похожий.

* * *

Так и жил бы до смерти, как нынче, — дыша
миром наших окраин, когда надо мною —
как Всевышнего длань — небосвод…
С Иртыша
сквозняки наплывают — волна за волною.

Незабытым, несуетным прошлым богат
мир окраин моих, словно вечным — планета…
Одинокая память родительский сад
опахнула неслышимой бабочкой света,
и вернула меня — на мгновение лишь! —
в мир окраин страны без вражды и лукавства,
но напомнив о том, что бессмертный Иртыш
двадцать лет из другого течет государства,
и века — из того, где в далеком году
свет мой — бабушка деду «Соловушку» пела,
родилась моя мама,
а с яблонь в саду
навсегда в сорок первом листва облетела…

* * *

В году, уходящем за сферы небесного льда,
где бывшее время сквозь космос безмолвно струится,
где свет возрастает горчичным зерном,
навсегда
остался мой сын…
«Ни единая малая птица

не будет забыта…»[1], дарована вечность и вам,
утраты земные…
Как мало погрелся от солнца
отцовской любви безоглядный мой мальчик Иван,
мой сын, не познавший нелегкого счастья отцовства!..

Поверил бы в то, что написано так на роду,
и в неотвратимость внезапных, как взрыв, расставаний,
когда б не лежали на кладбище в каждом ряду
такие же дети,
такие же русские Вани…

* * *

Нынче нет ни сырости, ни злого
ветра… Веет солнышком с небес…

Нынче осень — медленная, словно
бабушка, идущая в собес.

Видно, как бабусе хорошо под
теплым небом — радостно! Увы,
с каждым днем — все горше ясный шепот
медленно желтеющей листвы…

* * *

Ни желания нет по швейцариям ездить, ни визы;
для поездок других берегу драгоценные дни,
а пока из окна
наблюдаю, как строят киргизы
(утверждать не берусь, но, быть может, узбеки они)
иноземно большой — для поселка извечного — терем…

Здесь — картоха растет (ничего, что она — не моя),
здесь, как мама поет, «цвіте» терпкий окраинный терен…
Словно корни пустил, каждый тутошний столб для белья,
даже местный алкаш спился здесь как борец за идею…
Но любая мечта — пусть о самом земном — высока,
потому и живу здесь, имея все то, что имею,
благодарно держась за бесхитростный титул «совка».

Наше дело не в том, чтобы знать времена или сроки[2],
потому не избыть и «совковую» правду мою,
но… работа кипит на чужой нам беспамятной стройке
и растет зиккурат в нашем тихом равнинном краю,
путеводный клубок истончился, в потемках утерян

[1] Лк. 12:6.
[2] Деян. 1:7.

прежних лет окоем, вот и новый возник, да не тот,
что вчера… Но пока — «цвіте» мамин окраинный терен…

В Средней Азии, кстати, похожий терновник цветет…

* * *

Я так непринужденно не сумею —
куда мне…
Из бумажного кулька
черешню ела женщина — за нею
с восторгом наблюдали облака.

Небесный свет пульсировал
в черешне,
а время соком ягодным текло,
и ничего из горестей вчерашних
произрасти сегодня не могло.

* * *

С утра легко втекает в сердце горнее
свечение — быть может, потому
что я живу
в родном и тихом городе,
где смерть свою нежданную приму,
где ем свой хлеб, где ветер высоко мою
взметнул судьбу, а выше — не дано…
Где женщину, пока что незнакомую,
мне полюбить навеки суждено.

* * *

Снег апрельский — остатний — темнее свинца,
тают в небе охлопки тумана…
Мама сердцем больным вспоминает отца —
незабвенного деда Ивана.

К маю время земное плывет,
вековo
серебрятся небесные стяги…

Дед погиб в сорок первом году — за него
расписались браты на рейхстаге.

Вместе с ними — тогда и сейчас! — ни на миг
нас, в беспамятстве нашем, не бросив,
Михаил — их небесный Архистратиг,
и земной полководец — Иосиф.

…День Победы встречает большая страна
(как сердечная рана — большая).
С горних высей родные звучат имена,
нас, живущих, к Любви воскрешая.

* * *

Земле и жизни — даже через тыщу
холодных лет
не стану неродным:
хорошие, плохие ли — отыщут
всегда о них известия…

Давным-
давно хороших не было известий,
но к жизни проявляю интерес:
тепло ли ночью выводкам созвездий
в таком огромном птичнике небес?



Людмила ВЕРБИЦКАЯ

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ[1]

Людмила Алексеевна Вербицкая — родилась в Ленинграде. В 1958 году окончила с отличием филологический факультет ЛГУ по специальности «Русский язык и литература». Доктор филологических наук, ректор СПбГУ (1994—2008). Президент СПбГУ с 2008 года. Участвует в работе Совета по русскому языку при Правительстве России. В 1999 году была избрана президентом Российского общества преподавателей русского языка и литературы. Вице-президент Комиссии ЮНЕСКО по вопросам образования женщин, советник Губернатора Санкт-Петербурга по образованию, науке и СМИ. Почетный гражданин Санкт-Петербурга. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Глубокоуважаемые участники VI Общественно-педагогического форума «Просвещение в России: традиции и вызовы нового времени»!

Шестой год подряд мы собираемся с вами в этом зале для того, чтобы обсудить самые важные для современной России проблемы — проблемы просвещения, образования, воспитания, культуры. И мы по-прежнему надеемся на то, что наши рекомендации будут услышаны теми, в чей адрес они направлены: Президентом, Председателем Правительства, министрами, депутатами Государственной Думы и многими другими нашими соотечественниками.

Я абсолютно уверена в том, что нельзя сначала решить вопросы экономики, модернизации, инноваций, а затем взяться за образование и культуру, потому что образование, культура — важнее. Мне представляется, что культура, просвещение охватывают и программируют все стороны нашей жизни, отражаются в наших действиях, в оценках, поступках людей, в телевизионных программах и, конечно, в языке граждан нашего отечества.

Именно о современном состоянии языка я и хочу поговорить сегодня.

Мы не можем не замечать, что на наших глазах скудеет наш прекрасный, удивительно богатый, яркий, образный русский язык. Безграмотность, бедный словарь, отсутствие логики, грубость, ненормативная лексика, примитивная аргументация — вот черты современной русской речи.

---

[1] Выступление на VI Общественно-педагогическом форуме «Просвещение в России: традиции и вызовы нового времени», 12 апреля 2013 года. Публикуется по согласованию с автором выступления.

Язык — это форма существования сознания, и преобладание примитивного, агрессивного, грубого языка говорит о соответствующем состоянии сознания нации. «Обращаться с языком кое-как — значит мыслить кое-как: неточно, приблизительно, неверно» (А. Н. Толстой. Полное собрание сочинений в 15 т. М., 1947–1951. Т. 12. С. 357). Единственный способ справиться с этими проблемами состоит в изменении отношения к языку, в нахождении способа выработать в людях способность пользоваться богатым, красивым языком, тем самым подняв на другой уровень и их сознание.

Все разговоры о нравственности, толерантности, воспитании остаются пустыми словами до тех пор, пока люди слышат и используют тот язык, который в наши дни стал основной формой общения. Когда говорят о нормативной речи, чаще имеют в виду ее письменную форму («Тотальный диктант» — более 80 % участников сделали ошибки в слове *интеллигент*), а ведь сегодня, как мне кажется, гораздо важнее речь устная. Так считал и А. П. Чехов: «В сущности ведь для интеллигентного человека дурно говорить должно считаться таким же неприличием, как не уметь читать и писать» (А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. М., 1974–1988. Т. 16. С. 267).

Степень раскованности современной русской речи сегодня дошла до предела. Наша отечественная литература, опьянев от предоставленной ей свободы, пользуется примитивным языком и даже нецензурными словами на уровне образности. (Кажется, слава Богу, как говорят литературоведы, этой пищей уже накушались, и есть надежда, что эта волна пошла на убыль… Кстати, о слове *кушать*: норма требует сегодня употребления слова *есть*).

В главе «Петербургские сантименты» книги Д. Гранина «Тайный знак Петербурга» речь идет о том, что мат, т. е. предельное «опускание речи», завладевает городом, подавляет его культуру именно как знак неблагополучия «в Датском королевстве», что мат становится петербургским стилем настолько, что ни о какой правильности речи и говорить не хочется. Закон о русском языке запретил мат еще в 2006 году. Но этот закон не остановил увлечение неформальной лексикой. 8 апреля Президент РФ подписал закон об административной ответственности и штрафах за использование нецензурной лексики в СМИ. Рядовые граждане, нарушившие закон, должны будут заплатить от 2 до 3 тысяч рублей, должностные лица от 5 до 20 тысяч, юридические — от 20 до 200. При появлении этой лексики в печатных СМИ предполагается конфискация тиража, в электронных СМИ — конфискация носителей информации.

СМИ не только допускают неформальную лексику, но и активно внедряют в наш язык особый лексикон, насыщенный вульгарной воровской терминологией. Благодаря «бандитским» сериалам, низкопробным кинофильмам, криминальным репортерам, сочинителям примитивных песен и эстрадных выступлений, а зачастую и благодаря политикам, за последние два десятилетия в разговорную речь проник низкий стиль, и он упорно держится, расширяя круг пользователей и область применения. Это некий вульгарный примитивный язык, для которого характерны выражения *водила, пацан, хавать, жрать, слюни пускать, сечь, накрыть поляну, заморачиваться, ваще, устаканиться* и пр. Более вульгарными становятся даже слова-паразиты; если раньше самыми частотными были *это самое, так сказать, то есть, фактически, на самом деле*, то теперь гораздо чаще звучат *блин, прикинь, типа, типа того, короче, как бы*.

Телевизионные каналы (а это значит, режиссеры, менеджеры и, честно говоря, хозяева каналов) не обращают внимания на речь ведущих (может быть, потому, что они довольно известные в России люди). Так, например, Т. Канделаки использовала в одной передаче 74 «*вот*», 94 «*ну*», 33 «*значит*», 36 «*понимаешь*», 43 «*то есть*», 22 «*да*», 9 «*как бы*», 7 «*скажем*». Эти элементы не передают дискурсивную информацию, они абсолютно избыточны и даже вредны. «*Вы меня извините, я как бы люблю свой родной язык грузинский и изучаю некоторые языки, но богаче русского языка языка нету практически*». Это пример коммуникативной некомпетентности; она вводит слушателя в замешательство относительно своей любви к родному языку.

Один из участников интернет-форума, посвященного обсуждению слов-паразитов, написал: «Кстати, если человек много раз говорит «*как бы*», значит, он любит приврать». Это высказывание свидетельствует о том, что в сознании многих людей «*как бы*» не до конца десемантизировалось и сохраняет остатки значения ложности, неискренности (по мнению Е. Евтушенко — неуверенности в будущем). Таким образом, многочисленные или неуместно используемые «*как бы*» являются фактором риска, провоцируя недоверительное отношение слушателей к говорящему и шире — к средствам массовой информации вообще.

Или еще один пример. Уже много лет каждый день в 19.00 Первый канал угощает зрителей передачей «Давай поженимся». Ведет ее Лариса Гузеева, актриса, так понравившаяся зрителям в фильме «Жестокий романс». Безграмотность и сниженная лексика ведущей не могут не обратить на себя внимание: «*Ну ни фига себе вопросик!*», «*Простите, пусть меня запикают*», «*ну лучше вот чего-то такого*», «*ну как бы…*», «*пусть все будет ровно и покойно*», «*со скуки сдохнешь*», «*пилить кого-либо*», «*кости кому-то перемыла*», «*дебильные эсэмэски*», «*меня это выпотрашивает*», «*сидеть как клуша*», «*жрать колбасу*», «*кошмарить всю страну*»…

За своей речью многие весьма влиятельные, публичные люди не следят. Депутат Госдумы В. В. Бурматов, громя Минобранауки, допускает выражение «*мусорщики от образования*» — и никто его не останавливает. При этом в его речи ряд ошибок (например, «*ру́лят*»). Олег Ведутов (политтехнолог) в передаче на Пятом канале произносит «*отклю́чим*» — и его никто не поправляет. Одна особа, знающая о моде все и даже больше, рекомендует «*туфли полехше*». А чего стоит повторяющееся много много раз даже в речи одного человека словосочетание — «на сегодняшний день» — как будто бы никто не знает значения слова «сегодня».

Таких примеров тысячи, а ведь зрителей, прильнувших к телевизору, в России миллионы.

В результате — скудость словарного запаса современных молодых людей, в том числе и студентов. Материалы, использованные для проведения тестирования на знание лексического значения книжных слов (некоторые из которых, кстати, включены в тесты ЕГЭ, т. е. должны быть известны выпускникам школ), в аудитории университетских студентов-первокурсников вызвали серьезные затруднения: *дилемма, компетенция, альтруист, всенощная, монолит, идентичность, феерия, альянс, аутентичный, периферия.*

Интересно замечание Юрия Шевчука: «Читаю залу стихи и вижу по лицам — некоторых русских литературных слов уже не понимают» (АиФ, 2011).

И еще мы никак не можем выработать достойную форму обращения к незнакомому человеку.

Слышь, мужик…
Эй, куда пошла?..
Эй, красотка!
Женщина!
Коллеги!
Друзья!
Уважаемый!

А ведь русский язык богат разнообразными вариантами форм вежливости, которыми можно пользоваться:

Многоуважаемый!
Господин!
Госпожа!
Сударь!
Сударыня!
Милостивый государь!
Извините!
Простите!
Прошу прощения!
Скажите, пожалуйста…
Позвольте узнать…
Вам не трудно сказать…
Будьте добры…

Удивительно, что частым приветствием стало «*Хай!*», а фамильярная реплика «*Ну давай!*» стала заключительным компонентом рамки неофициального разговора.

Нельзя не сказать об огромном количестве заимствований, вошедших в наш язык в последние двадцать лет (и это не самое страшное!).

В истории русского языка были периоды существенного пополнения лексики за счет заимствований. Из учебников мы знаем, что заметную роль в XVII–XVIII вв. (в связи с реформами Петра I) сыграли слова из германских языков (немецкого, английского, голландского), а также из романских языков (например, французского, итальянского, испанского). К немецким относится ряд слов торговой, военной, бытовой лексики и слов из области искусства, науки и т. д.: вексель, штемпель; ефрейтор, лагерь, штаб; галстук, штиблеты, верстак, стамеска, фуганок; шпинат, рюкзак, бутерброд, шлагбаум; мольберт, капельмейстер, ландшафт, курорт. Голландскими являются некоторые мореходные термины: буер, верфь, вымпел, гавань, дрейф, лоцман, матрос, рейд, флаг, флот и др. К французским относятся отдельные заимствования XVIII–XIX вв., например бытовые слова: браслет, гардероб, жилет, пальто, трико; бульон, мармелад, котлета, туалет, а также слова из военной лексики, искусства и т. д.: артиллерия, батальон, гарнизон, канонада; актер, афиша, пьеса, режиссер. Из английского языка вошли в русский некоторые морские термины: мичман, бот, бриг; слова, связанные с развитием общественной жизни, техники, спорта и т. д., например: бойкот, лидер, митинг; тоннель, троллейбус; баскетбол, футбол, спорт, хоккей, финиш; бифштекс, кекс, пудинг и др. Особенно распространились английские

слова (часто в американском варианте) в 90-е годы XX в. в связи с экономическими, социальными и политическими преобразованиями в российском обществе (компьютер, дисплей, бартер, брокер, дилер, римейк, ток-шоу, андеграунд, рейтинг, импичмент, лобби). Однако сегодняшний наплыв американизмов, переполнивших экономическую, коммерческую, финансовую, музыкальную лексику, язык рекламы и средств массовой информации трудно сравнить с любым другим периодом развития русского языка. Не могут не вызывать неприятия «*упс, вау*», хотя некоторые заимствованные слова практически вошли в русский язык: *кофе-брейк, саммит, бренд, отель, гастарбайтер, топ-менеджер, холдинг* и т. д.

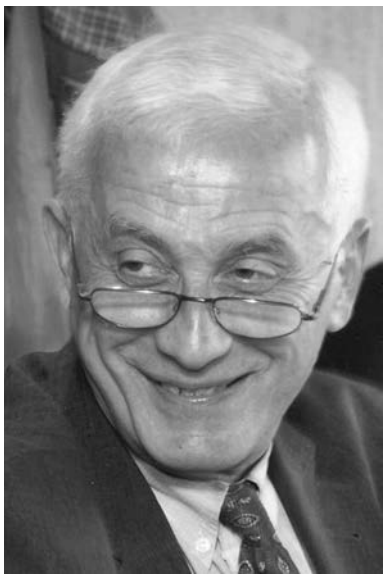
Многое, как я уже говорила, приходит к нам с экранов телевизоров. Мне кажется, что требуется серьезный разговор о том, какова философия современных СМИ. Нельзя пускать в эфир все подряд. Государство мало заботится о духовном воспитании. Мне кажется, что сегодня еще можно все изменить, не все еще потеряно. Думаю, если бы чистота родной речи находилась под постоянным контролем общества, а людей с активной жизненной позицией было бы больше, нас окружала бы другая речь.

Я уверена, что законы языкотворчества в каждую эпоху, даже в такую переменчиво-перестроечную, как наша, не настолько слабы и уступчивы, чтобы сменить веками наработанную языковую культуру на грязную пену уличного мата. И особая ответственность лежит на всех нас, жителях Москвы и Санкт-Петербурга. Когда-то московский и петербургский (ленинградский) варианты речи были эталонами правильного и красивого русского языка. К сожалению, сейчас в речь москвичей и петербуржцев все больше проникают просторечные пласты лексики, возрастает число отклонений от литературной произносительной нормы — по-видимому, под влиянием огромного количества приезжих из разных регионов России.

Языковая политика — часть общей политики в области морально-нравственного состояния общества. Совершенно очевидно, что государственная языковая политика должна быть более жесткой и регламентирующей по отношению к публичной речи, сферам социального общения, воспитывая в тех, для кого эти сферы являются областью профессиональной деятельности, дисциплину речи, строгое отношение как к ее содержанию, так и к языковому выражению.

«Необходимо сохранять и совершенствовать свой язык — это громадное удовольствие, не меньшее, чем хорошо одеваться, только менее дорогое», — писал Дмитрий Сергеевич Лихачев.





Панко АНЧЕВ

БУНТ КУЛЬТУР

Панко Анчев — критик, историк литературы, публицист, философ. Родился в 1946 году в Варне. Член Союза болгарских писателей и Болгарского ПЕН-центра. Почетный доктор Литературного института им. А. М. Горького. Ответственный редактор литературно-художественного журнала «Просторы». **Живет в Варне, Болгария.**

Существенной чертой всех культур является их консерватизм — это та добродетель, которая придает им силу и твердость, так необходимые для отражения внешних агрессий и влияний. Консерватизм — порука самосохранения в периоды радикальных социально-экономических и политических перемен; он спасает культуру даже тогда, когда исчезают государства, а народы подпадают под чужое политическое и культурно-духовное рабство! Если бы культуры не были одарены такой добродетелью, едва ли было бы возможным сохранение и отдельных народов, и всего человечества. Примеров тому много, но достаточно и одного болгарского.

Нации, племена, народы существуют и развиваются, как правило, в неустойчивых ситуациях, они испытывают дефицит стабильности, спокойного мира, им требуются более продолжительные периоды развития в избранном направлении. Но на практике постоянно происходят радикальные внутренние и внешние столкновения, революционные трансформации в экономике и политике. Все это часто мешает народам отстаивать свои национальные интересы, им трудно противостоять разрушению устоявшихся традиций и форм общественного устройства. Можно себе представить, как разрушения и новые построения уродовали бы нашу жизнь, если бы пришлось всякий раз начинать все сызнова, и народы метались бы из одной крайности в другую. К счастью, такое не происходит даже в тех местах, где заметны «ускорения истории» и где видны стремления во что бы то ни стало «догнать» лидеров, сравняться с ними — там все охвачены страстью перенимать новое, «прогрессивное».

Но культура вместе с тем никогда не остается в застывшем виде, она

не замыкается в себе, не отгораживается китайской стеной от окружающего мира. Консерватизм культуры оберегает ее от поспешных решений, поддерживает в ней инстинкт самосохранения и защищает от опасности. А врожденная тяга к самообновлению и развитию делает культуру устойчивой в меняющемся мире. Культура существует в общественной среде, она не принадлежит сама себе, а является определяющей чертой нации, общества — человечества. Не бывает так, что нация и общество развиваются, а культура, которая является их выразителем, остается неизменной, застывшей, а значит — мертвой.

Именно благодаря тому, что культура консервативна, изменения в ней происходят постепенно, плавно, спокойно и с учетом приемлемости новизны в той мере, которая позволяет сохранять традиции и национальный дух. Законы, по которым протекают исторические процессы в различных национальных культурах, являются общими и обязательными для всех, но применение этих законов осуществляется с учетом специфических условий для каждой отдельно взятой культуры. Вот почему нельзя говорить о более «передовых» или более «отсталых» культурах, о культурах-лидерах и культурах «догоняющих». Всегда важно подчеркивать, что все культуры равноправны и значимы, потому что выражают дух, способ бытия и мышления наций. Благодаря такому равноправию и существует симфония культур, происходят диалоги культур.

Эпоха модерна и постмодерна все же сумела установить свои стандарты, единые нормы. Сегодня считаются богатыми и сильными те нации и государства, чьи экономики и индустрия более развиты, где применяются новые технологии и хорошо функционирует капиталистический рынок. Эти стандарты считаются обязательными для всех. Богатства зависят от способности примениться к новым отношениям и выжать из них максимум пользы. Трудно быть оригинальным на рынке, где все играют по одним правилам. Чтобы выжить, молодые экономики и государства спешат догнать идущих впереди, хотят перенять их способ производства и внедриться в их экономические отношения. Идея такова: все должны быть одинаковы! Но из-за того, что место в колонне, двигающейся к капитализму, у всех разное, то и различия очевидны. Первая шеренга идет все быстрее, а следующие за ней не всегда в состоянии «держать шаг».

Идущие за лидерами проявляют нетерпеливость, суетливость, готовы слепо копировать передовиков, полагая, что только так можно стать успешными.

История народов и культур в эпоху модерна — это история процессов приобщения к образцам и моделям европейской культуры. Не существует национальной культуры, которая не испытала бы на себе этого влияния, и которая не изменилась бы в поисках точек соприкосновения с образцами. Этот процесс необходим и плодотворен до момента, когда мир вступает в стадию постиндустриального развития. С этой поры процесс сближения с американской массовой культурой ощущает сопротивление. Глобализация экономики и финансов поощряет напор на культуру, что делает культурную глобализацию крайне агрессивной. Наступает момент, когда не сами культуры и нации, считавшие себя «отсталыми», а США определяют, кому из отстающих надо прибавить темп, чтобы соответствовать американским стандартам.

Этим объективным процессам можно сопротивляться, им нужно давать отпор. Следует отметить, что агрессивность глобалистов от культуры, их

натиск на малые национальные культуры повышаются по мере нарастания национального и религиозного самосознания. Испытание проходят две основные сущности культуры, о которых речь шла выше: устойчивость традиций и способность к обновлению. Традиция рушится, потому что она «отстающая и недемократичная», зато поощряется обновление. Но культуры не желают перенимать элементы чуждого. Потому что речь уже идет не о чуждом влиянии, а о репрессиях и о стеснении обязательствами.

После Второй мировой войны и особенно в 60–70-е годы XX века протекали процессы повторного национального самосознания и переоценки тенденции «догнать и перегнать» в области культуры. И хотя глобализация ускоряется, эти тенденции переоценки ценностей сохраняются. Не случайно исламские революции в арабском мире, следующие одна за другой и заканчивающиеся в основном успешно, отметают «ценности демократии» как непотребные и заявляют, что восстанавливают собственные ценности, заложенные в исламе.

Исламские революции в первую очередь являются политическими, и направлены на реформирование политических систем и смену курса страны от проамериканского и прозападного — на антиамериканский и антизападный. Вместе с тем бросаются в глаза и чисто культурные проявления, связанные со сменой образа жизни, с утверждением моральных и эстетических ценностей, возвращением фольклора. Культуры делают решительные шаги, чтобы самоопределиться, сохранить свою независимость и сберечь своеобразие. Это же происходит и в так называемой «массовой культуре», в которой поверх американской «матрицы» накладываются чисто фольклорно-этнографические элементы и звучания. Таким образом демонстрируется независимость и нетерпимость к «чуждому».

Запад и США воспринимают эти тенденции с тревогой и опасением, они предпринимают меры, чтобы затормозить нежелательные процессы и предотвратить их. Не случайно именно в США появилось понятие «столкновение цивилизаций». Сторонники этой теории указывают на источники опасностей для США, Западной Европы и для всего курса на глобализацию. Опасности эти вполне реальны, потому что противление глобализму и унификации культур порождают силу и стремление к независимости во имя самобытности и многообразия; эти ценности предпочтительнее экономической или военно-политической мощи и мирового господства.

Я не даю оценку событиям в исламском мире. Я просто обращаю внимание на само явление, которое является типичным в современном мире. Это явление я называю ***«бунтом культур».*** И такой бунт вызревает не только в исламском мире. Просто он там заметнее. Христианские культуры и особенно православные готовятся решительно отбросить навязываемые им модели существования и развития. Первый признак этого — преодоление секуляризма, или попытки хотя бы заменить его чем-то таким, что не отдаляло бы государство, нацию, общество и культуру от Церкви. Культура повторно христианизируется, а Церковь активизируется и настойчиво претендует на более значимое место и более существенную роль в обществе и государстве, от которого она отделена законом. Это сопровождается, естественно, отрицанием атеизма как мировоззрения и общественной философии, на которых выстроено общество модерна и постмодерна.

Почему бунт культур вспыхнет через десекуляризацию и через возврат к религиозности? Потому что нынешняя исчерпавшая себя социально-экономическая и политическая система, а также присущая ей культура есть плод именно атеизма и секуляризации, материалистического, объективистского и прогрессистского понимания истории. Отрицание затрагивает сущность, а не подробности, отклонения и внешние проявления. Если ранее (в Болгарии вначале в 30-е, а затем и в 60-е годы XX века) национальное своеобразие искали через механическую идентификацию с «родным», — с фольклором и традиционными обычаями, ритуалами, — то сегодня национальные культуры выдвигают на первый план свою родовую принадлежность; они в меньшей степени ощущают себя самостоятельным, ни от чего не зависящим субъектом. И еще в меньшей мере они ощущают себя принадлежащими к т. н. «глобальной культуре». Мы все чаще будем становиться свидетелями того, как национальные культуры будут самоопределяться как «православно-славянские», «германо-романские», «исламские» и т. п. Это означает по существу распад идеи «глобальной культуры» и сужение сфер глобализма, который будет сказываться на экономике, финансах и на некоторых совсем маленьких культурах.

Мир осознал, что разрушение границ и превращение его в одну «глобальную деревню» не ведет к реальной и благотворной интеграции, а только усиливает неравенство и углубляет противоречия между богатым Севером и бедным Югом. Глобализация обогатила богатых, но поставила в новую зависимость бедных и слабых. Проигравшими оказались все. Свободное передвижение людей поставило богатые страны и культуры перед проблемой «чужаков», и они заговорили о провале политики мультикультурализма. Сосредоточение многих культур в одном месте, может быть, и обогащает их взаимно, но это все же порождает острые и неразрешимые социально-экономические и политические проблемы.

Возможность общения с помощью телекоммуникационных систем не привела к сближению культур, а только противопоставила их. Оказалось, то, что полезно для экономики и технологий, не настолько уж полезно и благоприятно для культур. Именно культуры «негодуют» против смешений, которые стали неприятным препятствием на пути развития.

В этой ситуации интересно наблюдать, как реагируют на «мультикультурализм» граждане в странах Западной Европы и в США. Началось новое мощное «переселение народов», но на сей раз не компактное, а индивидуальное или маленькими группами. На новом месте они образуют своеобразные этнические или культурные «гетто». Эти «гетто» живут своей жизнью и хотя формально подчиняются законам страны пребывания, и они не враждебны по отношению к местной культуре (напротив, будто охотно ее принимают, потому что она поднимает их на более высокий уровень), но не впускают ее в себя. Наоборот, переселенцы с удвоенной энергией и агрессивностью проникают в местную культуру и меняют ее основательно. Интеграция и глобализация такого рода неизбежно порождают протесты аборигенов и разжигают серьезные культурные и этнические столкновения. Культуры нуждаются в пространстве, чтобы успешно существовать и развиваться. Когда они не получают такого пространства, они начинают его завоевывать. И тогда открываются двери для ксенофобий, национализма, шовинизма и политического насилия.

Очевидно, мир изменился, и культуры оказались в новой ситуации, которая поставила их в особые, ранее не существовавшие условия. Высокая степень экономического развития и материальное благополучие, на которых зиждется мировая социально-экономическая и политическая система, оказались непродуктивными. Необходимы новые критерии и принципы домостроительства, новые условия для развития культур. Человечество находится на границе двух эпох: с одной стороны, оно не желает жить по-старому; но с другой стороны, оно не готово и принять какой попало новый путь. Человечество видит различия в себе и хочет найти приемлемые механизмы переустройства.

Сегодня культуры протестуют против бесчеловечности экономики и несправедливого устройства мира, против разделения на бедных и богатых, сильных и слабых, на преуспевающих и отстающих. Все это результат абсолютизации экономической предприимчивости, завышенной роли рынка, недобросовестной конкуренции и страсти к обогащению.

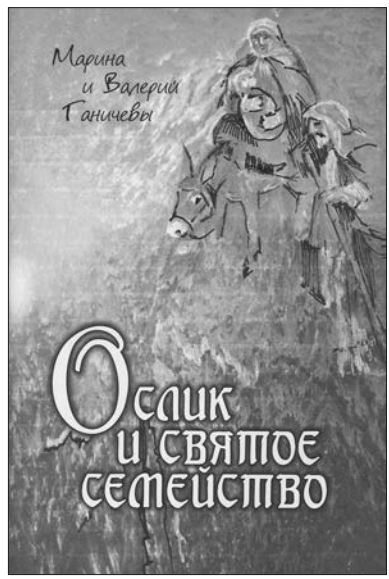
Мир действительно стоит на пороге перемен, но для их реализации нужны новое сознание, новое видение и осознание происходящего. В этом осознании суть самой культуры, которая заявляет о своем несогласии с условиями и правилами существования, которые ей диктуют экономика и политика. Культура за перемены, она придает им конкретные формы и подает им личный пример.

Бунт культур — это их естественное состояние. После бунта мир будет другим!

Вышла книга

Ганичева М. В., Ганичев В. Н.

Ослик и святое семейство. Новеллы для детей школьного возраста. — Бийск: Издательский Дом «Бия». — 2012. — 60 с.



В книгу «Ослик и святое семейство» вошли новеллы и сказки двух писателей Марины и Валерия Ганичевых. В них доверительный и задушевный рассказ о вере, о семье, о любви и радости жизни. Ребята узнают о волшебном ослике, который путешествует во времени и пространстве и сам становится участником библейской истории, о ласточках, которые оберегают храм, и о бабушке-волшебнице, всей своей жизнью творившей добро.

Родная речь



Валерий ПАВЛОВ

РУССКИЙ ЯЗЫК — ОСНОВА ДУХОВНОГО СПЛОЧЕНИЯ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Валерий Федорович Павлов — родился в 1947 г. в Пскове. Окончил музыкальное училище, филологический факультет педагогического института. В настоящее время доцент кафедры культурологии Псковского государственного университета. Секретарь Общественной палаты Псковской обл. В 1991–2009 гг. работал директором Псковского академического театра драмы им. А. С. Пушкина. Член Союза театральных деятелей России, заслуженный работник культуры РФ. Почетный гражданин города Пскова. Автор книг «На рубеже тысячелетий», «Дни и ночи “Карусели”», многочисленных научно-популярных статей по истории провинциального театра. **Живет в Пскове.**

Национальный язык во всех развитых странах был и остается объектом постоянного внимания со стороны общественности и государства. Об этом свидетельствуют многочисленные факты:

— первые академии (во Франции, Испании) были созданы с целью изучения и совершенствования языка;

— первые звания академиков были присвоены лингвистам еще в XVI веке;

— первые школы были созданы для обучения литературному языку, и в этом смысле историю литературного языка можно рассматривать как историю просвещения, образования и культуры.

Российская Академия в Санкт-Петербурге в 1783 г. была также основана для изучения русского языка и словесности. Ее крупным вкладом в лексикографию было создание 6-томного «Словаря Академии Российской» (1789–1794), содержащего 43 тысячи слов.

По решению Генеральной Конференции ООН с 21 февраля 1999 г. ежегодно отмечается Международный день русского языка. В Конституции России русский язык определен как государственный. Он используется как средство межнационального общения в самой России и ближнем зарубежье. При этом Основной закон РФ гарантирует всем народам нашей страны право на сохранение родного языка и создание условий для его изучения и развития.

В настоящее время русский язык — один из языков европейского и мирового значения. Он входит наряду с английским, французским, испанским, китайским в число официальных международных языков. Он звучит с трибуны ООН.

На сегодняшний день многие страны Содружества Независимых

Государств и дальнего зарубежья уже реализовали инициативу ЮНЕСКО: в России, Белоруссии и на Украине отмечается День славянской письменности и культуры.

В Белоруссии и на Украине празднуют Дни своих национальных языков. В России 6 июня 2011 г., будучи Президентом РФ, Д. А. Медведев подписал Указ № 705 «О Дне русского языка».

За свою многовековую историю русский язык никогда не испытывал таких значительных преобразований, как в XX столетии. Это связано с коренными политическими, экономическими и культурными изменениями, которые произошли в государстве.

Россия пережила два крупных потрясения: революцию 1917 г. и революционную перестройку 90-х годов прошлого века.

В 1938 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». Русский язык был обязательным предметом во всех национальных школах. В результате заметно увеличилось число людей, владеющих русским языком. По итогам переписи населения в 1970 и 1989 гг. количество лиц нерусской национальности, считающих русский вторым родным языком, выросло с 41,9 млн чел. до 68 млн чел. В 1989 г. число нерусских, свободно владеющих русским языком, было 87,5 млн человек.

С 1967 г. начал выходить журнал «Русский язык за рубежом». В 1973 г. открыт Институт русского языка им. А. С. Пушкина. Это крупный учебный и научно-исследовательский центр.

Важную роль в пропаганде русского языка играет созданное в 1974 г. издательство «Русский язык». Во многие вузы СССР в 60-е гг. XX в. стали приезжать иностранцы, чтобы приобрести ту или иную специальность и овладеть русским языком.

После распада СССР, когда союзные республики стали независимыми государствами, произошла переоценка многих ценностей, заметно снизился интерес к русскому языку в этих государствах. В Латвии, где 40 % населения говорит по-русски, в 2012 г. было собрано необходимое число подписей для проведения референдума о признании русского вторым государственным языком. По итогам 75 % его участников проголосовали «против».

По мнению мэра Риги Нила Ушакова, референдум показал, что вся национальная политика, которая проводилась более двух десятилетий, была неправильной. Иначе «за» не проголосовало бы 273 347 граждан Латвии. Они выступили бы не против латышей, а против правящей элиты, которая за 22 года не способна была создать единое общество. Как не может создать конкурентоспособную экономику, стабильную социальную систему, качественное образование и здравоохранение. Вместо этого безработица, литовские продукты в магазинах, сотни тысяч на заработках за границей. Избавиться от угрозы латышскому языку и латышской культуре латыши смогут только тогда, когда местные русскоязычные жители станут их союзниками — треть из двух миллионов населения Латвии говорит по-русски. При этом 320 тысяч «не граждан» не имеют права голоса. Голосование о признании русского языка государственным в Украине раскололо общество на два лагеря.

Еще 20 лет назад русским языком на планете владели 350 млн человек. Почти 600 тысяч зарубежных специалистов были подготовлены в наших вузах и техникумах.

Сегодня президенты десяти стран мира неплохо говорят по-русски. Но спустя 15 лет число людей, владеющих русским, сократилось до 270 млн. Если дело так пойдет и дальше, то в следующие 15 лет тех, кто хорошо знает русскую речь, останется на планете 150 млн, а мы будем отброшены назад на 100 лет.

Россия объединила вокруг себя 130 народов и народностей, не нарушая при этом ни одной культуры, ни одной веры, ни одного языка.

В последние годы более 25 млн русских остались за суверенными границами России. По уровню распространенности языка в мире Россия опустилась с 4-го места на 9-е.

Специалистов в области русского языка очень беспокоит то, что значительная часть молодежи (в том числе и учащейся) уже не владеет русским языком на культурообеспечивающем уровне. Катастрофически упал интерес к чтению, типичным явлением становится незнание русской истории, равнодушное отношение к жизненно важным духовным проблемам. Заметно снизился уровень духовных запросов и духовной жизни большого количества молодежи.

Необходимость привлечения общественного внимания к русскому языку вызвана и тем, что Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации», принятый 1 июня 2005 г., носит декларативный характер, и ответственность за нарушение его положений не установлена законодательством. Это приводит к тому, что государственными структурами в сфере образования, культуры, средств массовой информации не обеспечивается должная защита самобытности, богатства и чистоты русского языка как общекультурного достояния народов России. Не в полной мере осуществляются определенные законом государственные гарантии поддержки русского языка. Финансирование Федеральной государственной программы «Русский язык» обеспечивается ежегодно лишь на 25–30 %.

В центральных и местных средствах массовой информации ученые, специалисты, практики открыто называют причины критического положения с русским языком:

1. Разрушена система изучения словесности в школе.
2. Недопустимо сокращено количество текстов для изучения.
3. Катастрофически уменьшено количество часов по предметам «Русский язык» и «Литература».
4. Отменена основная обучающая форма письменных испытаний, а значит, по крайней мере, ослаблена форма упражнений по словесности — сочинения. Выведены как основные способы проверки, которые ориентируют изучение на систему дрессировки, то есть на механическое, нетворческое восприятие (ЕГЭ, тестирование).
5. Фактически выведена за рамки школьного изучения языка коренная задача — овладение ясным и точным смыслом слов, их значений.
6. Резко ухудшилось состояние языковой среды и ее программное обеспечение. Заметно упал уровень речевой культуры. У школьников и студентов проявляется неумение ясно выразить мысль и даже пересказать внятно текст.
7. Крайне обеднено содержание осваиваемой лексики, необходимой для поддержания нормальной жизнедеятельности и здорового мировосприятия современного «рядового» человека.

8. Подорвана языковая основа мировоззренческой составляющей школьного обучения.

9. Необоснованное сокращение содержания и неизбежная при этом примитивизация преподавания литературы в школе привели к общему обесцениванию образования, к катастрофическому для независимой страны снижению общей культуры учащихся.

Знание русского литературного языка может быть обеспечено лишь освоением русской классической литературы. В одной из своих статей известный ученый, доктор филологических наук Н. Н. Скатов отметил: «Тесня русскую классику, мы лишаем доверенное нам молодое поколение не только прошлого, мы лишаем его и будущего».

Сегодня, как никогда, необходимо привлекать общественное внимание к судьбе русского языка. В разных странах существуют специальные организации, которые занимаются защитой и пропагандой в своей и других странах родного языка. Это, например, Институт Гете в Германии, это «Французский альянс», «Британский Совет» в Англии, а Попечительский Совет Института Сервантеса, который призван распространять испанский язык и испаноязычную культуру в мире, возглавляет король Хуан Карлос. Есть и в России Институт русского языка им. А. С. Пушкина. Это оплот нашей духовности.

Думается, нам в Российской Федерации нужны Закон «О культуре» и Закон «О защите русского языка», в котором следует четко определить меры ответственности за его нарушение. Есть польский Закон «О языке», Закон «Об использовании французского языка». Например, если в каком-то кинотеатре Франции начинают превалировать не франкоязычные кинофильмы — это может стать объектом для санкций.

Сегодня уже многие люди говорят и пишут, что пора научиться честно размышлять о том, как исправить положение, в котором пребывает наш язык и русская культура.

Нужно прекратить дезинформацию и умолчание о состоянии дел в этой сфере. В отношении носителей русского языка и культуры (особенно молодежи) положение следует признать критическим.

Надо добиваться удаления малообразованных горе-реформаторов, неспециалистов из сферы образования.

Есть острая необходимость в постановке заслона средствам массовой информации, несущим деструктивные сведения, дезориентирующие сознание, направленные на развал традиционных духовных ценностей России. Это нужно сделать законодательными мерами. Они должны проходить предварительную независимую общественную экспертизу. Надо принять за основу любых преобразований в сфере языка и словесности — богатейшее отечественное наследие в этих сферах, с осмотрительностью заимствуя зарубежный опыт.

Сегодня следует без боязни признать: необходима разработка решительных контрмер для возвращения неосновательно и нигилистически отвергнутых отечественных ценностей в области образования и культуры.

Требуется осуществить конкретные законодательные и финансово-экономические меры, чтобы вернуть в сферу образования и культуры высококвалифицированных специалистов — гуманитариев, активно использовать их знания и опыт в восстановлении полноценного гуманитарного образова-

ния в школе. Учитель школы, преподаватель вуза — достойны присвоения статуса «госслужащий», потому что повседневно занимаются важнейшим государственным делом.

В статье «Россия: национальный вопрос» в «Независимой газете» от 23 января 2012 г. В. В. Путин отмечает, что «наше государство многонациональное. Но оно должно иметь единую ментальность. Русский народ является государствообразующим по факту существования России».

Великая миссия русских — объединять и скреплять нашу цивилизацию русским языком, культурой, «всемирной отзывчивостью» по определению Федора Достоевского, скреплять русских армян, русских азербайджанцев, русских немцев, русских татар. Скреплять в такой тип государства—цивилизации, где нет «нацменов», а принцип распознания «свой — чужой» определяется общей культурой и общими ценностями.

Именно об этом особом характере русской государственности писал Иван Ильин: «Не искоренить, не подавить, не поработить чужую кровь, не задушить иноплеменную и инославную, отдать всем дыхание, великую Родину… всех соблюсти, всех примерить, всем дать молиться по-своему, трудиться по-своему и лучших отовсюду вовлечь в государственное и культурное строительство…».

Стержень, скрепляющая ткань этой уникальной цивилизации, русский народ, русский язык, русская культура.

«Самоопределение русского народа — это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром, — говорит В. В. Путин. Он рассуждает о необходимости единого культурного кода, о сохранении русской культурной доминанты, носителями которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности. Это тот культурный код, который подвергался в последние годы серьезным испытаниям, который пытались и пытаются взломать. И, тем не менее, он, безусловно, сохранился. Вместе с тем его надо питать, укреплять и беречь. Огромная роль здесь принадлежит образованию. И в первую очередь речь должна идти о повышении роли в образовательном процессе таких предметов, как русский язык, русская литература, отечественная история — естественно в контексте всего богатства национальных традиций и культур».

Можно вспомнить, что многие граждане СССР, оказавшиеся за рубежом, называли себя русскими. Причем считали себя таковыми независимо от этнической принадлежности.

Интересен и тот факт, что этнические русские нигде и никогда, ни в какой эмиграции не составляли устойчивых национальных диаспор, хотя и численно, и качественно были представлены весьма значительно. Потому что в нашей идентичности — другой культурный код.

В. В. Путин коснулся проблем русского языка и в другой своей статье «Демократия и качество государства»: «Образ жизни людей определяют разные традиции, обычаи, модели поведения. Поэтому безусловной ценностью для нас являются интеграторы, мощные скрепляющие факторы — русский язык, русская культура, Русская Православная Церковь и другие традиционные российские религии. И, конечно, многовековой опыт совместного исторического творчества разных народов в одном, едином Российском государстве».

Исторические исследования русской филологии говорят о том, что через определенные промежутки времени, с появлением новых общественных сил, Россия переживает переломы и революции.

В 1945 г. Виктор Виноградов — известный филолог-русист XX столетия пишет книгу «Великий русский язык». Вот настроение общества тех лет.

Екатерина Великая в конце XVIII в. собрала ученых, в том числе и технических специальностей, писателей и поэтов и посадила их за работу над словарем. С целью чистоты русского языка.

Думается, замечательно сказал Иван Ильин: «И еще один дар дала нам наша Россия — это наш дивный, наш могучий, наш поющий язык. В нем вся она, наша Россия. И ширь неограниченных возможностей; и богатство звуков, и слов, и форм; и стихийность, и нежность, и красота, и размах, и парение, и мечтательность, и ясность — все доступно нашему языку. Он все способен выразить, изобразить и передать».

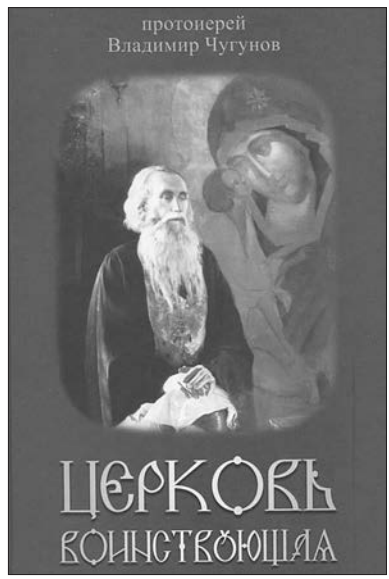
20 февраля 2012 г. Общественная палата Псковской области обсудила на Пленарном заседании вопрос «Русский язык — основа духовного сплочения граждан Российской Федерации». Это было обусловлено вовсе не тем, что в нашем регионе положение с преподаванием русского языка хуже, чем в других местах. Прежде всего Палата хотела еще раз привлечь внимание властей и широких кругов общественности к действительно существующим в этой сфере проблемам и призвала руководителей областного и муниципального уровня, лидеров общественного мнения, деятелей образования, культуры, театра, музыки и других видов искусства, современной журналистики приложить максимум усилий для сохранения достижений русской культуры и сбережения чистоты русского языка. Общественная палата Псковской области подготовила и направила в их адрес рекомендации.

Вышла книга

Чугунов В. А., протоиерей

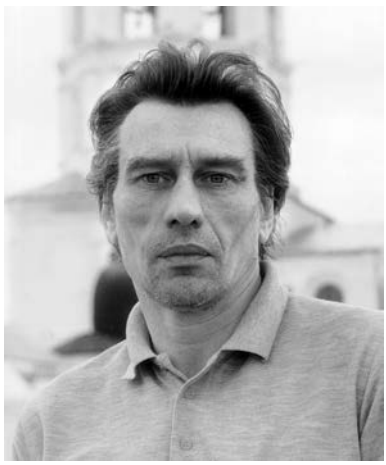
Церковь воинствующая. Нижний Новгород, «Родное пепелище», 2012. — 400 с.

Допущено к распространению Издательским Советом Русской Православной Церкви



В книге литературным языком изложены жизнеописания святых и подвижников благочестия двух веков, от времен преподобного Серафима Саровского до наших дней, пример которых для нас, ищущих спасения, неоценим и дорог. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ПРОЗА



Сергей КУНЯЕВ

БАСНЯ И БЫЛЬ О ЕСЕНИНЕ*

Глава из новой книги

Сергей Станиславович Куняев — родился в Москве в 1957 г. Окончил филологический факультет МГУ (1980). Работал в издательстве «Современник», в журнале «Москва», зав. отделом критики журнала «Наш современник» с 1992 года. Выпустил книги: «Огнепалый стих»; «Растерзанные тени», «Сергей Есенин», «Жизнь Есенина. Снова выплыли годы из мрака...», в соавторстве со Станиславом Куняевым; документальная повесть о Павле Васильеве «Русский беркут». Член СП России. Член правления СП России (с 1999). Лауреат премий «Зодчий» им. Д. Кедрина (1995), им. С. Есенина (1996). **Живет в Москве**.

*Публикуется с небольшими сокращениями.

Крик.

Крик и холод.

Холод, выевший, словно зверь, внутренности, сменился адской жарой. Дышать было нечем, и казалось, что капли не пота, а крови проступают сквозь кожу.

Это была «пробковая камера», в которой Клюеву довелось пробыть три дня, о чем он потом с непреходящим ужасом рассказывал Иванову-Разумнику.

«Много горя и слез за эти годы на моем пути было. Одна скорбь памятна. Привели меня в Питер по этапу, за секретным пакетом, под усиленным конвоем. А как я перед властью омылся и оправдался, вышел из узилища на Гороховой, как веха в поле, ни угла у меня, ни хлеба...»

Кто допрашивал Клюева и на какой предмет — не установлено по сей день. Принимал ли участие в допросах сам начальник Петроградского ГПУ Станислав Мессинг? Что из поэта пытались вытрясти? И как именно он «омылся и оправдался»?

Арест был, безусловно, связан с кампанией по ограблению церквей. Сестра Клюева Клавдия Расщеперина рассказывала потом Есенину, что «Клюев был комиссаром по отбиранию церковных ценностей, что-то оказалось нечисто... и его посадили» (это известно со слов Галины Бениславской). Доверять подобным свидетельствам нет никакой возможности — Клавдия давным-давно разорвала отношения с братом, как «не ледащим и не путящим», да еще и на пару с мужем обокрала его. Бениславская Клюева вообще ненавидела лютой ненавистью — и об этом речь впереди. Есенин же иной раз обронял нечто похожее со слов Клавдии, не задумываясь особо о достоверности сообщаемого.

Клюев, очевидно, входил в некую комиссию по изъятию ценно-

стей, но если он и состоял в ней, то лишь с одной-единственной целью: спасти то, что можно спасти. Ведь при погроме храмов с икон обдирались золоченые ризы, а сами иконы или тут же летели в огонь, или забирались иными «уполномоченными» для развлечения в импровизированных «тирах» (подобный «тир» стоял, в частности, в личной бане Генриха Ягоды).

О том, как происходило подобное «изъятие», рассказала во второй книге своих мемуаров неправославная Надежда Мандельштам: «Веселенькие москвичи посмеивались и говорили, что новое государство не нуждается в помощи поповского сословия. Где-то в Богословском переулке — недалеко от нашего дома стояла церквушка. Мне помнится, что именно там мы заметили кучку народа, остановились и узнали, что идет «изъятие». Происходило оно совершенно открыто — не знаю, всюду ли это делалось так откровенно. Мы вошли в церковь, и никто нас не остановил. Священник, пожилой, встрепанный, весь дрожал, и по лицу у него катились крупные слезы, когда сдирали ризы и роняли иконы прямо на пол. Проводившие изъятие вели шумную антирелигиозную пропаганду под плач старух и улюлюканье толпы, развлекающейся невиданным зрелищем… Я не знаю, жив ли остался священник, по лицу которого катились слезы. У него был такой вид, что вот-вот его хватит удар. Я помню растерянный вид Мандельштама, когда мы вернулись домой, поглядев, как проходит изъятие… Он сказал, что церковь действительно помогла бы голодающим, но предложение Тихона отклонили, а теперь вопят, что церковники не жалеют голодающих и прячут свои сокровища… Он еще сомневался, что добытые средства дойдут до голодающих, а не будут истрачены на “мировую революцию”…»

Что-то страшно-провидческое происходило на глазах Николая.

«Обезъязычела церковь от ярости, от скрежета зубовного на Фаворский свет, на веянье хлада тонка, на краснейший виноград красоты и правды народной…

От крови Авеля до кровинки зарезанного белогвардейцами в городе Олонце ребенка взыщется с Церкви.

Кровь русского народа на воздухах церковных…

“Приду и сдвину светильник твой с места его…” Это не я говорю, а в Откровении прописано, — глава вторая, стих же пятый побеждающий».

Так писал он в 1919-м, в «Сдвинутом светильнике».

В стихах того года еще и похлеще было:

Приводит в лагерь славы
Возмездия тропа.
.....
За праведные раны,
За ливень кровяной
Расплатятся тираны
Презренной головой.
Купеческие туши
И падаль по церквам,
В седых морях, на суше
Погибель злая вам!

(Как нарочно, перепечатка именно этих стихов в «Трудовом слове» в 1923-м стала его последней прижизненной публикацией в вытегорской печати.)

И ныне, видя своими глазами эту «злую погибель», словно в перевернутом зеркале, он видел и стародавние события знаменитого зорения Выговской пустыни и Иргизских скитов в конце царствования Николая I. «…Все эти очаги русской культуры были по инициативе и настоянию официальной иерархии разорены и разграблены. Старая Русь пережила новое нашествие варваров. Старообрядцы были поставлены вне закона, и с ними и с их имуществом могли делать все, что угодно».

Так писал в 1916-м Иван Кириллов, приводя в подтверждение слова Даниила Мордовцева:

«Недаром до сих пор саратовские старожилы, которые помнят, когда и как уничтожались Иргизские скиты, рассказывают, что некоторые из мелких официальных лиц, принимавших участие в фактическом уничтожении скитов, набивали громадные сундуки серебряными ризами от ободранных икон и другими сокровищами, скопленными раскольниками».

И ныне «поживлялись» многие на разграблении церквей. А Клюев, видя, как превращаются в щепу и сгорают целиком иконы и старого, и нового письма, пытался спасти что мог.

И не смел подумать о некоем свершающемся «справедливом возмездии». Видел: новые варвары сменились варварами новейшими. Творящими злодеяния не во имя веры, а во имя безверия.

Тут вспоминался не «керженский дух», а Федор Павлович Карамазов.

«— Взять бы всю эту мистику да разом по всей русской земле и упразднить, чтоб окончательно всех дураков обрезонить. А серебра-то, золота сколько бы на монетный двор поступило!

— Да зачем упразднять?

— А чтобы истина скорей воссияла, вот зачем».

И лишь услышав, что коли истина эта воссияет, то самого Федора Павловича «упразднят» — тот соглашается веру «не разрушать».

А тут — рушили, не ведая сомнений. Спорадически, судорожно. Первая кровавая увертюра к грядущему «штурму небес».

…В конце 1921 года Клюев, созерцая нараставшую антиправославную смертоносную волну, писал начало огромной «словесной иконы», так и оставшейся незавершенной, воплотившей красу древней иконописи, что творила в его слове «артель» природных сил стародавней Руси.

Я хочу аллилуить, как весны, Андрея,
Как сорочьи пролетья, овчинные зимы.
Не тебе, самоварное пузо — Рассея,
Мечут жемчуг и лал заревые налимы.
Не тебе в хлеборобье по теплым овинам
Паскараги псалмят, гомонят естрафили.
Куманике лиловой да мхам журавиным
Эти свитки бересты, где вещие были…
……
Имена — в сельделовы озерные губы,
Что теребят, как парус, сосцы красоты…

Растрепала тайга непогодные чубы,
Молодя листопад и лесные цветы, —
То горящая роспись «Судище Христово».
Зверобойная желть и кленовый багрец.
Поселились персты и прозренья Рублева
Киноварною мглой в избяной поставец.
«Не рыдай мене Мати» — зимы горностаи,
Всплески кедровых рук и сосновых волос:
Умирая в снегах, мы прозябнем в Китае,
Где жасмином цветет «Мокробрадый Христос».

Именно здесь обозначилось в его поэзии впервые прямое противостояние Руси — «Рассее».

В 1922-м Клюев не созерцал, в отличие от Мандельштама — он действовал. Всеми возможными способами он собирал осквернённые, а иной раз и покалеченные иконы, приносил их домой, реставрировал (он и это умел делать!), приводил в Божий вид, устанавливал на своем домашнем киоте, складывал в заветный сундучок… И, конечно, нарвался на донос — как и в ситуации с разбором его «партийного дела».

«Ибо я услышал толки многих; угрозы вокруг; заявите, говорили они, и мы сделаем донос. Все, жившие со мной в мире, сторожат за мной, не споткнусь ли я; может быть, говорят, он попадется, мы одолеем его и отмстим ему» (пророк Иеремия).

Он хорошо помнил свои узилища в царской России. Словно предчувствуя что-то, меньше чем за полгода до ареста рассказывал Коленьке Архипову про свою прежнюю тюрьму в Сен-Михеле, про Выборгскую крепость, Харьковскую каторжную тюрьму и Даньковский острог… Сравнивал одно с другим? Едва ли. Только и было на уме, что молитва да жажда «отмыться и оправдаться…»

Оправдался. Как? Пока неизвестно. Факт остается фактом — он вышел из тюрьмы, и, как рассказывал Архипову, далее — «повел меня дух по добрым людям; приотъелся я у них и своим углом обзавелся».

«Добрым человеком», благодаря которому Клюев обзавелся своим «углом», был давний знакомый Илья Ионов, стихотворец, издатель, шурин всесильного диктатора Петрограда Григория Зиновьева и давний знакомый поэта еще по Петрограду 1918-го. Он выделил Клюеву комнату на улице Герцена (бывшей Большой Морской) в доме № 45.

Не просто с жильем помог. Еще и договор подписал на книгу стихов «Ленин» объемом «в 609 стихотворных строк» с условием выдачи аванса «в размере 25 %». Правда, на аванс рассчитывать особо не приходилось. Ионов имел репутацию чрезвычайно прижимистого издателя, который может много пообещать и не много при этом сделать.

Перевез Николай свой скарб из родной и немилой Вытегры, перевез и расставил все в полуподвальной комнатке так, что стала похожа она на любимую крестьянскую избу. Многие, входившие в нее, позже вспоминали, что словно попадали в иной мир… На домашнем киоте — иконы дониконовского письма: Зосима и Савватий Соловецкие держат в руках городок с церквами; Богоматерь является Сергию Радонежскому; Авраам, Исаак и Иаков держат в руках души в белых хитонах… Складень Феодоровской

Божьей Матери, Успение, иконы Спаса Богородицы и Иоанна Предтечи. Серебряная лампадка над ними. Старый расписной стол занимал большую половину комнаты, а отдельно в уголочке стоял черный столик с точеными ножками, на котором Клюев разложил свои «университеты» — рукописные книги в кожаных переплетах с медными застежками: «Апостол» с толкованием, «Поморские ответы», «Стоглав», Кормчая книга, Евангелие, Месяцеслов и Библия на немецком языке. В отдельном деревянном сундуке хранилась одежда и отдельно — материнские рубашки и платки, память о вечно любимой родительнице.

«В обиходе я тих и опрятен. Горница у меня завсегда, как серебряная гривна, сияет и лоснится. Лавка дресвяным песком да берестой натерта — моржовому зубу белей не быти…»

Перевести бы дух Николаю — крыша, слава Богу, над головой есть. В городе не больно-то любимом, да хорошо знакомом — где его литературная слава началась. Где его любили, хвалили, потчевали… Где завидовали и в спину шипели…

А жить на что-то было надо.

Берлинское издательство «Скифы» выпустило еще три года тому «Избяные песни» и «Песнь Солнценосца» — денег оттуда Клюев так и не дождался.

А по Питеру ходила про него всякая собачья чушь, которую охотно подхватывали талантливые любители сплетен.

«Утром встретил Брашиовскую, — записывал в дневнике Михаил Кузмин, — кланяется от Клюева, говорит, что тот написал хлыстов/ские/ песни, его два раза арестовывали, и теперь он сидит в Госиздате. Если бы не шарлатан, было бы умилительно».

Отношение к Клюеву, как к шарлатану, сформировалось давно. «Шарлатан» буквально нищенствовал — и это была общая участь многих тогдашних писателей.

Из дневника Корнея Чуковского от 14 октября 1923 года:

«На лицах отчаяние. Осень предстоит тугая. Интеллигентному пролетарию зарез. По городу мечутся с рекомендательными письмами тучи ошалелых людей в поисках какой-нибудь работы. Встретил я Клюева, он с тоской говорит: “Хоть бы на ситничек заработать!” Никто его книг не печатает. Встретил Муйжеля, тот даже не жалуется, — остался от него один скелет суровый и страшный… Что делать, не знает. Госиздат не платит, обанкротился. В книжных магазинах, кроме учебников, никто ничего не покупает. Страшно…»

А когда Чуковский вместе с Ахматовой и Евгением Замятиным взялся составлять список нуждающихся русских писателей — ни Ахматова, ни Замятин не назвали ни одного имени. Словно впали в ступор. Чуковский сам взялся за дело и означил имена Муйжеля, Ольги Форш, Сологуба, Николая Тихонова, Иванова-Разумника, Ахматовой и даже столь нелюбимой им Лидии Чарской. О Клюеве он и не вспомнил.

…Кроме «Ленина» Николай пытался переиздать «Львиный хлеб» в новой композиции. Ничего из этой попытки не вышло, хотя писатели и пытались помочь. Константин Федин писал Павлу Медведеву:

«Уважаемый Павел Николаевич!

Сообщите, пожалуйста, Н. Клюеву, что при “Круге” в начале наступающего литературн/ого/ сезона организуется автономная секция писателей,

которые будут именоваться, вероятно, “крестьянскими”. Секцию организует Серг/ей/ Есенин, который имеет в виду пригласить Клюева войти членом в эту организацию. Я прошу со своей стороны Клюева войти в непосредственные или через “Круг” сношения с Есениным касательно издания у нас клюевского дополненного “Львиного хлеба”…»

Медведев показал это письмо Николаю… Вот и Сереженька дал о себе знать! Кто же поможет, как не он?

Как рассказывал потом Клюев Архипову под запись последнего: «Раскинул розмысли: как дальше быть? И пришло мне на ум написать письмо Есенину, потому как раньше я был наслышан о его достатках немалых, женитьбе богатой и легкой жизни. Писал письмо слезами, так, мол, и так, мой песенный братец, одной мы зыбкой пестованы, матерью-землей в мир посланы, одной крестной клятвой закляты, и другого ему немало написал я червонных и кипарисных слов, отчего допрежь у него, как мне приметно, сердце отеплялось».

Есенин же в это время по возвращении из-за границы буквально не знал покоя. Разорвав отношения с Дункан, пресекши всю прежнюю дружбу с Мариенгофом, бездомный, бесприютный — он жил в переполненной квартире у своей подруги Галины Бениславской и мечтал издавать свой собственный журнал. Возобновил отношения с прежними друзьями — Сергеем Клычковым, Петром Орешиным, Пименом Карповым, приехавшим в Москву Александром Ширяевцем. Пришел на прием к Троцкому с разговором о журнале, который должен называться «Россияне» — в новой России должна в полный голос заговорить «крестьянская купница». Наркомвоенмор с дьявольской ухмылкой дал добро: дескать, дерзайте, издавайте, но ответственность всю — политическую и финансовую — берите на себя… Есенин ощутил холод «каменной десницы», почувствовал, что это «покровительство» не сулит ничего доброго — и отказался.

Тем не менее мысли о журнале не оставил. Рассчитывал выпускать его при Госиздате на правах «самостоятельной сметы» объемом тридцать печатных листов. Жаждал быть единоличным редактором — и тут же столкнулся с сопротивлением Клычкова и Орешина, которые хотели равных прав в отборе материала.

И тут — приходит письмо от Николая.

«Письмо это было от поэта Н. Клюева, — вспоминал Семен Фомин, — который жаловался Есенину на свое тяжелое положение, упоминал про гроб, заступ и могилу». Анна Назарова, подруга и соседка Бениславской по квартире, воспроизвела по памяти отдельные строки: «Умираю с голоду, болен. Хочу посмотреть еще раз своего Сереженьку, чтоб спокойней умереть». Сереженька взбудоражился, разволновался. Бросил все дела и отправился в Питер в сопровождении Ивана Приблудного, Александра Сахарова и Иосифа Аксельрода — прихлебателя и собутыльника, волочившегося в этот период за Сергеем, как хвост за собакой. Отправилась веселая компания так: безденежный Есенин и Приблудный в жестком сидячем вагоне, денежный Сахаров и Аксельрод — в мягком.

Раздребежженный Есенин, пытающийся успокоить себя алкоголем и оттого еще более взвинченный, весь был на нервах от мысли, что сбываются самые дурные его предчувствия, которые он, возвращаясь из Америки, излагал в письме к Кусикову («Теперь, когда от революции остались только клюнь да трубка, теперь, когда жмут руки и лижут жопы тем, кого раньше расстре-

ливали, чувствую, что и я, и ты будем той сволочью, на которую можно всех собак вешать. Перестаю понимать, к какой революции я принадлежал. Знаю только, что ни к февральской и ни к октябрьской. Наверное, в нас скрывался и скрывается какой-нибудь ноябрь...»)... Эх, не в этом бы состоянии встречаться ему с Клюевым. Ну да в таких случаях не выбирают.

И встретились...

«В городе дни — чердачные серые кошки, только растопляю я раз печку: поленья сырые, горькие, дуну я на них, глотаю дым едучий, — вспоминал Клюев. — Выело у меня глаза дымом, плачу я, слезы с золой мешаю, сердцем в родную избу простираюсь, красную лежанку вспоминаю, избяной разоренный рай... Только слышу, позад меня стоит кто-то и городским панельным голосом на меня как лошадь нукает: "Ну, ну!" Обернулся я, не признал человечину: стоит передо мной стрюцкий, от каких я на питерских улицах в сторону шарахаюсь. Лицо у него не осеннее и духом от него тянет погибельным, нос порошком, как у ночной девки, до бела присыпан и губы краской подведены. Есенин — внук Коловратов, верба рязанская!»

Несколько лет они не виделись. И страшные предчувствия Клюева, мнилось, оправдываются. «Какая ужасная повесть!» Продает Сереженька, как баба, поэзию — и сам на продажного стал похож. Верные слухи дошли!

Оба помнят прежнюю дружбу, любовь, духовное единение. Клюев для Есенина — по-прежнему учитель. Есенин для Клюева — певущий лик, верба рязанская... Смотрят друг на друга — и узнают, и не узнают. Что-то необратимо изменилось в каждом. И каждый понимает, что теперь — с ним, с переменившимся старым другом, идти одной дорогой. Долгой ли, короткой ли...

А у Клюева еще и мысль: вот она, жизнь легкая, достаток немалый к чему привел... Не имел он никакого реального понятия о есенинской жизни и его «достатке»...

«Поликовался я с ним как с прокаженным; чую, парень клятву преступил, зыбке своей изменил, над матерью-землей надругался, и змей пестрый с крысьей головой около шеи его обвился, кровь из его горла пьет. То ему жребий за плат Вероники; задорил его бес плат с Нерукотворным Ликом России в торг пустить. За то ему язва: зеленый змий на шею, голос вороний, взгляд блудный и весь облик подхалюзный, воровской. А как истаял змиев зрак, суд в сердце моем присудил — идти, следа не теряя, за торгашом бисера песенного, самому поле его обозреть; если Бог благословит, то о язвах его и скверностях порадеть...»

«Пилою-рыбой кружит Есенин меж ласт родимых, ища мету», — вспомнилось из «Четвертого Рима».

* * *

Чем дальше вспоминал Клюев про этот приезд Есенина — тем чернее краски наслаивались, тем жутче реалии становились, тем кошмарнее образы наплывали один на другой.

«*Налаял* (курсив моя. — *С. К.*) мне Есенин, что в Москве он княжит, что пир у него беспереводный и что мне в Москву ехать надо».

А Есенину нужно было залучить Клюева. Как поддержку, как опору в дальнейших литературных боях. Не думал и думать не хотел, что Клюев здесь, в литераторских ристалищах — не боец.

Рассчитывал на него, как на старого друга — после всех полемик, ссор и охлаждений. И могла бы дружба эта обрести новое качество — да не в той атмосфере, в какой оказались в Москве оба.

А главное для самого Николая — полная потеря Есениным самого себя, прежнего. Сквозь «блудную» оболочку — черный лик его глазам проступил.

О путешествии из Петербурга в Москву вспоминал: «схвачен человек железом и влачит человека железная сила по 600 верст за ночь». И под стать железной силе — «черный» Есенин, который «лакал винища до рассветок», «проезжающих материл, грозил Гепеу… дескать, он, Есенин, знаменитее всех в России, потому может дрызгать, лаять и материть всякого».

В глазах Николая друг его — уже почти не человек.

И одна мука для Клюева сменяет другую: друг его «всякие срамные слова орал», пока на извозчике к дому не подъехали. А подъехали — так окунулись в есенинский — натурально бесовский — быт. Дескать «встретили… девки, штук пять или шесть, без лика женского, бессовестные. Одна в розовых чулках и в зеленом шелковом платье. Есенинской насадкой оказалась». В ужас пришел Николай «от публичной кровати», а ночью, после угощения, снилась ему «колокольная смерть. Будто кто-то злющий и головастый чугунным пестом в колокол ухнул», — проснулся «с львиным рыком в ушах» оттого, что «мой песенный братец над своей половиной раскуражился». И тут в своих видениях Клюев уже не знает удержу: мнится ему, что Есенин «голый, окровавленный, бегает по коридору, в руках по бутылке. А половина его в разодранной и залитой кровью сорочке в черном окне повисла, стекла кулаками бьет и караул ревет…» А тут еще «мужчина костистый огромный… с револьвером в руке… по Есенину в коридоре стрелять начал…»

Послушаешь — так и в самом деле в ужас придешь. Только волей-неволей обращаешься к заголовку архиповской записи, явно продиктованной Клюевым: **«Бесовская басня про Есенина»**.

Мало того, что «басня». Клюев сам прекрасно отдает себе отчет в том, что бес его водил, крутил, путал — когда он вспоминал гощение у Есенина. Черные сущности всплывали в памяти. И не до истины тут было. Бес нашептывал — а Николай за ним повторял.

Хуже нет греха, чем на любимого друга, пусть и некогда любимого, наговорить. Тем более, что в лишнем очернении есенинский быт той поры и так не нуждался. В тяжелую обстановку угодил Клюев.

Не было, конечно, в квартире Бениславской никаких «есенинских насадок», никто ни над кем не куражился и не палил в Есенина из револьвера. Но от этого — все равно не легче.

В квартире кроме Галины и ее подруг — Анны Назаровой, Софьи Виноградской, Яны Козловской (которая уступила свою комнату Клюеву), жили еще Михаил Грандов и его жена Елена Кононенко (которую Грандов бешено ревновал к Есенину). Постоянно приходил безработный и такой же неустроенный Алексей Ганин, а вместе с ним — компания есенинских прихлебателей: Аксельрод, Марцелл Рабинович, неизменный Иван Приблудный… С журналом ничего не получалось, и друзья-приятели проводили время в «Стойле Пегаса», где Есенин, беря свою долю из выручки, расплачивался по всем счетам. О «Стойле» Клюев рассказывал Архипову уже в ритме бесовского удара копытом.

«С полуночи полнится верхнее стойло копытной нечистой силой. Гнющие девки с бульваров и при них кавалеры от 13-и лет и до проседи песьей. Старухи с внучатами, гимназисты… Червонец за внучку, за мальчика два. В кругу преисподнем, где конские ядра и с мясом прилавки (грудинка девичья, мальчонков филей), где череп ослиный на шее крахмальной — владыка подпольный законы блюдет, как сифилис старый за персики выдать, за розовый куст — гробовую труху, там бедный Есенин гнусавит стихами, рязанское злато за гной продает…»

Здесь уже воскресают в памяти адские картины, отсылающие к давней поэме Алексея Ганина «Сарай».

Клюев, сидя за столом в компании, где вино лилось рекой и пили все, иной раз тайком, беря грех на душу, выпивал из есенинского бокала, чтобы другу меньше досталось. Смотрел на него, как на потерянного. Стороннему наблюдателю, зашедшему в «Стойло», вполне могло показаться, что Николай участвует в пьянке наравне с остальными. Еще и тут нашелся повод для разговоров о клюевском лицемерии.

Бениславская вспоминала, как Клюев, сбежавший от пьяной драки, приключившейся в Союзе поэтов, «стал такие ужасы рассказывать, что все в его повествовании превратилось в грандиозное побоище, я думала, что никто из бывших там в живых не останется, а через десять минут пришли все остальные как ни в чем не бывало». Ей невдомек было, что Николай видел во всем происходящем кривляние и гульбу бесов, покинувших людские оболочки, что натуральную кровь он не столько видел, сколько прозревал и знал, что все эти милые участники пьяных потасовок, погоняемые чертями, несутся сломя голову к адской пропасти.

Он прилагал все усилия, вопреки утверждениям той же Галины, чтобы не оставлять Есенина одного в «Стойле» и по возможности уводить его оттуда вовремя домой или в другое место, где никто не стал бы разливать водку. «Поэт Клюев, совсем не пивший или изредка пивший очень мало, неизменно уводил нас в вышеуказанное место в Брюсовском переулке (тогдашнее местожительство Есенина. — *С. К.*)», — показывал Ганин после своего ареста по делу «Ордена русских фашистов» на допросе в ГПУ. Он же вспоминал, как Клюев увел их в мастерскую Коненкова, где собравшиеся обсуждали работы скульптора и говорили о высоком искусстве. А 25 октября они трое, Клюев, Есенин и Ганин, выступали в Доме ученых на «Вечере русского стиля». Как сообщила газета «Известия», «в старый барский особняк, занимаемый Домом ученых, пришли трое “калик перехожих”, трое русских поэтов-бродяг… Выступление имело большой успех». Большой успех — мягко было сказано. Публика была совершенно ошарашена и покорена услышанным.

Клюев читал стихи из «Львиного хлеба», которые потом он объединил в цикл «Песни на крови».

Псалтырь царя Алексия,
В страницах убрусы, кутья,
Неприкаянная Россия
По уставам бродит, кряхтя.

Изодрана душегрейка,
Опальный треплется плат…

Теперь бы в сенцах скамейка,
Рассказы про Китеж-град,

На столе медовые пышки,
За тыном успенский звон…
Зачураться бы от наслышки
Про железный неугомон,

Как в былом всхрапнуть на лежанке…
Только в ветре порох и гарь…
Не заморскую ль нечисть в баньке
Отмывает тишайший царь?

Не сжигают ли Аввакума
Под вороний несметный грай?..
От Бухар до лопского чума
Полыхает кумачный май.

Каждая строчка огненной искрой пробивала переполненный зал. А финальная строфа, пророчащая о новом небе и новой земле, о начале новой истории, довела его до исступления.

В лучезарье звездного сева,
Как чреватый колос браздам,
Наготою сияет Ева,
Улыбаясь юным мирам.

И здесь воочию обозначилась пропасть между нынешним Клюевым и нынешним Есениным. Клюев от кошмара настоящего, опрокинутого в прошлое, в никонианскую эпоху, уходил к грядущим временам Воскресения мира… Есенин — весь был в кошмаре современности.

Клюев с опущенной головой слушал отчаянные есенинские выкрики в пространство.

И я сам, опустясь головою,
Заливаю глаза вином,
Чтоб не видеть в лицо роковое,
Чтоб подумать хоть миг об ином.

Что-то всеми навек утрачено.
Май мой синий! Июнь голубой!
Не с того ль так чадит мертвячиной
Над пропащею этой гульбой.

(Эта «мертвячина» потом и найдет свое место в «Бесовской басне про Есенина»).

Что-то злое во взорах безумных,
Непокорное в громких речах.

Жалко им тех дурашливых, юных,
Что сгубили свою жизнь сгоряча.

Жалко им, что октябрь суровый
Обманул их в своей пурге.
И уж удалью точится новой
Крепко спрятанный нож в сапоге.

«Боже милостивый! Что ж он творит? Так и головы не снести. И сам на нож напорется…»

Дома Есенин просил еще Клюева читать стихи. И Клюев читал, и собравшиеся вокруг женщины млели от восхищения, а потом, когда он уходил, ругмя ругали его: и обжора он (а они тут впроголодь живут), и ханжа, и подлец, и притворщик, и Есенину нашептывает всякие юдофобские речи, разжигая в Сереже антисемитские настроения… Клюев, в самом деле, не скрывал своего отношения к происходящему. Рассказывал — кто и как допрашивал его во время ареста, что сажали его в тюрьму и держали в пыточной «пробковой камере»… «Клюев… тихо, как дьячок великим постом, что-то читает в церкви, — писала потом Анна Назарова, — соболезновал о России, о поэзии, о прочих вещах, погубленных большевиками… Говорилось это не прямо, а тонко и умно, так что он, невинный страдалец, как будто и не говорил ничего…» Для Клюева еще одна рана — невозможность толком поговорить с Есениным по душам. Девицы, как бы он любезно с ними ни обходился — чужие. И их враждебность к себе он ощущал буквально кожей. И все же пытался вылить Есенину свою боль.

Это была не только его боль. Любой думающий человек не мог не видеть, что происходит в стране. Замечательный востоковед Нина Викторовна Пигулевская писала в 1922 году: «Я в свое время исповедовала такое убеждение: коммунизм строит здание и строит без креста, но когда достроит до конца, мы сделаем купола, поставим крест и все будет хорошо. Я так думала. Теперь иначе. Я знаю, что из ратуши церквей не делают…»

Может быть, люди фантазировали? О какой фантазии может идти речь, когда со страниц газеты «Известия» неслось: «У нас нет национальной власти, у нас власть интернациональная»? Когда ей вторила газета «Правда»: «Писатели должны выкинуть за борт литературы мистику, похабщину, национальную точку зрения»? Мало того, что «национальная точка зрения» отождествлялась с «похабщиной». Та же «Правда» печатала достаточно красноречивые стихи:

Русь! Сгнила? Умерла? Подохла?
Что же! Вечная память тебе.

И со всех правительственных трибун неслись призывы к борьбе с «великорусским шовинизмом» и заявления, что русские должны поставить себя «в положение более низкое по сравнению с другими…» В зверском антиправославном терроре невооруженным глазом был виден почерк людей, которых с малолетства воспитывали в ненависти к Христу… Церковный погром сопровождался введением цензуры — утверждением Главного управления по делам литературы и искусства, которое в первую очередь

выискивало признаки все того же «великорусского шовинизма». Началась чистка библиотек от религиозной и «шовинистической» литературы. И одновременно было утверждено положение об основании Соловецкого лагеря особого назначения. И все это вместе взятое — сразу по окончании Гражданской войны.

Хорошее время выбрали собратья-писатели «из недр трудового крестьянства», чтобы создать свою группу и основать журнал «Россияне»!

Через год Алексей Ганин набросает тезисы под названием «Мир и свободный труд народам», где открытым текстом выскажется по поводу происходящего в стране.

«Вполне отвечая за свои слова перед судом всех честно мыслящих людей и перед судом истории, мы категорически утверждаем, что в лице господствующей в России РКП мы имеем не столько политическую партию, сколько воинствующую секту изуверов-человеконенавистников, напоминающую если не по форме своих ритуалов, то по сути своей этики и губительной деятельности — средневековые секты сатанистов и дьяволопоклонников… Достаточно вспомнить те события, от которых все еще не высохла кровь многострадального русского народа, когда по приказу этих сектантов-комиссаров оголтелые, вооруженные с ног до головы, воодушевляемые… выродками банды латышей беспощадно терроризировали беззащитное сельское население… Наконец, реквизиции церковных православных ценностей, проводившиеся под предлогом спасения голодающих. Но где это спасение? Разве не вымерли голодной смертью целые села, разве не опустели целые волости и уезды цветущего Поволжья?.. Путем неслыханной в истории человечества кровожадной жестокости, воспользовавшись временной усталостью народа, эта секта, пробравшись в самое сердце России, овладев одной шестой частью суши земного шара и захватив в свои руки колоссальные богатства России, с еще большей энергией и с большим нахальством проповедует свои гибельные теории, прикрываясь маской защитников угнетенных классов и наций… Завладев Россией, она вместо свободы несет неслыханный деспотизм и рабство под так называемым “государственным капитализмом”. Вместо законности — дикий произвол Чека и Ревтрибуналов; вместо хозяйственно-культурного строительства — разгром культуры и всей хозяйственной жизни страны; вместо справедливости — неслыханное взяточничество, подкупы, клевета, канцелярские издевательства и казнокрадство. Вместо охраны труда — труд государственных бесправных рабов, напоминающий времена дохристианских деспотических государств библейского Египта и Вавилона. Все многомиллионное население коренной России и Украины, равно и инородческое… — брошены на произвол судьбы. Оно существует только для вышибания налогов…

Необходимо, чтобы наша борьба с этой грабительской сектой была успешна. Все лучшие силы России перенести на пропаганду государственно-национальных идей с тем, чтобы вовремя и заблаговременно недовольству масс дать в противовес большевизму ясные формы и лозунги национально правового государства, и взамен… III Интернационала выдвинуть идею Лиги наций как единственной международной организации, которая предупредит правовые международные столкновения между государствами… Необходимо объединить все разрозненные силы в одну крепкую целую партию, чтобы ее активная сила могла не только вести дальнейшую работу

и противостоять не за страх, а за совесть враждебной нам силе, но сумела бы в нужный момент руководить стихийными взрывами восстания масс, направляя их к единой цели. К великому возрождению Великой России».

За этот текст Ганин заплатит самую дорогую цену. Ни Есенин, ни Клюев не видели его в письменном виде, но свои идеи Ганин, безусловно, обсуждал со своими друзьями. Зерна падали на унавоженную почву — Есенин уже закончил вчерне «Страну негодяев», где главный ее герой — Номах — произносит давно наболевшее, идущее от самого Есенина и перекликающееся по смыслу со словами Ганина:

Я верил. Я горел.
Я шел с революцией.
Я думал, что братство
Не мечта и не сон.
Что все во единое море сольются,
Все сонмы народов, и рас, и племен...
Пустая забава.
Одни разговоры.
Ну что же?
Ну что же мы взяли взамен?
Пришли те же жулики,
Те же воры,
И вместе с революцией
Всех взяли в плен.

А черновой вариант стихотворения «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» сохранила Галина Бениславская в своих записях:

Защити меня, влага нежная!
Май мой синий! Июнь голубой!
Одолели нас люди заезжие,
А своих не пускают домой.

Все это, вместе взятое, служит достаточным опровержением утверждения Бениславской, что во всех взрывах Есенина повинен Клюев с Ганиным впридачу (и это мнение до сего дня имеет свое хождение!). Ненависть Бениславской к Клюеву прорывалась иной раз так, что ее бывший любовник Покровский, наслушавшись бабьих жалоб, ответил письмом, где предлагал буквально следующее:

«Дошли до нас слухи, что ты неделю не будешь выходить из дома... не бегай по “стойлам” и не устраивай “стойл” у себя... Нужно подговорить Эстрина сломать поэту Клюеву шею или в крайнем случае набить морду...» (Кстати сказать, не отсюда ли у Бениславской в перевернутом виде родилась в ее воспоминаниях версия о том, как «есенинская компания» хотела «избить» ее саму, чтобы оставить ненаглядного Сергея Александровича в своей власти и чтобы Галина Артуровна «не путалась под ногами»?)

Что же, Клюев этого всего не чувствовал? Не предугадывал? Не ощущал?

Да и само по себе пребывание в квартире у Галины чем дальше, тем больше становилось ему в тягость. Есенин не упускал случая подчеркнуть

свое превосходство — поэтическое и мировоззренческое. Он, дескать, лучше понимает современность, чем Клюев — отставший, затерявшийся в исторических дебрях… Собственно, даже и подчеркивать этого было не надо. Просто тихо произнести, как само собой разумеющееся: «Какой он хороший… Хороший — но чужой. Ушел я от него. Не о чем говорить стало. Учитель он был мой — а я его перерос…» Верно, ушел — вот только куда? И перерос в чем-то, да во всем ли?

А тут еще и Иван Приблудный вторил в письме к Бениславской: «…Все дальше и дальше я вижу, как слаб мой (б/ывший/) Сережа, а потом и Клюев, который **вообще от любого ветра СССР свалится** (выделено мной. — *С. К.*), а потом — что для меня всего больнее — я перестал верить, что ОН (С. Е.) вообще **считает меня талантливым**…» И далее — о Клюеве: «…встретил Клюева, во Христе человека безобидного…»

Читаешь эти слова — и всерьез перестаешь верить Бениславской, которая утверждает в своих воспоминаниях, что, дескать, Клюев «к Приблудному проникся ревнивой ненавистью», поскольку «в первую же ночь в Петрограде Клюев полез к Приблудному», а тот «поднял Клюева на воздух и хлопнул что есть мочи об пол»… Подобное, как длинный мерзкий шлейф, ползло за Николаем десятилетиями и продолжает ползти по сей день. И сам он не мог не слышать ехидный шепоток за своей спиной, не видеть многозначительные переглядывания с ухмылочками окружающих.

Да что Бениславская! Мариенгоф, словно соревнуясь с прочими «конкурентами» в «турнире» на изобретение наиболее оскорбительных сентенций «Есенина» по отношению к «Клюеву», договорился до того, что Есенин у него якобы произносит: «У Миколушки-то над башкой висит Иисус Христос в серебряной ризе, а в башке — корысть, зависть и злодейство»… Все это чуть ли не со слов Галины — и чуть ли не теми же самыми словами… В «Романе без вранья» со слов третьих лиц воспроизвел Анатолий монолог Клюева:

«— Чего Изадору-то бросил… хорошая баба… Богатая… Вот бы мне ее… плюшевую бы шляпу купил с ямкою и сюртук, Сереженька, из поповского сукна себе справил…»

Бениславская отмечала, что Есенин в это время «пускал пыль в глаза» насчет своего мнимого богатства, и о его «безденежье» почти никто не догадывался»… Можно себе представить реакцию Клюева, когда Николай убедился в том, что есенинский «пир беспереводный» и его «княженье» — и есть эта самая «пыль в глаза»… Знакомство Клюева с Дункан добавило масла в огонь. Теперь любое путешествие Есенина с Клюевым в дунканов ский особняк на Пречистенке воспринималось как попытка Клюева «заменить для Дункан Есенина» — ни больше, ни меньше!

А Николай просто не хотел и не мог «сидеть на шее» у женщин, ненависть которых к себе он ощущал на расстоянии. Дункан же была ему всегда рада (Есенин по-свойски объяснил, что Клюев — гениальный поэт: как бы ни складывались, точнее, рушились их отношения — он неизменно превозносил Клюева как художника и буквально одаривал им недавно брошенную Изадору). И Клюев убедился, что в соответствии с давним сном Дункан «не такая поганая», как он думал. Более того — чем дальше, тем больше он проникался душевно к этой безоглядной, по-европейски взбалмошной и чрезвычайно непростой женщине. Красоту — именно красоту, а не «кра-

сивость» — он умел ценить, как мало кто. А за доброе к себе отношение оставался неизменно благодарен.

Он даже послал открытку с изображением Дункан Коленьке Архипову с короткой припиской:

«Сейчас узнал, что телеграмму тебе не послал камергер Есенина (имелся в виду Приблудный. — *С. К.*). Я живу в непробудном кабаке, пьяная есенинская свалка длится днями и ночами. Вино льется рекой, и люди кругом без креста, злые и неоправданные. Не знаю, когда я вырвусь из этого ужаса. Октябрьские праздники задержат. Вымойте мою комнату, и ты устрой ее, как обещал. Это Дункан. Я ей нравлюсь и гощу у нее по-царски. Кланяюсь всем».

На открытке сама Дункан надписала на английском языке: «Доброму и прекрасному поэту Клюеву. Айс Дун.»

…Через несколько лет, прочитав в очерке Максима Горького «Сергей Есенин» крайне непристойные слова о Дункан («Пожилая, отяжелевшая, с красным лицом, окутанная платьем кирпичного цвета, она кружилась, извивалась в тесной комнате, прижимая к груди букет измятых, увядших цветов, а на толстом лице ее застыла ничего не говорящая улыбка…»), Клюев дал свой ответ, записанный Архиповым.

«Нечистью, нечуткостью, если не прямой жестокостью веет от слов Максима Горького об Айседоре Дункан, о ее приезде в Париж (на самом деле — в Берлин. — *С. К.*) вместе с Есениным. “Дункан стара, толстое лицо, дряблое тело” — все это позволительно какому-нибудь маляру, пропущенному сквозь рабфак, а не художнику-старику, каким является сам Горький. Дункан своим искусством дала людям не меньше радости и восторга, чем Горький, а, наверно, побольше.

Я видел (на квартире художницы Любавиной в Петербурге в 1915 г. — *Примечание самого Клюева*) Горького 50-летним тяжелым человеком, действительно с толстым старым лицом и шваброобразными толстыми усами, распаленным до поту от пляски дешевой танцовщицы, воистину отвратительной даже для обывательского вкуса, все хитрое ломанье которой вместе с молодостью кухарки не стоило движения мизинца старой Дункан».

…Расставание с друзьями не принесло радости. Есенин продолжал заботиться по мере сил — и о Ганине (уговорил Дункан дать денег на книжку его стихов — и последняя прижизненная книга Ганина «Былинное поле» вышла в Москве в 1924 году), и о Клюеве, которому он на свои деньги починил старую обувь (потом под перьями лихих мемуаристов эта история предстанет, как шитье за есенинский счет для Клюева новых шевровых сапог)… Николай уже не чаял, когда, наконец, уберется из Москвы, и при первой возможности, в первых числах ноября, ни с кем не простившись, уехал в Петроград.

…Он никогда не увидит больше Александра Ширяевца — тому останется жить меньше года. Он в последний раз видел Алексея Ганина, которого расстреляют через год с небольшим в Лубянском подвале. Он еще увидится с Пименом Карповым, который едва ли узнает Николая, а может, и не пожелает узнать… Ему доведется услышать об отречении от него, от Клюева, Петра Орешина…

А Сереженька?

Сереженька появится в Питере летом 1924 года. Это уже — отдельная история.

ПОЭЗИЯ



Андрей ПОПОВ

«ОТЕЧЕСТВО НАШЕ — ПРЕСТОЛА ГОСПОДНЯ ПОДНОЖЬЕ…»

Андрей Гельевич Попов — родился в 1959 году в Воркуте. Окончил Сыктывкарский государственный университет, филологический факультет. Автор нескольких сборников стихотворений. Член Союза писателей России. Публиковался в журналах «Наш современник», «Север», «Арт», «Арион», «Мир Севера», «Войвыв кодзув», «Крещатик», «Московский вестник», «Встречи» и др. Стихи переводились на венгерский язык. Лауреат еженедельника «Литературная Россия». **Живет в Сыктывкаре.**

* * *

Бог есть путь —
поревнуй и дойди до Бога…
Почему мне кажется, что подчас
Бог далек, как звезды мои
над дорогой,
Если Царство Божие внутри нас?

Но когда неприступную даль я вижу,
Но когда гляжу на далекий свет,
Бог становится рядом,
подходит ближе —
Никого в пути ближе Бога нет.

* * *

Жую ли унынья пирог,
Влечет ли дорожка кривая,
Меня — ни за что — любит Бог,
Которого я забываю.

Сожмется душа, как зверек —
Любви не бывает на свете!
Но вспомню — меня любит Бог,
Которому я не ответил.

В холодном течении дней
Неровным талантом поэта
Я вспомню — насколько сильней
Любовь, что не знает ответа.

В ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

О сыне погибшем моем молиться
Друзей прошу я. И пью вино.
Не знаю, светло ли душе убийцы,
А у меня на душе темно.

Не знаю, как скорби выносят.
Снова
Мира душе моей не дано.
Глотаю я воздух молитвослова,
Молюсь и плачу. И пью вино.

А надо трезветь от лихого века
И повторять покаянный стих,
Чтобы простить все грехи человекам,
Чтоб отпустить согрешенья их.

Себя убеждать — нет такой причины,
Чтоб не прощать до последних сил,
Мне надо простить, что убили сына,
Простить тому, кто его убил.

Быть может, прощение все изменит —
Меня и время, седой простор.
Простить тому, кто ни тени сомнений
Не знал. Не ведает до сих пор…

* * *

Господи, Лазарь, которого любишь Ты, болен,
Жизнь его оставляет, и это совсем не хандра…
Даруй ему исцеление — на все лишь Твоя воля.
Он говорить не может и встать не может с одра.

Как не отчаяться, Господи! Что же Ты нас оставил?!
Умер в Вифании Лазарь. И мы умрем вместе с ним.
Как нам понять и поверить, что это не к смерти, а к славе?
Что же Ты медлишь, Господи, любящим сердцем Твоим?

ПРИКОСНОВЕНИЕ

И сказал Иисус: кто прикоснулся ко Мне?
Лк. 8, 45

Господи, это я, который в молитвах солгал,
Ближних не возлюбивший
И не простивший врагам,
Пьяный вином, сикером и сочиненьем стихов,
Женщинами, судьбою,
Пропахший насквозь грехом,
Я, потерявший сына,
Теряющий жизни вкус,
Я прикасаюсь к Тебе…
И, может быть, прикоснусь.

* * *

Вы — свет мира…
Мф. 5, 14

Если город стоит на высоком холме,
То ему не укрыться от ветра и взора.
И не надо светильник, зажженный во тьме,
Под фарфоровым спудом беречь от простора.

Мы стоим на горе, где стоят города,
Светим миру… Точнее, горим — от стыда…

ЛОВЦЫ ЧЕЛОВЕКОВ

— Наставниче! — Симон сказал в ответ. —
Всю ночь трудились, а улов — трава и ветер.
Нет рыбы в море. Видно, рыбы нет…
Но я по слову Твоему закину сети…

Наставниче! Не покидает страх,
Всю жизнь трудились — а не стали, словно дети.
Как уловить любовь в делах, стихах?..
Но я по слову Твоему закину сети…

УПОВАНИЕ

Да не скорбите, как прочие, не имеющие упования.
1 Фес. 4, 13

Ушли, и вернуться не смогут —
Не видеть лица дорогого.
Собрались нежданно в дорогу,
Оставив покойное слово.

А нам еще рано. Не вправе
Покинуть земные заботы.
В стихах надо что-то поправить.
И в душах поправить бы что-то.

В кафе привокзальном мы чаши
Блаженных и скорбных минут
Содвинем и выпьем… Без нашей
Надежды они не дойдут.

И наши суды и седины
Не перенести нам уже
Без их придорожных поминок
О нашей ревнивой душе.

* * *

Сердце верит, не устанет —
Гонит прочь
Время темных испытаний —
Эту ночь,
Одиночество и ветер,
Трепет сна…

И приходит на рассвете
Тишина.
Тишина — и сразу дорог
Каждый слог.
Что ж я плачу, как ребенок?!
Это Бог.

* * *

Слово «русский» запретно, поэтому честно и сладко, —
Чем настойчивей время твердит свою грозную месть,
Что нет русской души, нет ее непосильной загадки,
Что нет счастья для русской судьбы, — тем верней они есть.

Тем вернее, что время боится, лукавит, морочит
И, легко раздражаясь, клянет молчаливый народ,
И усердно скрывает под спудом египетской ночи
Вечность русского неба и русского утра приход.

Встанем, братья по слову запретному, справимся с ложью.
И помыслим о горнем. И вспомним знаменья святынь,
Что Отечество наше — Престола Господня подножье.
И о нем во спасение душ поревнуем.
Аминь.

* * *

Расплавятся тревога и отвага,
Мечта и горе обратятся в сплав.
И в некий час пойму, что это благо —
Судьба моя.
И Твой пойму устав.

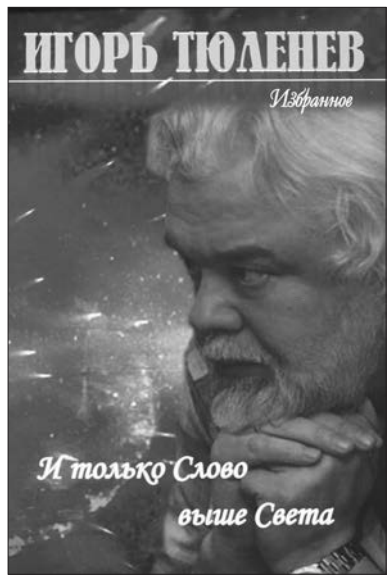
Что Ты так выбрал только ради света,
И этот выбор был необходим,
Чтоб научился я Твоим заветам —
Блаженным оправданием Твоим.

И станет ясным, для чего все было —
Слеза моя и немота Твоя…
То, что сегодня я понять не в силах,
То, что никак не понимаю я.

Вышла книга

Тюленев И. Н.

И только Слово выше Света. Избранное. М., Редакционно-издательский дом «Российский писатель», 2012. — 336 с.



В новую книгу известного русского поэта Игоря Тюленева вошли стихотворения, написанные в разные годы. Его поэзию отличают высокое гражданское чувство и духовная сосредоточенность.

Глубина поэзии Игоря Тюленева многослойна, за тонким слоем детства таится слой родовой памяти, а еще глубже зияет, поблескивая, толща отечественной истории, русской старины.

Духовная поэзия занимает значительное место в творчестве поэта. Вера в Бога и любовь к Родине — тот фундамент, на котором зиждется поэтический мир автора.

Творчество Игоря Тюленева — яркий образец истинно гражданского звучания.

Книга выходит к 60-летию поэта.

ПОЭЗИЯ



Татьяна МАРУГОВА

«ЧТОБ СВЕТИЛА РУСЬ МИРУ СОЛНЫШКОМ…»

Татьяна Владимировна Маругова — родилась в городе Подольске Московской области, окончила Академию народного хозяйства им. Плеханова, автор двух поэтических сборников «Вслед земли» (2011) и «Песнь венчальная» (2012), в настоящее время учится в Московском литературном институте им. М. Горького. **Живет в Москве.**

СОВЕРШЕНСТВО

Совершенства ищу, совершенства…
В людях, в жизни,
в природе, в любви,
И такое, такое блаженство
В совершенстве прожить свои дни.

Может гордо звучит, но по-Богу,
Что завет свой оставил для нас:
«Совершенными будьте для Бога,
Ибо Бог совершенен для вас».

* * *

Исследовать жизни теченье
Мне тайной послушной дано:
Такое души напряженье
Мне Богом нести суждено.
И мысли, и боль, и волненье
Лишь к вере одной устремить.
Молитву беречь от сомненья,
Надеяться, верить, любить
Россию любовью младенца,
Что мысль не имеет отнять
У чистого детского сердца
Свою ненаглядную мать…

ЛИЦА

Лица, лица, лица
мелькают,
Приходят, приносят
и «все понимают»:
Улыбки, поклоны,
хвалу, восхищенье,
Лобзанья, объятья
и благодаренье…

Разрывы, обиды, ошибки,
паденья,
И непониманье,
да и нехотенье…
Прощать, говорить,
презирать, осуждая,
Молчать и, обиды жуя,
не прощая,
Губить свое сердце,
готовить к паденью,
К вражде, неприязни
и непримиренью…

КОСТИ

Перемолвились кости под спудом могил:
О добре и о зле не поспорить…
Приговор оглашен — кто и что заслужил,
И его не стереть, не оспорить…

И что есть, то уж есть… Ибо каждый почил,
И костям бездыханным без лести,
Им делить уже нечего, ведь у могил,
Нет карманов, нет славы и чести.

Не поспорить о власти, о месте в строю,
О богатстве, законах, обидах.
Что костям говорить? У земли на краю
Они числятся в списках забытых…

Лишь табличка у крипты твердила одно —
Будто песни забытой напевы:
«Вы такие, как мы, только были давно,
Мы такие, как станете все вы…»

ЗАКОН СОХРАНЕНИЯ

Ну, сколько здесь еще нам быть?
В масштабах вечности — не много…
И долго ль на земле нам жить,
Идти до смертного порога?

Так день меняет быстро день…
И ночь… рассвет… и снова вечер…
И над землею словно тень
Проносит силуэты ветер.

Роса родится на траве,
Но, испаряясь, исчезает…
Исчезнем мы на сей земле,
Ведь даже звезды в небе тают…

Но… сохранения закон!
Его никто не отменяет,
И после смерти включит он
Нам фонари дороги к Раю…

Дойдем ли мы? Вот в чем вопрос…
Иль в ад… на вечное забвенье…
Как важно на земле всерьез
Учить законы сохраненья…

ВЕТЕР

Что за ветер гудит? Сила злобная,
Да по кронам деревьев вой.
Дерева не противятся скромные,
Лишь, клонясь, шелестят листвой.

У природы премудрость дивная,
У природы смирения стать:
И стволы у деревьев сильные
Не пытаются ветер унять.

Пусть бушует стихия севера,
Выдыхая зловещий стон.
Повинуясь, стволы у дерева
Благодарный кладут поклон.

ПЕСНЯ ВОЛЬНАЯ

Ой, долинушка моя дольная,
Песня ты моя, песня вольная,
Улетела вдаль голубинушкой,
Заплелась печалью-судьбинушкой.

Ой, ты жизнь моя одинокая,
Чернобровая, черноокая.
Я одна стою средь вольных волей,
Обнимаю Русь всей душой своей.

Обнимаю Русь необъятную,
Солью осолюсь невозвратною,
Упаду я в Русь мелким зернышком,
Прорасту, пробьюсь снова к солнышку.

И раскину ветви свободные,
И найдут там тень люди добрые,
Да укроются, Бога призовут,
Господу Христу славу воздадут.

Ой, ты Русь моя, воля вольная,
Ты краса моя больно больная,
Ты растишь в себе свои зернышки,
Чтоб светила Русь миру солнышком…

* * *

Если б стала твоей — завьюжило,
Замело б белым снегом мне жизнь.
Никогда ты мне не был суженым,
И в любви своей не клянись.

В теплой памяти не признавайся мне,
В нежной дружбе ушедших дней.
Если хочешь, просто признайся мне:
Как бы жил, если б стала твоей?

Стал бы мужем ты добрым
и верным мне?
Ты ответь мне, греха не тая…
Я ведь хрупкая, и, наверное,
Ты б сломал как тростинку меня.

Вспоминаю картину я грустную…
Вспоминая, благодарю
Эту взрослую и искусную,
Что встречала с тобою зарю…

Надломилось сердечко девичье,
Убежало прочь от тебя.
Стала я из подруги твоей — ничьей
И свободной, увы, от тебя…

Я б, наверно, любила и мучилась,
Да и слезы тихонько лила,
Мне Господь послал долю лучшую —
Меня жизнь по-другому вела.

Пораскинуты, поразбросаны —
Нашим судьбам сойтись не дано.
Не томи меня больше вопросами:
Все, что было, забыто давно…

ВОРОТИ КОНЯ

С пущенной стрелой,
Там, где неба тишь,
Знаю, ты за мной
В дальний путь спешишь…

Придержи коня,
Дальше не ходи.
Позабудь меня.
Пропасть впереди…

Грянет резкий гром,
И, упившись всласть,
Вместе пропадем.
Как нам не пропасть?

Руки заплетет
Ядовитый плющ,
В сердце вдруг забьет
Мертвой страсти ключ.

Упадем в снега,
Уплывем рекой
Не до берега,
В омут с головой.

Вороти коня,
Да ступай домой,
Ждет тебя жена,
А меня муж мой…

МАРТ

Тоскою темной опустилось
На город желтое пятно.
Во мрак столица погрузилась,
День лег на сумрачное дно.

Бегут усталые машины,
Торопит к дому шум колес,
И к женщинам спешат мужчины
С букетами замерзших роз…

ПРИВЕТ, ПАРИЖ…

Сегодня ждет меня Париж…
Я на свидание спешу.
Скажи, ты обо мне грустишь? —
Я город ласково спрошу.

Ты вспоминаешь обо мне?
И помнишь ли мой легкий след,
Мое дыханье в тишине
И мой восторженный привет?..

Привет, Париж, вернулась вновь
Увидеть стройные мосты,
И башни, крыши, и любовь
Что так открыто даришь ты.

И вновь я тихо побреду
В обнимку с серой мостовой,
И буду словно бы в бреду
Болтать о чепухе с тобой.

Скажу: ты тайна, ты мечта
Для многих и земных людей,
Тебе подвластна красота,
И ты, как раб, покорен ей…

Но ты же видел много зла,
Историю в камнях хранишь,
Скажи, мой друг, ты не устал
Быть первым из других, Париж?

Скажи, тебя не тяготит
Движенье вечное людей,
Где каждый первый норовит
Тобою завладеть скорей?..

И звон бокалов и монет,
И шумы модные балов,
И где всегда софитов свет
Зажечься для любви готов.

Скажи, когда ты отдыхал?
Когда молитвой был покрыт?
Ужель о помощи не звал
Молчания седой гранит?

И крутит, крутит пыль времен
Твои лихие жернова,
И всюду слышен сладкий звон,
И так кружится голова…

* * *

Уставшей пожелтевшей тропкой
Бегут, стараются часы,
Проводим мы полжизни в пробках
Московской вечной суеты.

Все время догоняем время,
Не в силах бег остановить,
Но любим, любим, тем не менее,
Столичных будней серых нить.

Дорог сплетение и судеб,
Печаль разлук и радость встреч.
Москва сама всегда рассудит,
Кого прогнать, кого сберечь.

Но коль кого она полюбит
И спрячет под своим крылом,
То не предаст и не забудет,
И даст пришельцу стол и дом.

Москва! И пусть тебя ругают
За суету и вечный бег,
Тебя всегда благословляет
Тот, кто влюблен в тебя навек.

Поэзия дипломатов



МОЯ СМОЛЕНКА

Стихотворения сотрудников и ветеранов МИД России

ОЛЕГ СЕЛЯНИНОВ

У МОГИЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

У стен Кремля святое пламя
Льет на могилу тихий свет,
Склонилось бронзовое знамя
Над памятью минувших лет.

Снимают шапку у могилы
С поклоном низким стар и млад,
Схоронен там в тиши унылой
Спасавший Родину солдат.

Его нам неизвестно имя,
И облик также незнаком.
Но он из тех, кто с честью принял
Жестокий, смертный бой с врагом.

Тогда в герои он не метил,
Не ждал заслуженных наград,
Он просто знал: рубеж намечен
И больше нет пути назад.

Одна, одна на целом свете
Страна, что с детства он любил,
И за нее он был в ответе, —
Народ судьбу ее вручил.

В бою, забыв о сне, о боли,
В пыли израненных дорог,
Собрав в одно: все силы, волю,
Он делал все, что мог…
да и не мог.

Он с нами в час салютный не был,
Что мир народам возвестил,
Но радость общую Победы
Своею кровью освятил.

Уходят в вечность люди, годы,
Стареют бронза и гранит,
Но подвиг твой, Солдат Свободы,
Звездой немеркнущей горит.

МИХАИЛ БАСМАНОВ

ПЛАНШЕТ

Сыну М.

Если пулями изрешечен
Я покину сей белый свет,
Приподняв осторожно за плечи,
Вы снимите с меня планшет.

В нем — «имущества» самая малость
Да тетрадь со стихами в нем,
Что писал я, когда писалось,
Меж боями и под огнем.

Да еще пожелтевшие снимки:
Как-то раз, накануне войны,
Мы с женою и сыном в обнимку
Были вместе запечатлены.

Им, прошу я, планшет отправить —
Все же память, какая ни есть!
Отказать вы солдату не вправе
Оказать последнюю честь.

Как жена — я гадать не намерен,
Если что — не берется в расчет.
Но сынишка, по крайней мере,
Пусть стихи фронтовые прочтет!

ГЕННАДИЙ РУСАКОВ

* * *

Пропарывает пласт разбуженное семя,
и капля точит шпат, а ржавчина — металл.
Неспешно жернова размалывают время,
но всем приходит срок, и мой уже настал.
Вот рядом дерева, родня, мои погодки…
Я все еще расту, но сердцем, не умом.
А возраст нас уже находит по походке
и помечает нас порубочным клеймом.
Я койку застелю, присяду на дорогу.
Казенное белье оставлю на виду.
И скину сапоги — все пригодятся Богу…
А я к тебе, Отец, и в тапочках дойду.

АЛЕКСАНДР ГЛАДКОВ

ЭЛЕГИЯ

Февраль струится в тишине
Предощущением потери,
Как в мрак разверзнутые двери
В болезненном и нервном сне.

На выход шаг — и ты летишь,
И рвешь руками плотный воздух,
И остро понимаешь — поздно:
Весны капель не воскресишь.

Необратимость перемен,
Закономерность увяданья.
И утонченные страданья
Небрежной радости взамен.

Февраль на смену января,
А вслед декабрь. И в звездном шлаке
Причудливо мерцают знаки
Надгорнего календаря.

АРТЕМ КОЗВОНИН

* * *

Она влюбилась, как дитя:
Презревши стыд, образованье,
Забыв про Божье наказанье,
Раз у него вдали семья.

О том и думая едва,
Она поехала на воды.
Она хотела — на полгода,
А получилось — навсегда.

Границы, реки и моря
Их безнадежно разделяют.
Она сама не понимает,
Как ей дожить до сентября?

Им остается СМС
И мэйлы слать сквозь это лето.
И тихий ангел Интернета
Им улыбается с небес.

СЕРГЕЙ ПОТЕХИН

РОЖДЕНИЕ ЗИМЫ

Озябшие раздетые бульвары,
Пронизанные мокрой полутьмой,
Встречали под вороньи «каррыварры»
Осенний день, беременный зимой…

В нем во́ды заполняли
все пространство,
Рождали ветры в схватках сквозняки,
Наряд зеленый летнего убранства
В подземные попрятав сундуки.

Упрямая сырая непогода
Несла с собой обиду и невроз,
И ночью поднатужилась природа,
Позвав на помощь солнце и мороз.

А утром первый снег упал, и сразу
Увидел мир, как, радуясь сама,
Румяна и свежа, и синеглаза
Из лона осени является зима.

ШАМИЛЬ НУГАЕВ

ВРЕМЕНА ГОДА

Глядя на окна, узором покрытые,
Слышу, как вьюга гудит во дворе.
Холод и сырость, и ветры проклятые,
Как надоели вы за зиму мне.

Солнце вставать стало раньше над городом,
Тают снега, потекли ручейки.
Тучи дождливые, капли за воротом,
Но все длиннее светлые дни.

Солнце поднялось, застряло в зените.
Жаркое марево вязко плывет.
Даже река закипает в граните,
Город, сгорая от зноя, живет.

Свежей прохладой от неба повеяло,
Дышится легче и мыслям светлей.
Солнечным ветром деревья просеяло —
Стала листва покрывалом аллей.

Ранняя осень — мечта москвитянина,
Как для бездомного пса — конура.
Пусть же весь год она сладостно тянется,
Благословенна мечтаний пора.

Вновь месяца подступают холодные.
Мгла над Москвою, как где-то в глуши.
Зимняя шапка, как кошка голодная.
Так не хватает тепла для души!

ЛАДА СТРУНИНА

ВОРОБЬИШКЕ

Я не знаю ничего об этом…
Я не знаю ничего о том…
Маленькой, взъерошенной и бедной,
Чья-то жизнь вспорхнула воробьем!

Много их у городских помоек:
Разлетятся стайкой — только тронь!
Прошлое свое уже не помня,
Чья-то жизнь уселась на ладонь…

Все ли ведомы нам мысли Бога?
Кареглазой капелькой души —
Кто он? В птичьем голосе тревога —
По газону пыльному спешит…

Хлеб размокший на сыром асфальте,
В нашей власти: дать или отнять…
Я не знаю ничего о счастье,
Наше счастье пишется в тетрадь.

Кто мы? И какое наше право?
На каких скрижалях есть ответ?
Жизнь пройдет, и так же для забавы
Кинут нам буханку на обед.

ВАЛЕРИЙ СОРОКИН

* * *

Ночь. У речки черный камень.
В речке черная вода…
Безвозвратно, навсегда
все мы,
все мы
в вечность канем.

Предначертано давно:
что бы ни случалось с нами,
рано ль,
поздно ль —
все равно
все мы,
все мы
в вечность канем.

Небо, звезды, лунный рог —
в этом странном мирозданье
лишь у наших жизней срок.
Все мы,
все мы в вечность канем.

К жилке на твоем плече
прикасаюсь я устами —
поживем же, прежде чем…

Утро. Раскрываю ставни.

Беседа



ИНТЕРВЬЮ ГОСПОДИНА РАДОВАНА КАРАДЖИЧА С ЛИЛЯНОЙ БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ ДЛЯ ЖУРНАЛА «РОДНАЯ ЛАДОГА»



Мы считаем, что среди всех сербских поэтов XXI века Вы являетесь самым последовательным борцом за свободу сербского православного народа, который на протяжении своей истории до сих пор подвергался невиданным страданиям и искушениям. Что дает Вам силы, и что является для Вас опорой в этой борьбе?

Благодарю за слишком завышенную оценку. Я считаю, что существует целая плеяда писателей, обладающих высокими качествами, особенно среди сербов, которых с полным правом можно назвать борцами за свободу. Они противостояли любой тирании, чего бы им это не стоило. Может показаться, что они многого не достигли, а только пожертвовали собой, но я думаю, что ими многое было сделано, хотя бы потому, что они передали, как эста-

---

Радован Караджич — родился в 1945 году в Петнице, Черногория. Окончил медицинский факультет Сараевского университета. Первый президент Сербской Республики в Боснии и Герцоговине (1992–1996). Поэт, драматург, прозаик, публицист. Автор книг для детей. Объявлен вне закона пронатовским «мировым сообществом». Выдан гаагскому трибуналу.

Лиляна Булатович-Медич — родилась в 1940 г. в Томашево, Черногория. Окончила филологический факультет Белградского университета. Член СП Сербии. Член СП России. Лауреат премии «Имперская культура» и «Золотой Витязь». Известная сербская писательница и журналистка. Автор многих книг, вышедших в Сербии и за рубежом и неоднократно переизданных: «Ратко Младич» (1996) — 6 изданий, «Радован» (2002) — 3 издания, «Завет матери Радована Караджича» (2003) — 2 издания, «Рапорт коменданту» (2009, 2010). Член редакционного совета журнала «Родная Ладога». **Живет в Белграде, Сербия**.

фету, следующему поколению дух свободы. И если сегодня нам чего-то не хватает и, вероятно, будет еще больше не хватать в ближайшем будущем, — так это образцов для подражания — начиная с родителей и учителей и заканчивая руководителями страны.

Если говорить о тирании, я думаю, что моему поколению повезло — тирания в наше время была незрелой, а потому честной и откровенной. Наступает время ее утонченного проявления (политкорректность), которое смогут распознать и противостоять которому смогут только чрезвычайно сильные духом. Уже сегодня в мире очень немного людей сильным духом, которые понимают, что началось с гонения на сербский народ. Не говоря о русских, греках и других родственных народах, которые понимают происходящее в силу своего внутреннего духа. Существуют независимые личности и на Западе, как, например, покойный Пинтер, Хомский, Деметриус Т. Аналис, Ив Батай, Питер Хандке, некоторые известные члены Академии Наук Франции и другие личности, имена которых я не буду перечислять, чтобы не забыть кого-то. И в Америке есть исключительно мудрые личности, которые все понимают.

Что касается опоры и поддержки, то я думаю, что это решается, когда человек выбирает истину и справедливость в соответствии с зовом сердца, иными словами, Бога. В этом кроется источник помощи, который невозможно выразить цифрами, в силу того, что сердце расчетами и цифрами не занимается.

В каких обстоятельствах Ваш поэтический дар помогает, и есть ли ситуации, когда этот талант Вам мешает?

Человек — это единство его существа, как наследия, так и приобретенного опыта, плюс миллиарды ощущений, и все это вместе взятое в его онтологическом бытии, скорее на подсознательном, а не на сознательном уровне, аккумулируется и сохраняется в нем самом. Способствовало ли моей работе какое-либо из дарований, которыми я был наделен, как и любой другой человек, я не знаю. Я знаю, что способность любить прекрасное отчасти возникла у меня в результате чтения великих произведений, в основном российских авторов. И это, без сомнения, помогало мне принимать правильные решения и избегать ошибочных. Если говорить о таланте или даровании, то я считаю, что каждый, кто приходит в этот мир, наделен тем или иным даром Божьим, который, возможно, он никогда не осознает. Я считаю величайшей потерей времени и ресурсов, когда человек занимается тем, к чему у него нет никакого призвания. И всегда в таких случаях мы обманываем сердце, идя на поводу у конформизма.

Есть у Вас сейчас время для стихов?

К сожалению, у меня совершенно нет времени для того, чтобы что-то читать, не говоря уже о том, чтобы что-то писать. Поэтому я никак не могу дочитать замечательные книги моих друзей (Ного, Тохоль, Джого и др.). Я сумел только наспех просмотреть их. Я люблю читать современных авторов, особенно из числа друзей. В то время, когда я скрывался в горах, я написал комедию по названием «Ситовация» (так в народе произносят слово «ситуация», но в моем случае это имеет иной смысл: сыт (*сит*) — этой (*ова*) — ЦРУ (*ЦИА*)), а также роман «Хроника прекрасной ночи».

Как Ваше прошлое подготовило Вас к нынешним испытаниям?

Я не думаю, что мой профессиональный опыт каким-то образом непосредственно подготовил меня к защите. Хотя я приобрел уникальный жизненный опыт, и это опыт цельного человека. Я считаю, что мне помогает постоянное совершенствование в области психотерапии, благодаря чему я обладаю большой работоспособностью и способностью лучше понимать окружающий мир и других людей. Это также помогло мне выдержать долгие и изнурительные переговоры, которые сербская сторона вела под беспрецедентным давлением.

Почему в Боснии невозможен мир?

С самого начала у меня теплилась надежда, что войны не будет. Именно поэтому я не участвовал в выборах 1990 года. Я по-прежнему уверен, что войны можно было избежать, если бы не было заинтересованности в ней со стороны определенных сил за пределами Боснии и Герцеговины. Речь идет о том, что сербы согласились с предложениями мусульман: предложением Изетбеговича — разделить Боснию на три этнических анклава и с предложением Зулфикарпашича–Филиповича о необходимости приостановления регионализации с тем, чтобы Босния оставалась в составе Югославии в качестве единой унитарной республики как член Федерации. Иностранные державы, или, по крайней мере, две из них, оказали давление на Изетбеговича, убеждая его не соглашаться на мирное урегулирование и призывая к развязыванию войны, потому что «Босния и Герцеговина принадлежит ему».

Итак, 19 марта 1992 года все мы праздновали освобождение Боснии и Герцеговины, потому что за день до этого был принят Лиссабонский договор посла Португалии, г-на Кутильеро. Данное соглашение в основных чертах схоже с Дейтонским соглашением, к которому стороны пришли после трех с половиной лет войны, жертвами которой стали сотни тысяч убитых, войны, в результате которой разрушены многие города, и, что самое страшное, разрушены взаимоотношения между нами, и особенно между мусульманами и двумя христианскими анклавами.

Что касается *наивности*, то она в сербском языке даже на уровне лексики родная сестра *невинности*. Но даже тогда, когда провалились все надежды на мирное урегулирование, необходимо и дальше выступать за мир, потому что так мы становимся «сынами Отца небесного», как говорит Христос (*Евангелие от Матфея, Гл. 5, стих 45, прим. переводчика*).

Кроме Лиссабонского договора и плана Кутильеро, которые приблизили нас к миру, большие шансы на достижение мира появились осенью 1993 года, и связаны они с планом Оуэна–Столтенберга. Реализация этого плана разрешила бы хорватскую проблему в Боснии и Герцеговине, которая не разрешена до сегодняшнего дня и представляет собой серьезный источник нестабильности в Федерации Боснии и Герцеговины, да и во всем регионе.

Каково иметь дело с крупными государственными деятелями, и какое отношение они могут иметь к Вашему судебному процессу?

Я не уверен, что обвинение против меня выдвинули крупнейшие государственные деятели. Во время переговоров мы имели дело с некоторыми

действительно выдающимися переговорщиками, которые отличались высокой моралью и заботой о происходящем. Переговорщиками, которые с пониманием относились к позициям трех сторон, и даже отдавали себе отчет в греховных действиях Запада в этой войне. Но, с другой стороны, мы видели немало амбициозных, безответственных и самодовольных бюрократов, которые лезли из кожи вон в своем стремлении «выдать» своим боссам больше, чем от них требовалось и, таким образом, способствовали продолжению войны. Вспомним, например, покойного посла Холбрука, который хвастливо заявлял, что ему удалось достичь в переговорах со мной больше, чем предусматривалось Дейтонским соглашением. Так, он считал, что вынудил меня уйти с поста в Сербской демократической партии (СДС), хотя данная функция не являлась публичной, и уход с этого поста не являлся обязательным условием по указанному соглашению. Кое-кто из тех амбициозных политиков даже надеялся получить Нобелевскую премию мира, и можете себе представить, с какой злостью они обрушились на меня, когда ничего не получилось.

Теперь пришла пора сказать, что все это не имело никакого отношения ни к нам, сербам, ни ко мне лично, ни к справедливости. Это не было каким-то отдельным событием, а было продолжением предыдущих войн, но уже в форме пересмотра исхода, и прелюдией к войнам последующим.

В своих письмах к друзьям, написанных еще в январе 2000 г. (Книга «Ночная переписка», ИГАМ) я высказал свои предчувствия, что финансовой системе Запада грозит крах и что войны будут способом оттянуть этот крах. Если бы не было 11 сентября 2001 г., этот финансовый крах наступил бы уже в первые годы XXI столетия. Он также наступил бы раньше, если бы не войны в Афганистане и Ираке, и откладывался бы и дальше, окажись Иран слабее. Но, в любом случае, это — путь к гибели, и конца этого пути не видно, и нет конца жертвам во имя сохранения уродливой модели миропорядка.

Эти якобы хозяева миропорядка готовы изменить всё и вся, но только не самих себя и этот миропорядок. Даже при том, что у них на глазах укрепляются такие крупные экономические державы как Китай, Япония, Индия и Бразилия, они по-прежнему рассматривают Россию как источник угрозы, как будто околдованы ею и ее мифической мощью. И это несмотря на то, что у России нет традиций по завоеванию Запада, и она не ведет войн с другими имперскими державами за мировые рынки сырьевых ресурсов и не навязывает своей идеологии другим.

Тогда в чем же проблема? Ну, допустим, речь идет о национальных ресурсах России. На самом начальном этапе нашего кризиса я думал, что речь идет о том, чтобы взять в окружение Сербию, чтобы силой навязать ей решение. Если не считать реки Дрины, то Сербия действительно оказалась в окружении, и ей было навязано решение проблем. Аналогичные планы существуют и по отношению к России и не в целях ведения против нее военных действий, а чтобы взять ее в кольцо и получить, тем самым, возможность диктовать ей свою волю. Но это не пройдет. В стихах хорватского поэта-романтика Мажуранича есть слова: «Бойся тех, кто может смерть принять без страха смерти!». А русские, также как и сербы, привыкли умирать без всякого пафоса за такие ценности, как Свобода.

Сербы проиграли две мировые войны в тот момент, когда их англо-американские союзники, ослепленные стереотипами русской угрозы, повернулись к ним спиной и позволили Германии заняться переустройством Европы. Таким образом, сербы, которые всегда находились между Востоком и Западом, устремились в сторону Востока, т. е. в сторону России, которая сама в настоящее время становится Западом. Именно поэтому, бросая сербов и, более того, выступая против них, наши англо-американские союзники и сами проиграли Вторую мировую войну. Не оказалось никого, кто был в состоянии противостоять мирному покорению Европы со стороны Германии. Свою самую большую ошибку — выход из Пакта Молотова—Риббентропа они никогда больше не повторят. Ситуация развивается в сторону установления прочных жизненных связей между германизированной Европой и Россией. Сегодня мы имеем совершенно иную Европу, да и мир в целом, в котором англо-саксонский фактор теряет Европу. Это произошло именно с того момента, как вектор повернулся против сербов. В силу своего расположения и духа непокорности, Сербия часто была индикатором взлета и падения империй.

Как следствие, судебный процесс над лидерами непокорных народов был необходимым, чтобы оправдать собственные грехи в разжигании локальных конфликтов, и как прецедент — бессмысленную и беспричинную бомбардировку малых стран и показательное преследование лидеров этих стран. Поэтому я не уверен, что эти игры ведутся теми политиками, с которыми мне довелось встречаться. Вместе с тем я считаю, что очень влиятельные силы руководили этой игрой. В большинстве своем их имена неизвестны и они представляют бизнес, а не политические круги. Причем, бизнес с краткосрочными интересами, не ориентированный на долгосрочные имперские цели. Империи, как правило, обречены на короткую жизнь.

Как проходили переговоры?

Если говорить о наших оппонентах, то здесь самые плохие переговорщики — это лгуны. При этом я провожу границу между «лгуном» и обманщиком, но сейчас не место и не время объяснять разницу. Итак, лгуны — это люди без всяких моральных устоев, от которых нельзя ожидать соблюдения условий договора. С такими иметь дело хуже всего. Что касается местных переговорщиков, у меня сложилось хорошее взаимопонимание с хорватскими лидерами в силу того, что мы находились в аналогичной ситуации и хорошо понимали друг друга. Может показаться абсурдным, что мы рассматривали мусульман как сербов, которые иногда оказывались на стороне хорватов, воюющих против сербов, а это еще больше усиливало конфликт между сербами-мусульманами и сербами православной веры. Я никогда не пойму, почему мусульмане не пошли за Зулфикарпашичем. Или за Абдичем. Сегодня народ был бы счастлив, сохранилась бы часть Югославии, и не было бы никакой войны.

К сожалению, я должен отметить, что немецкие переговорщики никогда не стремились понять позиции всех трех участников. Казалось, что они дали клятву действовать против интересов сербов. Это очень прискорбно, поскольку в менталитете сербов и немцев много общего, и потому что существует длительная история их плодотворного экономического и культурного

сотрудничества. Вук Караджич также является частью такого сотрудничества. Если можно в чем-то позавидовать хорватам, так это в их длительном альянсе с немцами во все времена и при всех обстоятельствах. Легче всего было вести переговоры с посредниками из тех государств, которые не являются членами НАТО, т. е. из стран Азии или Африки. У меня остались превосходные впечатления от общения с представителями из Японии, и не потому, что они были настроены просербски, а потому что они были действительно заинтересованы в том, чтобы понять стороны. Также у меня остались хорошие воспоминания от общения с представителями из скандинавских стран.

Как Вам удается пережить существующую ситуацию?

Я легко переношу пребывание в тюрьме, вероятно, потому, что работаю по 15 часов в сутки. В конце концов, для меня это не первый опыт заключения под стражу. Я имел «честь» находиться в предварительном заключении в Боснии в течение 11 месяцев «ни за что», хотя «ни за что» можно задержать только на 6 месяцев. Сейчас мне предстоит ознакомиться с несколькими сотнями тысяч документов, более трех миллионов страниц. И это надо все понять и разложить по категориям в соответствии с темами и свидетельскими показаниями. Даже при том, что мне оказывают огромную помощь мои близкие коллеги, которые хорошо известны в обществе, и, особенно, авторитетные правоведы из Сербии (К. Чавошки, С. Аврамов), писатели и научные работники (М. Иванишевич, А. Маркович и др.), а также специалисты из многих других стран, все это должно пройти через мои руки, потому что фактическую сторону дела я знаю лучше, чем кто-либо.

У меня нет проблем ни со сном, ни со здоровьем, я засыпаю и просыпаюсь с молитвой. Я хотел бы, чтобы все люди ложились спать с простой молитвой: «Господи, помилуй». Если эту молитву долго повторять, то она, при соблюдении поста, приводит к совершенно невероятным результатам, чудесам. Вообще я уже несколько десятков лет, оказавшись в затруднении и не зная, как поступить, задаю вопрос: «Боже, что бы ты сделал на моем месте?», и ответ приходит сам собой. Как поступил бы Господь в данной ситуации: ему оставалось бы только бороться за правду, молиться и поститься.

В тюрьме мне не приходится строить планы повседневного выживания. Мне не нужно зарабатывать деньги, как это делает доктор Д. Д. Дейвид, поскольку проживание и частично питание оплачены. Во всем остальном мне помогают семья и друзья. Все остальное, человеческое, не исчезает и в тюрьме, а, наоборот, усиливается. Прежде всего, тоскуешь по семье. Затем, потребность в друзьях. Я счастлив иметь и то, и другое. У меня большая и преданная семья, у меня много верных друзей, особенно старых друзей, с которыми я дружу уже 50 лет. Но все-таки больше всего мне не хватает внуков. Я хотел бы принимать участие в их воспитании, играть с ними, баловать их. Но, хорошо, что, по крайней мере, с ними моя Лиляна.

Что Вам снится?

Мне со снами на редкость повезло: как правило, это простые и приятные истории. Я полагаю, что они полны смысла, но у меня нет времени

заниматься их толкованием. Чаще всего мне снятся родные, семья, а также друзья, включая и тех, которые уже в мире ином, с Богом. Это еще одно доказательство того, что сновидения совсем не простая вещь, как мы думали, потому что все, ушедшие от нас, все еще с нами. Разумеется, потребность в хорошей музыке и литературе чувствуются повседневно, но и это не главное. Для того чтобы писать, нужно много времени, нужно удалить из памяти все нелитературные коды языка, чтобы их место заняло непонятийное мышление, размышление образами и картинами, почти первичный мыслительный процесс. Что касается моих стихов, то они иногда приходят мне на ум, но реже, чем стихи моих друзей или таких непревзойденных поэтов как, например, Негош. В последнее время я часто перифразирую его мысль: «Лисий нрав волку не нужен» и каждый раз задумываюсь, что имел в виду Владыка. Я полагаю, что для меня это означает, что не следует лукавить там, где нужно огрызнуться и возмутиться.

Каково отношение России к Вашему делу?

Мне понятны причины, по которым Российское Правительство в большей мере не вмешивается в этот процесс, хотя он в значительной степени отражает и роль Совета Безопасности во всем. Прагматизм подсказывает, что вся несправедливость, которая была совершена по отношению к Сербии, сыграла на руку Российскому государству, так как еще больше привязала сербов к России. Я не хочу сказать, что именно так мыслят стратеги из правительства, и я их понимаю — национальный интерес, «raison d'etat» — превыше всего. Боюсь, что от имени ООН делаются такие вещи, которыми они не смогут гордиться. Посмотрим, что из этого всего получится, подождем апрельского заседания Генеральной Ассамблеи.

Вместе с тем, мы ощущаем огромную поддержку со стороны российских писателей, ученых, интеллектуалов, режиссеров и обычных людей в поддержку нашего дела, и это, конечно, очень трогательное явление, особенно для меня лично. Российские писатели, со многими из которых я встречался в Москве или в Сербии, имеют двойной повод для симпатии ко мне: мое литературное творчество, моя борьба за свободу и панславизм. Но академик Шафаревич, который вместе со своей женой навестил нас, несмотря на свой преклонный возраст, поддержал нас не как писатель, а как ученый. Это великий человек, который принадлежит всему миру. Упоминая имя академика Шафаревича, я не могу не упомянуть Академию и всех тех, кто сочувствовал нам и поднимал голос в поддержку. Я ощущаю поддержку со стороны отдельных писателей Союза писателей России, а также многих других ассоциаций, которые оказывают мне поддержку. Что касается Балкан, то и настоящие люди оттуда постоянно находятся в контакте со мной. Вы удивитесь, если узнаете, как много этих людей, кто они и из каких стран. Уже не говоря о моих давнишних друзьях из России, Украины, Словении, Польши, Испании, Португалии, Греции, Болгарии, США, скандинавских стран, Голландии. Я получаю множество писем поддержки от людей, которые понимают, что происходит. Это радует, вдохновляет и вселяет надежду на то, что этот мир будет существовать, пока живут, как и в Содоме, справедливые и честные люди. Также я понимаю отсутствие поддержки со стороны правительства Сербии на Балканах, зная, какое давление на него оказывается. Только бы они заметили, когда это давление прекратится, а я

уверен, что со сменой состава в отдельных администрациях, которые воевали против нас, это давление действительно стало меньше.

Как Вы оцениваете команду Ваших защитников?

Мне действительно повезло с моими защитниками. Их число ограничено в соответствии с правилами, и многие представляют мои интересы «*pro bono*», т. е. без оплаты. А те, кто получают оплату, делают несоизмеримо больше получаемой оплаты. У меня замечательный адвокат из США, г-н Робинсон, который отлично разбирается в вопросах применяемого здесь общего права. В период, который предшествовал судебному процессу, мне оказывали помощь известные юристы с нескольких континентов. Сейчас оттуда приезжают молодые стажеры и работают по нескольку месяцев. Эти молодые специалисты — надежда на спасение мира. Мой опыт общения с ними опровергает все наши заблуждения о молодежи тех стран. Они кажутся чистосердечными, усердными, приверженными идеям истины и справедливости, и я уверен, что они такими останутся. Мои остальные консультанты и помощники совершают поистине чудеса — они быстро находят многочисленные документы и обслуживают электронную систему. Например, им удалось разыскать свидетелей, с которыми на Балканах работают следователи. Это масштабный судебный процесс как для прокуратуры, так и для защиты. И это делается для того, чтобы открыть всю правду о нашей войне.

Что Вы собираетесь делать в случае Вашего освобождения?

Когда я окажусь на свободе, я займусь любимыми делами, название которых начинается с буквы «П». Раньше этих «П» было четыре: Семья (**П**ородица), Друзья (**П**риятели), Психиатрия (**П**сихиатрия) и Поэзия (**П**оэзия). Сейчас сюда затесалось, не по моей воле, и пятое «П» — **П**олитика. Я уверен, что наиболее важными для меня по-прежнему будут: Семья, Друзья и Поэзия, или в стихах, или в прозе. Я надеюсь, что смогу наверстать упущенное в общении с моими внуками. По ним я особенно скучаю...

Ваш Р. Караджич





Валерий ЕГОШКИН

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ В АЛЖИРЕ

В последние два десятилетия появилось немало публикаций о судьбах наших соотечественников, рассеянных по всему свету после октября 1917 года и последовавшей за ним Гражданской войны. Отрезанные на долгие годы от родной земли, они в любых, самых тяжелых условиях, несмотря на, казалось бы, полную безысходность, поколениями не утрачивали русские корни, бережно сохраняли свой язык, культуру и веру, передавая их своим детям и внукам. Многие тысячи русских людей оказались в Северной Африке. Большая часть из них была эвакуирована из Крыма и с Кубани эскадрой Черноморского флота, прибывшей на французскую военную базу в Бизерте (Тунис) в конце 1920 года, остальные — доставлены английскими военными кораблями в Александ-

---

Валерий Евгеньевич Егошкин — родился 3 января 1944 года в Москве. В 1967 году окончил факультет международных отношений (восточное отделение) МГИМО МИД СССР. Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. Владеет арабским, французским, английским, немецким и сербским языками. С тремя из них обеспечивал переводы на высшем уровне. Работал на дипломатических должностях в посольствах СССР в Алжире и Тунисе. В 1995–2000 годах был послом Российской Федерации в АНДР, в 2000–2002 годах — в СРЮ, в 2005–2011 годах — в Кении и постпредом РФ при международных организациях, аккредитованных в Найроби. В центральном аппарате МИД занимался отношениями со странами Северной Африки, с государствами Сахеля и Центральной Африки, курировал проблемы Закавказья и Турции, разграничение в морских акваториях с Украиной. Автор популярных книг для детей и взрослых по Северной Африке (фольклор, нравы, обычаи). Награжден орденом РПЦ преподобного Сергия Радонежского II степени. Является почетным гражданином г. Алексинац (Сербия). Зам. Председателя Совета Ассоциации Российских Дипломатов. **Живет в Москве.**

рию (Египет). Это были не только военные, связанные с белым движением и служившие под началом барона Врангеля, но и гражданские специалисты, представители интеллигенции, воспитанники кадетских училищ. В начале 50-х годов прошлого столетия в Северной Африке постоянно проживало более 4 тыс. русских, не считая тех, что служили в Иностранном легионе. Помимо эмигрантов «первой волны» в это число вошли т. н. «перемещенные лица», оказавшиеся в ходе Второй мировой войны в Германии и переселенные в Марокко и Тунис. О русских диаспорах в Египте, Тунисе и Марокко к настоящему времени опубликовано немало достаточно объемных материалов. Интерес, в частности, представляет диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук В. Е. Колупаева «Русские в Северной Африке, 1920–1998». М., 1999. Однако сведения о русской диаспоре в Алжире представлены весьма скудно, а подчас и неточны.

Русские беженцы появились в Алжире сразу же после расформирования Русской эскадры, прибывшей в Бизерту. Ими был образован «Cercle Russe d'Alger» (Русский кружок г. Алжир), по некоторым данным зарегистрированный как культурно-просветительское объединение уже в 1921 году. При нем функционировала небольшая библиотека, книги в которую поступили с российских военных кораблей и из чудом уцелевших небольших личных собраний беженцев. На этих книгах, в частности, сохранились штампы «Севастопольской морской офицерской библиотеки», «Командной библиотеки роты гидроавиации Черного моря» и др. При объединении возник православный приход и была оборудована домовая церковь, для чего использовалось доставленное из Туниса имущество корабельных церквей. Приход получил название Свято-Андреевского (святителя Андрея Первозванного). Настоятелем в нем был протоиерей Евфимий Лагодовский. В сохранившейся метрической книге другого православного прихода Алжира — Свято-Троицкого имеются записи о произведенных отцом Евфимием в Свято-Андреевской церкви обрядах крещения в 1932–1946 годах. Позднее имущество прихода святителя Андрея, который какое-то время пользовался помещением Англиканской церкви, было передано Свято-Троицкому приходу, существовавшему с ним параллельно с 1935–1936 года. В архивах Свято-Троицкой церкви сохранился список «обстановки, переданной приходом св. Андрея». В нем упоминаются: жертвенник, свечной ящик, три аналоя, два подсвечника, хоругви, купель и другая церковная утварь. А также Евангелие и различные книги религиозного содержания.

Становление Свято-Троицкого прихода связано с направлением в Алжир Первоиерархом РПЦЗ митрополитом Антонием (в миру Алексей Павлович Храповицкий) в июне 1935 года протоиерея Василия Шустина. Уже в январе 1936 году отец Василий во временном помещении стал совершать обряды бракосочетания и крещения и выдавать соответствующие метрические свидетельства, а 6 сентября 1937 года направил сменившему митрополита Антония митрополиту РПЦЗ Анастасию (Грибановскому) доклад о перемещении церкви в помещение, которое она занимала все последующие годы. Это был подсобный нижний этаж многоэтажного жилого дома, расположенного недалеко от центра города на бульваре де Телемли (ныне бульвар Салах Буаквир, д. 39). По некоторым данным, помещение принадлежало греческому владельцу, предоставившему его русскому православному приходу на льготных условиях. Хотя служба и документация в церкви

велись на русском языке, а иконы и все оснащение были чисто русскими, на планах города и в публикациях печати она обозначалась только как Православная Церковь, никогда — как Русская. Основная масса прихожан были русскими, однако в Свято-Троицкой церкви Алжира исповедовались и причащались все православные — греки, французы, арабы. Согласно метрической книге в церкви проводились крещения детей греческих и других иностранных граждан, обращение в православие иноверных супругов прихожан, венчание иностранцев, выдача всех необходимых сертификатов не только на русском и французском, но и на других языках. Характерно, что Александрийский Патриархат, не имевший в Алжире, входящем в его каноническую территорию, собственных храмов, не выражал претензий в отношении церкви, находившейся в управлении РПЦЗ, в то время как строительство русского кафедрального храма в Тунисе, где у греков в центре города имелась собственная церковь, было встречено враждебно.

Настоятель Свято-Троицкой церкви протоиерей Василий Васильевич Шустин был личностью неординарной. Оставленные им записи — один из важнейших имеющихся у нас источников информации о святом праведном Иоанне Кронштадтском (протоиерей Иоанн Сергиев, 1845–1913 годы) и об Оптинских старцах, в частности схиархимандрите Варсанофии (Плиханкове), духовным чадом которого он считался, и сменившем его иеросхимонахе Нектарии (Тихонове).

Родился В. В. Шустин 30 марта 1886 года в Санкт-Петербурге в состоятельной благочестивой семье (его отцу принадлежал дом в столице и большая каменная дача на Финском заливе). Василий, его старший брат Михаил и младшая сестра Мария рано остались без матери, урожденной Марии Бушковой. В 1903 году их отец вторично женился, предварительно испросив благословения у Иоанна Кронштадтского, уже тогда пользовавшегося огромным авторитетом в Петербурге. С этого времени отец Иоанн стал бывать в их доме и принимать Шустиных в своем храме в Кронштадте. Он стал крестным сводной сестры Василия Анны. В своих воспоминаниях В. В. Шустин рассказывает, как Иоанн Кронштадтский исцелил его отца, едва не умершего от горловой чахотки, а младшую сестру вылечил от черной оспы. К вере Василий, по его собственному признанию, стал серьезно приобщаться лишь с 17 лет. Поступив в Электротехнический институт Санкт-Петербурга, он начал посещать молодежные религиозные собрания и совершать паломничество в Оптину пустынь, где сблизился со старцем Варсонофием, в прошлом боевым офицером, полковником. Именно о. Варсонофий познакомил его с будущей супругой — Анастасией Дремичевой. Девушка собиралась уйти в монастырь, но старец убедил ее выйти замуж за своего духовного воспитанника. Молодые обвенчались сразу после кончины о. Варсонофия в 1913 году и прямо из церкви пришли на его могилу.

С началом Первой мировой войны В. В. Шустин офицером ушел на фронт. В Гражданскую войну воевал в составе Добровольческой армии. Он трижды тяжело переболел тифом и однажды даже был признан врачом умершим. По свидетельству его сестры Марии, когда его стали готовить к укладке в гроб, он неожиданно для всех вдруг стал подавать признаки жизни. Потом о. Василий говорил, что в тот момент ему явился образ старца Варсонофия, обозначивший, что умирать ему рано. Его отец и младшая сестра Аня не пережили тягот скитаний, а сестра Мария оказалась в Поль-

ше. Сам В. В. Шустин в 1920 году эмигрировал, но его жена из России выехать не смогла. Попав в Югославию, он стал преподавать физику в Русском кадетском корпусе города Бела Црква. Там в 1929 году небольшим тиражом вышла его «Запись об отце Иоанне Кронштадтском и об Оптинских старцах». Инициатором опубликования этих воспоминаний стал, по некоторым данным, известный в российской колонии иеромонах Иоанн (Шаховский). В 1930 году В. В. Шустин получил сан священника и до 1935 года служил в Сербии, где снискал себе любовь и уважение прихожан. В начале 1935 года в связи с обращением созданной в Алжире Ассоциации «La colonie russe d'Alger» («Русская колония в Алжире») руководство РПЦЗ, находившееся в Сербии, приняло решение назначить его настоятелем православного прихода в Алжире. К новому месту службы отец Василий прибыл 16 июня 1935 года и до 1964 года Алжира уже не покидал. В 1937 году из Польши к нему приехала его сестра Мария, взявшая на себя всю работу по ведению церковного хозяйства.

Свято-Троицкая церковь постепенно стала средоточием жизни всей русской диаспоры. Там проводила свои собрания Ассоциация «Русской колонии» — преемница «Русского кружка». Ее бессменным руководителем с конца 40-х годов был Лев Павлович Долгушин. Ассоциация, в частности, ставила вопрос о постройке церкви, о чем отец Василий докладывал в октябре 1951 года в Тунис архиепископу Пантелеймону (в миру Петр Рудых), в ведении которого в тот период находился приход. В мае 1955 года настоятель обратился с просьбой к митрополиту Анастасию разрешить сбор средств на покупку помещения церкви. Судя по всему, речь уже не шла о строительстве новой церкви, а о приобретении помещения, которое она занимала и которое принадлежало грекам. Подписные листы были подготовлены Л. П. Долгушиным в 1957 году, их фотокопии отец Василий направил в январе 1958 года протоиерею Митрофанию Зноско-Боровскому — настоятелю Успенского и Свято-Троицкого храмов в Касабланке (Марокко), в подчинение которому перешел приход. Судьба собранных денег неизвестна, скорее всего они были использованы для других нужд РПЦЗ, во всяком случае информации о переходе помещения Свято-Троицкой церкви в собственность Ассоциации «Русской колонии» найти не удалось.

В помещении церкви находилась и библиотека «Русской колонии в Алжире», в которой насчитывалось несколько тысяч книг. Помимо литературы, собранной еще «Русским кружком» в 1920-е годы, появились книги эмигрантских издательств Парижа, Берлина, Праги, Белграда, Риги, Таллина, Харбина, Шанхая, а затем и Нью-Йорка, Мюнхена, Буэнос-Айреса и целого ряда других центров русской эмиграции. Были представлены и советские издания, прежде всего классическая литература, биографии исторических личностей, книги о географических открытиях и т. п. Характерно, что предисловия, содержащие марксистскую трактовку излагаемых в этих книгах событий и фактов, как правило, удалялись. Фонды библиотеки пополнялись за счет взносов пользователей.

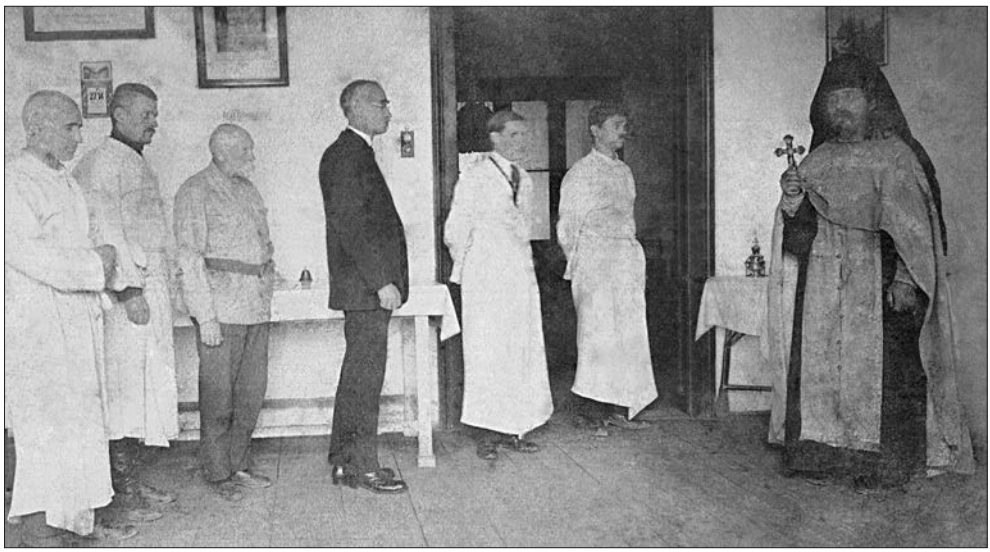
Отец Василий отличался большой активностью и хорошо владел словом. На его проповеди всегда собирались десятки прихожан. Его отношение к тому, что происходило в России, было однозначно негативным. Об этом, в частности, говорит заметка, помещенная газетой «L'echo d'Alger» от 5–6 ноября 1950 года под заголовком «Русские Алжира почтили память

жертв Октябрьской революции». Там говорится, что преподобный Василий Шустин, отслужив панихиду по жертвам большевистского переворота 1917 года, помянул «миллионы мужчин и женщин, замученных, умерщвленных эпидемиями и голодом на красных каторгах». «Кровь этих невинных жертв пролита не напрасно. Россия когда-то освободится от тиранов, и мы сможем вновь обрести нашу дорогую Родину», — заявил священник.

Протоиерей Василий Шустин, судя по прекращению записей в регистрационной книге Свято-Троицкой церкви, покинул Алжир в марте 1964 года. В 1966 году в Париже была переиздана его «Запись об Иоанне Кронштадтском и об Оптинских старцах». (В России книга была опубликована в начале 1990-х годов. См.: Протоиерей Василий Шустин «Запись об отце Иоанне Кронштадтском и об Оптинских старцах, из личных воспоминаний». М., 1991, а также Ставрополь, издательство «Скит», 1991, издательство Донского монастыря, 1992). В 1968 году В. В. Шустин скончался в Каннах (Франция).

Находясь в 1966 году на преддипломной практике в Алжире, я обнаружил на плане алжирской столицы упоминание о православной церкви и, естественно, захотел посетить ее. Однако, приехав по указанному адресу, я не нашел ничего похожего на церковное здание, которое ожидал увидеть. По указанному адресу на бульваре де Телемли над обрывом возвышался многоэтажный жилой дом, и никаких признаков наличия там христианского храма не было. Находившаяся поблизости на другой стороне улицы церковь оказалась католической. В посольстве про православную церковь никто мне ничего сказать не смог. Вернувшись в Алжир для работы в посольстве осенью 1967 года, на переизданном плане города я вновь обнаружил значок, обозначающий православную церковь, и снова ее не нашел на местности. Лишь познакомившись на курсах алжирского диалекта, проводимых в монастыре Сан-Шарль католическими «белыми сестрами», с молодой русской женщиной Анной, оказавшейся женой сына бывшего военного министра Франции, бывшего мэра г. Алжир Шевалье, и переговорив с ее престарелой матушкой, госпожой Четверяковой, бежавшей из России в годы Гражданской войны, я узнал, что церковь находится в жилом доме, мимо которого я столько раз проходил. Г-жа Четверякова рассказала мне, что с отъездом русского батюшки церковь работает нерегулярно и службы там проходят по большим праздникам с привлечением православного священника-француза, находящегося в Алжире временно по какому-то техническому контракту. Ключи от помещения хранятся у проживающей неподалеку гречанки. Старушка предложила мне сходить на пасхальную службу, которая должна была состояться через несколько дней.

В указанный день весной 1968 года я добрался до бульвара де Телемли, нашел нависавший над обрывом дом 39 и, спустившись по наружной лестнице, оказался на небольшой площадке перед широкой многостворчатой дверью. Лестница спускалась еще ниже и выходила на улицу Корнюз (rue Cornuz), с которой в былые годы в газетных объявлениях верующим предлагалось проходить в церковь. На слабо освещенной площадке никого не было, и я почувствовал себя не очень уютно. Открыв дверь, я обнаружил, однако, в прихожей довольно много народу, говорящего по-русски. Встретили меня довольно настороженно. Советские граждане здесь явно никогда не бывали. Кто-то спросил, откуда я. Сослался на рекомендацию Шевалье,



Служба в русской церкви в Алжире

которые, кстати, так и не появились, и прошел в большое помещение с довольно низкими потолками. Первое, что бросилось в глаза — три хоругви, одна из которых — Георгия Победоносца. Как потом говорили наши военные специалисты, хоругви были явно с пришедших в Бизерту российских военных кораблей, в том числе с крейсера «Георгий Победоносец». Второе, на что я обратил внимание — деревянный иконостас во всю стену, изготовленный, как мне говорили, русскими мастерами. Все иконы для него были написаны проживавшими в Алжире русскими художниками. В центре помещения готовился к службе довольно молодой батюшка-француз в праздничном облачении. Вокруг него, издавая много шума, бегала его четырехлетняя дочка, постоянно норовившая что-нибудь опрокинуть. Скамей, как в греческих церквях, не было — двадцать пять — тридцать прихожан ждали начала службы стоя. Неожиданно в зал вошла группа греческих моряков, человек семь, с пришвартовавшегося в алжирском порту торгового судна. Их привела уже не молодая, но еще крепкая гречанка — то ли смотрительница, то ли владелица церковного помещения. Служба началась. Священник вел ее на французском языке, ему ассистировал «церковный хор» — два старичка в певческих одеждах — один высокий, а другой вполовину ниже, певшие на церковнославянском. Потом был Крестный ход — все с зажженными свечами переместились в прихожую. На улицу не выходили, опасаясь, видимо, непредсказуемой реакции местного арабского населения. Мне тоже протянули свечку, но я не взял — это был мой первый опыт присутствия на церковной службе, крещен я не был и как себя вести не знал.

Через двадцать лет в 1988 году я вновь оказался в Алжире уже в качестве советника-посланника нашего посольства. Это был год, когда отмечалось тысячелетие Крещения Руси, и я, будучи временным поверенным в делах, инициировал приглашение в этой связи в Алжир католическим архиепископом Анри Тесье, с которым у меня сложились хорошие отношения, представителя РПЦ. Приехал отец Иосиф Пустоутов, настоятель

Воскресенского храма РПЦ в Рабате, и практически во всех действующих католических церквях страны были проведены торжественные богослужения с его участием. В столице очень яркие мероприятия с приглашением дипкорпуса состоялись, в частности, в кафедральном Соборе Африканской Божьей Матери и в недостроенной церквушке престижного квартала Хидра, о существовании которой я до этого и не подозревал. Естественно, я хотел, чтобы служба прошла и в православной церкви. Ключи от нее, как оказалось, находились в греческом посольстве. Однако на обращение архиепископа Тесье греческий посол ответил категорическим отказом, сославшись на то, что здание, в котором находится церковь, обветшало и проведение там массового мероприятия может привести к его обрушению. Однако года через три уже новый греческий посол пригласил послов и старших дипломатов России, Румынии и Болгарии на богослужение в связи с посещением Алжира греческим епископом из Марселя. Я увидел, что убранство церкви не изменилось. Хоругвь Георгия Победоносца, а также иконы Сергия Радонежского и других русских святых были там же, где я их видел раньше. Ничего греческого в церкви не появилось.

Вернувшись в Алжир в качестве российского посла в 1995 году, я попытался разобраться с принадлежностью православной церкви и судьбой церковного имущества. Найти документы, подтверждающие права на это помещение русской общины, к сожалению, не удалось. В Алжир даже приехал представитель РПЦ, и я свел его со своим греческим коллегой, однако тот показывать ему помещение церкви не стал, а в ходе беседы издевательски продемонстрировал какие-то предметы церковной утвари, имевшие явно не русское, а греческое происхождение. Со временем, однако, у меня наладились с этим послом неплохие связи. Он в прошлом заведовал протоколом МИД Греции и был большим любителем организации помпезных ужинов при свечах, наряжал свою алжирскую прислугу в ливреи и потчевал приглашенных блюдами французских королей. С готовностью участвовал он и в организуемых католическим архиепископом экуменических мероприятиях, украшая их хоругвями и другими предметами из православной церкви.

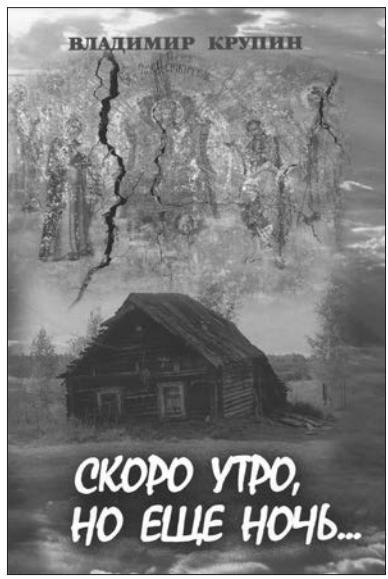
В конечном итоге в Прощеное Воскресенье 1999 года я направил греку письмо, попросил прощение за возможные обиды, обратив в то же время его внимание на то, что находящиеся в церкви предметы не имеют к его стране никакого отношения, особенно литература на русском языке, лики российских святых, хоругви российских военных кораблей. Посол в ответном письме в целом признал мою правоту, но в личной беседе сказал, что греческая церковь не любит выпускать из своих рук то, что ей попало, пусть даже по ошибке. Однако хоругви, по его словам, можно считать имуществом Военно-Морских сил Греции, а военные вряд ли будут возражать против возвращения их России. По замыслу грека, хоругви можно направить на реставрацию в Афины, а потом официально передать российскому руководству. Посол при этом надеялся, что на церемонию передачи нас с ним пригласят. Слово свое он сдержал. Будучи уже послом в Белграде, я неожиданно наткнулся на российскую газету с фотографией столь знакомой мне хоругви Георгия Победоносца. Ее Президенту В. В. Путину вручал находившийся с визитом в Москве в июне 2000 года президент Греции К. Стефанопулос. Сейчас хоругви из алжирской церкви находятся, по моим данным, в Музее Военно-Морского флота в Санкт-Петербурге.

Литературу библиотеки «Русской колонии в Алжире», хранившуюся в церкви на бульваре де Телемли, греческий посол передал мне. Все, что было связано с религией — Библии, Евангелие, богословские книги, подшивки соответствующих периодических эмигрантских изданий, наше посольство переслало в Московский Патриархат. Эти материалы переданы в библиотеку Троице-Сергиевой Лавры. Благодарственное письмо в этой связи было направлено митрополитом Кириллом в МИД РФ. Удалось сохранить и некоторые документы, находившиеся в Свято-Троицкой церкви Алжира, — регистрационный журнал с метрическими записями и списком исходящих писем за 1936–1964 годы, первоначальные рукописи воспоминаний отца Василия Шустина об Оптинских старцах и Иоанне Кронштадтском, тексты проповедей отца Василия, копии его обращений к префекту Алжира, списки церковного имущества, личные письма и фотографии, журнал библиотеки «Русской колонии», вырезки из газет и т. д. Все эти интереснейшие материалы ждут своего исследования.

ВЫШЛА КНИГА

Крупин В. Н.

Скоро утро, но еще ночь / Владимир Крупин. — МО: Издательский дом «Московия», 2010. — 368 с. ил.



В новой книге Владимира Крупина собраны не опубликованные ранее произведения. Острота сюжета и поднимаемых вопросов сочетается с художественным мастерством текста. Проникновенный лиризм и красота зарисовок, точный, яркий язык мастера отличают как небольшие рассказы, так и повести, вошедшие в книгу. Эта книга формирует гражданскую позицию, помогает молодым людям понять, что патриотизм и любовь к своему краю — не пустые слова.

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России».



Борис КЛЮЧНИКОВ

ИСЛАМИЗАЦИЯ И ВЗРЫВ НАЦИОНАЛИЗМА В ЕВРОПЕ

Борис Федорович Ключников — родился в г. Георгиевске Ставропольского края в 1935 г. Окончил с отличием МГИМО, Дипломатическую академию. В течение более 20 лет работал в ЮНЕСКО в Париже. В качестве эксперта ЮНЕСКО и Всемирного Банка работал в десятках стран Азии, Африки и Латинской Америки. Многие годы был директором программы политики и планирования образования ЮНЕСКО. Вернувшись на родину, стал главным научным сотрудником Института востоковедения РАН, профессором Восточного университета. Автор семи монографий. В течение 15 лет печатается в журнале «Наш современник». **Живет в Переделкино.**

Европа цезарей!
С тех пор, как в Бонапарта
Гусиное перо направил Меттерних —
Впервые за сто лет и на глазах моих
Меняется твоя таинственная карта.

Осип Мандельштам

Сказано давно и много раз подтверждено историей, что демография это судьба. Судьба племен, народов, наций. От нее зависят не только численность, но и жизненная стойкость народов, то место, которое они занимают в истории. История знает несколько великих переселений народов, но никогда они не насчитывали миллионы людей, в считанные дни на кораблях и самолетах переносящихся в далекие, чуждые им цивилизации. Миграционные потоки ныне стремительно превращаются в массовое переселение народов с отсталого, бедствующего Юга в страны сравнительно благополучного Севера, где есть работа, еда, чистая вода.

В Европе нарастает тревога о судьбе ближайших поколений, о наследии христианских предков. Обоснованы ли эти тревоги? Возможно это пустые страхи, нагнетаемые теми владельцами СМИ, которые органически ненавидят арабов и все мусульманство? И многим кажется: спасение в союзе с этнически близкой Россией, в строительстве Большой Европы от Лиссабона до Владивостока, в созидании несокрушимой Державы Северного полушария — Septentrion. По слову канцлера Германии Конрада Аденауэра, «Единство Европы было мечтой немногих, но стало надеждой многих». И укрепляет эту надежду Россия, чей лидер намерен строить Евразийский союз «как неотъемлемую часть Большой Европы, объединенной едиными ценностями свободы демократии и рыночных законов». Он ставит вопрос вполне конкретно: «Вновь предлагаю поработать в

пользу создания гармоничного сообщества экономик от Лиссабона до Владивостока». Однако могущественные силы с порога отметают перспективу Большой Европы, включающей Россию, Белоруссию, Украину и Казахстан. Это, прежде всего, ныне правящие атлантистские элиты, которые не мыслят Европу вне атлантистского сообщества, возглавляемого США. Глобализаторы хотят присоединить русский мир, но по частям, на своих условиях, не считаясь с национальными интересами ни русских, ни белорусов, ни «незалежных» украинцев.

Кремлевские мечтатели о Большой Европе находятся в плену либеральных иллюзий, и потому не дают себе отчета в том, что при господстве финансовой олигархии и рынка, без планирования невозможно созидать свободную демократическую Европу, в которой обеспечивались бы сохранение и защита интересов всех европейских наций. Все они погрязнут в коррупции, в потребительстве, в моральном разложении. Все из-за неконтролируемой иммиграции расплавятся в плавильном котле наций, в мультикультурализме. Попытаемся поэтому разобраться, кто в Европе и почему поддерживает проект Большой Европы, ознакомить читателя с доводами и сторонников, и противников этого великого проекта, обещающего стать общим делом для нескольких поколений европейцев.

* * *

Евросоюз в наши дни подобен гигантской медузе, гонимой волнами невиданного системного кризиса и беспрецедентной иммиграции. Сообщество, сжимающееся, трясущееся от страха, бесформенное полумиллиардное месиво наций, этносов и религий. Многие европейцы убеждены в реальности скоротечной исламизации своих стран. Они считают, что это угроза иного уровня, чем дефолты, экономические кризисы, далекие локальные войны. Великие нации сталкиваются с реальной перспективой уйти с исторической арены, раствориться в пришельцах, в других, часто антипатичных им, этносах, отказаться от любимых мертвых, сменить язык, остатки веры, все генетические коды, лишить своих внуков и истории, и будущего. Об этих тревогах свидетельствуют опросы населения, проводимые во многих европейских странах. Один из них содержал список 18 проблем, которые больше всего тревожат европейцев. Первое место заняла проблема иммиграции — более 1/3 опрошенных; второе место — последствия исламского экстремизма — 25 %; третье место — преступность — 17 %; затем следовали кризис — 16 %; рост цен — 14 %; безработица — 13 %; мультикультурализм — 12 % и враждебная правящая элита — 11 %.

Естественно, европейцы все чаще ставят вопрос: кто подвел их к краю пропасти, к бездне небытия? Почему национальное государство не защищает нацию? Почему забота о сохранности нации объявляется противоправной, ксенофобией, узколобым национализмом, расизмом? Почему в странах Востока национализм считают патриотизмом и поддерживают? В Турции, например, даже в конституции записано «республика… верная национализму Ататюрка». Зачем нам Евросоюз, если он становится ликвидатором наций?

Вот об этом в Европе идет оживленная дискуссия. Властям она очень не нравится, но им уже не удается, как водилось в прошлом, устанавливать для идей и споров дозволенные рамки. Ни тем более ее запретить, как

это происходит порой в России: весной 2011 года директор Миграционной службы Ромодановский уволил, как сообщалось в прессе, высокопоставленного чиновника Константина Полторанина за две фразы: «на кону выживание белой расы» и «смешение кровей в правильном режиме». Уволил через три часа. В Европе обо всем этом спорят без ограничений даже для государственных служащих.

Особенно распространено в Европе мнение, что бюрократия Евросоюза последовательно выступает ликвидатором наций и потому пора ее саму ликвидировать. Знают европейцы теперь и то, кто начал вакханалию с завозом дешевой рабочей силы из мусульманских стран: крупный капитал, готовый на любое преступление не то что при прибыли в 300 %, но даже при 20 % прибыли.

Виновны и правители, те самые либералы-монетаристы-атлантисты, которые променяли первородство национального интереса на мамону, на золотого тельца глобализации. Кто сделал деньги богом, прибыль целью жизни? Кто установил такие порядки, из каких «содом и гоморр» несутся вихри разложенчества, декадентства, вихри, иссушающие нации и их государства? Ответ тоже ясен: из Америки, точнее, от фининтерна, с Уолл-стрита, из лондонского Сити. Из Америки, где расхваливаемый «плавильный котел наций» уже давно не сплавляет единую нацию. Желаемое выдается за действительное.

Итак, поставим задачу выявить, кто, какие влиятельные политические силы в мире готовы поддерживать проект Большой Европы? Ясно, что это не США и не Китай. Из трех геополитических центров мира эти два — США и Китай — заведомо надо исключать. США и пристегнутая к США Англия всегда будут не только против, но активнейшим образом, явно и тайно, срывать проект. Уже работают различные центры и службы, чтобы убить в зародыше этот грандиозный проект. Уже мобилизуются зависимые от США восточноевропейские элиты, особенно в таких ключевых странах, как Украина и Польша. На некоторую поддержку в будущем можно рассчитывать во Франции, в Германии и в Италии — в этом каролинговском ядре Европы.

Правящие элиты этих стран после развала Советского Союза стали тяготиться зависимостью от США. Разгром Югославии, возникновение мусульманских государств Боснии, Косово, Албании явно шли вразрез с их интересами. Был эпизод, когда, казалось, начало оформляться стратегическое партнерство Германии и Франции с Россией. Лидеры этих государств совместно выступили против второй войны США в Ираке. Причем инициатором был канцлер Германии Шредер. В июле 2002 года его поддержал президент Франции Ширак. Они выступили с совместной декларацией, в которой осудили намечавшуюся новую интервенцию США в Ирак. Их активно поддержал и новый Президент России Путин, объявивший, что Россия наложит вето на любую резолюцию ООН, позволяющую интервенцию и оккупацию Ирака. 10 февраля 2003 года Путин выступил еще с одним заявлением в поддержку позиции Франции и Германии, твердо отказавшихся участвовать в англо-американской агрессии в Ираке. Это была не то что трещина, а пробоина в, казалось, незыблемом атлантическом единстве. В то время активизировалась общественная дискуссия о создании «оси Париж—Берлин—Москва». Но партнерство этих трех стран в иракском вопросе ока-

залось единичным актом. Американской и английской дипломатии удалось привести к власти атлантистские проамериканские круги как в Германии, так и во Франции. Ни канцлер Меркель, ни тем более президент Саркози, прозванный «американцем», никогда не позволяли себе отклоняться от американской политики. Это мы наблюдаем и в Ливии, и в Сирии, и в Афганистане, и т. д.

Казалось, пробоина в атлантическом единстве прочно забетонирована. Прекратились дискуссии о партнерстве с Россией, о какой-либо оси, объединяющей три великие европейские нации. Только среди высшего офицерского состава продолжался обмен мнениями о громадных преимуществах континентализма, о геополитических константах Франции и Германии, настоятельно требующих не только сотрудничества, но прочного стратегического партнерства с Россией. Этот обмен мнений дорого стоит, хотя он и ведется в основном среди отставных генералов. Но эти отставные генералы являются экспертами в геополитике, *где целесообразность вытекает не только из экономических выгод, но и из национальных и цивилизационных интересов*. Генералы и прочие геополитики заставляют европейцев задумываться о будущем своих наций на орбите затухающего плавильного котла американской долларовой империи. К тому же, сама деловая жизнь, конкретные взаимовыгодные проекты все чаще показывают, что Европе в будущем по пути скорее с Россией, чем с Америкой. Конечно, пока нет конкретного проекта интеграции России с Европой. Но она нарастает невидимо посредством реальных целесообразных хозяйственных цепочек. Многие российские либералы — доморощенные атлантисты — хотели бы, чтобы в случае третьей мировой войны Россия вновь воевала бы вместе с англосаксами против Китая и «фашистской наполеоновской Европы». Известно, где их банковские счета, там их сердца, там их союзники!

7 ноября 2011 года проходили торжества открытия «Северного потока» российского газа, идущего, минуя Польшу, прямо из русского Выборга в немецкий Грайфсвальд. Было ясно, что это не просто коммерческий, а далеко нацеленный геополитический проект. Это так контрастирует с подковерной войной, которую американцы ведут против евро, за долларовую монополию, с перекладыванием тягот кризиса на Германию и Францию, в целом на Евросоюз. Известный ученый И. Валлерштайн точно оценил, что происходит в связи с открытием «Северного потока»: «Восточная и Центральная Европа, так же как и США, из всего этого делают неутешительные выводы, что все их схемы, нацеленные против создания оси Париж—Берлин—Москва, не жизненны, не реальны. Не срабатывает против этих реалий ни центральный механизм Евросоюза, ни препятствия, чинимые во многих странах Восточной и Центральной Европы, прежде всего в Украине»[1].

Атлантистские элиты находятся у власти практически во всех европейских странах. Но в мире происходят такие грандиозные события, как системный кризис капитализма, рост влияния Китая и перемещение центра мировой экономики в Азиатско-Тихоокеанский регион. Поколеблен либеральный миф о едином для всех землян пути развития, образцом которого являются США. А главное, для многих стало ясно, что однополярный мир

[1] The Paris — Berlin — Moscow axis back again, by Immanuel Wallerstein in: Energy Bulletin, 26 Juin 2012.

глобалистов во главе с США не состоится, что возобладали процессы региональной интеграции и неизбежного подъема национализма. Это тоже неизбежно ведет к расколам в правящих элитах, к обособлению группировок, требующих пересмотра неолиберальных догм о рынке, ослабления роли государства и регулирования экономики, отмены контроля махинаций космополитического финансового капитала.

Среди сотен конфликтов, происходивших в мире, выделим те, которые выявляют контуры разладов и расколов в правящих атлантистских элитах, в первую очередь в самих США. В потоках информации ныне часто стали мелькать ссылки на «группировку Ротшильдов» и «группировку Рокфеллеров»[1] обычно без какого-либо их анализа. Между тем углубленный анализ многое дал бы для предвидения и понимания грандиозных изменений, которые вскоре грядут и в мировой политике, и в экономике. Правящие элиты вновь, как в Средневековье, столкнулись в споре о «боге», только их богом ныне являются деньги. И для Рокфеллеров и, конечно, для Ротшильдов! Разница только в том, что группировка Рокфеллеров больше связана с Америкой как отечеством, в то время как для Ротшильдов США это не более чем база, временный удобный плацдарм в стратегии господства над мировыми финансами. Ротшильды вполне реалисты и исходят из того, что мировая империя доллара распадается, золото теснит доллар, в мире создаются региональные валютные зоны. Наиболее значительными среди них должны стать зоны юаня и евро. США едва ли удастся утвердиться на бурлящем Ближнем Востоке и заставлять страны по-прежнему оплачивать закупки нефти и газа только в долларах. Лишившись нефтяного обеспечения, доллар будет быстро слабеть и с трудом сможет остаться всего лишь региональной резервной валютой западного полушария. Финансовые операторы из группировки Ротшильда, которые теряют контроль эмиссии доллара, вновь извернулись и начали готовиться к тому, чтобы установить свое господство в сфере обмена валют. То есть вернуться к своей изначальной исторической роли кредиторов и менял, стать «всемирным менялой». Ротшильды делают ставку не только на свое старое гнездо — лондонское Сити, но и расширяют свою инфраструктуру в Гонг-Конге и в целом в Китае. Рокфеллеры поэтому нанесли Ротшильдам чувствительные удары, начав проверять их частную лавочку — Федеральную резервную систему в США, где они бесконтрольно с 1913 года были эмитентами долларов. Это узаконенное фальшивомонетничество. После кризиса 2008 года они напечатали 16 триллионов долларов. В Германии все чаще это стали называть «всемирным долларовым обманом» (Dollarweltbetrug).

Группировка Рокфеллеров опирается на ту часть американской элиты, которая отражает интересы не до конца еще уничтоженной реальной экономики, и на государственную бюрократию, на американских «силовиков». Она добилась, наконец, от Конгресса установления хоть какого-то контроля над эмиссией доллара и в целом над ФРС. Это было не просто, так как в Конгрессе до последнего времени преобладало влияние Ротшильдов. Рокфеллерам удалось также сорвать планы Ротшильдов преобразовать Международный валютный фонд во всемирный центральный банк — центральный

[1] Определение не точное, но в целом отражает водораздел элит. Используется здесь для краткости.

банк всех национальных центральных банков, который бы контролировал эмиссию всех национальных валют, в том числе и доллара. Но группировка Рокфеллеров ни в коем случае не желает отдать под международный контроль долларовый станок. Это было бы смертельным ударом для империи доллара и США. Тем не менее, надо всегда помнить, что между Ротшильдами и Рокфеллерами нет антагонистических противоречий: и те и другие обслуживают транснациональные банки и корпорации, не знающие границ и отечеств, и те и другие отстаивают неолиберальный торговый строй и «рыночную демократию». Только в этой парадигме они могут выживать и властвовать.

Как справедливо пишет наш известный экономист и политолог М. Хазин, «Ротшильды пытались, создав Всемирный центральный банк, повторить фокус 1913 года, когда им удалось создать Федеральную резервную систему»[1]. Понадобился громкий скандал вокруг директора МВФ Стросс-Кана, чтобы сорвать осуществление этого проекта, так как он отстранил бы группировку Рокфеллера от контроля эмиссии доллара. Группировка Рокфеллера намерена защищать доллар в качестве единственной резервной валюты, отстаивать «империю доллара», продолжать борьбу за захват мировых ресурсов, в первую очередь энергоносителей. Ротшильды раньше других уловили, что призрак национализма бродит не только в Европе, но во всем мире, что открывается эпоха национализма и валютных зон, что нужно поэтому сделать ставку и на Китай, на юань, на обслуживание валютных зон. Вашингтонская бюрократия ответила на это предательство хлесткими ударами по банкам. Нарастает также во всем мире и движение «Оккупируем Уолл-стрит». Ротшильды, видимо, помогли организовать утечку секретов через «Викиликс» Ю. Ассанджа и обнародовать секретные, порочащие Вашингтон документы, в том числе американскую дипломатию.

Европейские элиты, не медля, воспользовались этой подковерной схваткой американских бульдогов и объявили, что ни политика мультикультурализма, ни тем более политика американского плавильного котла, им не подходит, что они, столкнувшись с массовой мусульманской иммиграцией, намерены отстаивать свою национальную идентичность.

Надо вполне осознать революционные последствия акта отказа европейцев от мультикультурализма. *Мультикультурализм является важнейшей составной частью неолиберального пакета, того пакета догм, на котором зиждется атлантическое единство*[2]. Деятели из группировки Рокфеллера тоже понимают гибельность мультикультурализма, отчетливо видят, что этнический плавильный котел в США не срабатывает, что нигде в мире расовая напряженность не нарастает так стремительно, как в США. Но им уже поздно отказываться от мультикультурализма, потому что США прошли точку возврата. Во многих штатах белые уже не составляют большинство, что видно, прежде всего, в школах. СМИ, особенно местные, переполнены сообщениями об этнических конфликтах в школах. Вот, например, в Канзасе двое черных подростков облили белого мальчика Алана Куна бензином и подожгли с криком: «Вот, что ты, белый парень,

[1] *Михаил Хазин* «Сумеет ли Путин повторить успех Ленина и Сталина?» КМ, 2 августа 2012 г.

[2] См. мои статьи в журналах «Наш Современник» за 2011–2012 годы, а также журнал «Родная Ладога» за 2011 год № 4 и 2012 год № 2.

заслужил!» Особенно достается белым девочкам. Некоторые небелые учителя участвуют даже в травле белых учеников. Против Алана ополчилась и учительница Карла Киндер. В Калифорнии многие учителя поддерживают латинос в их ненависти к белым. Тон задают СМИ. Все они монополизированы пятью медиакорпорациями и издавна контролируются деятелями, близкими к Ротшильдам.

Американские националисты, в том числе из популистской «Чайной партии» (Tea Party), отслеживают те издания, передачи и журналистов, которые особенно враждебны к белой Америке. В список попал журналист Г. Мейерсон из официоза «Вашингтон Пост», который пишет, что «*республиканская партия является ныне в большей мере, чем когда-либо, партией белых людей*». И заключает: «*Партией прошлого Америки*». Американские патриоты теперь часто вспоминают некую Сюзану Зонтаг, которая еще в 1967 году назвала «белую расу раковой опухолью в истории человечества». Патриотов и националистов ныне клеймят как экстремистов, новых маккартистов, как белых расистов, антисемитов и, самое страшное, как «гомофобов», т. е. как ненавистников геев и педерастов. А гомосексуалистов в Америке миллионы и они очень влиятельны, с ними практически все заигрывают, ублажают, не желая считаться с тем, какой огромной общественной опасностью они являются.

Патриоты публикуют списки тех деятелей СМИ, которые «вибрируют от ненависти к белым». Они наблюдают, как укрепляется сотрудничество таких организаций, например, как Всемирный Еврейский конгресс и Всемирный совет мусульманских межконфессиональных отношений (WIMIR). Эти американские организации выступили инициаторами созыва в Европе первого заседания Координационного комитета европейских мусульманских и еврейских лидеров. Их цель — отстаивать мультикультурализм. Европейские СМИ испуганно молчали.

А в Интернете бушевали яростные споры. Страсти, наполненные контрпродуктивной, безответственной ксенофобией. Процитирую письмо одного американца, пока не типичное, не массовое, которое показывает, однако, куда дует ветер, в каком направлении будет, видимо, меняться общественное мнение в США. Вот оно: «Представить только, что в 1940-х годах белым американцам сказали бы, что через 50 лет их страна будет контролироваться еврейскими банками и средствами массовой информации; что нашу страну будут захлестывать волны отребья из третьего мира, что будет процветать смешение рас, что страна будет вести в интересах Израиля нескончаемые войны… Давайте скажем, наконец, правду: Америка по сути проиграла Вторую мировую войну, ибо она воевала на стороне тех, кто, придет время, поработит ее»[1]. То же, кстати, творится и в российских сетях. Экстремизм и ненависть с обеих сторон. Писатель-трибун Проханов своевременно предупреждает тех, кто рубит кресты: вы дождетесь свастики!

В современной Америке англосаксы, которые считают своих предков «отцами-основателями» Соединенных Штатов (WASP), вынуждены отступать, сдавать свои еще недавно господствующие позиции. Они со всё бóльшим трудом сохраняют свой порядок, свои традиции, исполняя роль государствообразующего сегмента общества. Но США этнически и эконо-

[1] Source: originally posted at VNN Forum.

мически неуклонно превращаются в страну третьего мира, в Бразилию Северного полушария. И это несмотря на возведение по границе с Мексикой стены против потоков иммигрантов. Об этой стене СМИ предпочитают помалкивать. В мире по-прежнему витает имидж Америки, ведущей державы мира с несравненной военной мощью, с самой передовой наукой. Но мало кто знает, особенно в России, о ее неизлечимых болезнях, о ее гнилостных язвах. Вот для примера картина из привычной жизни большого американского города, описанная американским писателем Джоном Гришемом в романе «Король правонарушений»[1]. Адвокат Клей въезжает в «цветное» гетто: «Клей медленно спускался, закрыв двери машины, крепко вцепившись в руль. Его напряженные глаза стреляли по всем сторонам, уши ожидали неизбежной стрельбы. Ведь белый парень в этом гетто был неотразимо желанной мишенью, желанной в любой час дня… Вокруг на две-три мили не встретишь другого белого лица».

Для Америки, для этой страны эмигрантов — это давнишняя привычная картина. Для европейцев это пока в новинку. Хотя и у них, как грибы в дождливую пору, в десятках городов появляются такие же гетто, живущие по своим законам, по шариату. В одной только Франции уже зарегистрированы 1400 мусульманских гетто, 11 городов стали мусульманскими. Французский закон там уже не закон. Полиция появляется там неохотно, в крайних случаях и только усиленными нарядами. Европейцы не хотят потерять подобно американцам свою национальную идентичность. Поднимающийся европейский национализм не считает более США примером для подражания и становится все более враждебным к американцам.

Кто главные идеологи глобализации и противники Большой Европы? Многие ученые на Западе, как и наши известные политологи Болдырев, Делягин и другие, указывают на «глобальный управляющий класс», на руководителей отслеженных 147 транснациональных банков и корпораций, базирующихся в основном в США. Однако многие годы в наших исследованиях оставались в тени лондонское Сити и тесно связанная с ним правящая элита Великобритании. Некоторый свет на эту конспирологию проливает статья Дугласа Рейчела[2]. Он подчеркивает весьма важный факт: трансатлантическая система основана на каркасе двухсотлетней Британской империи. «Эта империя не исчезла, как принято считать. Это, — пишет Д. Рейчел, — *империя мировых финансов, "империя сознания", империя контркультуры рока, наркотиков, секса, цифровых социальных сетей. Империя, целью которой является сокращение населения планеты с 7 миллиардов до 1 миллиарда или даже меньше*». Принц Филипп Английский как-то высказался о 6 миллиардах лишних ртов. О них же говорила покойная премьер-министр Англии Тэтчер. Для России, она рассчитала, будет достаточно и 15 миллионов жителей. То есть девять из десяти русских предстоит, — считают они, — уничтожить.

Эти деятели уже давно размышляют, как добраться до кладовых России, как их распечатать, как продавать пресную воду Байкала и т. д. Сейчас звенья и этапы этой операции уже видны: взять Сирию, взять Иран, проры-

---

[1] *John Grishem*. The King of Torts, pp. 31–33.

[2] Internet KM.ru от 16 февраля 2012 г.: *Дуглас Рейчел*. Либеральный интервенционизм Майкла Макфола.

ваться посредством центральноазиатской дуги нестабильности, посредством всеобщего хаоса, с помощью российских олигархов и их обслуги. Лондон для этой обслуги стал домом родным.

Известный американский ученый и политик Линдон Ля Руш (Lindon La Rouch) уже многие годы обращает внимание общественности, что геополитические вихри несутся не только из США, но и из Англии, точнее от англо-голландского финансового спрута, из ротшильдского финансового монстра "Inter-Alfa Group", из Института открытого общества Сороса, от коварных английских разведывательных служб. Идеологи упоминавшейся «Чайной партии» в США тоже считают лондонское Сити коварнейшим противником: знаменитое «бостонское чаепитие», положившее в конце XVIII века начало борьбы североамериканских штатов за независимость, продолжается. З. Бжезинского, например, многие политологи упорно называют агентом английской МИ-5. Д. Рейчел называет в своей статье и тех, кто готовил и готовит стратегемы «Британской империи сознания». Это университеты Оксфорда и Кембриджа. Там собраны сонмища по промыванию мозгов. Родоначальниками этого сонмища имперского священства были члены тайных религиозных орденов, дававшие обет безбрачия. Их наставником был знаменитый «гуманист» Бертран Рассел. Линдон Ля Руш считает его «величайшим чудовищем своего времени».

Не Вашингтон, а лондонское Сити многие политологи называют разработчиком основных установок глобализации, таких как символы веры неолиберализма, воплощенные в вашингтонском консенсусе и в уставах Всемирной торговой организации; догмы универсальных общечеловеческих ценностей, гуманитарных интервенций и многих других ловушек.

Европейские националисты мечтали о воссоздании Священной Римской империи, а ныне вместе с русскими державниками готовы строить «Третий Рим». Цель глобализаторов, напротив, строительство «Третьего Храма», многоэтажного человечества. Вернее «жующего человейника» из дивного нового мира О. Хаксли, без роду, без племени, без национальности, без религии.

Загляните в Интернет на такие сайты, как «Самый мрачный час Запада» или «Против господствующей парадигмы»[1] и многие другие, и вы окунетесь в потоки антиамериканизма, часто несправедливого, необоснованного. Но трудно оспорить аргументы, что в национальном вопросе, в отношениях между этносами и расами Европе ни в коем случае не надо следовать примеру США, потому что «США — это Антиевропа, враждебная прежде всего своему белому населению». Элита США готовит расчленение России, а европейские националисты прочат скорый распад самих американских штатов, когда белые американцы, покинув южные штаты, «закроются в северных штатах».

Наступающая вторая волна кризиса, согласно прогнозам директора МВФ К. Лагард, будет намного более разрушительной, чем кризис 1929 года. А это значит, что разрозненные схватки европейских элит с американскими перерастут в ожесточенную экономическую и, в первую очередь, финансовую и валютную войну. *Разлад между группировками Рокфеллеров и Ротшильдов уже заметно проецируется на европейские правящие круги*.

[1] The West's Darkest Hour; The Countercurrents; The Occidental Oberver, etc.

Особенно заметно это в Германии. Практичные немцы давно поняли, что современная валютно-финансовая система носит паразитический характер, ибо в ее основе обман, принуждение, ростовщичество, задолженность, контрибуции всех народов транснациональным банком, обслуживание мафиозных структур и разведывательного сообщества США и Англии, занятых торговлей наркотиками и оружием, а также создание виртуальных богатств. Немцы понимают, что эта система основана на диктатуре доллара. Поэтому они пытаются сделать евро второй резервной валютой. Идет ожесточенная война доллара против евро. Установив диктатуру доллара, финансовый капитал и Ротшильдов, и Рокфеллеров ведет ныне спасательные операции доллара, захватывая нефть Ближнего Востока и Средней Азии, разоряя для его обеспечения государства (Ирак, Сирия, Ливия), в том числе европейские (Греция), захватывая их национальные богатства.

Особенно опасным хищником является ротшильдовский банк «Гольдман Сакс». Многим уже известно, как он подготовил разорение Греции. США теперь цинично заставляют немцев ее спасать. Европейцы пытаются пока смиренно устранять финансовые преступления, но еще не смеют даже намекнуть, что эти преступления творят их атлантические партнеры из-за океана. Почему? Да потому, что они знают, что евро привязан к доллару и что Европейский центральный банк подчиняется больше Америке, чем Германии или Франции, как и вообще вся брюссельская бюрократия Евросоюза. И, тем не менее, мы наблюдаем, что все чаще и чаще, хотя и под псевдонимами, появляются вот такие оценки валютной войны: «Долго ли Германия будет оставаться полезным идиотом для тех, кто выиграет от распада зоны евро?» Подписано 9 июня 2012 г., HENRİ[1].

Победа над евро была бы поражением для тех, кто формирует ныне валютные зоны в Азии. Президент Путин, выступая на Саммите АТЭС в сентябре 2012 года во Владивостоке, положительно отнесся к созданию валютных зон и, следовательно, к интеграционным процессам в различных регионах мира, в том числе в Евразии и в Большой Европе. Германия развивается в русле этих процессов регионализации, и поэтому наблюдается ее геополитическое возвышение. Слабеют немецкие атлантисты, усиливается националистическое крыло правящей элиты. Все чаще немцам напоминают, что правящая христианско-демократическая партия никогда не была неолиберальной партией. Будучи наследницей веймарской партии Центра, она имеет программу социально ориентированного рыночного хозяйства. Она способна отказаться не только от мультикультурализма, но провести антилиберальные реформы. Так вскоре и должно произойти. Ее политику будут копировать другие европейские страны. Поэтому лондонское Сити ныне пытается оторвать Францию от Германии, что может способствовать дальнейшему сближению Германии и России. Не исключено, что именно немцы помогут свернуть с неолиберального курса Путина и его соратников, что до сих пор соблюдают верность этому курсу — курсу Чубайса, Кудрина и прочих монетаристов. Не желают оглянуться на 20 прошедших лет, осознать, что этот глобалистский курс, курс ВТО, не просто ошибка, а гибель для России. Следовательно, нельзя сбрасывать со счетов, что правящая элита Германии однажды станет нашим соратником в строительстве Большой

[1] Fortune. Le blog economique de FDESCOCH Com.

Европы. За Германией последуют, прежде всего, Италия и Франция. Но конечно, нельзя забывать, что в расчетах англо-американской дипломатии главным тормозом на путях строительства Большой Европы должен стать Евросоюз и его проатлантистская бюрократия. Не стоит верить речам главы Евросоюза Жозе Баррозу на Саммите Евросоюз—Россия в Санкт-Петербурге в 2012 году: «Мне кажется, что мы значительно продвигаемся в сторону формирования именно Большой Европы». Он один из тех, кто дисциплинированно проводит вашингтонский курс отбрасывания России (roll back Russia), постоянно выбрасывает то грузинскую, то эстонскую, то украинскую карты.

Путинский проект Большой Европы был одобрительно встречен в Европе, во-первых, в деловых кругах. И с ними надо продолжать работать. И, во-вторых, среди национал-патриотической оппозиции. Ее костяк составляют националисты, разочаровавшиеся в Америке и понимающие слабость и ненадежность ее популистской «Чайной партии». В борьбе против правящих атлантистских элит оппозиция все чаще обращает взоры на Восток, на «этнически и духовно близкую Россию». Опустошенную, разграбленную, слабую, но непобежденную и сопротивляющуюся. В России эту националистическую оппозицию пока не принимают во внимание. Это ошибка! *Да, перед нами бурлящий мутный поток пока еще неорганизованного сопротивления европейских наций атлантистам. Мощь этого сопротивления, его потенциал и перспективы не поняты и недооценены.* Разве не ясно, что неолиберализму приходит конец, что корчится в конвульсиях империя доллара, скоро ей не на что будет содержать только в Персидском заливе 11 авианосных групп. Как говорят активисты, «Оккупируем Уолл-стрит» (Occupy Wall Street) 1 % олигархов подавляет 99 % населения планеты и, предвидя крах, пускает в ход массовые аресты, пытки, включая «многократные» утопления, шоковые гранаты, каучуковые пули и секретные тюрьмы. Рушится старый мир «нормального капитализма». Рушатся союзы, идет крупнейшая перегруппировка сил на великой шахматной доске геополитики. Либералы отступают. Кажется, все национальные силы начали искать новых союзников.

Время работает против зловещих замыслов. Финансовой глобализации все более заметно начинает противостоять тенденция к регионализации, к созданию крупных блоков национальных государств. Это будут конфедерации или империи нового типа. В них добровольно войдут национальные государства, потому что в одиночку они не смогут выживать. Новые империи должны будут обеспечивать сохранение отечеств, их национальной идентичности. Таковы ожидания европейских националистов, которых именно поэтому все чаще называют подлинными патриотами. Это сценарий многополярного мира. Тем более что соотношение сил в мире стремительно меняется, и не в пользу США.

* * *

Сравнительно недавно, еще в конце 1990-х годов, в своем широко известном геополитическом труде «Великая шахматная доска»… З. Бжезинский предупреждал Вашингтон, что его главная задача не допустить возникновения в Азии соперника. Но произошло то, что должно было произойти

по воле непреложных законов геополитики, этой волшебной многодисциплинарной науки планетарной власти. *Без возобладавшей школы цивилизационной геополитики ныне невозможно правильно и перспективно формулировать национальные интересы*.

В декабре 2011 года З. Бжезинский представлял свою новую программную книгу о «кризисе глобальной власти». Спустя всего 15 лет он уже не призывает Вашингтон к мировому господству. Он предупреждает, что «Америке, еще недавно доминировавшей на мировой сцене, может не хватить силы и энергии для выстраивания нового мирового порядка»[1]. Об этом же, по сути, пишет В. Путин: он видит «выход из кризиса снизу», поскольку не приходится ждать руководства «сверху», то есть от слабеющих США. Дефакто он указывает США, что их место в американском регионе, в NAFTA. А … «два крупнейших объединения нашего континента Евросоюз и формирующийся Евразийский Союз»[2], должны составить Большую Европу.

Однако вернемся к европейским националистам, подъем которых отражает ослабление США и глобализма. Официальные проатлантистские СМИ настойчиво называют внесистемную оппозицию «крайне, ультраправыми», «маргиналами» словом — отщепенцами от цветущего демократического древа. На самом деле это далеко не так. Они уже не одиночки, не группки. *В вихрях кризиса, на волнах массового протеста против неконтролируемой иммиграции они превращаются во влиятельные национал-патриотические, народные и «популистские» партии и движения. Они упорно и довольно успешно прокладывают путь к власти*. В последние 5–7 лет они добились представительства в парламентах многих стран Евросоюза, как и в его парламенте. Они участвуют во многих правительствах, многие из них нельзя считать «правыми», тем более крайне правыми. Их программы часто «левые», ибо отвечают народным чаяниям. Но в этом мутном бурном потоке популистов, националистов, просто патриотов и правых уже можно провести разграничительную линию, выделив некоторые для возможного сотрудничества. Не может быть и речи о сотрудничестве в строительстве Большой Европы с расистами, ксенофобами, антисемитами, с фашистами и нацистами. С такими партиями, например, как Британская национальная партия или итальянская Casa Pound, которая откровенно называет себя партией «фашизма третьего тысячелетия». К счастью, такие партии мало влиятельны. Напротив, такие партии как Национальный фронт Франции становятся духовно ведущими силами французского общества.

Исследователи иногда задаются вопросом, не случится ли с популистами то, что стало с ползучим фашизмом 1920–1930-х годов? Опасность такая есть! Все зависит от того, что будет в них брать верх — христианское мировоззрение или расистская идеология.

Первыми заинтересовались националистическими партиями и движениями английские исследовательские центры. В конце 2011 года они опубликовали доклад, в котором анализируется более десяти тысяч подробных интернет-опросов тех, кто поддерживает националистические партии в

---

[1] *Z. Bzezinski*. Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power.

[2] *В. В. Путин*. Новый интеграционный проект для Европы: будущее, которое рождается сегодня.

11 странах Евросоюза[1]. Опрошены были десять тысяч, но в странах Европы их сотни тысяч и даже миллионы. Кто они, чем недовольны, что их тревожит, что они требуют? Согласно опросу 63 % — это молодые люди до 30 лет; 75 % — мужчины; образование среднее и высшее; 14 % из них безработные; 32 % состоят в различных партиях; 80 % не доверяют властям и правящим партиям[2]. Из этих цифр очевидно, что стереотип, насаждаемый СМИ о националистах, ложен: они не бездельники, не бродяги-ненавистники порядка и мультикультурализма. Напротив, это в основном молодые, активные, хорошо образованные мужчины, ненавидящие «враждебные правящие элиты». Их объединяет протест против глобализации-американизации и ее последствий для рабочего класса и его организаций. Они считают, что правительства не ведут борьбу с коррупцией. С этой стороны это не правые, а скорее левые партии. И все-таки, согласно опросу, главным противником они считают радикальный ислам, экстремизм глобального джихада, который тайно поддерживают транснациональные правящие элиты европейских стран. Авторы отчета пришли к выводу, что главной причиной подъема европейского популизма-национализма является борьба за сохранение нации, национальной самобытности, своих традиций, а вовсе не ненависть к традиционному исламу, не расизм и не экономические трудности.

Опросы выявили также, *что* националистам не нравится в глобализме или в транснациональном капитализме. Прежде всего, это приватизация общественного сектора экономики, отказ от какого-либо регулирования экономики (deregulation), экспансия транснациональных корпораций, поглощающая национальную экономику. Они не приемлют беспредельный экономический рост, разорение природы, потребительство и унификацию личности, уничтожающие национальные культуры. Они за союз с Россией. Из этого анализа следует вывод: европейские националисты не разобрались еще в том, что либеральное крыло правящей элиты России еще в бóльшей мере, чем их собственная, является глобалистским, неолиберальным, коррумпированным и антинациональным. С этим крылом они не захотят строить Большую Европу. А правящие либеральные элиты в Евросоюзе тянутся к Америке и тоже не хотят строить Большую Европу с Россией. Тупик!

Наиболее представительным среди этих организаций является Национальный фронт Франции, президент которого Марин Ле Пен собрала в апреле 2012 года 18 % голосов избирателей. Среди 9 кандидатов в президенты Франции! Многие «вялые» ее сторонники из католического крыла не пришли голосовать, считая, что их время близко, но еще не пришло. Выборы показали, что это вовсе не партия отщепенцев. Это ядро внесистемной оппозиции, вокруг которого сплачиваются антилиберальные, антиглобалистские национальные силы.

Особо отмечу, что многие национал-патриоты уже давно выступают против НАТО, против ВТО, против «атлантистского единства» — основы

---

[1] Список этих партий и движений включает: Bloc Identitaire (France); BNP (UK); Casa Pound (Italy). The Dansk Folkeparti (Danemark); The English Defense Lique; FN (France); the Dutch Party of Freedom (Netherland); Die Freiheit (Deutschland), FPЦsterreich; Norwegian Progress Party; Lega Nord (Italy); True Finns; Sweden Democrats; Vlaams Belang (Flemish Interests).

[2] The Rise of Populism in Europe. The new Face of Digital Populism by L. Burtlett, D. J. Birdwell, M. Littler, 2011.

современной проамериканской геополитической конструкции мира. После крушения СССР не Россия, а США становится главным противником Европы. Вашингтон, а не Москва поддерживает исламизацию Западной Европы. Если вы хотите сохранить нацию — поясняют они, — вам не по пути с Америкой. Эти настроения проникают в массы. Почва готова для создания «интернационала национал-патриотов», внуков тех поколений европейцев, которые в прошлом веке травили друг друга газами, миллионами уничтожали в окопах, в ковровых бомбардировках. Более 50 миллионов погибло во Второй мировой войне. Потери самого агрессора Германии составили более 13,5 миллионов человек — 75,1 % всех мобилизованных. Никто не устраивал немцам такого кровопролития, как Гитлер и его нацисты.

Правящие европейские элиты отступают, отказываются от мультикультурализма, дают Вашингтону знать, что им уже не под силу вести во многом антинациональную политику. Даже такие друзья Вашингтона как канцлер Меркель и бывший президент Франции Саркози сопротивляются приему 75-миллионной мусульманской Турции в Евросоюз, ссылаются, что это будет размывать «европейскую идентичность». Европейцы обеспокоены намерением Вашингтона продать Турции комплекс из 13 военных баз в Косово. Кто это может остановить? Турция — член НАТО! Салафитский нож приставлен к горлу Европы.

В самой Америке белое население создает «Чайную партию» (Tea Party). Эти белые — правые республиканцы, сторонники возврата США к традиционному изоляционизму, к закрытию ненужных 750 военных баз в 80 странах мира. Их кандидат в президенты Рон Пол считает главным врагом Америки финансовую олигархию Уолл-стрит и лондонского Сити, неоконов, захвативших СМИ, университеты и ФРС.

Итак, системный кризис, новые волны которого ожидаются в ближайшие годы, ведет к ликвидации долларовой эксплуатации мира и к ликвидации Запада как осевого геополитического феномена. В Западной Европе и в России наметилась, пока зачаточная, тенденция выстраивания взамен Запада новой геополитической конструкции — Севера, без участия США. *И наибольшую активность в этом процессе играют националисты.*

Наиболее представительным и влиятельным среди европейских националистов является Национальный фронт Франции (НФ). Его основателя Жана Мари Ле Пена правящие круги без особой фантазии, по шаблону давно выставляют как неонациста, а не как патриота, французского националиста. В прошлом он иногда позволял себе недопустимые по закону высказывания. Когда его дочь, избранная президентом НФ, вернулась в январе 2012 года из Австрии, где она встречалась с единомышленниками — австрийскими националистами-католиками, либеральная пресса обвинила и ее, без каких-либо оснований, в симпатиях к Гитлеру и нацизму. И тогда она по телеканалам обратилась к народу и сказала: «Если бы я жила в 40-е годы, то несомненно воевала бы против поработителей моей родины. Французы знают, что я отвергаю все формы тоталитаризма, будь то нацисты, коммунисты или глобалисты. Эти последние (глобалисты. — *Б. К.*) поддерживаются именно той системой, против которой я веду борьбу».

Важно осознать, какой большой смысл вложен в это заявление! Национальный фронт Франции и его председатель без каких-либо колебаний называют главным врагом Франции мировую финансовую олигархию,

определяют ее систему управления миром как тоталитаризм. Видимо поэтому М. Ле Пен отказалась в мае 2012 года поддержать кандидата в президенты от социалистов Ф. Олланда. Для нее он руководитель левого фланга мирового олигархата, а Саркози — лидер правого фланга. В европейских СМИ, в том числе в «Евроньюс», как-то промелькнуло сообщение, что Саркози и Олланд родственники, имеющие недалекого общего предка.

Вернемся к программе национал-патриотического движения во Франции. М. Ле Пен отважилась переступить ту красную черту, до которой олигархическая демократия дозволяет полемику, критику, гласность, открытость. На выборах президента в апреле 2012 года все силы были брошены против М. Ле Пен и Национального фронта Франции. Визит М. Ле Пен в США был тамошними властями проигнорирован. Что было делать с гостьей, которая в Вашингтоне, на 18-й авеню, перед входом в штаб-квартиру Международного валютного фонда заявила, что этот «Фонд должен быть ликвидирован, так как он является адской машиной на службе ультралиберальной идеологии». Оценка, совпадающая с советской, и со взглядами современных российских патриотов-государственников.

В обращении к французской нации 21 августа 2012 года Марин Ле Пен вновь предостерегла нацию «от финансового и банковского тоталитаризма, который постепенно в Европе возводит «тройка, состоящая из Евросоюза, Центрального банка Европы и Международного валютного фонда». Она призвала готовиться к «возможной социальной катастрофе в результате распада зоны евро». Опасаясь Германии, она считает, что не надо спасать евро, что необходимо восстановить национальные валюты, как и национальный суверенитет. Только сильные национальные государства способны совместно прекратить финансовые спекуляции, остановить ростовщиков и осуществить реиндустриализацию. Российские государственники тоже настаивают на срочной реиндустриализации. Проблема иммигрантов у нее не увязывается ни с этнической принадлежностью, ни с мусульманством. Она заявляет, что более не нужен ввоз иностранной рабочей силы. Он наносит ущерб экономике Франции, где есть миллионы безработных французов. Ее цель — укрепление семьи и государства, «возрождение духа Франции». Есть все основания рассматривать М. Ле Пен как единственную наследницу идей и проектов Шарля Де Голля о величии Франции. М. Ле Пен уже много раз заявляла, что, взяв власть, она будет считать «Россию привилегированным геополитическим партнером»[1].

Иначе отнесся к призыву В. Путина начать строить Большую Европу президент Саркози. В октябрьские дни 2011 года, когда В. Путин опубликовал свою статью о Евразийском союзе, Саркози был в Тбилиси и, долго не размышляя, предостерег мир «от каких-либо попыток возродить Советский Союз-2. Это и хотели услышать от него в Вашингтоне и в Лондоне, но не в Германии, где научились считаться с железными законами геополитики.

М. Ле Пен высоко оценивает деятельность и личные качества Президента В. Путина, его планы Большой Европы. Она считает его лидером мирового класса: «Не скрою, что, в известной мере, я восхищаюсь Пути-

---

[1] В интервью в апреле 2011 г. М. Ле Пен сказала, что, когда она возглавит Францию: “La France ferait de la Russie un partner priviligie”.

[2] La Croix, com, 7 Octobre 2011.

ным», — заявила она в Страсбурге 12 февраля 2012 года. Ее отношение к Путину находится в полном диссонансе с яростной антипутинской кампанией, начавшейся после его речи в Мюнхене в феврале 2007 года. Любопытно, что арсенал обвинений против Путина мало чем отличается от призывов и обвинений лидеров «болотных» митингов. Странное совпадение!

Национальный фронт Франции может стать надежным союзником российских государственников, потому что их цели практически совпадают. Осознали это первыми французы. В программе Национального фронта Франции среди 11 главных целей (осей) внешней политики страны Национальный фронт, придя к власти, намеренность: первое, возродить Европу наций; выйти из объединенного командования НАТО; предложить России выращивать стратегический альянс, который будет основываться на военном и энергетическом партнерстве, на отказе от войн и интервенций, на соблюдении международного права. Второе: *совместно с Россией предложить Германии присоединиться и создать тройственный альянс Парижа, Берлина и Москвы.* Третье: выступить с предложением создать панъевропейский союз суверенных нейтральных государств, включающий Россию и Швейцарию. Турция не будет допущена в этот проект[1]. НФ, как и Россия, крайне озабочен состоянием обороны и оборонной промышленности Франции и в цитируемой программе действий предлагает незамедлительно начать в этой области сотрудничество и с Россией. Неизвестно, принимает ли в расчет такие предложения, будущие возможности российская дипломатия? Едва ли! А жаль. Работая во Франции в 1960-е—1970-е годы, я много раз слышал от ветеранов-дипломатов рассказ о нашем после С. А. Виноградове. Это был дальновидный политик, который поддерживал постоянные связи с опальным отставным генералом де Голлем. Когда французы, уставшие от хаоса, в 1959 году вновь призвали де Голля к власти, дальновидность посла Виноградова принесла весомые плоды сотрудничества России и Франции.

---

[1] Официальный сайт Национального фронта Франции. Frontnational. com.





Иржи ОПРШАЛ

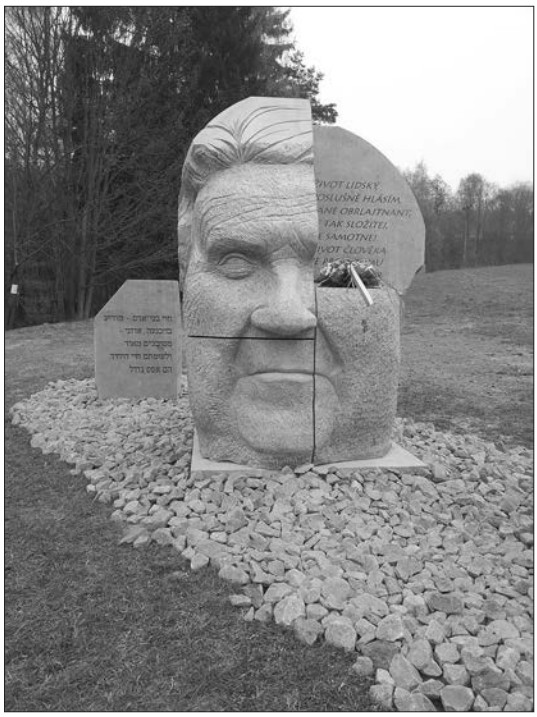
130 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЯРОСЛАВА ГАШЕКА

Иржи Опршал — родился в 1932 году в городе Гавличкув Брод (Чехословакия). Первый чехословацкий выпускник Московского государственного института международных отношений МИД СССР — выпуск 1958 года. Ответственный сотрудник Министерства иностранных дел Чехословакии (1958–1990) — специалист по Франции и западноевропейской интеграции. С 1969 по 1989 годы — непосредственный участник СБСЕ и всех последующих встреч Хельсинского процесса. С 1990 года — бизнес-советник по экономическому сотрудничеству и контактам Восток–Запад. С 2002 по 2012 годы — председатель Клуба чешских и словацких выпускников МГИМО. **Живет в Праге, Чехия.**

С 26 по 28 апреля 2013 года в чешском городке Липнице под средневековым градом состоялась международная конференция, посвященная творчеству всемирно известного писателя Ярослава Гашека. В ней приняло участие около 70 экспертов-гашековедов почти из 20-ти стран. В работе конференции приняла участие представительная делегация журнала «Родная Ладога» в составе члена редсовета журнала, первого секретаря Правления Союза писателей России Геннадия Иванова, члена редколлегии журнала профессора Владимира Ясенева и корреспондента журнала в Чехии Иржи Опршала.

Собрание открыл внук писателя Рихард Гашек, который объяснил, почему устроители сформулировали главную тему конференции: «Швейк — да или нет?» Конечно, все ораторы давали на этот вопрос положительный ответ, подчеркивали его духовный смысл. Любой вдумчивый читатель «Похождений бравого солдата Швейка» поймет, что это не собрание юмористических анекдотов, а произведение глубокого философского содержания. Многие участники рассказывали о своих личных впечатлениях от путешествия по следам Ярослава Гашека в Австро-Венгрии, Украине и затем в России. Прекрасные фотографии показал поклонник Гашека из Норвегии Йамар Гэнси, который прошел пешком в течение полугода от Праги через всю Россию вплоть до Иркутска.

Участники с большим вниманием выслушали выступление Геннадия Иванова, названное



Памятник «Голова 22».
Этот монумент высотой 2,65 метра и весом 18 тонн из огромной глыбы знаменитого местного гранита вырубил скульптор Радомир Дворжак

«Россия чтит и читает Гашека». Он подробно рассказал о местах пребывания и работы писателя в Москве, Самаре, Уфе, Бугульме, Омске, Челябинске, Красноярске и Иркутске; памятниках, музеях, названиях улиц и мемориальных досках Ярославу Гашеку; упомянул и о том, что к 130-й годовщине Ярослава Гашека во внутреннем дворе библиотеки иностранной литературы имени Рудомино в Москве 24 апреля 2013 года был установлен бюст писателя. Некоторые участники конференции подчеркивали, что Гашек, находясь в рядах австрийской армии, активно искал возможности перейти на русскую сторону и сдался в плен, как только такая возможность представилась. Отмечали также, что без опыта, накопленного в рядах Красной армии, он не написал бы «Похождения бравого солдата Швейка».

Определенную полемику вызвало выступление по телемосту из США Зенни Садлона, чехо-американского переводчика «Похождений». На вопрос «Швейк — да или нет?», он ответил: «Да, но надо спешить». В постмодернистскую эпоху, когда доминируют электронные СМИ и книжные издания привлекают все меньше и меньше внимания, Швейка, по его мнению, ждет забвение. Против чехо-американца довольно резко выступил македонский писатель и переводчик со славянских языков Стоян Лекоски. Он представил Гашека как антимилитариста и гуманиста. Эти его достоинства останутся, по мнению Лекоски, неизменными. Равно как и цели, и побудительные мотивы зачинщиков войн. К македонцу присоединился и Радко Пытлик, крупнейший чешский гашековед, который подчеркнул, что основой произведений Гашека был показ бессмысленности войн. Конечно, технические средства развиваются и меняются, но философская подоплека мышления Гашека и его солдата Швейка остаются. Участники конференции особо обратились к молодому поколению, чтобы оно восприняло гуманистический, антимилитаристский пафос произведений Ярослава Гашека. Участники торжеств возложили вен-

ки к могиле писателя. Кульминационной точкой торжеств стало открытие памятника «Голова 22». Этот монумент высотой 2,65 метра и весом 18 тонн из огромной глыбы знаменитого местного гранита вырубил скульптор Радомир Дворжак из находящегося рядом города Гавличков Брод. Удивительное внешнее сходство внука писателя Рихарда облегчило работу скульптора, так как Рихард Гашек многие часы позировал ему в роли живой модели и натурщика. Автор назвал памятник «Голова 22». Инспирацией для скульптора стал роман писателя Джозефа Геллера под аналогичным названием, вышедший во время Второй мировой войны. Автор в нем представил своего героя в диалоге с солдатом Швейком. Голова Гашека, по замыслу скульптора, является символом примирения. Поэтому на отдельных гранитных глыбах, установленных вокруг памятника, на 10 языках — чешском, русском, немецком, польском, венгерском, арабском, китайском, английском, иврите и эсперанто — воспроизведены знаменитые слова солдата Швейка: «Жизнь человеческая вообще так сложна, что жизнь отдельного человека, осмелюсь доложить, господин поручик, рваной тряпки не стоит».

Скульптор объяснил, почему монумент вырублен из местного гранита, который славится своей прочностью уже несколько столетий, ответив по-швейковски: памятник выдержит 10 тысяч лет, тексты половину, так хотя бы что-то останется надолго после нас. Вес около 18 тонн спасет памятник от потенциальных воров.

Рихард Гашек в конце торжественной церемонии высказался коротко как хранитель традиций деда-основателя «Партии умеренного прогресса»: «Политика в нашей стране сегодня не имеет ни головы, ни пят. У нас с этим монументом отныне есть хотя бы голова. Нас также упрекают, что мы хотим слишком многого — и богатства и мира. Будем скромнее и возрадуемся хотя бы тому, что живем в мире».

Город Липнице над Сазавой, Чехия





Игорь
АНДРУШКЕВИЧ

АКСИОПОЛИТИКА ОРИЕНТИРУЕТ ГЕОПОЛИТИКУ

Влияние шкалы религиозных и нравственных ценностей

Игорь Николаевич Андрушкевич — родился в 1927 г. в Белграде (Югославия) в семье русских белых эмигрантов. Был крещен в РПЦЗ. Отец — полковник Русской Армии. Окончил Первый Русский В. К. Константина Константиновича Кадетский Корпус. Затем переехал в Аргентину, где учился на журналистском и философском факультетах. Работал директором на металлургических заводах в Буэнос-Айресе. 30 лет преподавал историю России. Был членом Епископского Совета Аргентино-Парагвайской Епархии РПЦЗ, председатель «Объединения кадетов Российских кадетских корпусов в Аргентине». Редактор журнала «Кадетская перекличка». Автор многих книг и статей. **Живет в Буэнос-Айресе, Аргентина.**

Вот, Господь, Бог твой, отдает тебе землю сию, иди, возьми ее во владение, как говорил тебе Господь, Бог отцов твоих, не бойся и не ужасайся.

Второзаконие, 1, 21

Разные аспекты и факторы политики

В последнее время в средствах массовой информации снова стало чаще мелькать выражение «**геополитика**». Это выражение впервые получило широкую известность в 30-х годах прошлого века, в связи с его применением в тогдашних политических дискуссиях в Германии, вызванных геополитическими теориями немецкого генерала и профессора Карла Хаусхофера (Karl Haushofer, 1869–1946).

Хаусхофер издавал в Германии журналы «Geopolitik» и «Zeitschrift fuer Geopolitik». Он разработал особый вариант евразийства — военно-геополитическую доктрину «Континентального блока (союза)», который должен был объединить государства Евразии, как восточный **континентальный** противовес и альтернатива западному **морскому** англосаксонскому миру (Британской империи и США). Во второй части своей статьи (опубликованной в 1941 году) «Континентальный блок: Берлин–Москва–Токио» Карл Хаусхофер писал: *«Евразию невозможно задушить, пока два самых крупных ее народа — немцы и русские — всячески стремятся избежать междоусобного конфликта, подобного Крымской войне или войне 1914 года: это аксиома европейской политики».* (Под конец войны Карл Хаусхофер был сослан правительством Гитлера в концлагерь Дахау, а его сын Альбрехт, дипломат и геополитик, расстрелян.)

Согласно одному из бытующих определений **геополитика** (от греческих слов Γη + πολιτική, земля + государственные или общественные дела) является наукой о контроле территории, о причинах и закономерностях распределения и перераспределения сфер влияния (центров силы) различных государств и межгосударственных объединений.

Термин «геополитика» впервые ввел в обращение шведский политолог и государствовед Рудольф Челлен (Rudolf Kjellïn, 1864–1922) под влиянием немецкого географа Фридриха Ратцеля (1879–1913). Наряду с Челленом, Ратцелем и Хаусхофером классиками геополитической науки считаются британский географ и политик Хэлфорд Маккиндер, американский историк морской стратегии А. Мэхэн, американский исследователь международных отношений Н. Дж. Спикмэн.

Челлен впервые употребил этот термин в 1899 году, но широкую известность он приобрел после выхода его книги «Государство как организм» в 1916 году. Фридрих Ратцель (Friedrich Ratzel) считал, что нельзя выводить все политические акты людей только лишь из материальных, экономических причин. Он считал, что политические действия людей вызваны потребностями человеческой жизни, понимаемой целостно и органически. В свою очередь, государства обладают многими характеристиками живых организмов. Посему он считал, что политика на самом деле является **биополитикой**. Таким образом, геополитика является исследованием одного из аспектов политики, наряду с которым возможны исследования и ее других аспектов.

Однако в современной цивилизации существует тенденция сводить все политические явления и процессы только лишь к их материальным аспектам и причинам, в первую очередь к экономическим. Посему и геополитика сегодня зачастую трактуется лишь как проявление экономических интересов в применении к их географическому местонахождению. В таком случае сама геополитика сводится к политическим манипуляциям, в конечном итоге с экономическими целями, к «шахматной игре», согласно выражению Збигнева Бжезинского.

Происходит это в рамках т. н. «**редукционизма**», присущего современной цивилизации, описанного русским философом в изгнании Б. П. Вышеславцевым в его труде «Философская нищета марксизма» (опубликованном под псевдонимом «Проф. Б. Петров» в издательстве «Посев» в 1952 году). При этом сам по себе такой идеологический «**редукционизм**» вызван стремлением как-то скрыть, закамуфлировать **главные мотивы** собственных политических манипуляций, каковые отнюдь не являются только лишь экономическими, но также и «**ценностными**», то есть **аксиополитическими**. Посему серьезный геополитический анализ никак не может оставлять вне своего поля зрения те или иные **виды причин**, которые тоже кондиционируют геополитику, а должен учитывать **все причины**. Причем эти причины уже отчетливо видны при любом анализе самого государства как исторического явления.

В этом отношении русское евразийство, возникшее в Русской эмиграции, а затем продолженное уже в России Л. Н. Гумилевым, сделало свой концептуальный вклад в подобные анализы, указав на наличие также и **этнографических факторов** в исторических политических процессах. Однако кроме территориальных, экономических и этнографических факторов в исторических процессах играют значительную роль также и **религиозные,**

духовные, мировоззренческие, нравственные и культурные факторы, каковые совместно и образуют **аксиополитику**.

Причины возникновения государства и политики

Английский историк Арнольд Тойнби в своем многотомном труде об истории человечества тоже ссылается на роль географических факторов, как «**территориальных вызовов**» человеку. Тойнби считает, что сама по себе человеческая культура является суммой удачных и неудачных ответов на все вызовы, возникающие перед отдельными цивилизациями в истории. Испанский философ Хосэ Ортега-и-Гассет в своем критическом анализе этого труда Тойнби называет эти территориальные факторы «**пейзажем**» (по-испански: paisaje, от слова pais — страна). Все культуры развиваются в определенном пейзаже, с определенным климатом, ибо все люди живут в своем пейзаже: *«Каждая раса несет в своей первоначальной душе свой идеал пейзажа, который она затем старается осуществить в своем географическом окружении»*[1].

Однако, что касается политики, понимаемой как государственность, Ортега считает, что государство, а следовательно и политика, зародились под влиянием **четырех основных причин** (факторов).

Двумя первыми факторами, почти одинаковыми у всех народов, являются необходимость организации **обороны** своего общества и необходимость организации постоянного собственного **правосудия** в этом обществе. Ортега ссылается на немецкого юриста Фон Игеринга (Rudolf von Ihering, 1818–1892), считающего, что именно необходимость в **постоянном непредвзятом судебном арбитре**, в замену многих частных третейских судов, была главной причиной учреждения государственной власти, вначале понимаемой как **судебная власть**. Однако сам Ортега считает, что первоначальной причиной учреждения постоянной государственной власти была необходимость установления **постоянного военного руководителя** («рекса») вместо спорадических импровизированных военных вождей для организации **обороны** собственных территории и свободы. (При этом нельзя упускать из виду, что такая государственная оборона **свободы** своего общества в конечном итоге является **обороной народного быта и нравов** этого общества. Как показал А. Хомяков, свобода на самом деле значит «**свой быт**».) Лишь затем этому постоянному военному воеводству был общим согласием (консенсусом) поручен также и разбор судебных дел. Можно добавить, что иллюстрацией этому является должность претора. В Древнем Риме так называли предводителей римских легионов. Это слово, по-видимому, одного корня с нашим глаголом «проторять» (дорогу). В Древнем Риме преторам были поручены также и судебные дела. И сегодня в Италии суды носят имя «преторий», как и во времена Понтия Пилата.

Третьим фактором является «**спортивный**» **характер** человеческой общественной жизни, частично схожий с некоторыми тенденциями у многих животных. Организация обороны и правосудия происходит под сильным влиянием этой «спортивной» тенденции, особенно, что касается военных и

[1] «Una interpretaciyn de la historia universal, en torno a Toynbee». Madrid, 1960. S. 308.

судебных церемоний и ритуалов. Ортега при этом ссылается на труд «Homo ludens» («Играющий человек») известного голландского историософа и философа Йохана Хейзинга (Johan Huizinga, 1872–1945). Можно добавить, что если первый фактор создания государства, а именно необходимость в обороне, в некоторых отношениях аналогичен подобным явлениям и в животном мире, то уже второй фактор — правосудие — имеет отличительный **человеческий** характер. В своих лекциях в «Колледже Франции» в 1970–1971 годах о «Воле к знанию» Мишель Фуко (Michel Foucalt) показал, что зачатки правосудия и судебных ритуалов в Древней Греции имели **религиозный характер**, то есть — человеческий.

Этот **религиозный характер** человеческих учреждений и является четвертым учреждающим фактором государственности. Высшая форма человеческого общежития — политическая или государственная жизнь — требует для своего зарождения и дальнейшего существования наличия объединяющей и ориентирующей **коренной нравственной идеи**.

Ф. М. Достоевский по этому поводу пишет: *«При начале всякого народа, всякой национальности **идея нравственная** всегда предшествовала зарождению национальности, ибо она же и создавала ее. Исходила же эта нравственная идея всегда из **идей мистических**»*[1].

Верования и государственный строй

В учебниках государствоведения обыкновенно указываются три элемента государства — власть, население и территория: *«В понятие государства входят следующие три элемента: 1) власть, обладающая признаками самостоятельности и исключительности; 2) совокупность лиц, подчиненных этой власти — народ; 3) территория»*[2]. Однако в самих истоках политической науки было установлено наличие и двух других элементов государства, помимо этих трех, а именно: 4) **верований**; 5) **политического строя**.

Фюстель де Куланж в «Древней гражданской общине» говорит: *«Взгляните на учреждения древних, не размышляя о их **верованиях**, и вы найдете их темными, необъяснимыми… Но рядом с этими учреждениями и этими законами поставьте **верования**: факты тотчас станут ясными»*[3].

Ортега-и-Гассет считает, что **политический консенсус**, необходимый для учреждения государства, всегда основывается на *«**общем полном веровании в определенное представление о жизни и мире**… Кто-то легитимен — царь, сенат, консул, — когда его исполнение власти основано на **компактном веровании всего народа** в то, что он действительно является тем, кто имеет право исполнять ее… Поэтому, когда это общее полное верование раскалывается, ослабляется или рассеивается, вместе с ним раскалывается и легитимность… За распадом верований и системы нравственных норм, то есть поведения, немедленно следует*

[1] Дневник Писателя, 1880.

[2] *Трубецкая Е. Н.* Энциклопедия права. Киев, 1901. Репринт; Нью-Йорк, 1982. С. 260.

[3] Цит. по: *Л. А. Тихомиров*. Монархическая государственность. Буэнос Айрес, 1968.

распад легитимности публичной власти... Тогда ***нет законного государства, потому что нет состояния общего духа в обществе****».*

Ортега-и-Гассет утверждает, что любая верховная власть только тогда *«юридически легитимна,... когда... она основывается на* ***компактном веровании всего народа****, что она действительно обладает на это правом. Это право не признается в обособленном виде, ибо верование, что царь или сенат имеют право править, существует только лишь как часть* ***целостного верования в определенную концепцию мира****, каковая тоже разделяется всем народом. В итоге, это и есть consensus.* ***Эта концепция... должна быть религиозной****».* Ортега-и-Гассет определяет «**консенсус**» как *«****общее полное верование*** *в определенное представление о жизни и мире...».* (Все цитаты взяты из труда Ортеги-и-Гассета «Una interpretaciyn de la historia universal» («Одна интерпретация всемирной истории»), Мадрид, 1960. С. 174 и 190.)

А. Тихомиров считает верования частью *«социального фундамента государства, каковым является нация»*[1]. Верования выражаются более всего в верховной власти, *«которая есть конкретное выражение* ***принципа, принимаемого нацией за объединительное начало****»*[2]. *«В той или иной форме верховной власти выражается* ***дух народа, его верования и идеалы****, то, что он внутренне сознает как высший принцип, достойный подчинения ему всей национальной жизни»*[3]. Лишь, *«если в обществе не существует достаточно напряженного верования, охватывающего все стороны жизни в подчинении одному идеалу, то связующей силой общества является* ***численная*** *сила, количественная, которая создает возможность подчинения людей власти даже в тех случаях, когда у них нет внутренней готовности к этому»*[4]. *«Верховная власть... выражает весь* ***дух, предания, верования и идеалы народа****»*[5].

Основатель сионизма Теодор Герцль тоже говорит, что *«вначале — идея».* (Речь на Пятом конгрессе сионизма в Базеле.) В другой речи (в Берлине) Герцль говорит об *«облачении древнего народного идеала в политические формы».* В своем труде «Еврейское государство» Герцль подчеркивает, что *«мы признаем сами себя принадлежащими к одному народу только через* ***веру наших отцов****».*

Аристотель обращает особенное внимание на **политический строй** (режим, конституцию) государства, который **фиксирует** (в писаной или неписаной форме) **соотношения** между остальными элементами государства:

«Если государство ("полис") является сообществом граждан в рамках политического строя, то если изменяется и делается иным политический строй ("полития"), по необходимости государство тоже перестанет быть прежним. То же мы говорим про хор, что он является одним, когда он комический, и другим, когда он трагический, несмотря на то, что зачастую он состоит из тех же людей... Если говорить про государство, что оно то же самое, то прежде всего надо иметь в виду

---

[1] *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. Буэнос Айрес, 1968. С. 30.
[2] Там же. С. 33.
[3] Там же. С. 67.
[4] Там же. С. 68.
[5] Там же. С. 80.

его строй, независимо от того, имеет ли оно то же самое имя, или иное, и населяют ли его те же самые люди, или совершенно другие»[1]. *«Политический строй — это организация должностей в государствах, как они распределяются, каковой является верховная власть и* ***какая цель у сообщества*** *в каждом случае»*[2]. *«Политический строй (“полития”) это форма жизни государства (“полиса”)»*[3].

Встает вопрос: если геополитика является наукой, которая исследует соотношения между политикой и территорией, как называть науку, исследующую соотношения между политикой и системами верований, идеологий, нравов и духовных ценностей?

Если выражение «геополитика» образовано из комбинации греческих слов «земля» и «политика», можно было бы образовать выражение «**пистополитика**» — с помощью греческого слова «пистис» — вера. Однако в философии уже существует дисциплина **аксиология**, то есть **наука о ценностях**. По аналогии можно было бы науку о соотношениях между политикой и духовными ценостями называть «**аксиополитикой**».

Аксиополитика во всемирной истории

Проследить соотношения между политикой и системами верований, идей, нравов и культурных ценностей в истории человечества не трудно, ибо все древние государства были так или иначе тесно связаны с религиями и вообще с верованиями их народов. В этом смысле особенно важно отметить соотношение между аксиополитикой и геополитикой. Можно утверждать, что **аксиополитика всегда так или иначе ориентирует геополитику**. В древней истории это почти всегда происходило открыто, публично, но в последние времена такая ориентация весьма часто проводится скрытно, закулисно и даже засекреченно. В основном это происходит по причине конспиративного и даже мистериального характера некоторых идеологических систем, которым удалось возыметь политический перевес над традиционными системами народных верований[4].

Публичный теократический характер древних государств Месопотамии и Египта известен. В так называемых «больших» восточных государствах Древнего Мира, в государствах-культурах Египта и Месопотамии, можно наблюдать максимальное слияние религиозных и государственных учреждений. Высшая политическая и высшая религиозная власть в них принадлежала одним и тем же лицам. Такая «персональная уния» откладывала свой отпечаток на весь государственный строй.

Лучше всего такой строй выражен в Древнем Египте: фараон был одновременно главой государства, верховным жрецом и даже божеством. Единоличная и даже священная власть фараона была необходима для безапелляционности решений верховной власти, но она отнюдь не могла сама технически справляться со всей сложностью задач, которые перед ней ставила ее основная функция: необходимость обеспечить ежегодное перераспреде-

---

[1] *Аристотель*. Политика. 1276 в. С. 1–6, 10–13.

[2] *Аристотель.* Политика. 1289 а. С. 15–18.

[3] *Аристотель.* Политика. 1295 а. С. 40.

[4] См.: Сущность современных идеологий. Кадетская перекличка № 78, www.kadetpereklichka.org

ление засеваемых земель после разливов Нила. Так возник институт писцов и землемеров, которые именем фараона ежегодно проводили в кратчайшие сроки эту громоздкую работу. Однако очевидно, что за системой и подготовкой писцов и землемеров должны были стоять какие-то более глубокие структуры научного, педагогического, организационного и, в конечном итоге, властного характера. В Древнем Египте эти последние структуры не имели полностью открытого публичного характера и располагались в значительной мере в лоне разных жреческих институций, каковые определяли «аксиополитику» страны и следили за ее исполнением. Эти **постоянно и беспрерывно** действующие мистериальные (то есть не публичные) структуры реальной политической власти в Древнем Египте восполняли и уравновешивали весьма сильную, но часто **прерывающуюся** монархическую власть. (В Египте за три тысячи лет было 30 династий.)

Эти властные структуры и органы жреческих институций в Древнем Египте всегда, в течение всей истории этой цивилизации, неукоснительно принимали активное участие в решении **судьбоносных государственных дел** («великих государственных дел», как говорили в Московской Руси). Другими словами, они формулировали и определяли аксиополитику Древнего Египта, каковая, в свою очередь, ориентировала его государственную геополитику. Можно отметить изгнание в XVI веке до Р. Х. гиксов, завоевавших за век до этого Египет; преодоление в XIV веке до Р. Х. глубоких религиозных монотеистических реформ фараона Аменофиса IV; освобождение от ассирийской оккупации в VI веке; провозглашение в 332 году до Р. Х. оракулом египетского божества Амона, в оазисе Сива, Александра Македонского (после освобождения им Египта от персидского владычества) сыном греческого бога Зевса и одновременно сыном египетского бога Амона, что практически было провозглашением его фараоном Египта.

В Древнем Израиле, географически возникшем между Ассирией и Египтом, этими двумя большими древними культурами-государствами, впервые в истории человечества появляются новые соотношения между государством и религией. Государство Израиль как таковое образовалось **после** Ветхозаветной Церкви. В Древнем Израиле Церковь не только существовала **до** государства, но она же и создавала это государство и его аксиополитику и направляла его геополитику, с самого начала, в согласии с этой аксиополитикой.

Барух Спиноза считает, что *«правление у евреев можно назвать теократическим»*, ибо *«его граждане не признавали никакого иного права, кроме полученного через Откровение»*[1]. Спиноза отмечает несколько периодов развития этого правления. Сначала *«евреи… обязались единодушно исполнять все указания Бога, без назначения никакого посредника»*, так как *«они уступили взаимообразно сами себе свои права»*[2]. Это была своеобразная **демократическая теократия**, считает Спиноза. Затем они передали все свои права вопрошать Бога Моисею. Моисей стал единственным посредником между Богом и еврейским народом. Народ даже не имел права назначить преемника Моисею. Потом сам Моисей **раздвоил** свои функции, передав первосвященство своему брату Аарону и его наследникам. Таким

[1] Tractatus Theologico-Politicus. С. 17, 32.

[2] Там же. С. 17, 33.

образом, были созданы **две власти**, **взаимообразно ограничивающиеся**, но находящиеся в симфонии между собой. Религиозная власть толковала законы, но не по своей инициативе, как Моисей, а только в ответ на запросы власти административной. В свою очередь, **политическая власть должна была править в соответствии с божественными законами** и в соответствии с этими толкованиями[1].

При этом нельзя не отметить весьма важную роль **пророков** в Древнем Израиле. Они строго следили за соблюдением и сохранением религиозных и нравственных ценностей и публично обличали их нарушителей. Когда было нужно, они даже выступали **против народа**, а не «говорили к народу». (Пророка Амоса, 7, 15). Ортега-и-Гассет отмечает, что известный филолог Рудольф Киттель (Rudolf Kittel) утверждает именно такой смысл соответствующих оригинальных библейских текстов. В свою очередь, известный эллинист Вернер Йегер обращает внимание на то обстоятельство, что греческие отцы Церкви переводят библейские слова «пророк говорит», как «пророк **наставляет**» (pedagogei). **Педагогика служит аксиополитике и является ее инструментом.**

Эволюция политических и общественных институций в Древней Греции, и особенно в Афинах, тоже свидетельствует о **примате аксиополитики** над всеми остальными подвидами политики.

Мишель Фуко в своем курсе лекций в 1970–1971 годах в «Колледже Франции» подробно описывает неизменное сохранение влияния религиозных установок при эволюции политической, и особенно судебной, власти в Древней Греции, начиная с VII века до Р. Х. вплоть IV века до Р. Х. Даже чеканка государственной металлической монеты была вызвана, считает Фуко, необходимостью согласовать с новыми временами религиозное требование взымания «десятины» с доходов (то есть «жертвоприношения») состоятельных граждан, чтобы эти десять процентов затем распределить главным образом в пользу неимущих. (Фуко отмечает, что взымание десятины деньгами, а не товарами не только технически облегчало саму эту операцию, но также и обеспечивало сохранение права на собственность, в первую очередь на землю, которая в те времена была главным средством производства.) Коммерческая функция денег как средства, облегчающего обмен товарами, была второстепенной в истоках адаптации греками этого лидийского нововведения, считает Фуко. Он также считает, что создание греческого алфавита и развитие педагогики тоже служили **сохранению традиционных греческих религиозных ценностей**. Также и длинный процесс политических и судебных реформ в Греции в этот период свидетельствует о примате сохранения собственных аксиополитических принципов при проведении этих реформ, хотя и при эволюции внешних, формальных аспектов политической и общественной жизни. Больше того, Фуко обращает внимание на очевидное стремление Греции этих веков к **возвращению** к своим прежним, первоначальным **собственным ценностям** из домикенского периода. Можно добавить, что оракулы Древней Греции, Елевзинские мистерии и даже олимпиады тоже служили сохранению этих ценностей.

Согласно легендам и хроникам об основании Рима Ромулом и Ремом в 753 году до Р. Х. сам акт основания, также как и «инаугурация» вто-

[1] Tractatus Theologico-Politicus. C. 17, 41.

рого царя, Нумы Помпилия, сопровождались рядом символических действий глубокого религиозного значения. Цицерон в своем труде «Законы» говорит, что Ромул в самом зачатке Римского государства основал *«два славнейших учреждения:* ***авгуров и сенат»***. Ортега-и-Гассет, комментируя эти слова Цицерона, обращает особенное внимание на то, что Цицерон ставит на первое место **авгуров** и лишь на второе — сенат. Действительно, сам Цицерон подчеркивает в указанном труде, что *«наивысшее понятие права в Римском государстве связано с авгурами».*

Таким образом, перед нами очевидный факт: славнейшими и важнейшими учреждениями римской монархии с самого начала являются **авгуры и сенат**, но не сама по себе монархия. Значит, монархическая власть, просуществовавшая в начале Римского государства в течение 243 лет (с 753 до 510 год), не обладала в исключительной форме политической властью в Римском государстве, а **разделяла** эту власть совместно с авгурами и сенатом. На нашем современном русском языке такой строй можно было бы назвать «**соборной монархией**».

Авгуры были жреческой коллегией, состоящей из шести членов, которая **сама кооптировала** (включала) в свой состав дополнительных членов по мере необходимости. Она официально занималась **предугадыванием** дальнейшего развития военных и политических событий и процессов. То обстоятельство, что им одновременно было поручено и хранение государственных архивов, свидетельствует о характере и сути их конституционных функций: изучая и хорошо зная прошлое, они должны были предостерегать от повторения предыдущих ошибок и блюсти **соответствие римской геополитики с римской аксиополитикой**. Они не обладали формальной властью принимать какие бы то ни было решения, но они имели право на **вето** по отношению к любым решениям власть имущих. Дабы обеспечить исполнительную силу этих вето, их решения были с самого начала объявлены священными и никем не отменимыми. Более того, их приговоры имели трансцендентный характер, то есть они считались стоящими **над** человеческими страстями и притязаниями, ибо они формально зависели лишь от угадывания смысла и значения птичьих полетов. Таким образом, для начинания любого государственного дела, будь то военного или гражданского, была необходима предварительная положительная санкция авгуров. Это и было **инаугурацией** (буквально: «добрым начинанием») не только нового годового периода вступающих на власть консулов, но также и хорошим началом любого государственного дела. Это был **авторитарный строй Римской Республики**, основанный на авторитетных и компетентных республиканских учреждениях авгуров, сената и цензоров, то есть на **соборной власти** основных государственных органов, а не на своеволии одного лица, как это сегодня утверждают многие несведующие комментаторы.

Аксиополитический характер функций коллегии авгуров дополнялся наличием в Римском государстве другой специфической жреческой коллегии, а именно коллегии «понтификов», «мостостроителей», состоящей из пяти членов, возглавитель каковой был верховным жрецом Римской Республики («pontifex maximus»). Юлий Цезарь соединил обе эти коллегии понтификов и авгуров в одну, дав понтификам права авгуров, а его преемник Август (30 год до Р. Х. — 14 год после Р. Х.) сам принял титул «верховного понтифика» в 12 году до Р. Х., соединив в своем лице и многие

другие титулы Римской Республики. Все последующие римские императоры обладали также и этим титулом верховного жреца, что давало им право на личную священную неприкосновенность, но одновременно подтверждало отмену соборного характера этой новой монархии, ибо принципиально сводило все государственные функции к одному-единственному лицу. Таким образом, это уже была **абсолютная монархия**, вплоть до 391 года, когда испанский император Феодосий Великий отказался от этого языческого титула верховного понтифика, ибо к этому времени все члены Римского Сената в Константинополе уже стали христианами, и вследствие этого император конституционно стал **христианским царем**.

Через полтора века, в 533 году, император Юстиниан Великий провозгласил свою Шестую Новеллу (Новый Закон) о **Симфонии**, не только регламентирующую **характер разделения** между Церковью и государством, но также и восстанавливающую старый римский принцип необходимой **нравственной цензуры** над носителями государственной власти. Православные Цари были **Самодержцами**, то есть полностью **независимыми** арбитрами в государстве, но принципиально они **не были абсолютными властителями**, ибо Православная Церковь выполняла функции прежних авгуров и цензоров. Вообще, верховная власть должна была действовать **в симфонии с верованиями и нравами народа**, что возводилось в высший конституционный принцип.

Геополитика меняется при перемене аксиополитики

При перемене господствующих верований, идеологий и мировоззрений в государствах всегда неизменно происходят перемены также и в геополитике этих государств, хотя сами по себе географические условия и не меняются. Таким образом, при одних и тех же географических условиях могут быть разные геополитики. Значит, геополитика, хотя и имеет прямое отношение к географии, отнюдь не зависит от нее в исключительной форме, ибо если бы такая зависимость действительно существовала, никакая геополитика никогда бы не менялась. Также нельзя ставить геополитику в абсолютную зависимость и от экономики. Геополитика зависит одновременно, хотя и по-разному, от нескольких факторов, в том числе от географии, экономики, этнических элементов и от **господствующей системы ценностей**, то есть от аксиополитики. Причем эта **господствующая** система ценностей может быть выражением народных традиционных верований и нравов или же быть **чужеродной шкалой ценностей**, насильно навязанной с помощью новой конституционной системы, путем завоевания или революционным или манипуляционным путем.

В связи с вышесказанным можно отметить неоднократную **смену геополитики Египта** за все периоды существования этой страны. Геополитика Древнего Египта под возглавлением фараонов стремилась к обеспечению максимальной безопасности границ своей собственной территории, но не претендовала на завоевание чужих территорий. На юге эта политика пыталась поставить Судан в относительную зависимость от Египта, что было особенно важно, ибо истоки Нила находились на юге, вне Египта. На западе была пустыня, а за ней Либия с кочевниками. На востоке и северо-востоке положение было более сложное и более опасное: за соседним неспокойным Ханааном была Финикия, а за ней Ассирия и Хеттское государство. На

севере, за морем, были сперва Минойское государство на Крите, а затем Греция, с которыми Египет имел дружественные отношения. Геополитика Египта, в общих чертах, преследовала цель достижения минимального мирного сосуществования с восточными странами даже с помощью отдельных войн или дипломатических браков, когда это было необходимо. Удачная война Египта с Хеттским государством при фараоне Рамзесе II кончилась подписанием первого в истории письменного мирного договора, чей текст был найден при раскопках в Тель-Амарне.

Опасения Египта оправдались: в VI веке до Р. Х. он был завоеван Ассирией, а затем оказался под властью Персидского государства. После освобождания Александром Македонским от персов, Египет восстановил свою монархию под новой греко-македонской династией Птолемеев с новой столицей в Александрии. Геополитика птолемеевского Египта стала совершенно иной по отношению к своим восточным соседям, ибо там возникли новые эллинистические государства, культурно ему близкие. После включения Египта в Римскую империю, его геополитика стала внутриимперской. Богатый Египет снабжал империю не только зерном, но также и культурой, научными знаниями и даже административными технологиями, базируясь на Александрийской библиотеке и на Университете при ней, и вообще на своих богатых культурных и технологических традициях. Эту роль Египет продолжал исполнять и после разделении Римской империи на Восточную и Западную в 395 году. Египетская столица Александрия стала культурной столицей Восточной империи, которую потом на Западе стали называть Византийской. В Александрии был сделан перевод на греческий язык Ветхого Завета, была написана геометрия Евклида, была высчитана Эратосфеном длина земного меридиана (почти за два тысячелетия до Галилея). На Первом Вселенском Соборе, состоявшемся в Никее в 325 году, делегация Александрийской Церкви играла ведущую роль. Александрийской Церкви этим Собором было поручено разработать Православную Пасхалию, которой Православная Церковь пользуется до сих пор. После арабского завоевания в VII веке, верования и даже язык большинства населения Египта переменились, а за ними и его геополитика.

В современной истории тоже можно выбрать много примеров, подтверждающих сложную зависимость геополитики от многих факторов, в том числе и от идеологических и мировоззренческих.

Например, в геополитике Японии за последние века можно различить три геополитических периода:

1. Период изоляции, до XIX века.

2. Период индустриализации при одновременном стремлении к территориальной экспансии под предлогом необходимости обеспечения доступа к сырьевым продуктам, под лозунгом «Азия — азиатам!», враждебным по отношению к США и к Западной Европе.

3. Послевоенный период экономической экспансии при участии в «трилатеральных» структурах совместно с США и с Западной Европой.

Приблизительно аналогичные примеры можно взять из истории и других стран. Геополитика православной англо-саксонской Англии отличалась от геополитики римо-католической норманской Англии и от политики современной англо-шотландской Англии, хотя во все эти периоды Англия зависела от своего географического островного положения.

Да и геополитику самой могущественной сегодня страны в мире тоже никак невозможно выводить только из ее географического местонахождения и положения. Ведь геополитика США сегодня отличается от геополитики всех общественно-политических структур, бывших на ее территории до образования этого государства. Но и после своего возникновения США тоже меняли свою геополитику не без соучастия аксиополитических факторов. Первый президент США Джордж Вашингтон завещал США в своем послании, по окончании своего мандата, развивать коммерческие связи со всеми странами мира, но сводить до минимума политические связи вне американского континента. Президент Монро провозгласил доктрину, известную под его именем, согласно которой неамериканские страны не должны вмешиваться в дела американского материка. Эти концепции вылились в так называемую «доктрину изоляционизма» США, помешавшую США войти в состав Лиги Наций.

Соединенные Штаты Северной Америки, возникшие через 900 лет после основания русского государства, как объединение английских колоний в «Новой Англии», **на берегах Атлантического океана**, вскоре начинают непреодолимое продвижение в обратную сторону, в направлении Тихого океана, сметая на своем пути все чужие владения. После покупки Луизианы у Франции в 1803 году начинается муссирование пропагандной кампании о необходимости «продвижения на Запад». В 1845 году США аннексируют Техас. Одновременно публицист Джон Л. О'Салливан провозглашает тезис, что континентальное расширение США является их «**очевидным предназначением**» («Manifest Destiny»). Вслед за этим, в 1846 году США начинают войну против Мексики, в результате которой они отнимают у Мексики 55 процентов ее территории. Затем, после выхода на Северный Ледовитый океан покупкой Аляски в 1868 году и после консолидации своей северной границы с англо-французской Канадой, США обращают свой взор на юг, в сторону испанской Кубы, а затем Панамского канала. С войны с Испанией в 1898 году за контроль над Кубой и Филиппинами начинается так называемый «имперский» период США, прямо противоположный геополитическим доктринам Вашингтона и Монро.

После Гражданской войны в США и активной помощи Царской России правительству Линкольна наступил период внешне дружелюбных отношений между США и Российской Империей, длившийся почти полвека. Во время этого периода Россия уступила США Аляску, после того как она ретировалась в 1841 году из Северной Калифорнии. Во время Русско-японской войны вдруг выявилась перемена этой политики со стороны США, выразившаяся не только в их гласной и негласной поддержке Японии, но и в участии в программах идеологического «промывания мозгов» русским военнопленным в Японии. Затем, в начале Гражданской войны в России, правительство Вудрофа Вильсона помогло Троцкому и его команде отправиться в Россию, чтобы выступить на стороне прибывшей из Германии команды Ленина. Так, еще во время неокончившейся Первой мировой войны союзники и враги России стали негласно сотрудничать, мечтая о ее расчленении. Когда одна из сторон в этой гражданской войне выдвинула своим главным лозунгом «За единую и неделимую Россию», расчленение пришлось отложить, чтобы не проиграть. Однако историческое имя страны все-же удалось убрать. Затем наступил период полугласного экономического сотрудничества.

Во время наступившей затем Второй мировой войны мечты о расчленении России пришлось снова отставить, а затем и провозгласить громогласно свою дружбу с «добрым старым Джо». Юридически формально этот период закончился официальным провозглашением наличия во всем мире только лишь «**трех великих демократий**», в каковую тройку даже не вошла Франция, несмотря на все потуги Де Голля в нее войти. Этот период закончился ялтинскими соглашениями и учреждением Организации Объединенных Наций. Постоянными членами Совета Безопасности этой всемирной организации стали эти три великих демократии, плюс Франция Де Голля и Китай Чан-кай-ши. Ортега-и-Гассет вскоре после этого констатировал, что такое провозглашение «**трех великих демократий**» положило конец всем предыдущим научным определениям демократии. Можно добавить, что с этого момента мы в действительности имеем дело с **неодемократиями**. Один из учеников Ортеги, испанский философ, пожизненный сенатор Юлиан Марияс затем пояснил, что все страны — члены Организации Объединенных Наций являются «ипсо факто», такими современными демократиями, независимо от их реального политического строя. Некоторые из современных демократий тогда уточняли, что они даже «демократии с гаком», то есть «народные демократии». Сегодня таковых осталось всего лишь две — Северная Корея и Конго.

Затем наступил новый геополитический период, когда одна из «трех великих демократий» была провозглашена остальными двумя «великими демократиями» и некоторыми другими неодемократиями, что она на самом деле таковой не является, без уточнения с какого момента. Поверженная в прах Западная Европа была объявлена новым геополитическим центром с программой неудержимого экономического роста. Включая и побежденную, уничтоженную и разделенную Германию, хотя во время предыдущего геополитического периода ей первоначально предназначалась перманентная «деиндустриализация» и вообще второстепенная геополитическая роль.

В середине 1960-х годов один из видных геополитиков США, Збигнев Бжезинский, в ежемесячном мадридском философском журнале «Revista de Occidente», № 24, в марте 1965 года, в статье на испанском языке под заглавием «Una Europa hasta los Urales?» («Европа до Урала?») писал: *«Для **новых** отношений между Востоком и Западом было… важным зарождение **новой Европы, до сих пор ограниченной своей западной частью**, но которая уже является **мощной экономической силой**, способной вызывать с каждым днем большее политическое и идеологическое **притяжение** в странах по ту сторону Эльбы»*.

Этот период сегодня уже закончился. Западная Европа сегодня уже не должна *«**притягивать страны по ту сторону Эльбы**»*, ибо она вступила с ними в экономическое (и даже политическое) партнерство. Кроме того, Западная Европа сегодня «притягивает» к себе и к своей новой валюте капиталы со всего мира, включая и капиталы из зоны доллара США, конкурируя с самим долларом. Одновременно в западной геополитике выдвигается вторая программа, помимо мечтаний о дальнейших расчленениях России: хронические конфликты на всем протяжении евразийского «подбрюшья», с Востока на Запад: от Пакистана, Афганистана, Ирана, Ирака, Кавказа, Ближнего Востока вплоть до Балкан. Однако планы расчленения России отнюдь не забыты. Бывший секретарь Госдепартамента США Мад-

лен Олбрайт заявила: *«Это несправедливо, что Россия сама располагает таким количеством территории, как Сибирь, и с таким количеством ресурсов».*

Закулисный характер аксиополитики в неодемократиях

Идеологическая близость современных неодемократий проявляется также и в их общем стремлении как-то скрыть и приукрасить свои собственные подлинные мировоззренческие и нравственные убеждения и концепции. Посему, все неодемократические институции, которые должны формировать и разрабатывать аксиополитические ориентиры, находятся в тени, а часто и в подполье. Вследствие этого в неодемократиях все «передаточные ремни», идущие от аксиополитических центров к политическим и геополитическим инструментам, частично окутаны туманом в противоположность классическим демократиям и республикам. В первоначальной Римской Республике публичность ее аксиологических центров и органов даже возвещалась в самом ее имени: Res publica.

Одним из теоретиков этих неодемократических концепций был Антонио Грамши (Antonio Gramsci, 1891–1937). Когда итальянская социалистическая партия раскололась в начале 20-х годов прошлого века на три части (на социалистов, фашистов и коммунистов), Грамши был одним из основателей итальянской компартии. Вскоре он оказался в СССР, где женился. После своего возвращения в Италию он был арестован фашистским правительством. В тюрьме он написал серию писем и статей, которые после Второй мировой войны были опубликованы в Италии как «Письма из тюрьмы» и «Тетради из тюрьмы».

В этих «письмах» и «тетрадях» Грамши делает социологический анализ современной идеологии Запада, где помимо формальных политических структур существуют также и неформальные «структуры гражданского общества», которые, в конечном итоге, могут обладать даже большей реальной властью, чем формальные структуры. Эти неформальные, то есть закулисные, по сути подспудные, структуры образуют сложный пучок общественных учреждений, в которых главную роль играют средства массовой информации и так называемые «неправительственные организации». Однако сами они тоже отнюдь не формулируют аксиополитику, а лишь передают ее от подспудных центров ее хранения, создания и разработки к их исполнительным инструментам.

Суть господствующего мировоззрения современного Запада Антонио Грамши определяет как **безрелигиозный «имманентизм»**, в противовес **«трансцедентализму»** всех религиозных верований и мировоззрений. («Имманентизм», в данном случае понимаемый, как происхождение общественных ценностей из самого общества, значит — ценностей, не стоящих **над** обществом.) Причем в этом вопросе Грамши выступает не от имени интернационального или итальянского коммунизма, а от имени всех современных идеологий Запада, особенно отмечая вклады в это западное мировоззрение немецкой философии, французской политики и английской экономики.

Такой безрелигиозный имманентизм и является отличительной характеристикой современной господствующей западной аксиополитики, довлеющей над ее геополитикой.

Дороги ВОЙНЫ



Александр КОРОЛЕВ

ЭТО БЫЛО ПОД СТАЛИНГРАДОМ

Из повести «Воспоминания ветерана войны»

ЭВАКУАЦИЯ

Лето 1942 года в Ростовской области выдалось сухое и жаркое. Уже год на землях Украины, Донбасса, центральной части страны полыхает война. За это время удалось нанести удар по немецким войскам под Москвой зимой 1941 года, что обеспечило контрнаступление, в результате которого враг был отброшен на полторы-две сотни километров от Москвы. Оправившись от этого поражения, которое считается по праву началом перелома в ходе войны в нашу пользу, немецкое командование разработало новую стратегию военных действий на лето 1942 года, перегруппировало силы и начало наступление в направлении на Сталинград и Кавказ с целью окружить

Александр Иванович Королев — полковник в отставке, родился в 1925 году в семье рабочего. В 1943 году в возрасте 17-ти лет был призван в Красную армию и направлен на фронт, где в составе 825-го стрелкового полка 302-й стрелковой дивизии воевал 2 года на 1-м и 4-м Украинских фронтах, и прошел боевой путь от Сталинграда до Варшавы. В 1945 году был направлен в танковое училище, которое окончил с отличием. В дальнейшем служил в войсках на должностях: заместитель командира полка, заместитель командира бригады. Окончил военную Академию тыла и транспорта. Работал в течение 10-ти лет преподавателем кафедры оперативного тыла 1-й военной Академии тыла и транспорта. С 1972 года по 1974 год работал на Кубе преподавателем кафедры тыла Кубинских РВС. В возрасте 50-ти лет уволился из рядов Советской армии в отставку. В настоящее время занимается изучением истории Великой Отечественной войны. Обобщает опыт войны. Награжден: орденами «Отечественной войны», «Славы III степени»; медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и юбилейными медалями. **Живет в Санкт-Петербурге.**

советские войска в районе Донбасса и среднего течения Дона. Была поставлена цель — отрезать центральные районы страны от запасов хлеба, угля и нефти на юге, в Средней Азии и на Кавказе. С целью реализации этой стратегии летом 1942 года завязались ожесточенные сражения в излучине Дона на Сталинградском направлении.

Жестокие бои идут под Ростовом. Фронт приближается. По ночам где-то там, далеко, на западе, уже слышны грозные и тревожные раскаты орудийного грома. Немцы рвутся к Сталинграду и на Кавказ. Наши войска, сражаясь за каждый клочок земли, за каждый город и деревню, сдерживают неимоверными усилиями полчища немцев, румын, итальянцев. Но силы неравные, сказывается усталость наших войск, держать фронт в открытых сальских степях трудно, приходится отступать на восток, к Волге, к Сталинграду, и там надо закрепиться намертво. Дальше нет пути: победа или смерть, третьего не дано.

Вместо отцов, ушедших на фронт, за руль тракторов и комбайнов сели мы — школьники, ученики старших классов, и вместе с матерями и стариками приступили летом 1942 года к уборке хлебов. Надеяться было не на кого, урожай надо было убирать. Мы были приучены к труду, и работа у нас ладилась. Но недолго продолжалась эта военная хлебоуборка. В июле 1942 года положение на фронте под Ростовом резко ухудшилось. Немцы продолжали летнее наступление с целью выхода к Волге и захвата Сталинграда и Кавказа. Наши войска с трудом сдерживали удары 6-й полевой армии фельдмаршала Паулюса и танковой армии генерала Манштейна. После падения Ростова, 24 июля наши войска начали отходить через сальские степи на восток, к Волге и к предгорьям Кавказа. Бои продолжались, но удержать позиции в голой степи между Ростовом и Сталинградом было трудно, и командование приняло решение на организованный отвод войск к Сталинграду, где уже велись оборонительные работы по превращению Сталинграда в крепость на волжских берегах.

По пыльным дорогам сальских степей под знойным августовским солнцем потянулись на восток колонны наших войск — пехоты, артиллерии, танков, обозов. Печально и тревожно смотрели мы на отступающие войска, не представляя, что ждет нас, когда придут немцы, о зверствах которых мы знали уже так много за этот прошедший год войны.

В первых числах августа 1942 года нас — комсомольцев, работающих на уборке урожая, собрали в правлении колхоза. В комнате председателя колхоза сидели двое: оставшийся за руководителя колхоза бригадир полеводческой бригады Константин Иванович Февралев и бригадир тракторной бригады Василий Васильевич Фирсов. Константин Иванович не был призван в действующую армию из-за инвалидности. Он был до войны кузнецом: во время рубки железной балки от зубила под ударом молота отлетел осколок и попал ему в глаз. Несчастный кузнец остался с одним глазом на всю жизнь, оказался инвалидом перед самым началом войны. Так с тех пор и работал в колхозе бригадиром, был уважаемым человеком, веселым и общительным, преданным колхозному делу и понимающим толк в сельском хозяйстве. А когда здоровых мужиков призвали на войну, остался старшим в колхозе. Ему все охотно подчинялись в делах колхозных, так как надо было напряженно работать — фронт требовал не только снарядов, мин, патронов, но и хлеба, мяса, всего того, без чего не могла жить и воевать мно-

гомиллионная армия. Василий Васильевич Фирсов был оставлен по брони, как опытный механизатор, на плечи которого легли все нелегкие заботы о тракторах, комбайнах, автомашинах и прочей уборочной технике. Мы не помним, работая с ним каждодневно, когда он отдыхал, спокойно спал хотя бы одну ночь в эти тревожные дни лета 1942-го года.

В правлении колхоза собралось человек десять — трактористов и комбайнеров, недавно беззаботных и веселых школьников, а теперь повзрослевших мужчин с уже мозолистыми руками, в перепачканных маслами, автолами и солидолами брюках и замусоленных майках. Константин Иванович что-то писал, бригадир Фирсов напряженно молчал и курил. Когда все собрались, председатель (так назовем бригадира Февралева) начал говорить:

— Дела, хлопцы, сами знаете, плохие. Фронт приближается. Вчера в райкоме поставили задачу: прекратить уборочные работы, так как через неделю или две немцы могут занять нашу местность. Оборонять нас некому. Войска отходят к Сталинграду, там будут решаться главные дела. Наша задача: немедленно сформировать механизированный отряд, включить в мехколонну лучшие, исправные трактора и комбайны и начать эвакуацию техники на Волгу через калмыцкие степи, а там следует переправиться на левый берег Волги и действовать по указанию властей, в распоряжение которых поступит наша техника. Главное: ни одного исправного трактора или комбайна не оставить врагу. Все, что не может быть эвакуировано, привести в негодность и оставить на месте. Там видно будет, что делать дальше. Василий Васильевич, — обратился председатель к Фирсову, — давай указания, но чтобы завтра к концу дня колонна была готова к движению.

Фирсов тихо, как-то по-будничному, объявил решение:

— Готовность завтра к вечеру, выход послезавтра не позже середины дня. В мехколонну включаю Ареповского, Королева, Белозерова, Волошина и еще 5–6 парней. С собой возьмем 6 тракторов, 4 комбайна, вагончик-бытовку, запасы продуктов на месяц, запчасти, горючее и все, что потребуется в дороге. Объявите об этом родителям и готовьтесь к эвакуации без промедления и проволочек. Завтра рано утром собраться в бригаде, конкретно решим, что пойдет с нами, что придется разукомплектовать и вывести из строя. Побольше надо взять запчастей за счет той техники, которая остается на месте. Вопросов сейчас не требуется, все будем решать завтра на месте. Можно разойтись.

Ошеломленные услышанным, мы пошли по домам оповестить наших многострадальных матерей и готовиться в неведомый и непонятный пока еще поход, перегон техники за Волгу. Но приказ получен, идет война, надо делать так, как решает руководство. И останутся матери, бабушки да деды, а урожай только созрел, просится в закрома, а тут — эвакуация в дальние края. Все это удручало своей бессмысленностью не только те семьи, чьи парни уйдут из дома, но всех сельчан, понимавших, что надвигается беда.

Известие о частичной эвакуации заслонило тревожное ожидание: что же будет после отступления наших войск. Прекратить уборку урожая — это значило готовиться к голоду, нищете, к неизвестным дотоле трудностям. Ведь жили перед войной хорошо, в достатке, и реального понятия о голоде не было, о том, как жить без хлеба — такого опыта тоже не было. Но вот теперь душа заныла от предчувствия беды, новой беды, связанной у кре-

стьянина со смутным страхом, как же жить, если не будет хлеба. А откуда ему быть, если уборочную технику угоняют в неизвестные края, неизвестно на какие времена. Всю ночь светились окна в хатах, люди не спали, ходили по соседям, чтобы узнать, может, отменено указание об эвакуации, может, известно что другое об этом.

Наступило утро 10 августа 1942 года. Солнечное, ясное, тихое, благодатное. Природа не откликалась на трагедию, которую переживали люди. Рано утром на полевом стане тракторной бригады собрались молодые трактористы и комбайнеры и под руководством бригадира Василия Васильевича Фирсова приступили к делу: отбирали трактора и комбайны получше, поновее, отгоняли в сторону, к дороге, выстраивали в колонну. Ту технику, что оставалась — раскомплектовывали, снимали наиболее нужные детали, те, что будут взяты на запчасти с собой, остальное развинчивалось и приводилось в нерабочее состояние.

К середине дня непривычная работа была закончена. Приехал председатель Константин Иванович, пообедал с нами последний раз, дал, какие мог, советы на дорогу, осмотрел внимательно механизированную колонну и то, что осталось от бывшей техники, теперь уже неживое, недвижимое, годное только в металлолом, а не на жнивье, не в пахотную борозду. План эвакуации был разработан несложный: двигаться на восток безостановочно, кроме малых привалов для дозаправки тракторов да ночного отдыха с 10 часов вечера до 5 часов утра. Маршрут на восток спрямили: от нашего села Каменной Балки на Куберлу, далее на Зимовники до Котельникова, а там, пересекая калмыцкие степи, на Элисту и до ближайшей переправы через Волгу. Общая протяженность маршрута около трехсот километров. Если идти по 10 часов в сутки со скоростью 5–7 километров в час (больше на тракторах СТЗ и ХТЗ не выжмешь), то через 7–10 суток можно подойти к Волге, что составляло первую часть плана эвакуации, а далее — по обстановке.

Механизированная колонна состояла из шести тракторов марки ХТЗ и СТЗ на колесах со шпорами, четырех комбайнов на прицепе к тракторам, один трактор тащил вагончик с нашими пожитками, и один трактор буксировал прицеп с горючим и ящиками с запчастями. Два комбайна и четыре трактора были нами приведены в негодность и брошены на полевом стане, где прежде работала тракторная бригада.

Вышли в поход утром 11 августа. Провожали нас все, кто мог выйти на окраину села: матери, старики, бабушки, девчонки. Председатель сказал напутственные слова и махнул рукой: «Трогайте, счастливого пути, берегите себя и технику». Женщины заплакали в голос, шли за колонной, потом остановились и махали руками и платками до тех пор, пока колонна не скрылась за пригорком.

Над степью стояло марево. Жара дышала в лицо, пыль оставалась за хвостом колонны. Трактора работали исправно, безостановочно двигались вперед. К ночи проехали Куберле, пошли по основному шляху на Зимовники. Дорога была пустынной. Войска наши уже прошли на Сталинград. Изредка нас обгоняли несколько отставших от своих частей автомашин с пушками на прицепе и солдатами в кузове. Спешили в Сталинград. Мы двигались в том же направлении, не предполагая, что нас ожидает впереди.

На вторые сутки подходили к Зимовникам. Колонна шла по обочине, рядом с большаком не более чем в километре от основной дороги. В середи-

не дня 13 августа на дороге параллельно с нами показалась колонна военных грузовиков, мотоциклов и бронетранспортеров. Колонна была длинной и какой-то незнакомой, не такой, какую мы видели, когда отходили наши войска. Впереди колонны ехали мотоциклисты, за ними бронетранспортеры и большие автомашины с орудиями на прицепах. В грузовых автомобилях, в кузовах сидели в два ряда немцы, вернее немецкая пехота, в куртках с закатанными по локоть рукавами, с автоматами в руках. Они с удивлением смотрели в нашу сторону и, видимо, не понимали, что эти трактора и комбайны стоят на обочине дороги, куда они направляются. Им было непонятно, что это мы пытаемся эвакуировать технику, чтобы она не попала в руки врага. Но нам стало ясно, что мы оказались на оккупированной территории, и продолжать путь теперь бессмысленно.

Мы в нерешительности замерли, понимая: это уже не наши войска, это — немцы, это уже вражеская пехота, в километре от нас на основной дороге, на большаке. Двигаются гитлеровцы, двигается смерть, и мы у нее на виду, близко, рядом. Из оцепенения нас вывела команда, которую подал бригадир Василий Васильевич Фирсов: «По машинам, быстро сворачивайте в степь, в степь от дороги, быстро!» Вскочив на машины и развернув трактора, мы двинулись по целине вглубь степи и вскоре укрылись в ложбине, где нас уже не было видно с дороги. Фирсов приказал двигаться на повышенной скорости в степь, где, возможно, найдем хутор, поселение и разберемся в обстановке. Километров через 15 остановились на небольшом хуторе, где простояли двое суток. За это время несколько раз высылали дозор к дороге и поняли, что двигаться в сторону Волги невозможно, так как по большаку идут немецкие войска на Сталинград. И никакой переправы через Волгу нам не найти, впереди могут быть только бои.

Двое суток бригадир решал — что делать дальше, советовался с нами, терпеливо выслушивал наши невеселые советы. Наконец, все сошлись на одном: эвакуацию остановить и возвращаться в свое село, свой колхоз, где и принять, как говорят, удар судьбы вместе с оставшимися там односельчанами.

16 августа наша механизированная колонна по глухим проселочным дорогам начала обратный путь в свой колхоз. 18 августа мы остановилась на том же месте в полевом стане, откуда четверо суток назад вышли. Односельчане не особенно были удивлены нашему возвращению, как будто знали с самого начала, что вся эта эвакуация никому не была нужна и что все так и должно было закончиться. Другая горькая новость теперь обсуждалась и тревожила всех — мы оказались на оккупированной территории. И что будет дальше, опять никто не знал и ничего посоветовать не мог. Вот она — трагическая неопределенность, вот она — судьба военного лихолетья.

ОККУПАЦИЯ

август—декабрь 1942 года

Село притихло в тревожном ожидании. Прошло несколько дней, но немцы в нашем селе не появлялись. В то время в районном центре, в Орловке, они уже начали хозяйничать: пришло известие, что расстреляны 24 коммуниста, в их числе партийные работники, учителя и другие ак-

тивисты, на которых уже были заготовлены агентами-провокаторами поадресные списки, переданные немецкому командованию, как только оно появилось в райцентре. Говорили, что средь агентов оказался и учитель немецкого языка нашей школы Штольц, что нас особенно удивило. Беспокоила и судьба урожая. Что бы ни ожидало впереди, каждый понимал, что хлеба стоят неубранными, поля — невспаханными, и надо принимать какие-то меры. И тогда бригадир Константин Иванович Февралев собрал всех механизаторов и поставил задачу — приступить к уборке хлебов, продолжить уборку урожая.

Снова, как неделю назад, перед эвакуацией, собралась наша тракторная бригада на полевом стане, где стояла уборочная техника, вернувшаяся на свои родные поля. Часть техники нами же была порушена, чтобы не досталась врагу, как требовали партия и правительство: при приближении фронта все разрушать и эвакуировать на восток, ничего не оставлять оккупантам. Так мы и поступили, а теперь с болью в сердце смотрели на свое «творчество». Бригадир Фирсов поставил задачу, вытекающую из новой обстановки:

— Как можно быстрее восстановить все, что можно, и подготовиться к уборке хлеба. Королев и Ареповский, отправляйтесь в райцентр, узнайте, что можно достать в МТС (машинно-тракторной станции) из запчастей. Все остальные немедленно начинайте восстановление разукомплектованной техники. На исправных тракторах и комбайнах завтра же с утра приступить к уборке хлеба. Этим займутся Мостовой, Волошин, Белозеров и Шишкалов.

До райцентра 12 километров — мы шли пешком, немного проехали на попутной телеге. В поселке было непривычно тихо, люди встречались редко, и те как-то торопились свернуть в переулок или во двор. Видно, страх и подозрительность уже закрались в души людей. На родной земле хозяйничали враги и их приспешники, предатели, которые ждали, затаясь, своего часа. И время их пришло вместе с новыми хозяевами, с оккупантами, с господами, которые принесли с собой «новый порядок» и требование — «Всё для великой Германии». Но пока еще грабеж и разбой для «великой Германии» не был организован, пока, в течение этой недели, оккупанты ограничились только расстрелом коммунистов и активистов, учителей и неугодных новому порядку лиц.

А перед нами, двумя колхозниками-трактористами, стояла требующая обязательного исполнения задача: разведать, что происходит в райцентре, особенно в МТС, можно ли достать запчасти, остались ли какие запасы горючего на нефтебазе? То, что мы увидели на территории машинно-тракторной станции, нас поразило: еще месяц тому назад в МТС нам — рядовым трактористам нельзя было пройти без пропуска или разрешения. В цехах и на складах соблюдался строгий порядок, чиновники-управленцы голову ленились поднять, чтобы удостоить взглядом посетителей, которые, казалось, постоянно здесь толкались, «пробивая» свои наряды и накладные. Теперь же на территории станции царили хаос и разруха: ворота были сломаны, цеха открыты настежь, в складах на полу валялись груды запчастей, шестеренок, подшипников и других автотракторных принадлежностей, шелестела оберточная промасленная бумага, везде разбитые ящики из-под автотракторных деталей. На все это мы смотрели с удивлением, какой-то невыразимой тревогой — как все неожиданно рухнуло, от бывшего ревностно соблюдаемого порядка не осталось и следа, как не осталось и тех, кто его

неукоснительно поддерживал, прочно, казалось навсегда, усевшись в удобных начальственных креслах, в уютных кабинетах. Нет никого: кто-то ушел на фронт, кто-то исчез в неизвестном направлении, спасая свою шкуру, кто-то остался в поселке и затаился.

А пока — свобода, непривычная дозволенность: подгоняй телегу или автомашину, грузи эти недоступные ранее запчасти, запасайся, хоть магазин свой открывай. Непривычно все это было. Но нам предстояло спасать урожай, не допустить голода. С невеселыми мыслями мы вернулись домой, к своим товарищам, своим тракторам и комбайнам. К вечеру состоялось короткое совещание в правлении колхоза. Мы рассказали председателю и бригадиру то, что видели на машинно-тракторной станции, и было решено завтра же утром отправить нас на автомашине за запчастями и горючим для наших тракторов и комбайнов. К концу дня мы возвращались уставшие, измазанные, с полным баком горючего и нужными запчастями. Работа по восстановлению порушенной нами техники закипела. Дня через два в поле на уборку хлебов вышла наша тракторная бригада в полном составе. Я сел за штурвал комбайна, на трактор сел Вася Мостовой. Укомплектовал бригадир и другие агрегаты доморощенными комбайнерами и трактористами, и уборка хлебов пошла полным ходом.

Женщины и старики на телегах, запряженных лошадьми и быками, отвозили зерно от комбайнов на тока. Приближался конец августа 1942 года. Уборка хлеба шла к концу. Передали сообщение: трактористам и комбайнерам собраться в правлении колхоза. На собрании Константин Иванович поделился своим решением, что делать с собранным урожаем:

— Часть пшеницы раздадим колхозникам на трудодни, — сказал он, — остальное придется припрятать. Ходят слухи, что в некоторых селах немцы уже устанавливают свои порядки, видно и хлеб будут забирать для «великой Германии», а нам хоть подыхай при новых порядках. Так вот, решение такое: в ближайшие две-три ночи очистим четыре силосные ямы, что за двором правления, и ссыплем туда пшеницу, закроем соломой и замаскируем. Возможно, удастся спасти хлеб. Если никто из врагов об этом не узнает, хлеб сохраним, а узнает — и хлеб заберут, и головы наши полетят в придорожный бурьян. Сохраним это дело в тайне, сохраним и хлеб, а с хлебом не пропадем. Надо готовиться к тяжким временам. И так нелегко, под Сталинградом напряженные бои, страна потеряла хлебные Дон и Кубань. Новые хозяева, которые вот-вот появятся, выгребут все, оставят нас голыми и голодными и заставят вкалывать на них, иначе — расстрел или виселица. Сколько уже слетело головушек на оккупированной местности. Вот поэтому я обращаюсь к вам, хлопцы, надеяться не на кого, сами должны сделать то, что требуется по обстановке этой непростой.

По распоряжению председателя колхоза бригада из четырех женщин начала расчистку силосных ям. Они недоумевали, почему председатель требует так тщательно, аккуратно расчистить силосные ямы: если в них закладывать силос, так он, как известно, не нуждается в такой тщательной подготовке бункеров. Но председатель не мог объяснить им ничего, кроме того, чтобы все было хорошо зачищено и устлано соломой.

Уборка урожая подходила к концу. Хлеб перевозили с токов на колхозный двор в амбары, а часть пшеницы там же на токах выдавали колхозникам на трудодни.

Как была удивлена и обрадована мать, когда я въехал во двор на подводе с мешками, полными пшеницы. Радоваться было чему: сын заработал, без отца, своим трудом: есть хлеб, будет на что жить, будет чем кормить семью и живность во дворе. Пшеницу подняли на чердак, тщательно прибранный и подметенный, рассыпали ровным слоем и накрыли соломой, чтобы не бросалось в глаза, если кто посторонний туда заглянет. В других семьях тоже припрятывали пшеницу. Выдано зерно было всем колхозникам — в общем, председатель старался передать побольше хлеба колхозникам, так как неизвестно, что нас ожидает с приходом новой власти, власти грабителей и разбойников.

В конце августа обстановка изменилась к худшему: дошла очередь и до нашего села устанавливать новый, немецкий порядок. Где-то в последних числах августа в середине дня в село въехала и остановилась на сельской площади странная и непривычная для селян процессия: два мотоцикла и бронеавтомобиль, в которых сидели немцы. В мотоциклах по три солдата, в автомобиле четверо, как видно, офицеры или начальники, так как приехавшие одеты были с немецким щегольством, солдаты обычно в касках, а те — в фуражках, при галстуках и в перчатках. Мотоциклисты быстро объехали улицы и приказали всем жителям немедленно собраться на площадь, где господин офицер «будет проводить митинг, собраний и объявлений».

Все жители деревни потянулись на площадь. Был выходной день, и мы — механизаторы, тоже были дома. Уборка хлеба была в основном закончена, и бригадир разрешил немного отдохнуть и приготовиться к очередным делам в поле. Люди неторопливо, с опаской, с чувством надвигающейся беды шли на сельскую площадь, подгоняемые окриками немецких солдат, снующих на мотоциклах по улицам села. Видно было, что торопятся они; много, видно, у них дел по установлению нового порядка на захваченной местности.

Два офицера лениво расхаживали около автомобиля, рядом вертелся третий, услужливо что-то объясняющий господам офицерам, видно переводчик. Четвертый из автомобильного экипажа, шофер, сидел за рулем, курил и лениво смотрел, как собираются русские подданные на собрание. Мотоциклисты закончили загон «ленивых русских свиней» на площадь и доложили господину офицеру. Тот бросил недокуренную сигарету, оглядел собравшихся — около сотни женщин, стариков и подростков, поднялся в автомобиль, куда взобрался и переводчик, и сказал ему несколько слов. Так как, видимо, процедура установления нового порядка на оккупированной территории была отработана, переводчик сам на плохом русском языке начал объяснять собравшимся, что в селе устанавливается новый, немецкий порядок, который сделает всех нас счастливыми, если мы будем строго соблюдать этот порядок.

— Назачайт немецкий староста, мы доверяй вам назначайт старост. Назвать фамилий кандидатур старост. Господин офицер торопит, надо делать бистро, шнеллер. Много селений надо выбирать старост. Бистро называйт кандидатур!

Переводчик замолчал. Молчала и площадь. Стояли понуро, ждали неизвестно чего. Кто может быть старостой, немецким старостой, кто может предложить кандидатуру для такого дела? Офицер, презрительно осматривая толпу, что-то сказал переводчику. Тот, поправив очки, заговорил нервно и зло:

— Господин офицер предупреждайт населений: нелзя молчайт, надо старост, за неповиновений солдат будет стрелять, шиссен, аллее шиссен!

Собравшиеся понимали, что надо искать какой-то выход, нельзя доводить этих бандитов до применения оружия, им ведь дать очередь по толпе ничего не стоит. Сельчане понимали, что сила и все права теперь не у них, а у этих чужих, озлобленных пришельцев с автоматами и пистолетами, для которых не существует никаких законов, ограничений, никаких чувств совести и жалости. Люди чувствовали и понимали, что ни уйти, ни убежать с площади нельзя, автоматная очередь настигнет многих на месте.

Бригадир Константин Иванович Февралев стоял в задних рядах, низко надвинув фуражку, молчал, как и все. Наконец послышались слова одного из стариков, обращенные к переводчику:

— Скажи своему господину офицеру, что мы общим собранием предлагаем в старосты нашего советского старосту, бригадира нашего Февралева Константина Ивановича. Ему доверяем править нами, его будем просить быть старостой.

Толпа зашевелилась, многие стали оглядываться, где он, Константин Иванович, выручит ли, согласится ли, ведь нет другого, кто бы взялся за это дело, не школьника же назначать или деда какого, а выбирать надо, не уедут эти разбойники, не назначив старосту.

Переводчик уже докладывал офицеру — кого предлагают в старосты и, повернувшись к толпе, прокричал:

— Господин Февралеф! Прошу подходить к господину офицеру, бистро, шнель!

В толпе зашумели: «Константин Иванович, поддержи, видишь дело какое, соглашайся, поддержим, ежели что, некого ведь больше!» Председатель стоял молча, и видно было, что ему трудно, что нет сил сдвинуться с места, пройти туда, где его требуют, ждут. Но стоявшие рядом подталкивали, уговаривали, и он стал медленно продвигаться вперед к бронемашине. Переводчик спрыгнул с машины и подошел к бригадиру:

— Господин Февралеф, господин офицер просит остаться, как толпа разойтись, будет указаний, а теперь стоять здесь.

Взобравшись снова на машину и опять переговорив с офицером, переводчик закричал в толпу:

— Господин офицер утверждает староста господин Февралеф. Все указаний и распоряжений будут переходить через староста. Всем ему подчиняйтся, иначе жестокий наказаний, очшен жестокий — расстрел. С сегодняшний день все вы поступиль распоряжений великий Германия, надо много работать, помогать великий миссий немецкий народ в установлений новий порядок в России. Скоро весь русский народ будет освобожден от болшевизма и будет укрепляйт великая Германия! Хайль Гитлер!

Немецкие автоматчики завели мотоциклы и стали теснить толпу, разгоняя ее. Митинг закончен, подчиненные великой Германии могут разойтись и приступить к работе на благо фюрера и его головорезов-фашистов.

Событие, связанное с выборами старосты, потрясло всех. Никто никогда не видел подобного трагического «театра». Уже год шла война, много было известно о бесчинствах фашистов на оккупированной территории, тяготы войны обрушились и на людей нашего села. Но все-таки война шла где-то там, на западе, и никто не думал, что фронт перекатится страшным

валом через наши сальские степи и поселки, что немцы когда-нибудь появятся и в наших краях. Никто не думал, что Красная армия отступит до стен Сталинграда и мы окажемся в оккупации.

Тяжело переживал свое выдвижение на роль старосты Константин Иванович Февралев. Он родился и вырос в своей деревне, все годы при советской власти добросовестно трудился в колхозе. За трудолюбие, добрый характер, внимание к людям и делам колхозным был назначен бригадиром. Лишившись глаза на рабочем месте, стал инвалидом труда, отчего и на войну не призвали. Он готов был разделить со своими людьми все тяготы военной поры, все, что угодно вынести на своих плечах, только не это — оказаться в оккупации, да еще оказаться немецким старостой! Это не укладывалось в его сознании. Но дело обернулось вон как: теперь он староста села и должен строго выполнять все требования и указания новых хозяев, фашистов, ненавистных врагов своих. И народ, дорогие колхозники, обратились к нему — бери этот крест на себя, ведь кто-то же должен его нести. А если назначат чужого, провокатора? Не доведи Господь, получить такого в старосты, замордует, пустит по ветру, подставит под немецкий пистолет, услужливо накинет веревку на шею и выбьет стул из-под.

Всё это понимали сельчане, особенно старики, многие из которых пережили империалистическую и гражданскую, многие испытали на своих спинах нагайки в боях за советскую власть. Понимал, конечно, и Константин Иванович, но от этого было не легче на душе, и он несколько дней не выходил из дома, то метался по комнате, то лежал, напряженно раздумывая, что же делать, как обернутся дела, чем все это кончится.

Дня через три пришли к нему старики, долго сидели в хате, думали, советовались, просили бригадира собраться с силами, начинать дело в новой обстановке, другого выхода нет. Надо начинать руководить колхозом, фактически продолжать руководить, так как нельзя было допустить, чтобы работы остановились.

После совета со старейшинами Константин Иванович попросил помочь собрать колхозников на площадь для обсуждения предстоящих дел в новой обстановке, в которой оказалось оккупированное село.

Собрались на площадь быстро. Все хотели услышать — что делать дальше, как жить под немцем. Староста-бригадир, поднявшись, чтоб было виднее, на принесенный ящик, коротко высказал свое мнение о дальнейших делах в новой обстановке.

— Товарищи колхозники, вы видите, в какое положение мы попали. Видели новых хозяев, знаете о них немало. Цацкаться с нами они не будут. Не для того ведут войну и дошли уже до Волги. Все наше добро, да и нас с вами, как рабочую силу, будут угонять в проклятую Германию, пока не переломает им хребет Красная армия. А пока сила на их стороне. Нам надо готовиться к худшему. Мы не знаем, сколько продлятся бои под Сталинградом, не знаем, чем закончится эта борьба. Знаем только, что продолжаться бесконечно она не может. Видели сколько туда пошло войск и наших, и немецких. Видать, жестокая битва будет там, на Волге, и чья возьмет, сказать трудно. С обеих сторон силы огромные. Будем надеяться, что разобьют наши солдаты поганую немчуру, но это все еще впереди и далеко не ясно, какой будет исход сражения. А что касается нас — надо думать, решать,

что делать, как вести дела, ведь прикатят опять гады в село не праздник устраивать, а грабить жестоко и беспощадно.

Константин Иванович бросал в притихшую толпу эти горькие слова:

— Мы тут посоветовались с нашими стариками и решили предложить такой план: первое — продолжить уборку хлеба и закончить ее, как можно быстрее, и свести весь хлеб в колхозные амбары, кроме того, что вам выдан на трудодни. Дальше мы решим, как быть с колхозным хлебом. Ясно дело, надо сделать так, чтобы ни одного килограмма не попало немцам. А вам советуем: немедленно начинайте убирать подальше хлеб, прятать надо. Ройте ямы в огородах, сараях или подвалах, устилайте соломой, ссыпайте пшеницу и другой хлеб и замаскируйте получше. Мы считаем, так надо поступить со всей ценной продукцией: свининой, говядиной, маслом и прочим, что можно хранить длительное время. Надо так, чтобы не нашли фашисты, даже если будут доискиваться. Стоим все твердо: нет ничего лишнего, только еле хватает для семьи.

Конечно, за это они не похвалят, кое-кого приставят к стенке, но такова участь, война идет, надо быть готовым ко всему. Но главное считаю, чтобы не завелся у нас предатель, не появились прихвостни немецкие, тогда все пропало, прикончат нас и сожгут все село. Надо внимательно присматриваться к тому, что делается вокруг. Если появился в селе кто новый, сообщить незаметно в правление, мне, чтобы разобраться, кто и зачем. А появятся немцы, будем смотреть по обстановке, как с ними вести разговор, от них всего ожидать можно, вплоть до самого худшего. Так что, надо держаться сообща, только сообща можно как-то бороться с трудностями и врагом. Я думаю, вопросы сейчас задавать не стоит, у кого что есть, приходите в правление, там разберемся.

Колхозники медленно расходились по своим дворам. Все ясно: Красная армия нас не защитила, мы под немчурой, и теперь одному Богу известно, что ждет нас впереди, кто останется жив, а кто сложит голову от фашистской пули, не на фронте, а здесь, в родном селе, среди своих друзей и товарищей. Надо сказать, что не было никаких планов или разговоров о партизанской борьбе, о подполье. Не было коммунистов или активистов, кто бы мог начать это нелегкое дело в сальских степях, где нет ни гор, ни лесов, ни болот, где бы можно развертывать какие-то партизанские базы, создавать отряды. Да с начала оккупации не прошел еще и месяц. Этим, скорее всего, можно объяснить отсутствие организаций для развертывания партизанской борьбы с оккупантами. Да и с кем ее было развертывать, в селе остались женщины, подростки да старики.

Колхозники дружно взялись за дело, чтобы сохранить что удастся из продуктов, одежды, нехитрых ценностей. Что было — все складывалось в ящики, мешки и закапывалось на огородах, в погребах, припрятывалось на чердаках домов и сараев. За три-пять дней в деревне уже трудно было найти лишний кусок сала или чего другого, что можно было припрятать и сохранить. Конечно, осталось немало и такого, что нельзя было укрыть. Те же масло, яйца, птица, коровы, овцы, другая живность — как ее припрячешь, не зароешь все в землю. Надеялись колхозники, что пронесет беду стороной, не знали еще, не испытали на себе новую немецкую власть, новый порядок, от которого уже стонало пол-Европы. Многим просто не верилось,

не укладывалось в голове: как это так — придут чужие люди и начнут грабить, убивать среди белого дня ни за что ни про что, безо всякой вины.

По-разному думали люди, как обернется для них оккупация. Но к счастью, здесь не успела включиться немецкая, хорошо отлаженная машина по перекачке в Германию русского богатства, как это было на оккупированных Украине или Белоруссии. Этого не случилось лишь потому, что продолжался немецкий режим всего четыре месяца, с конца августа до середины декабря 1942 года, до того времени, когда разбитые Красной армией под Сталинградом немецкие и румынские дивизии были вынуждены отойти в обратном направлении, на Ростов, в Донбасс. Только это и спасло наши деревни и села от разграбления и угона людей в Германию. Нельзя забыть подвига советских воинов, в тяжелейших боях освободивших от врага Ростовские земли и живущих на них людей.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

ноябрь–декабрь 1942 года

В сентябре закончили уборку хлебов, тайно засыпали колхозную пшеницу в силосные ямы и тщательно замаскировали под пахотное поле. Припрятали все, что можно, колхозники в своих дворах. Тракторная бригада продолжала вспашку полей. Не занятые общим делом колхозники работали в своих хозяйствах, на огородах. Все жили ожиданием перемен к худшему.

Доходили слухи о том, что в Сталинграде идет жестокая битва, что немцы прорвались к Волге, но Сталинград взять не могут, наши войска сражаются с таким упорством, что немцы натолкнулись будто на каменную, непробиваемую стену защитников волжской твердыни. Город разрушен, бои дни и ночи идут в разрушенном городе, тысячами гибнут фашисты среди развалин Сталинграда, но добиться победы не могут.

В наших краях, в глубоком тылу Сталинградской группировки было тихо, немцы не бесчинствовали в деревнях и селах, видно, не до этого им было; все резервы, тыловые части, полиция — все было брошено под Сталинград, так как там решалась судьба войны. Все силы, сосредоточенные в излучине Дона, и резервы, полученные за счет войск, снятых с других фронтов, были брошены в огонь Сталинградской битвы. Не до грабежа на захваченной территории было им сейчас, нельзя было распылять силы, пока не будет разгромлена Красная армия под Сталинградом и на Кавказе. А тогда наступит долгожданное время грабежа, разбоя и насилия, тогда пойдут в «великую» Германию эшелоны с рабочей силой и богатствами. Уж тогда они вытряхнут не только то, что осталось в наших закромах, сараях и погребах, вытряхнут души наши, приставив автоматы к затылкам нашим. По этой части опыт у них накоплен немалый с того мрачного для Европы 1938 года, когда полевые войска и эсэсовские части немцев начали потрошить малые страны в большой Европе: Австрию, Чехословакию, за ними последовало нападение на Польшу в сентябре 1939 года, затем неприкрытая подготовка к войне с Советским Союзом и наглое нападение на Страну Советов. Был накоплен у фашистов опыт грабежа и насилия, была немалая практика истребления сотен тысяч, миллионов ни в чем неповинных людей. Мы были на очереди, и никто нам не мог помочь, кроме Красной армии.

Второй год идет Великая Отечественная война, второй год бойцы на фронте и труженики в тылу напрягают все силы, чтобы разгромить врага, приблизить победу. Не появлялись пока новоявленные хозяева в нашем селе, не до этого им было теперь, когда в Сталинграде, в огне боев, в кромешном аду сгорали сотни и тысячи фашистов, выполняющих приказ своего фюрера и генералов: любой ценной, во что бы то ни стало взять Сталинград, который стоит на пути осуществления их дальнейших планов по установлению нового немецкого порядка не только в Европе, но и в остальном мире. Не появлялись новые хозяева, и в колхозе безостановочно шла работа по завершению уборки хлеба, вспахивались поля, заготавливались корма для скота на зиму. Колхозники делали свое привычное дело, чутко и тревожно прислушиваясь к тому, какие слухи доходили о сражении под Сталинградом, до которого от наших мест было не так и далеко, немногим более трехсот километров.

В районном центре, через который проходила железная дорога Ростов—Сталинград, мы выдели, как спешно перебрасывались эшелоны войск и техники на восток, к Волге, к Сталинграду. Не знали, не подозревали немецкие генералы, что бóльшая часть этой техники и войск в скором времени окажется в огромном котле, в окружении, и сгорит в огне Сталинградского сражения, а те, кто не попадет в котел, позорно побегут на запад, подгоняемые ударами наступающих войск Красной армии.

О том, что обстановка под Сталинградом складывается для немцев не лучшим образом, стало заметно в октябре 1942 года и в наших краях, в глубоком немецком тылу. В середине октября в село вошла немецкая воинская часть. Квартирьеры стали выгонять жителей из домов, расположенных на восточной окраине села, и превращать их в опорные пункты и огневые точки. Видно, надолго собирались закрепиться враги в селе, так как приближалась суровая русская зима. К ней гитлеровцы готовились: они рыли траншеи, оборудовали пулеметные гнезда и позиции для артиллерии так, что к этим позициям, пушкам и пулеметам можно было, в случаях необходимости, по тревоге и для боя пробраться по траншее, вход в которую находился в доме, где размещался пулеметный или артиллерийский расчет или эсэсовская пехота. Для этого рыть траншею начинали прямо в доме и выводили ее через разрушенный фундамент и часть стены к огневым точкам. Жителей разогнали по другим, незанятым домам.

В селе начался грабеж: немецкие солдаты ходили по дворам, шарили по кладовкам и сараям, сбивали замки с погребов и забирали все, что оставалось для прокорма семей — сало, масло, яйца, хлеб, волокли свиней, пристреливали их и сразу же разделывали и раздавали парное мясо своим поварам. В солдатских походных кухнях аппетитно варилась и жарилась свинина, баранина и говядина. Искали и требовали самогон. Пировали немцы, правда, не трогая местное население, никого не расстреливали, но обращались грубо, бесцеремонно давали прикладом по голове или рукам, если хозяйка, вцепившись обеими руками, плакала, голосила, не хотела отдать припрятанное добро или продукты. Колхозники укрывались в домах, погребах, прятались в садах и огородах. Некоторые уходили в более глухие, отдаленные села к родственникам, где, как им казалось, можно переждать тяжелое время. Ушел из села и староста Константин Иванович Февралев, как говорили позже, в глухое село, точнее на хутор Хахлачев, где жили

его дальние родственники и где его не знали, да и немцев там не было. Не нужен был староста в селе, вот его и не искали ни немцы, ни свои. Немцы сами хозяйничали, грабили, как хотели, а селянам нечего было выяснять у старосты, бывшего бригадира, так как дела в селе остановились; колхозники, притаившись в своих убежищах, ждали, какая участь ожидает их и детей в оккупированном немцами селе.

Но недолго хозяйничали незваные гости. Недели через две, в начале ноября обстановка стала меняться. Видно было, что шла спешная подготовка к боевым действиям. Доходили слухи, что в Сталинграде окружена большая немецкая группировка, идут сильные бои в районе Котельниково. Это от нашего села не так далеко, километров 50. Значит, действительно погнали фрица от Сталинграда, погнали на запад, на Ростов. Покатился фронт в обратном направлении, гонит Красная армия ненавистных оккупантов, освобождает советских людей и советскую землю.

В конце ноября фронт приблизился, бои шли недалеко, был слышен орудийный гул, появилась наша и немецкая авиация, на наших глазах происходили воздушные бои. Через село прошла на запад разгромленная румынская часть или то, что от нее осталось. Расквартированная немецкая часть по-прежнему готовила сельские дома и выгодные участки местности к обороне. Немцы нервничали, видно, доходила до них информация об обстановке под Сталинградом. Фронт откатывался на запад. Мы чувствовали, видели, что что-то должно произойти в скором времени. Должны же прийти наши дорогие воины-освободители.

И они пришли! 20 декабря 1942 года ночью мы услышали автоматные очереди, крики немецких офицеров, отдававших команды своим солдатам, послышались разрывы снарядов, залаяли пулеметы, гул автомобильных моторов немецких машин — все перемешалось в грохоте боя. Пришла очередь брать решительной атакой наше село, освобождать от фашистов. Бой продолжался до середины следующего дня. Украдкой выглядывая из погребов и сараев, мы видели, как немцы в панике уходили из села, бросали разбитые бронетранспортеры, штабеля ящиков со снарядами, зенитные пушки, установленные в садах, бросали все, что мешало им спешно отходить, отступать под ударами наших бойцов.

Никогда не забуду день 21 декабря 1942 года. В село ворвались красноармейцы, в панике убежали разбитые фашисты, и в селе установилась вдруг непривычная тишина. Конечно, это была та долгожданная тишина, когда не рвутся снаряды, не хлещут пулеметные очереди. А потом на улицы села выплеснулась невообразимая радость. Все, кто мог, кто был в состоянии выйти, покинули свои укрытия и бросались встречать наших воинов-освободителей.

Матери, дети, старики — все были на улицах. Со слезами радости смотрели мы на этих смертельно уставших бойцов, небритых, худых, с вещмешками за плечами, с автоматами, винтовками и карабинами в руках, с патронными подсумками на поясах. Как они были дороги нам, мы бежали рядом с солдатами, командирами и торопливо совали им в руки все, что у нас нашлось, чтобы их угостить: хлеб, сало, молоко — все хотелось отдать им, нашим спасителям.

Освободившие нас части с боями уходили дальше, на запад. Дня через два после этого радостного события появился в селе наш староста-брига-

дир Константин Иванович, собрались колхозники на площади, и сказал бригадир:

— Дорогие товарищи, недолго пришлось нам быть под немцем, прогнала наша Красная армия этих гадов. Теперь главная задача: разыскать, собрать, свезти на площадь павших красноармейцев и командиров и достойно похоронить их в братской могиле на самом видном месте, на сельской площади. Не медлите, все, кто может, включайтесь в это дело. Немецких солдат — в общую могилу за селом, в овраге. Наших всех — на площадь для торжественного захоронения.

Печальная это была работа. Воинов, павших в ночном бою, находили в садах, оврагах, на окраине села, у реки, на огородах, свозили на сельскую площадь, где была уже приготовлена братская могила. Тяжело было смотреть на то, что происходило на сельской площади: на телегах и санях (уже подморозило и выпал снег) подвозили на площадь красноармейцев и командиров, павших в бою. Бережно клали их в ряд, вынимали документы и письма, чтоб передать потом в военкомат сведения о погибших, и опускали героев в братскую могилу. Провожали в последний путь неутешными слезами матерей наших, молчаливой скорбью стариков и подростков. 82 красноармейца и командира захоронили мы за двое суток. И больше сотни немцев, нашедших последнее убежище на земле русской.

Прощальное слово сказал бригадир Константин Иванович:

— Сердце обливается кровью, когда вдумываешься — погубили столько народа в бою за это небольшое село, а сколько их таких сел и городов было и еще будет на пути солдатском, пока не будет забит осиновый кол на последней могиле последнего фашиста, посягнувшего на нашу советскую землю. Оправдываются слова великого сына земли русской Александра Невского: «Кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет. На том стояла, и стоять будет земля русская».

Это было последнее выступление Константина Ивановича перед колхозниками. Последнее в его жизни, так как она, эта его жизнь, круто изменилась буквально через несколько дней.

Через неделю после того, как было освобождено наше село и возвратилась советская власть в районный центр, НКВД приступило к расследованию и разбирательству: кто где был, чем занимался в период оккупации. Для выяснения этого Константин Иванович был вызван повесткой в райцентр. Это был последний день, когда его видели односельчане. Больше он домой, в село, не вернулся. Из района семье сообщили, что он — Февралев — арестован, как бывший староста, работавший на врага, и он, как враг народа, приговорен к лишению свободы.

Мы, односельчане, узнавшее об этом, были поражены, так как доподлинно знали все без исключения, что никаким пособником немцам он не был, что избирали его по просьбе односельчан, что он делал все, чтобы сохранить колхозный хлеб и добро колхозное. И сохранил его, не допустил конфискации, не дал немцам ничего, надежно припрятал колхозный урожай в тщательно замаскированных силосных ямах, да и другое колхозное добро было припрятано под его руководством. И вдруг, не успели отгреметь последние выстрелы по фашистам, как оказался он — бригадир колхозный — виновным перед советской властью, больше того — врагом народа он оказался, того народа, который защищал от фашистов и готов был, по-

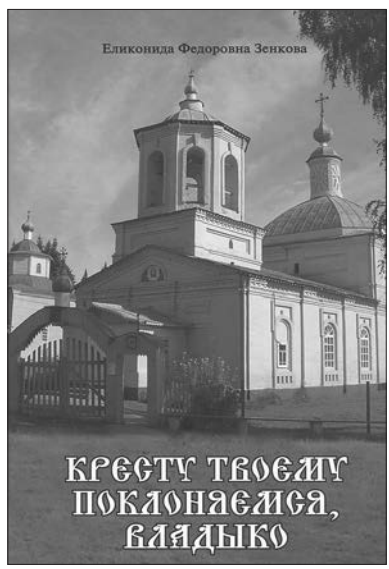
требовалось бы, пойти под расстрел, но не дать в обиду ни колхозников своих, ни добра колхозного на разграбление.

И пошел по тюрьмам и лагерям наш бригадир Константин Иванович Февралев на 18 лет. Кончилась война, страна восстанавливала разрушенное хозяйство, залечивала раны, нанесенные войной, а без вины виноватый советский человек с клеймом «врага народа» тянул срок не в немецкой, а в советской каторге. Вернулся он в родные края через 18 лет, освобожден был по амнистии, объявленной после смерти Сталина. Вернулся больным, надломленным, подавленным трагедией, пережитой в лагерях, и вскоре умер так и не освобожденным от клеветы и несправедливости, не дождавшись оправдания, реабилитации.

Сколько лет прошло с тех страшных времен, но беззаконие, несправедливость не изжиты по сей день. И все-таки меня не оставляет надежда, что все ближе и ближе те времена, когда каждый будет получать то, что заслужил: герой — награду, враг — осуждение по закону. И я уверен в свои почти девяносто, что еще застану эти благодатные времена. Много примет их приближения, проявившиеся и в дни недавнего празднования всем миром 70-летней годовщины Сталинградской победы.

Вышла книга

Зенкова Е. Ф.
Кресту Твоему поклоняемся, Владыко. — СПб.: НИКА, 2012. — 432 с.



Эти воспоминания я писала по благословению моего духовного отца. Постаралась описать все, что было близко и любо мне в юные годы.

Меня всю жизнь тянуло к пустынникам. Жажда уединения жила в моей душе с младенческого возраста, с тех пор, как мама устроила для меня летнюю комнатку в чулане по соседству с курами.

Описала все то, чего искала душа и что было ей созвучно. В одиночестве так хорошо молиться или даже просто молчать и радоваться жизни.

«Скучает душа моя о Господе и слезно ищу Его. Как мне Тебя не искать? Ты прежде взыскал меня и дал мне наслаждаться Духом Твоим Святым. И душа моя возлюбила Тебя» (Св. Силуан Афонский).

Сколько счастья и радости Господь посылает среди бурь земной жизни! Кажется, вот и все, конец приходит… всему доброму. Но вдруг все трудности, неприятности рассеиваются, и опять: «Свете Тихий святыя Славы безсмертного Отца Небесного Святого Блаженного… Иисусе Христе».

Господь любит нас, оттого и наказывает. Слава Ему за все! Крест — это наше счастье. Дай, Господи, нам терпения!

Слава Тебе, Господи, что дал мне сил написать эти воспоминания! В них: в каждой строчке, в каждом слове — самое ценное, что у меня есть — моя жизнь в Боге. Теперь только их перечитываю, радуюсь за юность свою и скорблю за свою старость…



Мария ЖУКОВА

МАРШАЛ ЖУКОВ И СТАРЕЦ НЕКТАРИЙ

Мария Георгиевна Жукова — младшая дочь великого полководца Георгия Жукова, родилась, когда отцу шел 61-й год. Рано простившись навек с обоими родителями, она решила посвятить себя сохранению памяти о своем отце. За свою творческую биографию написала о нем ряд очерков, статей и эссе. Наследница авторского права своего отца, Мария Жукова занимается переизданием его воспоминаний. Неоднократно участвовала в создании фильмов и передач, сборников воспоминаний и альбомов о маршале Жукове. Главной ее работой можно считать книгу «Маршал Жуков — мой отец». Тема этого произведения — Георгий Жуков как отец, семьянин и, самое важное, русский человек, в детстве и юности воспитанный в Православии. Училась в МГИМО. Член Союза писателей России, член президиума Комитета памяти маршала Жукова. **Живет в Москве.**

«Ты будешь сильным полководцем...»

Немногие, наверно, знают о том, что генералиссимус Суворов, истинный христианин, собирался окончить свой путь в монастыре, о чем подавал прошение Государю, а перед смертью написал покаянный канон, в котором умолял Христа дать ему место «хотя при крае Царствия Небесного», взывая: «Твой есмь аз, спаси мя». Могущественный Потемкин, чувствуя дыхание смерти, писал в своем «Каноне Спасителю»: «И ныне волнующаяся душа моя и утопающая в бездне беззаконий своих ищет помощи, но не обретает. Подаждь ей, Пречистая Дева, руку Свою, Ею же носила Спасителя моего, и не допусти погибнуть во веки». Адмирал Ушаков в конце жизни стал насельником Санаксарского монастыря в Мордовии. Есть свидетельства о том, что маршал Василевский (сын протоиерея), которому революция не дала окончить семинарию, тайно приезжал в Троице-Сергиеву Лавру и причащался Святых Христовых Тайн. Недавно мне пришлось прочитать в одной книге, что нет свидетельств, веровал ли Георгий Константинович Жуков в Бога. Кажется, пора сказать о том, что таких свидетельств немало. «Я скоро умру, но с того света буду наблюдать за тобой и в трудную минуту приду», — сказал он, чувствуя приближение неотвратимого конца. Сказал мне, 16-летней тогда девочке, оставшейся уже без матери. Много лет пришлось осмысливать эти слова. Почти четверть века, что отца нет в живых, они всегда были в моем сознании. Мне казалось это самым важным, что оставил после себя отец. Только недавно я осознала, что этими (странными, как мне тогда казалось) словами посеял отец во мне веру в вечную жизнь души и

в невидимую связь нашего мира с миром загробным — и не только связь, но и помощь нам усопших родных. В этих словах не было сомнения (он не говорил «может быть»), они были сказаны кротко, спокойно, но со знанием и силой. Это и есть, по-моему, главное свидетельство его веры.

Архимандрит Кирилл (Павлов), всероссийский старец, вспоминал, что однажды пожилой протоиерей, служивший в Ижевске, рассказал ему случай, как во время войны, будучи генерал-майором, он встречался с Жуковым. Как-то во время беседы он спросил Жукова, верует ли тот в Бога? Маршал ответил, что верит в силу Всемогущественную, в разум Премудрейший, сотворивший такую красоту и гармонию природы, и преклоняется перед этим. Тогда генерал-майор ответил, что это и есть Бог. Отец Кирилл заключил, что, «бесспорно, Жуков чувствовал в душе Бога. Другое дело, что он не мог это свое чувство выразить словами, потому что вера в Бога была в то время в поношении, в загоне, и ему, как высокопоставленному начальнику, надо было соблюдать осторожность, так как кругом торжествовали атеизм и безбожие».

Тем не менее в народе сохраняется предание о том, что Жуков возил по фронтам Казанскую икону Божией Матери. Не так давно архимандрит Иоанн (Крестьянкин) подтвердил это. В Киеве есть чудотворная икона Божией Матери Гербовецкая, которую маршал Жуков отбил у фашистов.

Один священник из села Омелец Брестской области в письме к Жукову, поздравляя его с Победой, пожаловался на то, что все колокола были увезены оккупантами. Вскоре от маршала пришла посылка весом в тонну — три колокола! Такого благовеста еще не слышала округа! Колокола висят там по сей день.

Сразу после войны, узнав о бедственном положении храма в Лейпциге, отец многое сделал для его восстановления. Целые саперные бригады по указанию Жукова работали там. Он приехал на открытие храма, возжег в нем лампаду. Эти свидетельства говорят о многом…

Вот что пишет об отце архимандрит Кирилл (Павлов): «Душа его христианская… Печать избранничества Божия на нем чувствуется во всей его жизни. Прежде всего он был крещен, учился в церковно-приходской школе, где Закон Божий преподавался, посещал службы храма Христа Спасителя и услаждался великолепным пением церковного хора, получил воспитание в детстве в верующей семье — все это не могло не запечатлеть в душе его христианских истин. И это видно по плодам его жизни и поведения. Его порядочность, человечность, общительность, трезвость, чистота жизни возвысили его, и Промысл Божий избрал его быть спасителем России в тяжелую годину испытаний».

Недавно стало известно еще об одном свидетельстве верующей души Жукова… Лет пять назад было опубликовано мое «Письмо отцу», в котором имелись такие строки: «Семилетней девочкой повез ты меня в Троице-Сергиеву Лавру. Из памяти стерлись подробности той поездки, но помню, что был большой церковный праздник. Так впервые я побывала у преподобного Сергия. Потом ты рассказал мне, как Дмитрий Донской сражался на Куликовом поле, а преподобный Сергий благословил его, сказав: «Ты победишь».

Я иногда задумываюсь, кто же был тем Сергием, шепнувшим тебе в страшные дни 1941-го: «Ты победишь»? Откуда ты черпал уверенность



Маршал Советского Союза Г. К. Жуков

в победе? Когда многие пали духом, ты, не колеблясь, сказал: «Москву мы не сдадим. Костьми ляжем, но не сдадим».

И вопрос: «Кто же был тем Сергием?» — не остался без ответа. Таким человеком, как стало недавно известно, был последний оптинский старец Нектарий.

В 1923 году Оптина пустынь была закрыта. Отец Нектарий переехал в село Холмищи в 30 верстах от Козельска. Он жил в доме крестьянина Андрея Ефимовича Денежкина. Несмотря на слежку, установленную за ним, до самой смерти старца посещали люди. Знаменательно, что Патриарх Тихон многие вопросы решал, советуясь с ним.

После смерти старца в 1928 году хозяин вместе с семьей был репрессирован, дом же богоборцы сровняли с землей. Но сохранились воспоминания актера Михаила Чехова, где говорится, что одна поэтесса показала старцу портрет этого известного актера в роли Гамлета. Он сказал: «Вижу проявление Духа. Привези его ко мне». Собравшись, тот поехал. Вот как он потом описал свою встречу со старцем: «Он жил в маленькой комнатке за перегородкой. Не без волнения вошел я в комнату, ожидая его появления. Ко мне вышел монах в черном одеянии. Он был мал ростом и согнут в пояснице. Вся фигура старца была пригнута к земле. Меня поразило обращение на “вы” и по отчеству. Он сел, и я увидел светлые, радостные голубые глаза, его реденькую, седую бородку и правильной формы нос. Видимо, отец Нектарий был красив в дни своей молодости… Несколько раз удалось мне посетить старца. Всегда он был весел, смеялся, шутил и делал счастливыми всех, кто входил к нему и проводил с ним хотя бы несколько минут. Он брал на себя грехи, тяжести и страдания других — это чувствовали все, соприкасающиеся с ним…»

О том же, как приезжал к старцу Жуков, бывший тогда командиром кавалерийского полка, рассказала дочь хозяина дома, где жил отец Нектарий, Екатерина Андреевна Денежкина (ныне покойная). Это было примерно в 1925 году. Подробности этих встреч (по некоторым свидетельствам встреча была не одна, будущий маршал приезжал несколько раз, оставался даже ночевать) для нас пока — тайна. Может быть, мы когда-нибудь узнаем их, если Господу будет угодно. А пока что, по милости Божией, стало известно,

что прославленный в лике святых последний оптинский старец Нектарий благословил Жукова, сказав, как вспоминает Екатерина Андреевна, что везде ему будет сопутствовать победа. «Ты будешь сильным полководцем. Учись. Твоя учеба даром не пройдет».

Провел ли отца Промысел Божий через скорби, испытал ли его, сохранил ли? Бесспорно, это видно по его жизни. Священник Василий Всесвятский (Никольского храма села Угодский Завод) крестил младенца Георгия в жизнь вечную. А его сын Николай, волостной врач, спас отцу его земную жизнь в 1918 году, когда он дважды болел тифом — сначала сыпным, затем возвратным, и сам же стал жертвой этой тяжелой болезни.

Промысел Божий сохранил Жукова для великих дел. Отец не был ни баловнем судьбы, ни рабом мнения человеческого! Ему ничего не надо было, кроме блага Отечества. Всего он достиг трудом, соединенным с самоотвержением, которое есть величайшее духовное дарование, свойственное немногим. В 13 лет он уже был готов на такое самоотвержение, что, не задумываясь, кинулся в пылающий от пожара дом, чтобы вытащить оттуда своих односельчан — больную старуху и детей.

С детства он учился упорно и с интересом. О совместном обучении на кавалерийских курсах усовершенствования командного состава в 1923–1924 годах маршал Баграмян вспоминает: «Мы были молодые, и нам хотелось иногда и развлечься, и погулять, что мы и делали: уходили в город иногда посидеть в ресторане, ходили в театры. Жуков редко принимал участие в наших походах, он сидел над книгами, исследованиями операций Первой мировой войны и других войн, а еще чаще разворачивал большие карты… И случалось нередко так: мы возвращались после очередной вылазки, а он все еще сидел на полу, уткнувшись в эти свои карты…»

Воистину, как в евангельской притче о талантах, отец чувствовал данный ему от Бога дар, любил свою профессию, совершенствовался в ней, приумножая этот талант. Невольно вспоминаются слова Спасителя: «В малом ты был верен, над многим тебя поставлю…» (Мф. 23, 21).



ПОЭЗИЯ



Светлана МАКАРОВА

«Я ВОССТАНАВЛИВАЮ ДУШУ»

Светлана Николаевна Макарова — родилась на Кубани. Выпускница филологического факультета Кубанского государственного университета и музыкального училища им. Н. А. Римского-Корсакова. Председатель Краснодарского регионального отделения Союза писателей России, главный редактор газеты «Кубанский писатель», лауреат литературной премии им. М. Н. Алексеева. Прозаик, поэт, публицист. Книги издавались в Москве и Краснодаре. **Живет в Краснодаре.**

СЧАСТЬЕ

На окраине города
наше счастье построено,
Здесь огромною лужею
отражен небосвод,
По гравийке, с гитарою,
Здесь шагаем мы парою,
Ты ведешь меня за руку —
через облако вброд.

Новостройки — кварталами,
мамы с детками малыми,
Юный скверик и деревце,
что вот-вот зацветет.
Я иду с тобой рядышком,
Нет трамваев — и мы пешком,
На окраине города
наше счастье живет…

Я ЛЮБУЮСЬ ТОБОЙ, КРАСНОДАР!

Дождь в мое постучался окно,
Затуманилось небо весеннее,
Я с тихоней-дождем заодно,
Мы в лирическом с ним настроении.

Пусть промок от дождя тротуар
И погода сегодня ненастная,
Я любуюсь тобой, Краснодар,
Праздник мой, моя улица Красная!

Здесь зонтов суетливый разлив,
Но шаги ускорять мне не хочется,
Постою у раскидистых ив,
Всем платанам придумаю отчества.

Одуванчика яркий берет,
Птичьи трели на площади Пушкина,
Мне приснится сегодня поэт
И девчонка, вон та, с конопушками!

Пусть промок от дождя тротуар,
Пусть погода сегодня ненастная,
Я любуюсь тобой, Краснодар,
Праздник мой, моя улица Красная!

* * *

В туннеле декабря,
Средь тусклых фонарей,

Как ясная заря, —
Слова любви твоей.
И робкий ветерок
Из будущей весны
Дохнул надеждой строк,
Что написал мне ты.
В простуженных авто
Спешит народ домой,
Я в драповом пальто,
С распахнутой душой,
В промерзших сапогах
Шаги мои легки.
С улыбкой на губах
Шепчу твои стихи.

ВЕСЕННЕЕ

Подули ветры февраля,
И небо вдруг заголубело,
А на тебя взглянула я
И виновато, и несмело.
Зеленый крохотный росток
Проткнул иголкой сумрак сквера,
Ты мне черкнул лишь пару строк —
И сердце вмиг похолодело.
И я в объятьях февраля,
То в трауре любви, то в неге.
И я как будто не твоя
В последнем теплом мокром снеге.

* * *

Мы с тобой говорим о природе,
О капризной весенней погоде,
И о чем-то еще в этом роде.
Снег летит вперемежку с дождем.
Я опять потеряла перчатки,
Жаль. А, впрочем, все в полном порядке,
Лишь волос непослушные прядки
На лице и твоем и моем.
Фонари отражаются в луже.
Город робко выходит из стужи.
Ты кому-то опять очень нужен.
У мобильника звон, словно стон,
Затянувшийся в нервную вечность.
Наших замкнутых рук бесконечность,
Белый вечер — озноб и беспечность.
Ну, скажи мне, что это не сон…

БЕСЛАН

Вместо слов — в горле ком,
Вместо слез — птицы крик
В небе чистом и голубом,
Под которым должны жить.
Под которым размах степей,
Синь морей и узор гор.
Под которым в глаза детей
Террорист
стреляет
в упор…
В алой крови встает рассвет.
Сына в муках рожала мать,
Чтобы счастье длить много лет!
Террорист
пришел
убивать.
И смеяться, считать нули,
Отправляя ангелов в рай!
Ведь и доллары и рубли
Будут,
только стреляй, стреляй!

В сердце матери, в грудь страны,
В спины детские и в глаза.
На защиту от сатаны
Встаньте, светлые образа!

Громче, колокол вечевой!
В небе снова горит закат,
Длится вечность и длится бой!
Дай мне руку,
будь рядом, брат…

В БОЛЬНИЦЕ

По гладким ступеням шагаем мы с мамой
В больнице огромной, серьезнейшей самой.
Здесь белые стены и бледные лица,
И тысячи едут сюда исцелиться.

По строгим ступеням веду свою маму,
Мы с нею идем шаг за шагом упрямо.
А ей бы присесть или остановиться,
Но надо идти, нужно срочно лечиться!

И мама кивает седой головою,
И делает шаг, и не спорит со мною…

По звонким ступеням медсестры, как птички,
Летят вверх и вниз мимо нас по привычке.
У всех здесь заботы.
И боли. И драма.
По белым ступеням идет
моя мама…

* * *

Наш черед жить на этой земле.
Снова дождь. Небо тучами вспахано.
И росток шевельнулся в зерне,
Будто слово, что лишь будет сказано.
И коснется мальчишеских губ!
Дрогнет тихой слезой материнскою,
Дождь похож на сердец перестук,
На весенний, неровный, таинственный.
Наш черед жить на этой земле.
Я тебя одного угадаю,
По судьбе проведу, не по краю.
Птицы-весны, летите ко мне,
Наш черед жить на этой земле!

* * *

От края отступив на шаг,
Не плачу больше и не трушу.
О, Господи, да будет так:
Я восстанавливаю душу.

У памяти на поводу,
Твой замысел я не нарушу,
Но чтобы не гореть в аду,
Я восстанавливаю душу.

От боли маюсь и шепчу:
Тоску и безнадежность рушу,
Поднявши слово, как свечу,
Я восстанавливаю душу.

* * *

Увядает в положенный срок
Даже самый роскошный цветок.
И спасеньем от суетной лжи
Только вечной любви миражи.

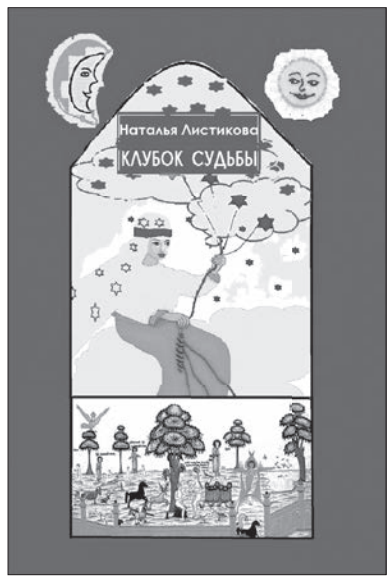
Стылый дождь, птицы к югу летят,
И нельзя жизнь прожить без утрат.
И слова то горьки, то нежны —
Лечат душу любви миражи…

Ты молчишь, ты не споришь в ответ,
Ничего в мире вечного нет,
Но в глазах твоих вижу я вновь —
Вешним светом сияет любовь!

ВЫШЛА КНИГА

Листикова Н. А.

Клубок судьбы. Сказки, были, небылицы. — М.: АПР, ЗАО «МИР и СОГЛАСИЕ», 2012. — 160 с.



Эта книга открывает дверь в мир древних преданий и приглашает в путешествие по его неведомым дорогам. Здесь живут Быль и Небыль, небесные светила и великаны, витязи и святые, знакомые персонажи русских сказок. Здесь возможны самые невероятные приключения и превращения, а вещие птицы предсказывают судьбу.

Сказки, притчи, истории о временах давно минувших и недавних не оставят читателя равнодушным, позабавят и заставят задуматься о двойственности бытия и превратностях судьбы. Без сомнения, эти произведения увлекут и взрослых и детей.

Особенно привлекает язык книги – яркий, чистый, напевный.

ПОЭЗИЯ



Григорий КАЛЮЖНЫЙ

«НЕТ ЛЮБВИ БЕЗ ВЕРЫ, БЕЗ МУЧЕНЬЯ...»

Григорий Петрович Калюжный — родился в 1947 году в г. Макеевка Донецкой области. В прошлом штурман гражданской авиации. Член СП России с 1985 года, автор шести поэтических сборников и книги прозы «Жизнь Георгия Федоровича Морозова». Лауреат нескольких литературных премий. Основал «Энциклопедию сёл и деревень», является директором одноименного издательства. Секретарь СП России. **Живет в Москве.**

* * *

Разлюбила меня златоглавая,
Что мне делать, Святые Отцы?
Стала жизнь моя горькой отравою,
Обрывая земные концы.

Нет пути мне за этою прибылью.
Все грехи за собой — признаю.
Да, играл я, но только с погибелью,
Так приветьте же душу мою.

Так отпойте меня панихидою.
Я и сам вам, Отцы, подпою,
Потому что и мертвый завидую,
Тем, кто песню исполнил свою.

Ну а вы, кто с Россиею спорите,
Кто навеки прощается с ней —
Ничего вы взамен не построите,
Кроме царства бездушных теней.

2 мая 2013 г. Рождествено

* * *

Людмиле

Милая, ты лучшая на свете,
О которой можно лишь мечтать.
Я с тобою глупым был, как ветер,
Без тебя мне хочется рыдать.

Между нами встала не измена,
А объятья воровских когтей.
И когда ты вырвешься из плена,
Я скажу: «Вернулась из гостей».

Нет любви без веры, без мученья.
Я ведь тоже бился много дней
В окаянных узах помраченья
В окруженье аспидных теней.

Чувства не погасишь, словно свечи,
И не обойдешь их стороной.
Где б я не искал с тобою встречи,
Всюду ты стояла предо мной.

Милая, любимая, родная,
Улыбнись мне и махни рукой.
Жизнь моя — небесная, земная!
Счастлив я, что встретилась такой.

5 мая 2013 г.

* * *

Людмиле

Я простился с моею отрадою.
Майский вечер сгущался вдали.
И с тех пор словно падаю, падаю
И все мимо и мимо Земли.

Лучше лег бы я в землю родимую
Или запил, свой жребий губя,
Я не знал, что была ты любимою,
Что не будет пути без тебя.

Не оставь меня, милость бездонная,
Забубенная, вечная жуть.
Поглоти меня, безднушка черная,
Если больше тебя не вернуть.

май 2013 г. Рождествено

* * *

Сын мой, сын мой, в юности ты волен,
Если можешь быть собою — будь.
Я не грубый, я смертельно болен
От луны, упавшей мне на грудь.

Может, это кара, может — милость,
Я не знаю на излете лет.
Только помни, что бы ни случилось,
Что отец твой — истинный поэт.

А поэт в своей судьбе не волен,
Хоть кричи об этом, хоть забудь.
Я не грубый, я смертельно болен
От луны, упавшей мне на грудь.

Нет отрады в облике суровом,
И отца на слове не лови.
Ты не знаешь, что стоит за словом.
Слово не дается без любви.

3 мая 2013 г.

* * *

Я сегодня защищен улыбкой,
Никакая зверь мне не страшна.
Над землею, как над детской зыбкой,
Наклонилась полная луна.

Спит земля в сутемах, как младенец,
Прозревая светлое во сне.
Звезды блеском колыбельных пленниц
Будят весть о будущей весне.

Доживу ли до нее — не знаю,
Но в душе и тучки ни одной.
Я давно с погибелью играю,
Как играет с нею край родной.

Сонмы сёл, навеки разоренных
Для незваных гробовых гостей,
Проводил я с грустью непокорных,
Испытавши всю тщету страстей.

Не иссякли все же их истоки
В панихидах скорби и потерь.
Спит Земля. Грядут иные сроки.
Не страшна мне никакая зверь.

13 октября 1992 г.

КНЯЖНА

Людмиле

Пииту власть, как хвост—телеге,
В России ветреной нужна.
Я верю, мысля о ночлеге,
Что есть души моей княжна.

Не украдут ее сомненья,
В пути настигнув одного.
Пускай она — одно виденье
Из дыма чувства моего.

Но и оно дано мне Богом,
Чтоб с грязью я не слился вдруг,
Идя по сумрачным дорогам,
Где любят брать нас на испуг.

Мертва, как море, жизнь без пены.
Не только хлебы режет нож.
Я вижу распри и измены
Вседневно множатся… Ну что ж!

Пройдет, остыв, и эта буря
Людских неистовых страстей.
В ее волнах, лишь брови хмуря,
Я жадно жду благих вестей.

Нет бурь без ярости и злости.
И если резвая волна
На берег бросит мои кости,
Оплачет их моя княжна.

май 1992 г.

* * *

Никаким судом не развести
И не разорвать меж нами узы,
Потому что в слове и в чести
Нас с тобою повенчали музы.

Я тебя обидел не со зла,
Выходя из чертового круга.
Ты в любви мне сына родила,
Ты — моя духовная подруга.

Без тебя живу я, как во сне,
Только верой, что в мою лачугу
Ты войдешь и тихо скажешь мне:
— Успокойся, мы нужны друг другу.

12 мая 2013 г.

* * *

Людмиле

Ты сегодня, как любви лампада,
Засветилась искрой золотой.
Ничего мне, ничего не надо,
Только б видеть милый образ твой.

Всё вернулось, все затрепетало,
К новой жизни снова я воскрес.
Как же ты, любимая, устала,
Всё неся свой непосильный крест.

Смутно веря, что свершится чудо,
В синеве скелетовых полей
Шел я в никуда и ниоткуда,
Погибая без любви твоей.

До тебя всей красоты не зная,
Думал я: важна лишь только стать…
Отразилась, как дыханье рая,
Вся в тебе земная благодать.

Ты сегодня, как любви лампада,
Засветилась искрой золотой.
Ничего мне, ничего не надо,
Только б видеть милый образ твой.

25 мая 2013 г.

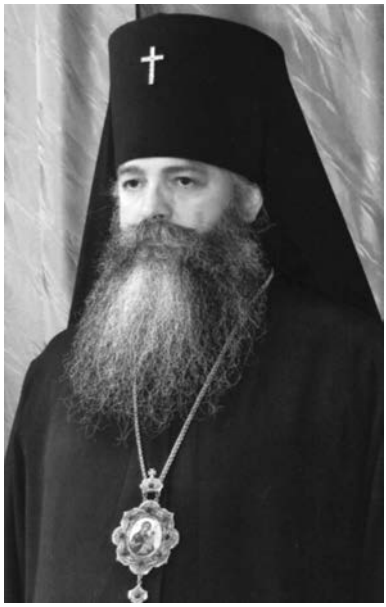
* * *

Последней щепкой жив огонь,
И от него тепло струится
В мою согретую ладонь.
А за окошком вьюга злится.

Она хотела замести
Меня в пути с враждой отпетой.
И я сказал ей: не свисти,
Как ведьма злая, над планетой.

В пустой деревне неужель
Не отдохну в стенах сарая?
Меня сухая ждет постель,
И подождет еще сырая.

1993 г.



**Архиепископ Курганский
и Шадринский
КОНСТАНТИН (Горянов)**

ПУТЬ ЦАРСКИЙ

К 400-летию Дома Романовых

Господи! Спаси царя, и услышь нас, когда будем взывать к Тебе
(Пс. 19:10).

I

В 2013 г. весь мир отмечает 400-летие со дня венчания на царство «первого» Царя из Дома Романовых, юного боярина Михаила Федоровича, родоначальника той царственной династии, которая за 300 лет принесла столько славы и блага нашему Отечеству. В связи с этим юбилеем внимание многих современных русских и зарубежных историков, политологов, искусствоведов, писателей обращено не только к знаменитому роду, но и ко всей истории России, которая, конечно же, не умещается ни в совокупность частных мнений, ни в рамки западноевропейских мифов, ни в марксистско-ленинскую доктрину. Да и мнения о династии имеют сегодня разброс диаметрально противоположный. Одни считают всех русских царей святыми, другие видят в истории царствования только отрицательные стороны. Современная историческая наука заметно

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов) — родился в 1951 г. Окончил Винницкий мед. институт. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1983 г. поступил в МДС. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. В 1990 г. возведен в сан игумена, назначен ректором МинДС. В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН и др.). Член СП России. Лауреат ряда премий. Правящий архиерей Курганской епархии с 2008 г.

тяготеет к политике и сдает ей свои инсигнии, свои знаки власти в обеспечение себе безбедного существования. Еще в советские времена историк М. Н. Покровский говорил: «История — это политика, опрокинутая в прошлое»[1]. В современном обществе исторические знания уже без зазрения совести используются в политических баталиях и в субъективной переоценке прошлого.

Понятно, что историческое исследование, как любая наука, должно иметь свой инструментарий, критерии оценок, свою терминологию. Исследование истории любого царствования следует начинать с осмысления понятия «власть», точнее с происхождения понятия «царская власть». А происхождение это является, бесспорно, Божественным. Много сказано о царской власти в Священном Писании. Без комментариев позволю себе привести основополагающие цитаты.

«Всякая душа да будет покорна властям, ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» (Рим 13:1).

«Мною цари царствуют, и повелители узаконивают правду» (Притч 8:15). *«Слушайте цари и разумейте… От Господа дана вам держава и сила от Вышнего»* (Притч 6:1, 3).

«Когда Самуил увидел Саула, то Господь сказал ему: "Вот человек, о котором я говорил тебе, он будет управлять народом Моим"» (1 Цар. 9:17). *«И взял сосуд с елеем и вылил на голову его, и поцеловал его, и сказал: "Вот Господь помазывает тебя в правители наследия Своего (в Израиле), и ты будешь царствовать над народом Господним и спасешь их от руки врагов, окружающих их, и вот тебе знамение, что помазал тебя Господь в царя над населением Своим"»* (1 Цар. 10:1).

В Библии много сказано и об отношении к царю его подданных.

«Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мк. 12:17).

«Бога бойтесь, царя чтите» (1 Петр. 2:17).

«Будьте покорны всякому человеческому начальству, для господа: царю ли, верховной власти… ибо такова воля Божия» (1 Петр. 2:13, 15).

И о неприкосновенности личности царя.

«Не прикасайтесь к помазанным Моим» (П. 104:15).

«Даже и в мыслях твоих не злословь царя…» (Еккл. 10:20).

«Как небо в высоте и земля в глубине, так сердце царей неисследимо» (Притч. 24:21).

Русский народ всегда благоговел перед своими царями, относился к ним с почтением, приветствовал наследников, потому что видел в царской власти залог своего благоденствия, своего счастья, так как знал, что она осенена Божией волей, Божиим Промыслом. Русский народ веровал в то, что ничего не бывает без Промысла Божия. Как говорит преподобный авва Дорофей, «а в чем Божий Промысел, то вполне хорошо и служит к пользе души, ибо все, что делает с нами Бог, делает Он для нашей пользы, любя и милуя нас»[2]. Промыслом Божиим объясняется и принцип избранности. Считается, что избранничество Божие отличается от соработничества Господу и дается достойному человеку на всю жизнь. Так, вмененное апостолам про-

---

[1] Цит. по: *Алексеева Г. Д. Манькин А. В.* Историческая наука в России XXI века. М., 2011. С. 5.

[2] Добротолюбие. М., 2002. С. 180.

поведническое служение было делом не простым, оно было именно избранием для служения на всю жизнь. Поэтому избранничество, выражающееся в особой близости Божией, налагает на человека и особую ответственность за сохранение этой близости. Избранничество выражается в первую очередь в стяжании добродетелей. А «добродетели суть середина, тот **царский путь**, о котором один святой сказал: ходите **путем царским** и считайте поприща»[1]. Святой авва Дорофей, повторяя эту древнюю мудрость, под словом «поприща» понимал пути спасения. Таким образом, историческое исследование царствования династии Романовых может быть объективно проведено только в границах **пути царского**, направляемого **Промыслом Божиим**. А критериями оценки этого пути становятся дела на благо России и русского народа, вверенным в попечение венценосцам. Как говорит философ Александр Казин, «…Божие благословение на власть есть именно *ограничение* этой власти, а вовсе не обожествление ее как таковой. Царь (великий князь) отвечает за свой народ перед Богом — вот отличие русской православной державы от восточной деспотии (царь как живой Бог) или западного абсолютизма (король как кажимость Бога, “король-солнце”)»[2].

II

России, как государству, на протяжении веков была присуща христианская государственность. В союзе с Церковью страна осуществляла в своем законодательстве идеи христианской справедливости и права. Используя мысль историка Льва Тихомирова, можно сказать, что существовало нравственное подчинение государства Церкви, которое обеспечивалось, в свою очередь, рядом обязанностей Церкви перед государством[3]. Свобода, равенство, братство, эти желанные и роковые для России категории на протяжении длительного исторического периода понимались не иначе, как в системе подчинения государственной власти религиозному влиянию Церкви, осуществляемому путем гармоничного их союза. Многовековым опытом в Византии было разработано учение о государственно-церковных отношениях, и Россия, усвоившая византийский опыт, жила идеей союзности Церкви и государства. Поэтому и символы власти русских царей — держава, скипетр, императорская корона и шапка Мономаха были увенчаны православным крестом.

Под скипетром венценосных государей из Дома Романовых «государство Московское» стало обширной Российской империей, раскинувшейся в берегах морей и океанов. Но не одним внешним могуществом и расширением своих границ Россия обязана преемникам Михаила Федоровича, заботами которых явилось возвышение Православной веры, народное просвещение, благоустройство государства и общества, а также развитие промыслов, торговли и усовершенствование земледелия.

Как известно, Борис Годунов во время своего правления жестоко расправлялся с боярским семейством Романовых. «Самого Федора Никитича

---

[1] Добротолюбие. М., 2002. С. 184.

[2] *Казин А.* Великая Россия. СПб., 2007. С. 28.

[3] *Тихомиров Л. А.* Религиозно-философские основы истории // Сайт «Православие и современность. Электронная библиотека». URL: http://lib.eparhia-saratov.ru/books/18t/tihomirov/tihomirov2/28.html (дата обращения: 17.04.2013).

насильно постригли в монахи и заключили тогда в Антониево-Сийский монастырь… Жену "замчали" в Заонежский Толвуйский погост… Дочь Татьяну и сына Михаила сослали в Белоозеро… Братьев тоже сослали… Еще более жестоко поступили с челядью. Многих холопов Романовых подвергли страшным пыткам…»[1]. Есть несколько версий причин такого отношения Бориса Годунова к Романовым, которым еще преподобным Геннадием Костромским было предречено царственное служение, и Царицей стала Анастасия, любимая, рано умершая жена Иоанна Грозного. Правдоподобнее звучит версия, представленная в сказании о том, что Федору Никитичу Романову Царь Федор Иоаннович готов был передать свой престол, который хитростью занял Борис Годунов, и так жестоко впоследствии ограждал себя от возможных боярских козней. Известный монах-писатель Авраамий (Палицын) гонение на Романовых ставит в число грехов, за которые Бог покарал землю русскую кровавою смутою. Когда Москва избирала в цари сына польского короля Сигизмунда — Владислава, Патриарх Гермоген уже указывал на юного Михаила Федоровича Романова. Но, вероятно, Россия попущением Божиим тогда еще не испила чашу страданий до дна, еще не поняла, что победить иноземных захватчиков и внутренние распри можно только единением.

Но когда поняли русские люди, что надо действовать миром, и пошли на выручку гибнущей родимой земле, стоял во главе них, по свидетельству летописца, Патриарх Гермоген «яко столб неколебимо стоял среди Русской земли, стоял один противу их всех, аки исполин муж без оружия и без ополчения воинского». Громко раздавался голос святителя, призывавшего к свержению иноземцев. И услышал Господь этот глас, и принял в жертву жизнь святого Патриарха Гермогена, и послал России русского царя, который и ближе всех претендентов был по родству к прежним царям, и по слову Авраамия (Палицына) был «избранным от Бога прежде его рождения». И впоследствии, выступая перед боярами или перед народом, Михаил Романов начинал свое выступление со слов «По воле только Божией я принял венец и царство»[2].

После страшных смут государство было обеднено, разрушена социальная инфраструктура. В эти трудные годы требовалось, чтобы народ вновь напряг свои силы и восстановил Россию. Сплочению вокруг Царя много помогала его личность, в высшей степени симпатичная, Царь обладал обаянием, способствовавшим укреплению царской власти и идеи Самодержавия. При нем была сделана большей государственная печать, введен новый титул «самодержца», а над головой орла вырезана корона. Царь Михаил Федорович был человек мягкий и добрый, своими душевными качествами на народ производил самое выгодное впечатление. В начале царствования его главной заботой стало преследование и искоренение разбойничьих шаек, с некоторыми приходилось вести настоящую войну.

После возвращения из плена Филарета, сразу же поставленного в Патриархи, Михаил Романов вместе с отцом возбуждал важные государственные законы и ставил их на разрешение земских соборов. Было решено

---

[1] *Коняев Н. М.* Первые Романовы. Загадки и мифы династии. М., 2002. С. 39.

[2] Триста лет царствования Дома Романовых / Под ред. И. Н. Божеранова. СПб., 1913. С. 15.

развивать в России различные промыслы, призывать на льготных условиях иностранных промышленников. При Михаиле Романове началось преобразование военного устройства с помощью иностранных офицеров. Также шла усиленная деятельность по постройке храмов и зданий в Кремле. Обобщая, можно сказать, что основной деятельностью Михаила Федоровича было успокоение взволнованного Смутой государства, истребление административных злоупотреблений и повышение общего благосостояния народа. С этими скромными, но первостепенными на то время задачами Царь справился, выполнил возложенный на него Божий замысел. Путь царский, состоящий из благодеяний — то есть благих дел, вернее, дел на благо России, Царь Михаил прошел не без труда, но с достоинством, и заметно потрудился во славу русского государства.

По современным меркам жизнь первого Царя из рода Романовых была недолгой, он скончался летом 1645 году. Его сын Алексей Михайлович, как и отец, взошел на престол в раннем возрасте, в шестнадцать лет. Первые три года за него правил его воспитатель Борис Морозов. Эти годы запомнились народным роптанием, связанным с неприятием политики временщика Морозова, открытым недовольством, соляными бунтами. Вскоре сильное влияние на молодого Царя приобрел Патриарх Никон. На времена правления Алексея Михайловича вообще выпало множество волнений, мятежей внутри государства. Так, начиная с 1648 г., после Московского мятежа, следует вспомнить последствия собора, созванного для умиротворения страны и вылившегося в подготовку бунтов Степана Разина. В 1650 г. волновались Псков и Новгород, позже — прошли знаменитые «медные бунты». Но среди всех волнений самые страшные связаны с расколом. Впервые пошатнулась симфония царской и церковной властей. Дело Никона, как представителя притязаний духовной власти, в конце концов было проиграно, но церковные реформы оставили глубокий след и неразрешенные до наших дней вопросы.

Раскол нарушил христианское существование страны и показал, что «христианская истина неизбежно должна служить для устроения жизни, а не для одних разговоров. Как только люди начинали веровать во Христа, они начинали устраивать свою жизнь согласно этой вере. Они создавали прочную обстановку для своей христианской жизни как могли, насколько хватало силы, начиная с апостольской общины. Ту же цель — создания прочной обстановки для христианской жизни имела и Церковь. Все ее догматы, вся ее иерархия, все учреждения были нужны только для того, чтобы можно было жить согласно своей вере. С этим связано и отношение Церкви к государственной власти, и требования, предъявляемые к государственной власти: имеется в виду достижение той прочности обстановки жизни, при которой можно было бы спокойно, без постоянной борьбы с окружающим насилием вести христианское существование»[1]. Раскол, нарушивший «христианское существование», промыслом Божиим должен был стать страшной наукой для России, которую она, судя по дальнейшей русской истории, усвоила не вполне. Не усвоила тогда Россия и непреложное правило, что не должна она корректировать свое ментальное ядро в угоду чужому миру и чуждым идеологиям.

[1] *Тихомиров Л. А.* Религиозно-философские основы истории. М., 2004. С. 314.

Но не следует забывать, что во времена правления «тишайшего» Царя Алексея Михайловича, которого современники считали светлейшей личностью, произошло много знаменательных событий. В первую очередь это великое объединение России и Украины. Блистательно проведенная кампания 1654–1655 гг. привела к расширению западнорусских земель, удалось заключить мир со Швецией, а впоследствии добиться перемирия с Польшей. В царствование Алексея Михайловича Московское государство расширило свои пределы не только на юго-западе, но продвинулось далеко на восток и юг. Цари Кахетии и Имеретии, теснимые турками, просили московского подданства. Значительны были успехи наши за Уральским хребтом. В Западной Сибири казаки побили потомков Кучума. Тогда же была открыта Восточная Сибирь. Дежнев с 25-ю товарищами пробился к Берингову проливу, а служивый Поярков открыл реку Амур и Охотское море. При Алексее Михайловиче мы вступили в дипломатические отношения с Западной Европой, послы были отправлены в Венецию, Флоренцию, Рим, во Францию и Испанию. Велись торговые дела в Англии, в Голландии. Политические консультации проводились с Веной, Швецией и Данией. Россия хотела везде найти свою выгоду и не зависеть от других. Поэтому в Москве собирались даже «ходить кораблями для пряных зелий» в Индию, и Алексей Михайлович просил герцога Курляндского продать ему для этого свои корабли — словом, мечтал о море и флоте. И передал эту мечту своему сыну Петру Алексеевичу.

А может быть, самым значительным деянием Царя была положительная оценка виршей монаха Симеона Полоцкого, посвященных Алексею Михайловичу:

Радуйся церкви наша святая и восточная,
Яже испущает словеса, всем медоточная.
Ибо ты первое духом святым начася здати,
Предь Алексея Михайловича днесь расширяти…

Ведь так начиналась ставшая великой русская литература, без которой немыслима судьба России!

Набожный, болезненный Федор Алексеевич, получивший русский престол по кончине отца своего, не прославился на поле брани. Зато успешно занимался учреждением новых епархий. В царствование Федора Алексеевича значительно украсился Кремль. По большим улицам он повелел возводить каменные строения. Проводил культурную реформу. В последние дни царствования Федор Алексеевич составил проект высшего училища или так называемой Греко-латинской академии. Несмотря на свое короткое царствование и смерть в 22 года, Федор Алексеевич сделал много полезного. Он любил стихотворство и вокальную музыку, распространил в церквах партесное пение, учредил при соборах регентов. Болезненный Царь как будто чувствовал, что его преемник на русском престоле сделает за двоих, а то и за троих. Потому, наверное, и его родной брат Иоанн Алексеевич, пятый сын Алексея Михайловича, следующий претендент на русский престол, слабый здоровьем юноша, по совести и по разумению о пользе Отечества практически отдал полагающуюся ему по закону корону младшему брату Петру, сыну Наталии Нарышкиной. Так, может быть, главным благодея-

нием Иоанна Алексеевича по Промыслу Божию на его царском пути стала передача престола новому (и в прямом, и в переносном смысле) Царю, которого звали Петр Алексеевич?

Воцарение Петра — не только переломный, модернизационный этап в жизни государства, но и окончательная черта под зримой эпохой Святой Руси. Но не под Святой Русью как таковой, которая, как град Китеж, продолжала незримо существовать на протяжении всего царствования Романовых. Был подготовлен этот перелом всем «сумбурным» XVII в., в который пресуществились и темы русского раскола, и произошло разделение соборной Руси на царство, священство и земство и т. д. Но до конца царствования Россия оставалась рабой Христа и находилась под Покровом Богоматери.

III

Царствование Петра I началось, как известно, трудно, трудно и продолжалось: в муках, в жертвах рождалась императорская России. Невозможно в настоящей статье даже перечислить все свершения великого Царя, результатами которых мы пользуемся поныне, осмыслить проведенные им государственные реформы, захватившие все стороны русской жизни. Трудно дать и однозначную оценку этим реформам в историческом и духовно-нравственном контексте, тем более, когда на память приходят слова Н. М. Карамзина: «мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России — виною тому Петр»[1]. Историк С. М. Соловьев первым изложил взгляд на реформу Петра I в связи с общим движением истории. Этот взгляд, полный широты воззрений, таков: никогда ни один народ не совершал такого великого, всестороннего преобразования, сопровождавшегося столь великими последствиями как для внутренней жизни народа, так и для его значения в общей жизни народов во всемирной истории. Следствием реформ, по мнению С. М. Соловьева, были:

— вывод посредством цивилизации народа бедного, почти неизвестного на историческую сцену со значением сильного деятеля в общей политической жизни народов мира;

— соединение обеих, дотоле разобщенных половин Европы, восточной и западной, в общей деятельности посредством введения в эту деятельность славянского племени, теперь только принявшего деятельное участие в общей жизни Европы через своего представителя, через русский народ[2].

Многими историками до сего дня ставится в вину Петру I непререкаемость его императорской воли, даже открытого насилия. Но ведь основу деятельности государства всегда составляет элемент обязательности и принудительности. Вот что пишет в оправдание самовластия В. О. Ключевский, полемизируя с современником, который «признает за личное благодеяние просвещение, введенное Петром в России, оказанное ему преобразователем, и восстает на хулителей, получивших от самовластия то самое просвещение, которое помогло им понять вред самовластия. Самовластие само по себе

[1] Историки о личности Петра I // Сайт «Курская областная научная библиотека им. Н. Н. Асеева». URL: http://www.onb.kursk.ru/virt/petr/02.html (дата обращения: 17.04.2013).

[2] Там же.

противно, как политический принцип. Его никогда не признает гражданская совесть. Но можно мириться с лицом, в котором эта противоестественная сила соединяется с самопожертвованием, когда самовластец, не жалея себя, идет напролом во имя общего блага, рискуя разбиться о неодолимые препятствия и даже собственное дело. Так мирятся с бурной весенней грозой, которая, ломая вековые деревья, освежает воздух и своим ливнем помогает всходам нового посева»[1]. И Лев Тихомиров монополию насилия соотносит с христианским отношением к государству: «Полное изъятие насилия из права частного и сосредоточение его исключительно в руках государства имеет тот смысл, что насилие в частных интересах, безусловно, устраняется и воспрещается. Допускается же оно лишь в тех руках, где принципиально нет частного интереса, а есть лишь интерес справедливости. С монополизацией насилия в руках государства насилие пускается в ход только для поддержания справедливости»[2].

Вот уж кого нельзя было заподозрить в обеспечении частного интереса, так это Петра I. По свидетельству современников, он всегда являлся источником разнообразных дел. Его всего труднее было бы представить наедине с самим собою, в уединенном кабинете. Он не имел ни досуга, ни привычки к систематическому размышлению. Зато у него всегда были наготове две основы его образа мыслей и действий, прочно заложенные еще с юности: это неослабное чувство долга и вечно напряженная мысль об общем благе Отечества, в служении которому и состоял этот долг.

Не со всеми реформами православного Царя соглашается верующая русская душа, не понимающая блага в реформировании Церкви. Но ведь при том верующий Царь Петр вымолил заступника своему Санкт-Петербургу, и сам благоговейно внес на плечах гроб с мощами святого Великого князя Александра Невского в Александро-Невский монастырь. И как с высоты XXI в. не согласиться с мнением философа Александра Казина: «Чудо русской истории состоит еще и в том, что Господь оборачивает в ее пользу подчас все злые силы, которым Русь подвергает свою удивительную судьбу. Применительно к опыту петровской модернизации это чудо явилось тогда, когда выяснилось уже в XIX в., — что не столько Запад духовно захватил Россию, сколько, наоборот, Россия овладела западной цивилизационной формой (технологией существования). Это сделало ее мировой империей, но это принесло и новые религиозные противоречия. Можно сказать, что Русь золотая впустила в душу грех европейского антропоцентризма и стала благодаря тому серебряной. Очевидно, в этом одно из предназначений России — брать на себя и пересиливать в невидимой брани мировое зло»[3]. И при всех своих реформах Петр оставил в неприкосновенности *сердцевину Святой Руси и подтвердил смысл русской истории как Крестоношения.*

В связи с тем, что преемницей Петра на русском престоле стала его вторая жена, иностранка, крещенная в Православие с именем Екатерина, ставшая Екатериной I, следует обратиться к личной жизни Петра, которая была тесным образом связана с его военной и реформаторской деятельно-

---

[1] *Ключевский В. О.* Курс русской истории. // Сайт «Материалы для изучения русской истории». URL: http://wordweb.ru/history/kllec68.htm (дата обращения: 17.04.2013).

[2] *Тихомиров Л. А.* Религиозно-философские основы истории. С. 315.

[3] *Казин А. Л.* Великая Россия. С. 45.

стью. Но именно неисповедимые пути личной жизни Императора, который Божиим промыслом был неуязвим на полях брани, во многом свидетельствуют о Божественном предназначении этого царствования. И Екатерина, немыслимыми путями оказавшаяся русской Императрицей, ведь не раз спасала своего мужа. И когда уговорила его написать письмо в турецкий стан, и без ведома Императора приложила к посланию все свои драгоценности, что способствовало заключению мира и спасению русской армии. И когда больше сердцем, чем умом понимала его желания, обеспечивая семейный покой, и когда гладила по голове на протяжении нескольких часов спящего своего мужа, облегчая его физические мучения и давая ему краткие часы отдохновения. И даже после смерти мужа — когда, не предав ни одного его дела, пыталась продолжить его политику.

Присягнули Императрице без сопротивления. Екатерина правила с помощью тех же людей и учреждений, которые действовали при Петре. При ней жизнь стала поспокойнее. Первыми ее действиями было некоторое уменьшение податей и прощение недоимок, исполнение задуманной еще Петром амнистии сосланных и заключенных, учреждение по решению Петра ордена св. Александра Невского, отправление к Камчатским берегам экспедиции Беринга, а также окончательная организация Академии наук. Однако, в отсутствие Царя-победителя, стали нарождаться недовольства, бурления, которым вскорости предстояло вырваться наружу.

Взошедший 11-летним ребенком на царский престол и умерший через три года от оспы внук Петра Великого — Петр II не оставил по понятным причинам о себе памяти, как государственный деятель, хотя и он занимался внутренними делами государства. Правда, иностранные послы находили, что в то время «все в России в страшном беспорядке»[1]. После смерти Петра II, с кончиною которого пресеклась мужская ветвь Романовых, Верховный тайный совет неожиданно, с надеждой на ограничение императорской власти в свою пользу, избрал на русский престол герцогиню Курляндскую Анну, дочь Царя Иоанна Алексеевича. Как сказал князь Голицын: «надо бы нам себе полегчить… так полегчить, чтобы воли прибавить»[2]. И послали к Императрице текст с ограничивающими ее власть пунктами. Сначала Анна даже участвовала в обсуждении формы своего правления, но, став полноправной Императрицей, подвергла опале русскую знать и возвысила иностранцев.

Войны, которые велись в царствование Анны Иоанновны, не доставляли государству выгод, хотя имели значение для поднятия в Европе престижа России. Обращалась Императрица и к внутренним делам, в основном отменяя прежние законы. Администрация и суды в ее бытность оставляли желать лучшего, но зато ей удалось создать более правильное устройство почты, медицинских частей, создать конские заводы. Своим наследником Анна Иоанновна объявила малолетнего сына своей племянницы — Иоанна Антоновича, участь которого в дальнейшем оказалась ужасной. Идя от присяги Императору-ребенку, гвардейские солдаты говорили о цесаревне Елизавете Петровне: «не обидно ли, вот чего Император Петр I в Россий-

---

[1] Триста лет царствования Дома Романовых / Под ред. И. Н. Божеранова. СПб., 1913. С. 73.

[2] Цит. по: *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. Минск, 2007. С. 401.

ской империи заслужил — коронованного отца дочь государыня-цесаревна отставлена»[1].

Очевидно, не без Божиего Промысла осуществился неожиданный, почти неподготовленный, но чаянный русскими силами переворот, который возвел на русский престол дочь Петра Великого Елизавету Петровну. Достижения ее просвещенного царствования широко известны, так как много тому сохранилось свидетельств архитектурных, живописных, литературных, научных и др. Но главное, чем Елизавета Петровна ознаменовала свое царствование — это свержение немецкого режима и покровительство всему национальному, что дало этому царствованию совершенно иной исторический смысл в сравнении с предыдущим правлением. Она была боголюбивой, набожной Царицей, совершала паломничества, заботилась о строительстве новых и украшении старых храмов. В 1749 г. Елизавета Петровна находилась в Москве, и оттуда последовал высочайший указ обер-архитектору Растрелли приступить к строительству Смольного монастыря согласно одобренным чертежам. Как говорили современники, народ должен был видеть и знать, что матушка-Императрица ничего не жалеет для укрепления веры и украшения «дома Божьего». В годы правления Елизаветы Петровны дворцы и храмы возводили Растрелли, Чевакинский, Ухтомский и их ученики, с учетом стиля и цветовой контрастности, идущих от древнерусских храмов и теремов. В возобновление программы преобразований Петра I при ней были открыты Московский университет (1755) и Академия художеств (1757).

При Елизавете Петровне много полезного вошло в русскую жизнь, и воспитался целый ряд деятелей, составивших в дальнейшем славу России. Особо необходимо отметить и фактическую отмену смертной казни при Елизавете Петровне[2]. Преклоняясь пред памятью своего отца Петра Великого, Елизавета, за 20 лет Божиим промыслом своего царствования подготовила почву для лучшего понимания и продолжения преобразовательной деятельности Петра. Так что можно сказать, что идея национальная, просветительская была выше ее государственных дел, которые, однако, тоже не были без славы и пользы Отечеству. Миролюбивая и беззаботная, она была вынуждена воевать почти половину своего царствования. Разбивала первого стратега того времени Фридриха Великого, брала Берлин. Были особо значимые морские победы, так как Елизавета продолжила развивать так любимый ее отцом флот. В делах торговли и промышленности шел медленный, но постоянный прогресс. Хотя ее царствование не внесло полного благоустройства в жизнь народа, однако народ оценил гуманность и национальность ее правления и сожалел о ее кончине. И только ею же назначенный наследник престола, ее племянник Петр III не был опечален.

Трудно найти какие-либо положительные отзывы об этом человеке, выросшем и воспитанном на немецкой почве. Как вспоминают современники, сама Императрица Елизавета приходила в отчаяние от характера и поведения племянника и не могла провести с ним четверти часа без огор-

---

[1] Триста лет царствования Дома Романовых / Под ред. И. Н. Божеранова. СПб., 1913. С. 82.

[2] *Анисимов Е. В.* Русская пытка. Политический сыск в России XVIII в. // Сайт «Электронная библиотека ModernLib.Ru». URL: http://www.modernlib.ru/books/anisimov_evgeniy_viktorovich/russkaya_pitka_politicheskiy_sisk_v_rossii_xviii_veka/read (дата обращения: 17.04.2013).

чения, гнева и даже отвращения[1]. При Петре III русской политикой заправлял прусский посланник, что не устраивало русских вельмож, так что они хотели возвести на престол наследника Павла Петровича. Но случилось иначе. Наверное, краткое царствование Петра III было попущено Божиим Промыслом только для того, чтобы сохранить престол до той поры, пока осмыслит свое предназначение и подготовится к правлению Императрица, так разумно воплотившая замыслы Петра Великого, что сама стала зваться современниками и потомками Екатериной Великой.

Царствование Екатерины было не простым, сказывалось неоднозначное к ней отношение общества, знавшего, как ей достался трон. Не помогал даже знаменитый манифест, который впоследствии Павел I попытался уничтожить. Этот манифест, объясняющий и оправдывающий причину заговора, гласил: «Самовластие, не обузданное добрыми и человеколюбивыми качествами в государе, владеющем самодержавно, есть такое зло, которое многим пагубным следствием непосредственною бывает причиною»[2]. Ей приходилось бороться с самозванцами, были и политические противники. Тем не менее, Екатерина II соответствовала званию русской императрицы, служила России всей своей жизнью и много в том преуспела. Она несла свой крест.

Ею были проведены значительные социально-государственные реформы, в частности банковская, проводился принцип самоуправления, она, воспитанная на идеях свободы, размышляла над планом по освобождению крестьян от крепостной зависимости. Внутренняя политика Императрицы Екатерины II не стремилась вернуть русское общество к жестким реформам Петра Великого. Не подражая ни Петру I, ни Елизавете, у дел государственных она ставила людей, которые понимали русские интересы с чисто национальной точки зрения. В бытность Великой княгиней, она, веруя в промысел Божий, писала: «Я желаю только добра стране, куда Бог меня привел. Бог мне в этом свидетель. Слава страны составляет мою собственную. Вот мой принцип»[3].

По сей день мы гордимся русскими победами, свершенными в ее царствование. Удачны действия русского оружия, как то: победы Румянцева при Ларге и Кагуле, Суворова при Рымнике и Измаиле, поход Долгорукова в Крым, появление русского флота, обогнувшего Европу под командованием Алексея Орлова, и морское сражение в Чесменской бухте. Все это позволило Екатерине предъявить Турции требования независимости Крыма и дунайских княжеств Молдавии и Валахии. Не к нашей чести, что на нашем веку иные из этих завоеваний мы потеряли.

Последовательница идей Петра I, завершившая реализацию его планов, она сумела совершить то, к чему веками стремились Московские государи. Ей, как Петру I, пришлось сосредоточить свое внимание на западной

---

[1] Триста лет царствования Дома Романовых / Под ред. И. Н. Божеранова. СПб., 1913. С. 88.

[2] Цит. по: *Ключевский В. О.* Курс русской истории // Сайт «Материалы для изучения русской истории». URL: http://wordweb.ru/history/kllec68.htm (дата обращения: 17.04.2013).

[3] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Гл. 3: Просвещение в России от основания Московского университета до смерти Ломоносова (1755–1765 гг.) // Сайт «История.ру». URL: http://www.istorya.ru/solov/solv26p3.php (дата обращения: 17.04.2013).

половине государства и, подобно своему гениальному предшественнику, Екатерина не упускала из вида и дела на Востоке. Смерть ее застала в то время, когда русские войска начали поход в Персию. Но только ли за государственные свершения за Екатериной закрепилось звание великой? Интересен ответ Императрицы на предложение дворянства принять при жизни титулы — великая, премудрая, матерь Отечества. «О званиях же, кои вы желаете, чтобы я от вас приняла, на сие ответствую: 1) на *великая* — о моих делах оставляю времени и потомкам беспристрастно судить; 2) *премудрая* — никак себя таковою назвать не могу, ибо един Бог премудр; 3) *матери Отечества* — любить Богом врученных мне подданных я за долг звания моего почитаю, быть любимой от них есть мое желание»[1].

Сегодня мало говорится на тему, исследование которой началось в конце позапрошлого века. Считается, что на примере жизни Екатерины II можно говорить об истории воцерковления ее самой и царей, последовавших за ней. И действительно, только процесс воцерковления может помочь в осмыслении служения венценосцев. Екатерина II всей своей жизнью показала пример тому, слыша лучше многих Божию волю. Особенно обострился у нее этот слух после того, как по приезде в Россию 27 дней находилась в болезни между жизнью и смертью. Она поняла, Господь даровал ей жизнь не зря. Будучи принцессой, Екатерина с помощью русских священников всем сердцем приняла Православие. И впоследствии неколебимо стояла за него; так, например, она говорила, отвергая возможность женитьбы Великого князя на католической принцессе: «…Россия столь же привержена вере греческой, как они к латинской, и латинское или греко-латинское наследие, пока я жива, никогда не будет допущено»[2]. Подобный ответ Екатерина II дала и когда условием брака ее внучки с шведским королем стала перемена последней своей веры.

Трагична судьба Павла I, который всю свою жизнь соизмерял с Божией волей. И если в государственных делах он видимых успехов не достиг, пытаясь искоренить недостатки предшествующего царства, нарушал лишь стройность прежней системы, то в вопросах веры ему надо отдать должное. Будучи от природы человеком добрым, любознательным, деятельным, он с юности был предан Православию, основам которого его обучал иеромонах Платон (Левшин), будущий выдающийся митрополит Московский. Иеромонах Платон вспоминал: «Высокий воспитанник всегда был, по счастью, к набожности расположен, и рассуждение ли или разговоры относительно Бога и веры были ему всегда приятны. Сие, по примечанию, ему внедрено было со млеком покойной Императрицы Елизаветы Петровны…»[3]

Вступив на престол, Павел I, как будто предчувствуя свою грядущую мученическую кончину, сам возложил на свои плечи миссию по защите Церкви. Эта миссия проявилась в ряде значимых исторических и незначительных, но не менее важных, бытовых свершений и дел. За несколько лет своего царствования он, отменив телесные наказания и повысив жалование, изменил к лучшему положение приходского священства. В заботе о подго-

---

[1] *Тальберг Н. Д.* Русская быль. М., 2006. С. 55.

[2] Там же. С. 52.

[3] Павел // Сайт «Церковь и государство». URL: http://historychurch.narod.ru/pavel.htm (дата обращения: 17.04.2013).

товке священнослужителей открыл целый ряд новых духовных училищ и семинарий. В 1797 г. именным указом Павел I переименовал центр духовного просвещения — Александро-Невский монастырь в Александро-Невскую Лавру, а Главную (Санкт-Петербургскую) семинарию в Александро-Невскую академию.

При Павле I в Россию были перенесены великие святыни христианского мира — Филермская икона Пресвятой Богородицы, написанная, по преданию, св. евангелистом Лукой, десница св. Иоанна Предтечи и часть Животворящего Креста Господня. Их Император получил в дар от австрийского монарха за покровительство Ордену Мальтийских рыцарей. К сожалению, святыни затерялись в бурях революции.

Будучи продолжателем дела Петра I, создавшего хирургическое училище и Адмиралтейский госпиталь, Павел I считается основателем легендарной, существующей поныне Санкт-Петербургской военно-медицинской академии. В 1798 г. Император подписал указ о строительстве помещений для учебных театров (аудиторий) врачебного училища. Но ее открытие состоялось в 1800 году.

Много еще можно перечислять добрых дел Императора Павла I, который стоял на защите интересов государства и Церкви, но не смог защитить самого себя от клеветы масонов, нашедших питательную среду для пропаганды своих идей в среде обиженного на Императора дворянства. Желая облегчить жизнь крестьянам, Павел I поубавил дворянской вольницы. Недовольством аристократических кругов воспользовались английские масоны, подталкивавшие Россию к войне с Наполеоном, зная, что Россия к войне тогда не была готова, о чем свидетельствует сокрушительное поражение союзных войск под Аустерлицем. С помощью этих сил набожный Император оказался оклеветанным в веках. Хотя на самом деле сын Екатерины Великой вел себя как рыцарь, защищающий территориальные и духовные границы Отечества.

Более сложная задача — спасение от неминуемой гибели Отечества — выпала на долю его наследника, «ангела кротости и милосердия» императора Александра I, который, как сначала казалось, пришел реформировать Россию, а оказалось, спасать и ее, и Европу от порабощения. Приняв царский венец, Император Александр, обещавший подражать «бабушкину веку», таковым подражателем не стал. Он стал руководителем нового, отчасти либерального типа, который не всем современникам оказался понятен. Император в молодые свои годы без колебаний намеревался реорганизовать все сферы жизни, консультировался со специалистами, сам учился в процессе реформ. Внешняя политика его также чужда была колебаниям. В начале своего царствования он говорил: «Я буду стараться следовать преимущественно национальной системе, то есть системе, основанной на пользе государства, а не пристрастию к той или иной державе»[1]. Год от года внешняя политика принимала все более определенное направление, ведущее к разрыву с Францией и сближению с Пруссией. И здесь Император тоже учился в процессе. Об этом свидетельствует первый опыт — жестокое поражение союзных войск под Аустерлицем. В 1812 г. разрыв отношений между Росси-

[1] *Цветков С. Э.* Александр I // Сайт «2012». URL: http://russianimperiya.ru/aleksander-pervij?start=36 (дата обращения: 17.04.2013).

ей и Францией оформился окончательно, и обе стороны стали готовиться к войне. Как отмечали современники, Александр I, в сущности, мало ценил то общество, которым управлял. В 1812 г. оно встало перед ним с такою силою, которая вызвала у него уважение и изумление и о которой он писал: «Нельзя не быть тронуту до слез, видя дух, оживляющий всех, усердие и готовность каждого содействовать общей пользе»[1]. С тех пор Александр повторял, что будет вести борьбу до конца, что, утратив армию, созовет «дорогое дворянство и добрых крестьян», отрастит бороду и будет питаться картофелем с последним из своих крестьян скорее, чем подпишет постыдный мир[2].

И точно, Император Александр не ограничился изгнанием неприятеля за пределы России, но принял на себя роль освободителя Европы, продолжая вести борьбу с Наполеоном вплоть до Парижа. Европа признала со стороны победителя, то есть русских войск, великодушие и деликатность в отношении побежденного врага. После войны совершился важный перелом в душевном настроении Императора, который говорил, что пожар Москвы осветил его душу и согрел его сердце верою, какой она раньше не ощущала. Раньше мало интересовавшийся Библией и не знавший ее, Александр Благословенный не расставался с нею и не скрывал своего нового настроения. Будучи убежден, что для народов и для царей слава и спасение только в Боге, и на себя он смотрел лишь как на орудие Промысла Божия, карающее зло в лице Наполеона. Глубокое смирение было естественным последствием этих взглядов. Так что кажется правдоподобным сказание о Феодоре Кузьмиче, дающее возможность представить Императора в другом измерении человеческого бытия, простирающемся и в наше время.

IV

Окончательно ушел в прошлое «золотой» екатерининский век с воцарением Николая I, монарха, рождением которого столь была обрадована Екатерина Великая, что сама на руках вынесла его на балкон и показала народу. Наступали новые времена, в которые враги России, приняв новое обличье, сохранили старые планы. С первых же часов своего царствования Николай I вынужден был вступить в противоборство с революционными силами, с либеральной «заразой», занесенной из освобожденных европейских стран. Трудно начавшись, это царствование трудно и продолжалось. Император, себя не щадя, не оставлял без своего внимания ни одно направление государственного, военного, духовного поприщ. Невозможно коротко сказать о всех его социальных преобразованиях, военных успехах и неудачах, о череде народных восстаний, которые ему пришлось осмысливать и усмирять. Но обобщить особенности царского служения этого человека можно такими словами. «Всего 59 лет удалось прожить Государю. Примечательно, что русские Государи, в особенности выдающиеся или царствовавшие в трудное время, долго не жили. 44-х лет преставился великий стоятель за землю Русскую святой благоверный Великий князь Александр Невский. 39-ти лет скончался Великий князь Дмитрий Донской, 49-ти —

[1] *Цветков С. Э.* Александр I // Сайт «2012». URL: http://russianimperiya.ru/aleksander-pervij?start=36 (дата обращения: 17.04.2013).

[2] Там же.

Царь Михаил Федорович и 47-ми лет — Алексей Михайлович. Император Петр Великий умер, имея 53 года. Самодержавные монархи сами несут всю ответственность за судьбы своих государств. В непрестанном напряжении пребывает их совестливая душа. В особенности свойственно это русским православным царям. Огромная умственная работа с затратой физических сил ослабляет организм»[1]. Трудно усомниться относительно «совестливой души», когда читаешь такие воспоминания о Николае Павловиче. Вот как вспоминает князь Имеретинский о прощании Государя с полком: «На лице его светлела улыбка, стесненная перемогавшейся грусти. Когда Император начал говорить, видно было, что избыток чувств пошатнул даже эту богатырскую натуру, и слезы чуть не прервали речи. “Смотрите, молодцы, служите у меня по-преображенски, если дойдет до дела — слышите ли вы? — то мне вам больше ничего не нужно говорить, как одни слова: помните, что вы преображенцы. Господь с вами!”»[2].

И сегодня имя венценосца для нас живо, воплощенное в русских, ставших родными каждому русскому человеку, духовных доминантах — Исаакиевском соборе, который пестовал Государь, и гении Пушкина, которому Царь покровительствовал.

Александр II — тоже Царь-освободитель. Больше всего он прославился в деле обновления России. Родившийся в праздник Светлого Христова Воскресения, казалось, он облечен миссией особой. Это предчувствовал и его отец, Николай I, который стал приучать наследника к государственным делам с юного возраста. Вместе с отцом юный наследник часто присутствовал на заседаниях в Сенате и в Синоде, много путешествовал по России, мечтал об облегчении положения каторжников. Смолоду цесаревич посвящал свое время трудам государственным, исполняя разные поручения своего Августейшего родителя. Он был готов к царствованию, когда взошел на престол, получив в наследство неоконченную Крымскую войну. В манифесте на окончание этой войны заключалась программа будущего царствования Александра II: «При помощи Небесного промысла, всегда благодеющаго России, да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуют в судах ея; да развивается повсюду и новою силою стремление к просвещению и всякой полезной деятельности, и каждый, под сенью законов, для всех равно справедливых, всем равно покровительствующих, да наслаждается в мире плодом трудов невинных»[3].

Предшественники Александра II чувствовали все зло крепостного права и стремились к его постепенному уничтожению. Но слава полного освобождения крестьян от крепостной зависимости всецело принадлежит Александру II. Он сам дал свободу крестьянам России — не при нем она была дана, но им. 22 миллиона русских крестьян освобождены были от тяготевшей над ними в течение трех столетий крепостной зависимости только по царскому слову, за что Царь получил наименование Царя-Освободителя. Это было первым шагом в деле обновления России, которое в дальнейшем происходило в следующих направлениях:

---

[1] *Тальберг Н. Д.* Русская быль. С. 290.

[2] *Тарасов Б. Н.* Николай I и его время // Сайт «Русская государственность». URL: http://gosudarstvo.voskres.ru/tarasov/nic4.htm (дата обращения: 17.04.2013).

[3] Александр II // Сайт «Русский биографический словарь». URL: http://www.rulex.ru/01010229.htm (дата обращения: 17.04.2013).

1) преобразование всей судебной части;

2) преобразование городской и земской полиции;

3) порядок составления, рассмотрения, утверждения и исполнения государственного бюджета;

4) преобразования в системе народного образования.

Царем была введена всесословная воинская повинность.

Самым важным событием во внешней политике была русско-турецкая война и знаменитые победы, последовавшие за не менее знаменитыми неудачами, показавшими великий героический дух русской армии, которая лишь 10 верст не дошла до стен Царьграда. Интересный факт, показывающий личные качества Императора: в начале самой войны Император прибыл в Болгарию и все время оставался среди действующей Дунайской армии, разделяя с нею все невзгоды и лишения военно-походной жизни. «Я буду братом милосердия», — говорил Царь-Освободитель, отправляясь на войну[1]. И точно, предоставляя другим всю военную славу побед над неприятелем, Государь сосредоточил все свое внимание на больных, раненых воинах, для которых являлся даже не братом, а отцом милосердия.

И непонятными для него, но явно ощутимыми, были настроения, зреющие в части русского общества, связанные с революционными намерениями и принявшие террористический характер. Царь-мученик, предваряя страшную участь своего внука и всей России, погиб по замыслу внешних, враждебных России сил. Символично, накануне необратимых революционных потрясений, обагрил землю Русскую невинной царской кровью Царь-Освободитель, воплощенная доброта, любовь, милосердие, Император, выше всех современников державший знамя человечности и совершивший немало подвигов под этим знаменем.

Александр III вступил на престол 36-ти лет. Воспитанный профессорами Победоносцевым и Чивилевым, преподавателями Московского и Санкт-Петербургского университетов, он отличался тихим нравом, простотою, прямодушием и добросовестностью в занятиях и делах. Будучи наследником престола, он принимал участие в боевых действиях, командовал Рущукским отрядом, прикрывая левое крыло нашей армии от турецких войск Мегмета-Али. Твердостью воли и любовью к строгому порядку наследник напоминал своего деда Николая I и отличался приверженностью ко всему русскому. В наследство ему достался проект Конституции, одобренный Александром II. Император хотел исполнить волю отца, но природная осмотрительность его остановила, так как он осознавал первостепенное значение для России именно идеи монархии. В самом начале царствования он произнес следующие слова: «Глас Божий повелевает нам стать бодро на дело правления в уповании на Божественный Промысел, с верою в силу и истинность самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений»[2]. Внешняя политика Императора была вполне миролюбивой. Он посвятил себя, прежде всего, делам внутреннего государственного развития. Особенных успехов добился на поприще народного образования, к делу которого при-

---

[1] Александр II // Сайт «Русский биографический словарь». URL: http://www.rulex.ru/01010229.htm (дата обращения: 17.04.2013).

[2] Манифест 29 апреля // Сайт «История в историях». URL: http://wordweb.ru/portrety3/05_11.htm (дата обращения: 17.04.2013).

влек духовных учителей. Император ставил одной из приоритетных задач заселение пустующих российских земель. В его царствование переехало в Сибирь до 400 тыс. человек, в Среднюю Азию — до 60 тыс. человек. Вел войны за интересы России, которые были непосредственно связаны с консервативными интересами Европы.

При Императоре Александре III, с русским обликом которого созвучны были чисто русские душа и сердце его, впервые по всей России прозвучали слова «Россия для русских». Глубоко религиозный, проникнутый идеей чести, права и правды, он был идеалом гражданина, супруга, отца. Избежавший смерти во время крушения поезда, но погибший от неожиданной неизлечимой болезни, всего 13 лет процарствовал Царь-Миротворец.

Имя Николая II стало символом всего царствования Дома Романовых не только потому, что он был последним русским Царем, а потому что своей жизнью он выразил истинную идею монархии. Служение православному Отечеству «верой и правдой» было не пустыми словами. Помазанник Божий, православный Царь брал обет, как монах, на всю жизнь. Самодержавием Московское княжество превратилось в величайшую Империю. Самодержец стоял на защите народа своего и Русской Православной Церкви, заботился о том, чтобы Церковь могла совершать святое дело спасения человеческих душ, сам служил примером в деле духовного оздоровления общества. Поэтому покусившиеся на Россию враги с XIX в. начали расшатывать основы православной монархии и в XX в. добились своего. Без «Удерживающего» не могли в прежнем виде существовать ни Русская Православная Церковь, ни русский народ, ни русские территории. Николай II сознательно принял мученическую смерть во искупление будущего России, которое для нас стало настоящим.

Часто можно услышать обвинения в адрес Царя, что он ничего не предпринимал по защите монархии, не находил общего языка с передовыми министрами. А он и не мог по своей природе и не должен был по своему предназначению это делать. Очень точно подметил особенности мироощущения Николая II его приближенный, генерал В. Н. Воейков. «Спорить было противно самой природе Царя. Не следует упускать из виду, что он воспринял от отца, которого почитал и которому старался подражать даже в житейских мелочах, незыблемую веру в судьбоносность своей власти. Его призвание исходило от Бога. Он ответствовал за свои действия только перед совестью и Всевышним. Императрица поддерживала в нем всеми силами эти взгляды. Царь отвечал перед совестью и руководился интуициею, инстинктом, тем непонятным, которое ныне зовут подсознанием (и о котором не имели понятия в XVI в., когда московские цари ковали свое самодержавие). Он склонялся лишь перед стихийным, иррациональным, а иногда и противным разуму, перед невесомым, перед своим все возрастающим мистицизмом. Министры же основывались на одних доводах рассудка. Их заключения взывали к разуму. Они говорили о цифрах, процентах, сметах, исчислениях, докладах с мест, примерах других стран и т. д. Царь и не делал, и не мог оспаривать таких оснований. Он предпочитал увольнять в отставку лиц, переставших преследовать с ним одну цель. Впрочем, Царь, как многие другие русские, считал, что судьбы не обойдешь»[1].

[1] *Николай II, имп.* Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 234.

Слава Богу, сегодня из забвения восстали многие факты жизни святого Царя-Страстотерпца и ужасающие преступления его гонителей. Русские люди начинают правильно оценивать историю своей родины. Твердою опорой и почвою для национального сознания и самопознания всегда служит национальная история. В царские времена известный историк И. Е. Забелин обращал внимание на исторические принципы древних греков и римлян, которые умели изображать в своей истории лучших ее деятелей не только в исторической, но и в поэтической правде. Они умели отличать в заслугах героев не только реальную, так называемую полезную сущность, но и сущность идеальную, то есть историческую идею исполнения долга и подвига, что возвышало характер героя до идеала. Сегодня, когда «полезная сущность» многих исторических фактов исследована и разложена чуть ли не на атомы, мы чувствуем, насколько нам для правильного понимания истории не хватает «поэтической правды», идеальной составляющей. Судьбы и деяния царей из рода Романовых невозможно оценить только в реальных, видимых сущностях. Именно видение только видимого позволяет нам отрицать и обличать сегодня свою историю. Созерцание же идеальных основ исторических событий обеспечивает проникновение в те глубины, где находятся общечеловеческие идеи и идеалы, которыми руководствовались в своих поступках светлые и высоконравственные созидатели жизни. Для русского человека исторические сведения всегда служили уроками не только высокой нравственности, морали, но и пополняли знания о своей стране. Юбилей Дома Романовых дает нам сегодня возможность лучше узнать историю России, неотделимую от церковно-православного сознания. Этот юбилей должен поспособствовать идеологическому перелому в осмыслении истории нашего великого Отечества, осознанию значимости Божиего Промысла. История Дома Романовых дает много свидетельств тому, что народ и страна преображаются, получают новые силы в восстановлении нарушенной гармонии путем исполнении Божиих заповедей и предначертаний.



ПРОЗА



Дмитрий РОГОЗИН

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ

Из повести «БАРОН ЖОЛТОК»[1]

Дмитрий Олегович Рогозин — родился в 1963 г. в Москве. В 1986 году окончил международное отделение факультета журналистики МГУ В 1993 г. создал и возглавил движение «Конгресс русских общин». В последующие годы активно занимался защитой прав соотечественников в Прибалтике, Югославии, странах СНГ. Неоднократно избирался депутатом, был заместителем председателя Госдумы, руководителем фракции и партии «Родина». Добился беспрецедентных уступок со стороны ЕС. В 2008 году Указом Президента был назначен на пост постоянного представителя России в НАТО. Заместитель председателя Правительства России. Доктор философских наук. **Живет в Москве.**

— Подними меня повыше и подложи под спину подушку, да, эту, все, спасибо, — отец поморщился от боли, но тут же улыбнулся, показывая свое расположение к продолжению разговора. Он поджал здоровую ногу и подтянул одеяло, чтобы было удобно просматривать фотокопии привезенных мной документов: — Как ты вышел на Николая Антоновича, просто расскажи технологию. Я, честно говоря, крайне удивлен. Где ты все это достал? Смотри, здесь документы из Смоленского архива, Могилевского. Варшавский архив… Удивительно, как они все не сгорели и не потерялись после стольких войн. Я ж был в Смоленске в 1943-м, тебе рассказывал. Города-то не было вовсе, все разбито, одни дымящиеся трубы. Наверное, все же удалось что-то вывезти до захвата города немцами.

— Пап, я нашел след твоего прадеда случайно. Как-то раз копался в Интернете, зашел в базу hronos, там про 3-е Жандармское отделение и Департамент полиции есть кое-какая информация и фотографии. Смотрю: в перечне ссылок значится: «Миткевич-Жолток Николай Антонович, Полицеймейстер Москвы, генерал-майор». Сказать, что я удивился, значит, ничего не сказать. Тут же вспомнил, что мне бабушка Наташа перед смертью сказала, будто дед ее был полицеймейстером. Я тогда подумал, что наша бабуля немного прифантазировала, ан нет, оказалось, правду говорила. Мол, даже ты не все должен был знать, иначе в сталинское время не смог поступить в военное училище.

— Нет, ну я знал, конечно, что мой дед Борис был дворянином, а

[1] Некоторые главы из повести публиковались по разрешению автора в нашем журнале в № 1 2011 г., в № 2 2012 и в № 2 2013.

после революции остался в России и помогал Красной армии готовить молодых летчиков. Он же тогда, в 1941-м, когда наш дом на Смоленке немцы разбомбили, отыскал нас и нагрянул к нам на дачу, где мы первую военную зиму надеялись пережить. Он нас забрал и отправил в Горный Алтай в эвакуацию. Мы там больше года провели. Нас он, в общем-то, спас. А в Москву уж весной 1943-го вернулись. Я оттуда на фронт в Смоленск и сбежал. Так что деда Бориса я помню. Высокий был, под два метра ростом.

— Ну а про своего отца он тебе что-то рассказывал?

— Нет. Не помню. Баба Лиза была с ним в разводе, она как-то намекала, что ее свекор возглавлял московскую полицию, да после будто осеклась и только отшучивалась. Ну, так расскажи, интересно ведь знать, кто у нас там в роду был.

— Я за эту информацию в Интернете ухватился, как за ниточку и потянул. Напряг пару своих знакомых депутатов, они по старой дружбе подписали запросы в различные московские архивы, ну а дальше оставалось только ждать. Примерно через месяц звонит помощник из Москвы и говорит, что получил первую порцию документов, да каких! Личное дело Полицеймейстера 4-го Отделения Московской полиции Николая Антоновича Миткевича-Жолтка 1866 года рождения. Вот смотри: «Кавалер орденов Святого Равноапостольного Князя Владимира 3 и 4 степеней, Святого Станислава 2 и 3 степеней, Святой Анны 2 и 3 степеней» — и это данные на начало 1915 года. «Из Могилевских дворян» — это зацепка, где дальше искать, — т. е. в белорусских архивах, прежде всего в Могилевском и Минском. Фамилия польская, значит, надо взбодрить и польских коллег. Тут же направляю запрос в Польскую миссию при НАТО. Плюс запрос в ГУВД Москвы с просьбой покопаться в столичных милицейских архивах, и в Центральный военно-исторический архив, где хранятся документы по Русской Императорской армии — вплоть до 1918 года. Затем в Красногорский центральный военный архив — это уже по делу его сына и твоего деда — Бориса Николаевича Миткевича-Жолтка, который, как ты говоришь, служил в РККА. Кстати, в личном деле Николая Антоновича значится, что «женат он первым браком на девице Екатерине Николаевне Сорокиной, дочери почетного потомственного гражданина Российской империи, дворянке Смоленской губернии», а детей у них было трое. Старший Борис 1890 года рождения — отец бабушки Наташи, мамы твоей. Потом в 1891 году родилась его сестра Вера. Дополнительно от руки вписан еще один ребенок — Михаил 1900 года рождения. Все — «вероисповедания православного». Но, знаешь, я даже узнал, где они жили!

— Где? В Кремле? — отец, наконец, улыбнулся.

— Нет, не в Кремле, а в Замоскворечье. Там же в Интернете нашел «Алфавитный указатель адресовъ жителей г. Москвы и ея пригородовъ». Большого труда не составило разыскать адрес Миткевич-Жолток Екатерины Николаевны, жены генерал-майора и ее сына Михаила — Ремизовский, 4. Есть даже телефон 108-51. Кстати, вторую часть фамилии все время путают, пишут то Жолток, то Желток…

— Ремизовский — это где? Это старое название?

— Старое. Теперь это 1-й Люсиновский, рядом с метро «Добрынинская». Знаешь, у Николая Антоновича биография до боли напоминает историю Эраста Петровича Фандорина — героя романов писателя Бориса Аку-

нина. Сначала военная карьера: пехотное училище, служба в Бобруйской крепости, учеба в столичной престижной Военно-юридической академии, Русско-японская война, где он — военный прокурор в Манчжурии, демобилизация и работа в Москве — в Генерал-губернаторстве. В 1908 году «числящийся по армейской пехоте» штаб-офицер по особым поручениям при Московском Градоначальнике возвращается на действительную службу, но уже жандармскую, и назначается в особо тревожное время Полицеймейстером Москвы. Забавно.

— Он так и служил в жандармерии вплоть до революции?

— Нет. Я так понял, что после немецких погромов в Москве в мае 1915 года все причастные и деепричастные должностные лица Москвы уходят в отставку. Тут же еще фактор времени сказался — первая империалистическая, поражение русских армий на фронтах, активизация профессиональных революционеров… Поэтому Царь снес всю верхушку московского начальства, и Дед, давай называть его так, ушел на фронт…

— Между нами говоря, я про эти погромы в Москве во время Первой мировой войны ничего не слышал. Это что, немцев били или всех, как обычно?

— Представь себе, били немцев, эльзасских немцев, бежавших в Россию. Многие из них были подданными союзной нам на тот момент Франции. Потом начали бить тех, у кого немецкая фамилия, хотя и обрусел он лет сто назад. Затем досталось всем, у кого схожая фамилия, шведская, например. Кстати, евреев не трогали. Был любопытный эпизод во время этих погромов. Разгромили дачу у еврея барона Гинцбурга, и то только потому, что толпа просто не поверила, что баронский титул мог быть присвоен еврею. В остальных случаях погромщики сначала желали убедиться, что та или иная аптека или магазин принадлежат еврею, а не немцу, и только тогда проходили мимо. Редкая толерантность.

Отец улыбнулся.

— Да уж. Я-то только про еврейские погромы слышал, а тут, оказывается, своя специализация присутствовала. Вообще все это странно. Ведь немцев-то среди дворянства, я про Царскую Семью и не говорю, много было…

— А я и не исключаю, что погромы инспирировались антимонархическими силами. Никогда не верил в набор случайных чисел в истории. Марксисты всегда вынужденно признавали роль личности в истории, хотя для них механический взгляд на движение масс был более естественен. Но личность-то ведет себя порой иррационально. Вот ты, разве не совершал действий в отношении кого-то, хотя тебе это было совершенно невыгодно, но повинуясь симпатии или антипатии, ты делал что-то, о чем потом приходилось жалеть? В сердцах, например, кого-то обидел, да так, что потом и не исправить?

— Бывало…

— И у меня бывало. Если ты человек простой, обычный обыватель, от твоих добродетелей или человеческих ошибок — ни холодно, ни жарко. Но если ты наделен недюжинной властью, то последствия твоих капризов, несдержанности, сиюминутных влечений и порывов и прочая — колоссальны. Они будут иметь прямое отношение к зигзагам истории, если ты, конечно, личность исторического масштаба.

— Слушай, ты, историческая личность, поправь мне подушку, а эту подложи под левую ногу, затекла она страшно.

— Ты устал? Может, прервемся?

— Да нет, интересно. Рассказывай. Не телевизор же мне смотреть.

— Короче говоря, в погромах были заинтересованы сторонники ослабления власти Романовых — раз! Сторонники продолжения войны — два!..

— Ты имеешь в виду идею сепаратного мира с Германией и вывода России из войны?

— Естественно! На кой лях России была нужна эта война? Разрушили страну, ничего не добились, только усилили Америку да позволили Франции и Англии подраконить Германию, что, в конечном счете, привело к власти Гитлера со всеми для нас вытекающими последствиями. Я уж про падение Империи и Монархии, революцию, Ленина, Гражданскую войну — и не говорю. Не было бы их вовсе, если бы не было этой катастрофической для России войны! Да и немцы-то с нами воевать не хотели. Вильгельм приходился Царю кузеном. Ты читал их переписку накануне войны? Я тебе потом дам почитать. Николай даже орденом своего брата-кайзера наградил, да еще каким — Святого апостола Андрея Первозванного! Его кавалерами могли быть одновременно лишь 12 россиян да столько же иностранцев.

— А что было в той переписке?

— Сначала обсуждали важные стратегические вопросы. Вильгельм поначалу действовал осторожно, не выходя за рамки прусской политической традиции. Князь Бисмарк оставил для него неплохое наследство и присматривал за молодым кайзером какое-то время. Лет пять тому назад я еще раз перечитал воспоминания этого «железного канцлера» — умница, конечно, он большая. Не понимаю, почему современные немцы его памяти так мало внимания уделяют? Ведь именно он объединил германскую нацию и, по сути, создал современное немецкое государство. Знаешь, ох и остер на словцо был этот Бисмарк. Балканские народы называл он крайне пренебрежительно — «конокрадами», да и по нашему канцлеру Горчакову проходился весьма нелестно, считая его, выражаясь современным языком, «пустым пиарщиком». Зато о России в целом говорил с уважением. Часто обращал внимание на «ограниченность ее потребностей», потому, наверное, не видел с нашей стороны угрозы для возводимой им немецкой государственности. Как тебе такое его высказывание: «Не надейтесь, что единожды воспользовавшись слабостью России, вы будете получать дивиденды вечно»?

Отец перевернулся на бок и позвал маму.

— Томочка, Тамара! Поставь чайник!

Мать послушно загрохотала какой-то посудиной, затем вошла в палату, подошла и поцеловала меня в макушку. Потом взяла с тумбочки литровую пластиковую бутылку питьевой воды и тихо вышла в холльчик.

— Слова не друга. Может, даже и врага, но умного врага. Такого, который и не сунется к нам, хотя бы даже и хотел, — отец снова вернулся к беседе. — Знаешь, сын, меня вообще немцы четкостью мысли всегда радовали. Может, у них сам язык так устроен, что все в голове по порядку. «Орднунг», понимаешь, и все тут. В последней моей книге «Стратегия сдерживания» я Карла фон Клаузевица цитировал, да так, что жалко было кавычки в конце ставить — настолько хорош слог, мысль четкая, глубокая и понятная… Извини, я, кажется, тебя перебил.

— Ничего. Так вот, Вильгельма все же от такой власти понесло. Старика Бисмарка он от дел отстранил, править стал единолично. С русским Царем сначала пытался сблизиться. Пригласил Николая к себе. Тот с помпой приехал в Берлин на свадьбу дочери кайзера. Был там и английский король Георг V. Знаешь, они были двоюродными братьями с Николаем II, но на фото они — как родные братья-близнецы. Кстати, ты, должно быть, помнишь, недавно показывали приезд в Россию принца Майкла Кентского, так он тоже как две капли воды похож на последнего русского Царя. Так вот, кайзер Вильгельм и Николай II переписывались вплоть до начала войны между Россией и Германией. Лишь в последние две недели перед ее объявлением кузены обменялись одиннадцатью посланиями, призывая друг друга «к нашей старой дружбе»

— Все это трагично и очень странно. Понятно, что войны нужно и можно было избежать. Так, как ты рассказываешь, получается, что она началась вопреки близким родственным отношениям монархов и несмотря на полное отсутствие непреодолимых разногласий между государствами и народами. Вот я тебе это много раз пытался объяснить, что иногда «союзническая солидарность» и излишние обязательства по отношению к кому-то могут втянуть страну в катастрофическую авантюру.

Ну что, Германии обязательно нужно было выступать в тандеме с Австро-Венгрией? Та запуталась в своих отношениях с югославами и сделала Германию заложницей своих игр. То же и мы учудили. Влезли в союзничество с Францией и, что самое смешное, с Англией, которая нас всегда в гробу видала и рассматривала как своего вечного врага, а потом, «исходя из добровольно взятых на себя обязательств», вошли в войну с тем, с кем логично нам было бы выстраивать постоянный континентальный оборонительный союз. Я Германию имею в виду. Вон, после двух войн с немцами и они, и мы до сих пор кровью харкаем. А ведь кто погибал на войне? Самые молодые, смелые, цвет нации. С нашего двора все старшие мои друзья на войну ушли, и никто, заметь, никто не вернулся. Вот тогда мы — малышня, сразу и повзрослели.

— Пап, ты обрати внимание, как часто встречались прусские, померанские и прочие германские отпрыски среди русского офицерства. В Русской Императорской армии до Первой мировой войны каждый пятый генерал был этническим немцем. В Гвардии треть командирских должностей занимали выходцы из знатных немецких родов. Даже в Свите Царя треть — немцы. Более 300 тысяч русских немцев сражалось в рядах нашей армии, причем, заметь, против кого! Против армий Германии и Австро-Венгрии! Между прочим, предателей, перебежчиков среди них не было. Многие русские офицеры родом из прибалтийских немцев превосходно знали свой родной язык, изъяснялись на нем без иностранного акцента. Могу себе представить, что об этом думали кайзеровские контрразведчики!

— Ну, а чего ты хочешь? Их верность России определялась офицерской честью и присягой. Но я не думаю, что они были в восторге от войны со своей исторической родиной. Эти люди должны были что-то чувствовать. Как минимум моральный дискомфорт! Ну, а как иначе? Возможно, то, что ты рассказываешь про организацию немецких погромов, как раз и было направлено на затягивание войны, с одной стороны. Ведь как после этого Берлин мог согласиться на сепаратный мир, даже если бы Царь его

и предложил? «Смотрите, немцев убивают в Москве, по всей России!» Какой к черту мир? Погромы сожгли мосты для выхода страны из войны, а, значит, объективно они были направлены на наше поражение в этой войне. С другой стороны, смотри, русские немцы на фронтах не могли не быть в курсе того насилия, которым подверглась их родня в Москве. Это должно было поколебать их веру в Россию, толкнуть их к нелояльности, тем самым также способствовать поражению Державы. Нет. Тот, кто стоял за погромами, действовал по принципу «чем хуже, тем лучше». Вот тебе, пожалуйста, классический пример, как враги России способны использовать шовинизм в своих целях. В национальном вопросе надо быть сверхаккуратным, это и тебе, сын, хороший урок. Знаешь, я немного устал. Хочу полежать один. Езжайте домой и заберите все продукты, что принесли. Поверь, нам с мамой ничего этого не надо — все есть! Холодильник забит так, что мама его даже закрыть не может. Да, Томочка?

— Да, Алик! — мама показалась в дверном проеме. Она улыбалась. Мать всегда радовалась моим с отцом беседам. Это давало ему сил, возбуждало его недюжинный интеллект, который толкал сердце вопреки смертельной болезни. «Пойдем, сына, я провожу тебя до лифта!» Я поцеловал отца, встал, накинул «аляску». Навстречу мне в палату вошла медсестра. Толкая перед собой стойку для капельницы, она деловито подошла к отцу: «Ну, Олег Константинович, пора принимать лекарства!» Батя махнул мне рукой на прощание, мол, «иди-иди, не стой в дверях».

Вышла книга

Ефимовская В. В.
Золотой запас. Стихи, поэмы. — СПб.: Родная Ладога. 2012. — 128 с.



В книге стихов Валентины Ефимовской «Золотой запас» проводится поэтическо-философское исследование превосходства духовных, небесных смыслов человеческого бытия над его зримыми, земными составляющими.



Валентин ОСИПОВ

ПАТРИАРХ АЛЕКСИЙ II: ВНИМАНИЕ, ЗАБОТЫ, ПООЩРЕНИЯ…

Из воспоминаний издателя

Валентин Осипович Осипов, прозаик, эссеист, журналист. Родился в 1932 г. в Москве. Окончил исторический факультет Казахстанского гос. университета. Автор многих книг мемуаристики и воспоминаний. Был гл. ред. издательства «Молодая гвардия», директором издательства «Художественная литература» и др. Был в числе учредителей Всесоюзного Пушкинского общества, Всероссийского Шолоховского комитета и др. Член Союза журналистов России, член Союза писателей России, лауреат Всероссийской Шолоховской премии, лауреат Большой литературной премии России. В настоящее время — ответственный секретарь Шолоховской энциклопедии. Награжден многими орденами и медалями. **Живет в Москве.**

Вдруг и мои записки в память почившего Патриарха будут полезны, ибо идут от светского деятеля культуры, от издателя.

Евангелие в особом издании

Алексий II оказался причастным к первому в истории православного книгоиздания живописно-печатному Евангелию кисти палешан.

То-то же он вызвался самолично провести общественно-церковную презентацию этой Книги в «своем» Свято-Даниловом монастыре (1995) и сопроводил это высокими наградами создателям. Выделю необычное — как бы говоря, внеземное соучастие Патриарха в прославлении этой Книги: благословил по просьбе ТВ решение художников и издателей разместить ее в космическом корабле — вот же, каков символ! — и сделал это уже утром, в час запуска. Он и потом, как знаю, радовался и тому, что труды праведные подопечного ему коллектива были удостоены Государственной премии, что было немало восхищенных откликов в прессе.

Так с соучастием Патриарха мир познал, что Россия снова свято почитает Главную Книгу христиан.

С чего же начиналось? Не сразу и поверишь, что этому превеликому моему издательскому счастью-свершению суждено было зародиться благодаря — истинно так, благодаря! — комсомолу еще в 1960-е годы. Я, тогда главный редактор «Молодой гвардии», был послан по разнарядке ЦК ВЛКСМ на областную комсомольскую конференцию в Иваново. Тут-то «товарища из Москвы» знакомят с делегатом из Палеха: «Борис Кукулиев. Лауреат областной комсомольской премии». Он показывает репродукцию одной своей работы. Забираю ее, чтобы включить в сборник молодых авторов.

И пошло, пошло знакомство, переходящее в дружбу издателя и художника. Вот и вышло, что Борис и его супруга с дивным именем Калерия из семьи сооснователей знаменитой артели палешан, стали иллюстрировать то в «Молодой гвардии», то в «Художественной литературе» (где я потом директорствовал) подарочные издания. Книга о Юрии Гагарине — и космонавт явился для зрителей в новом обличье: сказочным русским витязем. Потом «Руслан и Людмила» Пушкина в палешском многокрасочье. И еще, еще…

Ничуть не зазря рассказываю обо всем этом. Советская культура — я о лучших ее традициях — не пришла из ничего и не ушла в ничто.

Как-то я порекомендовал министру культуры России и своему другу-приятелю, Юрию Серафимовичу Мелентьеву, познакомиться с молодыми художниками Палеха. Были сборы не долги.

И тут-то, в начале 1990-х, родилась у Мелентьева неожиданная даже для меня мысль: надо, сказал он, *настроить* наших палешан браться иллюстрировать Евангелие. Как мы узнали, это Святейший исполнил себя намерениями налаживать православное просветительство, в том числе с помощью книг от светских издателей.

Настроили. Борис Кукулиев создал для этого целый коллектив, пригласил даже даровитых сына и зятя. Три с лишним года они творили свои всего-то 90 пластин. Меня это крепко дивило: не стали писать по картону, чтобы упростить хотя бы технику творчества, не отказались от вековечной традиции — от пластин.

Художникам пришлось — ни мало ни много! — вступить в творческое соревнование со своими великими предшественниками, числом многими в долгих столетиях. Им, Кукулиевым, выросшим на канонах сугубо светско-советской миниатюры, выпало невероятное. С одной стороны, надо было помнить и то, как малы возможности сочинять сюжеты для Евангелия, они заканонизированы. Сдерживало и превелико строгое от церкви отношение к самим по себе возможностям иллюстрировать Главную Книгу христиан. С другой стороны, им надо было искать свое — свое! — решение, да приметы все-таки нового времени, не копировать предшественников.

Сколько душевных терзаний, если надо решаться дерзать: что-то отвергать в сомнениях, что-то утверждать в творческих поисках. Хорошо, что мы догадались упросить стать консультантами многознающих митрополитов Ювеналия и Питирима, а также поверивших палешанам епископа Арсения и отца Герасима (Иванова).

Вдруг приходит извещение — нам трудно было сдержать радость: Патриарх пожелал выехать в Палех, чтобы самолично посмотреть на труды пока еще незнакомых ему творцов.

Что скрывать: волновались — каким быть приговору. Воодушевляющим стал итог общений художников со Святейшим. Однако же благословение не означало для них скоропалительного одобрения: благоволительный приговор был — выделю! — не окончательным. Художникам и издателям дан был разумный совет выставить работы для всеобщего обозрения-обсуждения. Для этого нам на две недели было отдано одно из выставочных помещений Ново-Девичьего монастыря.

Вышло издание — глаз не отвести!

И тогда Святейший осчастливил наше издательство согласием провести представление-презентацию. Поучительно провел. Сперва пригласил почти

на час в свои рабочие апартаменты всех, кто готовил книгу: и художников, и тех издательских работников, кто сотворчествовал, и директора типографии. Всех поблагодарил: словом и наградами — ордена, медали, грамоты. Не только чествовал. Стал в раздумчивой беседе воодушевлять на новые свершения: браться за иллюстрирование Старого Завета. Сказал: «Если появится, то не только православный мир убедится, что Россия чтит Библию. Это и для всех народов Ближнего Востока будет интересно».

Потом — огромный зал: гости, даже мэр Москвы, и журналисты. Святейший произнес речь. И я обнародую для увековечения среди истинных книгочеев его отношение к делам и помыслам художников и издателей:

«Хорошая книга была и остается высочайшим источником мудрости. Она — кладезь опыта уже прошедших по земле поколений, обращение к ныне живущим и, в то же время, зовет к грядущему. Более пяти лет шестеро художников из широко известного села Палех вкупе с московскими издателями и полиграфистами трудились над созданием этой прекрасной книги "Евангелие в красках Палеха". Углубленное постижение важнейших текстов Священного Писания, погружение в глубочайший мир благовествований об Иисусе Христе, верность художественным традициям знаменитых иконописцев, дедов и прадедов нынешних художников, — помогли им создать книгу, которой суждена долгая и достойная жизнь в духовном арсенале нашего отечества. Своеобразие и цельность художественного решения, издательская и полиграфическая культура делают эту книгу событием в духовной жизни России и всего христианского мира».

Когда все, кому надо было, выступили — мне тоже честь, пригласил на трапезу. Запомнилось: обошел с бокалом светлого вина всех и каждому высказал что-то благодарственное.

Воодушевления и огорчения

После первой встречи со Святейшим уж как окрепло желание собирать-записывать то, что высказывал он для нас, деятелей культуры. Кое-что из этого свода захотелось внести в воспоминания, чтобы поощрить читателя на соответственные размышления.

…Он возвеличивал то главное, что и должно быть главным у народа: «Так сложилось исторически, что русский человек способен по-настоящему жить только в полном напряжении духовных сил».

На сердце удовлетворенно ложилось, что Святейший не разъединял, а воссоединял духовное прошлое, превращая его в наследие для современного поколения сограждан. Например, такие запомнились речения:

— Россия нужна человечеству не только сама собой, но и всему миру, как Россия Феофана Грека, Андрея Рублева, Пушкина, Достоевского, преподобного Сергия Радонежского и Серафима Саровского.

— Величественная в своем достоинстве, тонкая по своему изяществу и одухотворенная по своему содержанию культура России, ее великая иконопись, великая живопись, великая литература и великая религиозная мысль.

— Преподобный Сергий обладал наиболее привлекательными чертами русского национального характера. Он говорил на языке Московской Руси XIV века, и собеседниками его были образованнейшие люди того времени — святители Алексий и Киприан. Священный язык молитвы и язык жи-

вого общения с народом, запечатленный в житии Преподобного Епифанием Премудрым, передает ту атмосферу филологической культуры Московской Руси, к которой Преподобный Сергий как духовный вождь своей эпохи и своего народа был глубоко и всесторонне причастен.

— Интерес к своему прошлому характерен для народа, стоящего перед историческим выбором.

— Наши храмы, наши иконы, наши песнопения напоминают человеку о начальной красоте и светоносности… призывают нас к поиску и возрождению внутренней духовной красоты.

Святейший, однако, проявлял себя не только призывами, которые я изложил. Он беспокоил душу всенародными тревогами — вел речь о национальном достоинстве:

— Кровавым культом насилия, жестокости, предательства, разврата пропитывается вся наша жизнь. Понятия долга, чести, стыда, совести, целомудрия в поругании и уничижении. Размывается православное сознание и мирочувствование. Пропагандируется жизнь по страстям, всячески преуменьшается ответственность за пороки, кратко сказать, идет непримиримая борьба между Царством Божиим и царством дьявола.

Воодушевлял, что Церковь в заботе о стране не уйдет лишь в тихие молитвы:

— Русская Православная Церковь была и останется силой, способствующей становлению национального духа России, созидающей ее духовную культуру, заботящейся о ее единстве и целостности как национально-государственного организма. Любовь к Родине — патриотизм — изначально благословляется Церковью.

В 2002-м Патриарх высказал то, чем явно многие были озабочены: «Беспокоит стремительное расползание очагов напряженности по лицу Земли. На мой взгляд, в основе названных тревожных явлений лежит определенное стремление к навязыванию миру культурной и мировоззренческой унификации. Навязывание “универсальной формулы счастья” всем народам без учета их культурного, этнического, религиозного и политического своеобразия будет иметь разрушительные последствия».

Думалось мне: можно быть атеистом, можно быть иноверцем и принадлежать иной конфессии, но ведь не обойти беспокойств этого российского Патриарха и его забот о народном благополучии. Не скрою: я недоумевал — большинство журналистов редко когда замечали его такие речи и проповеди. Вот тебе и информированное, гласное и открытое общество!

Не раз возникало вопрошание: откуда все это у Патриарха: и философская широта, и познание истории, и начитанность художественной литературой. Однажды мне рассказали в Патриархии и там подсказали ответ: «В 1984 году Владыке Алексию присвоили звание доктора богословия. Он автор более 500 публикаций в России и за рубежом при разнообразии тем. И богословские, и церковно-исторические, и миротворческие, и нравственно-этические».

Приметил: в его трудах подчас присутствует даже то, что, как бы это выразились светские толкователи, является изюминками занимательного просветительства. Например, именно из его уст я впервые воспринял такое толкование: «Греческое слово “ортодоксия” означает и “правильное велича-

ние", и "правильное учение", то есть можно перевести на русский язык не только "Православие", но и как "Правоверие"».

Небывалое издание — дар двух президентов

В самом начале января того особого года, который поименовывался как год наступившего 2000-летия от Рождества Христова, в моей жизни случилось особое событие. Патриарху вручается благотворительный тираж необычного издания — «Жизнь Иисуса Христа». Авторы — уже помянутый коллектив палешан.

Начало было положено моим письмом Патриарху двумя годами раньше. Не буду скрывать: не очень-то верил, что вновь получим его поддержку. Знал, что наша Церковь по-доброму консервативна на всякие поспешности-новации, в книгоиздании тоже. И в самом деле, необычна идея: задуман складень-полиптих. Знали, что такого издания еще не было.

Вскоре, однако, ответ: «Патриарх Московский и всея Руси благословил идею и призвал к воплощению…»

Значит, можно начинать работать — есть Высочайшее доверие!

С чего начинать? Протоиерей Владимир Силовьев, председатель искусствоведческой комиссии при Епархиальном совете Москвы, наитрудное дело взял на себя — составить свод таких извлечений из Евангелия, которые бы стали сюжетами для иллюстрирования. Потом ему выпала нелегкая доля консультировать художников. Преинтересное совпадение-сочетание событий — вскоре по выходе этой нашей с ним книги он становится Председателем Издательского совета Издательства Московской Патриархии.

И вот наступило время воплощения — утверждены пластины в прославленном палешском стиле, потом славно поработали издательство и типография — и готов тираж. Усложненная конструкция — под общим переплетом две книжки с самостоятельными переплетами: в одной многокрасочные иллюстрации, во второй — извлечения из Евангелия. Миниатюрный размер — с ладошку. Узорчатые рамочки по каждой странице и красочный форзац. Золотое тиснение. Футляр с окошечком-высечкой для Лика Христова. Комментарий на 4-х иностранных языках. Послесловие, в котором рассказ о роли Патриарха в создании книги, и о свершениях художников (аз, грешный, писал).

Но и это не все. На открытии книги торжественное посвящение: «Издание осуществлено в честь 2000-летия Рождества Христова как дар Президентов Беларуси и России Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию». И еще особенность: средства для издания собирали доброхоты-меценаты — Попечительский совет. Его возглавил Госсекретарь Союзного государства Павел Бородин.

И вот договариваюсь о дне вручения. Попечительскому совету поручена торжественная от имени двух президентов церемония.

…В ожидании, когда Патриарх взойдет в свои апартаменты для встречи с нами, выкладываю на стол сигнальные экземпляры. Просторный кабинет: иконы, широченный темного благородного дерева стол, на котором от новогоднего обычая красиво убранные серебристые еловые ветви, перевитые лентами при золотистых шарах и стеклянных колокольцах, и в углу елки, старинный секретер с подсвечниками и с церковными сосудами, на стене

картины с евангельскими сюжетами, напольные часы, старинная ваза с изображениями из священных тем, хрустальная люстра… Умиротворенно для души, спокойно для глаз и одновременно строго-торжественно.

Он взошел: перекрестился и поздоровался. Потом, перекрестив всех нас, сел и стал листать-просматривать книгу. Потом прозвучало от меня и от главы Попечительского совета про цель визита. Патриарх принял дар и высказал благодарствия и художникам, и издателям, и попечителям.

Нас предупредили, что на церемонию, по занятости Святейшего, отведено только 10–15 минут. Беседа — живая, непринужденная — шла более часа: почти всем досталось что-то сказать-высказать. И он высказался. Не могу не обнародовать то, что успел записать — увы, не более чем кратко изложенные тезисы, лишь кое-где в кавычках прямая речь.

— Поздравил «с наступившим Светоносным великим праздником Рождеством Христовым и Новолетьем». Выделил особый смысл и символ праздника — переход в новое тысячелетие.

— Поблагодарил президентов Союзного государства за то, что одарили складнем.

— Поделился размышлениями о необходимости единения народов бывшего СССР. Обозначил возрастающее с каждым годом препятствие: старшие поколения, для которых распад державы особенная трагедия, теряют влияние. «Мне особенно больно, что Украина вне процесса создания Союзного государства. Все европейские страны интегрируются, а у нас продолжают сопротивляться интеграции славянских стран».

— Высказал сожаление, что СМИ не хотят рассказывать о том хорошем, что начинает происходить в России. В основном освещаются только негативные моменты. «Даже иностранцев запугали».

— Критически высказался о российском телевидении: «Заполнено бесовщиною! Я в новогоднюю ночь попробовал “пройтись” по нескольким программам — так нечего было посмотреть хорошего. Как-то я спросил на одной встрече с руководителями СМИ: “Почему на экранах чаще всего западные фильмы и прежде всего с убийствами?” Мне ответили: “Они дешевле при закупке, чем наши”. Во Франции есть ограничения на показы иностранных фильмов — потому процентов 95 показывают свои, французские. У нас все наоборот, процентов 95 показывают иностранные, и при этом не лучшие».

— Стал развивать еще одну тему: «Газеты и телевидение не заботятся о нашем отечественном искусстве. Не прививают чувства патриотизма». «В Америке гордятся тем, что у них есть памятники культуры 200-летней давности. Россия же очень богата на древнюю культуру».

— Продолжил: «Необходимо больше заботиться об обездоленных, особенно о детях».

— Выразил особую значимость необходимости борьбы с наркоманией. «Дело медицины — лечить. Дело Церкви — влиять так на души, чтобы отвращать от наркотиков. Мы провели конференцию по борьбе с наркоманией. Я там выступал».

— Поддержал мою реплику и развернул ее своими рассуждениями, что надо создать в России, прежде всего под эгидой Русской Православной Церкви, такое движение помощи обездоленным, которое бы, в том числе, использовало некоторый опыт американской Армии Спасения. Высказал

следующие условия: не американское, но российское поименование и приоритетность духовности. Сказал, что рассмотрит предложения на этот счет, коли ему таковые предложат.

Прощаясь, он вручил каждому свои памятные дары. А еще сказал, что хотел бы сфотографироваться с гостями — вышли для этого в приемную.

Письма в поддержку

Святейший не прекратил своей поддержки попыткам моего светского издательства помогать православному просветительству. И его письма получались душевно проникновенными, теплыми, наставительными. Ничуть не протокольны. Два примера.

— «Многоуважаемый Валентин Осипович! Сердечно благодарю Вас за поздравления с днем моей интронизации и добрые пожелания. Вступив в новый XXI век и третье тысячелетие от Рождества Христова, все мы призваны вносить свой посильный вклад в созидание достойного настоящего и будущего Государства Российского, проявлять совместную заботу о нравственном здоровье общества, сохранять столь необходимые нам мир и общественное согласие». А дальше-то какое заинтересованное обращение: «Взаимно желаю Вам в крепости душевных и телесных сил благоуспешно продолжать труды на месте Вашего служения! С искренним уважением…»

— «Уважаемый Валентин Осипович! Благодарю Вас за поздравления в связи с присвоением мне почетного звания "Человек 2001 года" и за благие пожелания преумножения сил в служении на благо Русской Православной Церкви и Отечеству». Но дальше-то: «Желаю Вам, дорогой Валентин Осипович, и сотрудникам Вашего издательства благодатной помощи Божией и Ваших грядущих трудах. С уважением…»

Живо откликался на присылки книг. Вот один из примеров: «Уважаемый Валентин Осипович! Благодарю Вас за присланные книги, среди которых находится актуальная работа К. М. Долгова, посвященная жизни и творчеству одного из самых замечательных русских мыслителей прошлого века — Константина Николаевича Леонтьева». И вновь в конце письма особая пропись в назидание: «Желаю и в дальнейшем Вам помощи Божией в издании подобных книг, где читатель найдет большую пользу и уму, и сердцу. С уважением…»

Святейший даже по наикратким моим письмам чутко угадывал нелегкие издательские заботы. И тогда в ответ — поддержка в крепости духа. Приведу одно такое послание: «В. Осипову, директору издательства "Раритет". Канцелярия Московской Патриархии сообщает Вам резолюцию ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА, положенную на Вашем письме о продолжении работ по подготовке к изданию иллюстрированного Старого Завета и "Православной Азбуки"». Далее шло непосредственное от Святейшего: «17.XII.2001 г. Благодарю Вас за Ваши труды и надеюсь, что с Божией помощью они и впредь будут успешно осуществляться».

Премия и прения

Сам Святейший был удостоен Международной Шолоховской премии и принял ее.

Многие дивились: как так — неужто Патриарх разделял взгляды коммуниста Шолохова?! Не забуду, как один из знакомых священников просто поразил меня своей пышущей ненавистью к атеизму классика, хотя выпускник МГУ и даже имел степень доктора исторических наук.

…Сквозное чтение собрания сочинений. И пришло подтверждение моему пониманию — не мог истинно русский творец стать проповедником ненависти к Православию. Сформировалась статья. Напечатался в журнале «Слово» (2002, № 1). Пошли добрые отклики. И тогда пришла мысль переслать журнал Святейшему. Не скрою: робел. Даже в сопроводительном письме это выплеснулось.

«Ваше Святейшество! Не без трепета душевного прошу принять мою публикацию. В ней Ваше имя — в связи с присуждением Международной Шолоховской премии. Напомню, что на той церемонии я пообещал Вам, что ознакомлю с тем, как М. А. Шолохов, будучи писателем-коммунистом, единственным в советской литературе не хулил, а защищал Православие от святотатства даже в наиболее тяжкие для Церкви годы. Поэтому и осмеливаюсь вверить свою статью Вам, на Ваш строгий суд. Возможно, что я не ошибаюсь: такой материал будет полезен для общества, которое прощается с тотальным атеизмом».

Свобода слова, мавзолей Ленина и т. д.

Февраль 2002-го. За день до своего дня рождения Святейший посещает редакцию «Известий». Здесь поделился он своим разумением немалого числа тем из злободневия.

Я догадался передать одному приятелю диктофон. И вот что оказалось записанным — увы, лишь извлечениями — из большой беседы. Тем не менее, я уверовал, что высказывания Святейшего сохранят интерес и на будущее.

«…Преемственность понятий и деяний. Нельзя все время идти по тому пути, по которому шли в постреволюционный период, когда разрушали старый мир до основанья».

«…Свобода слова существует и должна существовать, но она не должна превращаться во вседозволенность. Нужны определенные ограничения, если и не законодательные, то нравственные».

«…Без компьютера не обойтись. Я до недавнего времени считал, что можно еще жить по старинке. Теперь у меня есть компьютер. Церковь вообще использует все современные достижения. Я думаю, что за Интернетом будущее».

«…Когда периодически возникают разговоры вокруг захоронения тела Ленина, я не касаюсь этой проблемы. Считаю, что тут — дело времени. Должно уйти поколение, которое болезненно к этому относится. А если сегодня ставить этот вопрос, то он будет разделять наше общество».

«…Когда возвращаюсь из поездок по епархиям, то, как правило, заряжаюсь оптимизмом. В регионах, в глубинке больше доброты, душевности, сердечности. Люди там меньше политизированы».

В конце 2001 года в Доме литераторов была встреча с выдающимся философом-патриотом, с тем, которого в советское время вынудили уехать за границу, с Александром Зиновьевым. Так он, помимо всего прочего, следующее высказывал:

«Идет реанимация российского фундаментализма, Православия в первую очередь. Эффект от нее поразительный. Из самой просвещенной страны с самым высоким уровнем гражданской /нерелигиозной/ идеологии Россия превратилась в страну религиозного умопомрачения, сопоставимого с таковым исламских стран. Это беспрецедентное падение России».

Я не сдержался — сказал ему и залу, что нынче более нет такой силы, которая бы смогла влиять на народ, на общество с позиций защиты основ русской культуры и патриотизма, заботы о народе и стране.

Сей факт внес в воспоминания не по гордыни, а чтобы показать, как сложно, неоднозначно приходилось Православию во времена новой для России истории.

* * *

Осталось в памяти: облик строгий, но легко видится по глазам доброжелательство. Чертами лица своего, широкоплечием и крупнопалыми руками напоминает русского с севера крестьянина, но ведь предки — высокая знать, один из них генерал-адъютант, герой 1812 года. Ум, образованность и обширность знаний излучаются в беседе. Слово певучее, со многими исконно старорусскими и церковными речениями — это красит речь, но она меж тем современна, не архаична.

Вышла книга

Грешневиков Л. Н.
Толерантность. — Рыбинск: Рыбинское подворье, 2013. — 272 с.



Новый роман известного писателя и политика Анатолия Грешневикова правдиво и жестко повествует о трагической судьбе русской семьи, столкнувшейся с чужой культурой, иным мировоззрением и пытающейся терпеливо выжить в продажном и бездуховном мире.



Архимандрит
ТИХОН (ШЕВКУНОВ)

ПАТРИАРХИ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ[1]

Архимандрит Тихон (Георгий Александрович Шевкунов) — родился в 1958 г. в Москве. В 1982 г. окончил ВГИК. По окончании вуза стал послушником Псково-Печерского монастыря. В 1986 г. переведен в Издательский отдел Московского Патриархата. В 1991 г. пострижен в монашество в московском Донском монастыре. С 1996 г. — наместник Сретенского монастыря. С 1997 г. — архимандрит. Ректор Сретенской духовной семинарии. Руководитель издательства Сретенского монастыря и интернет-портала Православие.ру. Автор фильмов «Псково-Печерская обитель», «Гибель Империи. Византийский урок», премия Российской киноакадемии «Золотой орел» за 2009 г. Академик РАЕН. Награжден орденами прп. Сергия Радонежского II ст. и св. равноап. князя Владимира III ст. **Служит в Москве.**

[1] Публикуется с небольшими сокращениями.

В какие бы времена ни бывали прославления святых, всегда в конкретный исторический момент призываются именно те, кто более всего может своим духовным примером и подвигом жизни во Христе подать помощь нашей земной воинствующей Церкви от Церкви небесной, торжествующей.

Патриаршее служение святителей Иова и Тихона проходило в период Смутных времен. Господь воздвигал Патриаршество на Русской земле именно тогда, когда государственная власть слабела и не могла больше справиться с управлением Православной Державой. Однако на этом поразительная общность судеб двух святых Патриархов не кончается.

Оба они пережили гражданские войны. Развязанная недругами Москвы и поддерживаемая предателями, сторонниками Лжедмитрия, междоусобная брань и польско-литовская интервенция 1606–1612 годов имели целью уничтожение Православия в нашем Отечестве. Начало гражданской войны и интервенции в XX веке совпало с первыми днями служения Святителя Тихона. Эта гражданская война была связана теперь с попыткой полного уничтожения общения человека с Богом, истребления Православной Веры.

Патриаршество — и первоначальное, и возрожденное — начинали на Руси два Царя, два Государя, которых православный русский народ почитает как святых.

Это — Царь Феодор Иоаннович и Царь-мученик Николай II.

Царь Феодор Иоаннович был удивительный, светлый человек. Это был воистину святой на троне. Он постоянно пребывал в богомыслии и молитве, был добр ко всем, жизнью для него была церковная служба, и Господь не омрачил годы его царствования нестроениями и смутой. Они

начались после его смерти. Редко какого Царя так любил и жалел русский народ. Его почитали за блаженного и юродивого, называли «освятованным Царем». Недаром вскоре после кончины он был занесен в святцы местночтимых московских святых. Народ видел в нем мудрость, которая исходит от чистого сердца и которой так богаты «нищие духом». Именно таким изобразил Царя Феодора в своей трагедии Алексей Константинович Толстой. Но для чужого взгляда этот Государь был другим. Иностранные путешественники, соглядатаи и дипломаты (такие как Пирсон, Флетчер или швед Петрей де Эрлезунда), оставившие свои записки о России, в лучшем случае называют его «тихим идиотом». А поляк Лев Сапега утверждал, что «напрасно говорят, что у этого государя мало рассудка, я убежден, что он вовсе лишен его».



Патриарх Иов

Такое же непонимание со стороны людей, чуждых православному духу, характеризует и отношение к Государю Николаю II. Не будем здесь вспоминать о всей той грязи, которая была вылита на него и его семью. Народ почитал и почитает Царя-мученика святым.

Патриарх Иов написал замечательную «Повесть о честном житии Царя Феодора Иоанновича». Патриарх Тихон отозвался на убийство Царской Семьи проповедью, в которой обличил и назвал истинных убийц.

При обоих Патриархах произошли такие судьбоносные для России события как конец великих династий. Во дни Патриарха Иова умер Царь Феодор Иоаннович, последний Рюрикович из дома Калиты. При Патриархе Тихоне оборвалась династия Романовых.

При обоих Патриархах произошло важнейшее для нравственной жизни всего народа событие — убийство невинного Царевича-отрока. 15 мая 1591 года в Угличе был зарезан Царевич Димитрий. В ночь на 17 июля 1918 года в Екатеринбурге был убит Царевич Алексий.

Оба Патриарха пережили взятие Москвы и хозяйничанье в Кремле бесчинных захватчиков. Патриарх Тихон был избран на престол под грохот артиллерийского обстрела Кремля. При Патриархе Иове московская святыня была поругана поляками и Лжедмитрием.

Церковные смуты также отягчили служение и того, и другого Патриарха. Оба были объявлены низложенными, и вместо них провозглашены новые главы Церкви. В 1606 году католики, насаждавшие унию на Руси, и архиереи, присягнувшие Лжедмитрию, возвели на Патриарший Престол лжепатриарха Игнатия. (Кстати, этот лжепатриарх после падения своего покровителя-лжецаря бежал из Москвы и окончательно принял унию.) Патриарха Иова били и позорили в Успенском соборе, срывали с него святительские одежды, но, несмотря на угрозы, он отказался принести присягу самозванцу. Патриарх снял с себя панагию и положил ее к образу Владимирской Божией Матери со словами: «Владычице Богородице! Здесь возложена на меня панагия святительская, с нею исправлял я слово Сына Твоего и Бога нашего и восемнадцать лет хранил целостность веры. Ныне, ради грехов наших, как вижу, бедствует царство, обман и ересь торжествуют. Спаси и утверди Православие молитвами к Сыну Твоему». Во дни Патриарха Тихона Церковь потряс обновленческий раскол. Как и 400 лет назад, многие епископы отпали от Церкви и обрушились с неистовой яростью и клеветой на Патриарха. Сохранились статьи и проповеди обновленческих архиереев. Вот что писал епископ Антонин (архиерей еще дореволюционного постановления) в газете «Известия» 17 февраля 1924 года: «Тихон — большое поповское чучело, набитое магизмом, рутиной, колдовством, ремеслом и червонцами. Он печет каждую службу архиерейские чучела поменьше, которые надевают парчовые халаты, золотые горшки, грамофонят, вертятся, машут руками…» Дальше следует хула на таинство евхаристии…

В то время, когда этот обновленец писал для «Известий» свои опусы, Святейший Патриарх Тихон был под арестом, а святые епископы-мученики, оставшиеся верными Православию, подвергались жесточайшим пыткам и гонениям.

Накануне Смутных времен Господь не только укреплял Россию Патриаршеством, но и даровал ей величайшее заступление Царицы Небесной. Казанская икона Божией Матери была явлена незадолго до избрания Святейшего Патриарха Иова. 2 марта 1917 года, в день отречения Императора Николая II и за несколько месяцев до избрания Патриархом святителя Тихона, в селе Коломенском чудесным образом была обретена икона Царицы Небесной «Державная». Оба этих образа, как мы знаем, имеют не просто местное, но огромное всецерковное, всероссийское значение.

И Святитель Иов, и Святитель Тихон, единственные из русских Патриархов, налагали анафему на власть предержащих, которые глумились над Церковью, над народом, над Русской землей.

И тот, и другой Патриарх были в заточении. Святейший Патриарх Иов — в Старицком монастыре, святейший Тихон — в московском Донском монастыре и во внутренней тюрьме на Лубянке.

Такой феномен как самозванство, был явлен при обоих Патриархах. Самозванство Лжедмитрия известно. Известны пути, которыми он шел к захвату России, известно, чем он кончил. Известны и те предательства, которыми запятнали себя многие русские военачальники, присягнувшие Лжедмитрию. Трудно себе даже представить сложность тогдашнего положения Патриарха Иова, когда почти все братья-архиереи уговаривали его во имя ложно понимаемого ими церковного мира, ради собственной безопасности присягнуть самозванцу. Но Патриарх не поддался на это искушение, хотя



Арест Патриарха Тихона. Филипп Москвитин.1996 год. Холст, масло. 140×200

даже мать убиенного Царевича Дмитрия, инокиня Марфа, которую специально привезли в Москву, чтобы она всенародно признала Лжедмитрия истинным царевичем, засвидетельствовала это из страха перед захватчиками. Патриарх Иов был тверд и предпочел лжи гонения и ссылку.

Ситуация с «ворами», самозваными правителями повторилась и во дни Святителя Тихона.

Успех борьбы со злом измеряется не внешней победой, а лишь стоянием в истине до конца. Патриарх Тихон не уповал на внешний успех. Такое упование — мысль не христианская. «Претерпевший до конца, той спасен будет» (Мк. XIII, 13). Следуя этому терпению, заповеданному святыми Патриархами, стяжал терпение и русский народ, который и спасается, как мы видим из истории, совершенством терпения и стоянием за истину Православия. Это — удел России, это тот самый Крест, который был возложен на нас тысячу лет назад.

Несколько слов хотелось бы сказать о пастырских посланиях Святейшего Патриарха Тихона. Они обладают тем особым свойством, которое присуще пророческому богодухновенному слову: оно живо и действенно не только для современников автора, но и для всей Церкви во все времена. Вот только два небольших отрывка: «Еще продолжается на Руси эта страшная томительная ночь, и не видно в ней радостного рассвета. Изнемогает наша Родина в тяжких муках, и нет врача, исцеляющего ее… Грех растлил нашу землю, расслабил духовную и телесную мощь русских людей. Грех сделал то, что Господь, по слову пророка, отнял у нас посох и трость, всякое подкрепление хлебом, храброго вождя и воина, судью и пророка, и прозорливца, и старца (Ис. III, 1–2)…

Из того же ядовитого источника греха вышел великий соблазн чувственных земных благ, которыми и прельстился наш народ, забыв о едином на потребу». (1918)

«И вся эта разруха и недостатки оттого, что без Бога строится ныне Русское Государство. Разве слышали мы из уст наших правителей святое имя Господне в наших многочисленных советах, парламентах, предпарламентах? Нет, они полагаются только на свои силы, желают сделать имя себе, а не так, как наши благочестивые предки, которые не себе, а имени Господню воздавали славу. Оттого Вышний посмеется планам нашим и разрушит советы наши. Подлинно праведен Ты, Господи, ибо мы непокорны были слову Его» (Плач I, 18) (1918).

Еще одно высочайшее служение русского Патриарха — печалование о народе. Долг печалования о церковном народе перед государственной властью был возложен на Патриарха в XVI веке и подтвержден на Соборе 1917 года особым пунктом среди прочих обязанностей главы Русской Церкви. Долг этот оба Святителя исполнили сполна, подвергаясь часто за это служение гонениям и узам. Но все превозмогала отеческая любовь: «К тебе же, обольщенный, несчастный русский народ, сердце мое горит жалостью до смерти», — это слова Святителя Тихона.

Судьбы святых Патриархов перекрещиваются, как и судьбы их времен, как и судьбы нашего времени и современной нам Церкви, которая по вдохновению Духа Божия призвала именно этих святых к служению в наши дни. В чине хиротонии есть слова: «Божественная благодать всегда немощная врачующи и оскудевающая восполняющи…» Когда Церковь земная оскудевает, тогда немощи наши переходят ту грань, после которой люди уже не могут удержать Церковь в мире, Господь посылает тех святых, которые в силах помочь своим служением, своими молитвами. Если Промыслом Божиим и нам за десятилетия наших грехов, ошибок и беззаконий будут попущены те испытания, которые были во дни земной жизни Святителей Иова и Тихона, то мы знаем, что Промыслом же Божиим, для нашего спасения нам указаны и небесные защитники на Смутные времена — Святители Иов и Тихон, к которым первая наша молитва сегодня, о нынешнем Святейшем Патриархе, чтобы Господь даровал его — Церкви Своей «право правящим слово Христовой истины», укрепил в молитве и печаловании за народ Божий и даровал ему силы на кресте своего служения повторить вслед за святым Патриархом Тихоном: «Отныне на меня возлагается попечение о всех церквах Российских, и предстоит умирание за них во вся дни».





Протоиерей
Борис
НИКОЛАЕВСКИЙ

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ*

Протоиерей Борис Николаевский (1884–1954) последние годы своей жизни служил в Свято-Троицком храме в Санкт-Петербурге в Лесном. В этот период отец Борис записал свои духовные размышления, касающиеся вопросов, волнующих его прихожан. Эти размышления составили содержание «Духовных бесед».

«Духовные беседы» подготовлены к публикации С. Н. Корытиным и Н. Б. Егоровой и печатаются по благословлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

*Продолжение. Начало в № 1, 2, 3, 4 за 2008 г., № 1, 2, 3, 4 за 2009 г., № 1, 2, 3, 4 за 2010 г., № 1, 2, 3, 4 за 2011 г., № 1, 2, 3, 4 за 2012 г. и № 1, 2 за 2013 г.

«Христианския кончины живота нашего, безболезнены, непостыдны, мирны у Господа просим»[1]

Произнесено 7 июня 1953 года в Лесновском храме

1.

Поднимитесь мысленно выше земли и посмотрите оттуда на всех пристальнее, и вы увидите и удивитесь, как до бесконечности разнообразна жизнь человеческая! Сколько есть занятий, работ у людей! Сколько профессий, званий, состояний! Сколько желаний, намерений, стремлений! И как все это непрочно, как все это неверно!..

Стремится человек, бьется, ищет — и не получает: либо обстоятельства, либо смерть, либо что другое станет на дороге и помешает. Редко-редко кто достигнет того, что ему нравится, и то надолго ли? Доволен ли он?.. Сколько горьких разочарований каждый из нас испытал и еще испытает в жизни своей!..

Вот мать растила сына, билась в тисках нехваток, недостатков, во всем себе отказывала, все терпела, говоря: «Под старость радость увижу, утешение», — а выростила и… не было радости, не было и нет утешения! Подробности тут нам не нужны: и так все понятно…

Вот я о себе скажу: всю молодость, до 25 лет, мечтал, добивался, стремился стать врачом. Учился тому, что могло мне пригодиться в этом деле. Поступил в Университет, обласкан был моим профессором, он тоже мечтал, что я буду помощником ему. Он за меня вносил плату за

[1] Материал для беседы взят из книги епископа Феофана «Слова на Господские, Богородичные и торжественные дни».

ученье, за квартиру, за питание, но… один момент — и умер мой благодетель, и меня за невзнос платы уволили. Сколько горьких часов я провел, когда всю ночь бродил по улицам города в отчаянии, считая, что все потеряно! И только Господь и моя милая мамочка поддержали меня, направили меня, и в 25 лет стал я священником.

А сколько из моих товарищей по учению так и потерялись, когда Университет закрыли в 1909 году. Даже самоубийцы были из них… Был у меня знакомый — прекрасный человек, ученый, много принес Родине пользы. Построил дом, завел семью, поехал в командировку — и вот без него пожар. И жена, и трое детей, и имущество — все сгорело. Ему сообщили — он домой не приехал, так и потерялся…

Да об этом не мне говорить и не вам слушать! Вы сами много подобного знаете…

Я только для примера привел немного из моей жизни, чтобы ясно стало, что я хочу рассказать.

Что же значит это? И для чего все это так строится? Многие потеряли ум, решая этот вопрос. А Святая Вера наша решает его просто, давая при том самый полный успокоительней ответ. Она говорит, что земная жизнь наша есть начало нашей бесконечной жизни и вместе средство, и средство необходимое, чтобы эту будущую жизнь сделать счастливой.

Все помним, как в детстве нас учили: Господь Бог сотворил первых людей, Адама и Еву, и поселил их в Раю. И мы, родившиеся от Адама и Евы, — весь род людской, там бы в Раю и рождались и жили. И были бы в радости, всегда здоровы, без болезней и смерти. Там ведь было дерево жизни, питаясь плодами которого, все люди были бы и по телу здоровы, и бессмертны в радости.

Господь дал Адаму и Еве легкую заповедь, а люди не послушались Господа, по-своему захотели жить — и Рай был потерян. И вся жизнь пошла вразброд. Недаром говорится: без Бога ни до порога! Ну, и видим, что на земле сейчас стало. Жизнь наша полна немощей, падений, несовершенств, скорбей и всякого рода неудобств — разочарований, лишений, страданий, — и все в ней стало непрочно, все стало неверно.

А человеку — все равно хочется чего-то верного, прочного… Этого верного, прочного ищут как каждый человек, так и все люди.

Есть ли же такое верное и прочное, что не мне одному, а всем людям? Мудрые люди говорят: да, есть… Только нерадостен будет ответ этот для человека, потому что это — несомненно верное, что всякому человеку пережить надо, — есть ***Смерть***. От нее не ушел никто из людей. И еще то, что для одних эта смерть будет горька и мучительна, а для других — отрадна и сладостна.

Как страдал в минуты смерти Господь наш Иисус Христос, если Он — Сын Божий — воскликнул, горько возопил: *Отче Мой! Зачем Ты Меня оставил?* И страдал не за Свои грехи — за грехи всего мира, от сотворения мира до скончания века…

А как тиха, мирна, сладостно приятна, подобно желанному сну для утомившегося в дневных трудах человека, была смерть Безгрешной Пречистой Матери Божией!.. Недаром Ее смерть названа ***Успением Пресвятыя Богородицы***. Она тихо, мирно, спокойно уснула…

Святой апостол Павел воскликнул: *Желание имею разрешитися и со Христом быти!* (Флп. 1, 23). Ему смерть тоже не страшна. Он ее ждет с нетерпением, как радость великую, ведь смерть его ко Христу приведет навсегда.

Родные мои слушатели! Неужели пред лицом смерти, этого несомненно верного среди всех случайностей земных, мы окажемся врагами себе, неразумно будем отталкивать от себя всякие мысли о неизбежном конце?..

Некоторые мои слушатели уже мне говорили: «Зачем такие мрачные речи вести?» А я всегда говорю то, что сам в себе переживаю. А седая голова моя, а тяжелые болезни мои — это такие тяжелые гири на весах моей жизни, что не стряхнуть их, не сбросить — к земле тянут они. И взгляд на жизнь, и свою, и чужую, стал иной: уже много лет, как легкомыслие исчезло — давно-давно…

Да и слушатели мои, как я вижу, тоже теряют легкомысленный взгляд на жизнь, иначе как бы объяснить то, что сюда так охотно приезжают, когда я рассказываю глубокие тайны жизни. Легкомысленным людям такие речи вовсе не нужны, им все трын-трава, ешь, пей и веселись! Чего тут раздумывать, лишь бы весело было.

А я хочу, чтобы в нас царило не буйное веселье, а тихий и мирный покой, когда в сердце слышен голос Ангела Хранителя, когда совесть не обличает, а, наоборот, утешает и ободряет, когда тихие-мирные слезы согревают нашу молитву.

Вот этой радости и сладости я всем вам и себе самому искренне желаю. Это и есть содержание — тайна тех слов молитвы Церковной за Литургией, когда священник говорит: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа и Любовь Бога и Отца и Причастие Святаго Духа буди со всеми вами!» — а вы отвечаете: «И со духом твоим!»

Итак, я хочу, чтобы вы глубокий, таинственный смысл этих слов поняли…

Дивно такое состояние, когда человека так осеняет Святая Троица! Вот в таком состоянии Апостол и не боялся смерти, не смотрел на нее, как на страшилище ужасное, а видел в ней своего благодетеля, который избавит его от тела смертного и соединит со Христом.

И Пречистая Владычица Богородица после Вознесения Господа Иисуса Христа на небо каждое утро ходила на гору Елеонскую, где, как Она ранее знала, будет на краткий срок положено тело Ее, и молила Божественного Сына Своего, чтобы поскорее взял Ее отсюда и дал возможность зреть красоту Лица Его в Селениях Небесных.

Так тоскует душа, познавшая красоту и сладость жизни в том мире… (а нам неприятно и слушать об этом). Господи наш! Сподоби и нас дожить до такого блаженного состояния!

Теперь вопросы:

Кто же умирает спокойно? И как сподобиться тихой христианской непостыдной кончины? Вот и подумаем об этом. Прежде всего, надо помнить, что смерть — не уничтожение, не гибель человека, а переход в новое место, в новое состояние.

Вот и возьмем пример из обычной жизни.

Когда переезжают на другое место, в другой город или на другую квартиру не только с душою покойной и мирной, а даже с радостью? Тогда, когда на новом месте ждут лучшей обстановки, думают, что там будет и

здоровее, и приятнее жить, чем на прежнем месте… А на месте, откуда выехали, не останется ничего такого, к чему душа была привязана; ничего, о чем вспоминал бы с тоскою и с болью сердца.

Так ведь и есть на деле.

Апостола Павла ничего не удерживало на земле. Он мог ее оставить совершенно спокойно. А на небе, там, за гробом, его ждал Любимый, Дорогой и Безгранично Любящий Учитель!..

К Нему летело сердце его! О Нем он думал и днем, и ночью и со всем жаром своего любящего сердца сладко мечтал — скорее увидеть Его и насладиться общением с Ним. Вот и вырвалось из его сердца: *Желание имею разрешитися и со Христом быти!*

Ведь там вся радость, все счастье его…

А на земле только тревоги и заботы — мелочные заботы о пропитании (ведь апостол Павел жил своими трудами: он делал палатки). Грехов он не боялся: он крепко знал, что Дорогой Учитель все ему простил, освятил его Духом Святым, обвеял Своею Благодатью. Он жил с Господом — по слову Господа: *Любяй Мя возлюблен будет Отцом Моим, и Я возлюблю его и явлюся ему Сам* (Ин. 14, 21).

Тут все сказано, что нам знать нужно. Только бы нам ясно разобраться в этом.

Помоги нам Сам, Господи.

2.

Охотно перезжает на другую квартиру тот, у кого квартира сырая, печи дымят, кровля протекает… Ведь он надеется, что там будет сухая солнечная квартира с удобствами, и стремится он туда, как из душной комнаты бегут на свежий воздух.

А наша жизнь прекрасно обрисована в акафисте Божией Матери пред Ее иконою «Всех скорбящих Радость»:

Кондак 8

Странники и пришлецы вси есмы по глаголу Апостолову: беды от врагов, беды от сродник, беды от лжебратии терпяще в лишениях многих и скорбех…

Икос 8

Все житие наше на земли болезненно и печали исполнено от клеветы, досаждения, укорения и иных многовидных бед и напастей. Немощствует тело, изнемогает и дух наш.

Кондак 9

Всякая житейская в мире сем сладость печали бывает причастна. Слава не стоит, богатство мимотечет, лепота и здравие увядают, други и искренние смертию отъемлются…

Чем не душная сырая квартира, где жить одно постоянное горе?.. И как это все написанное в акафисте удивительно и глубоко, и правдиво!..

Вы и сами это все подтвердите!.. Оглянитесь назад, на прожитые годы свои: сколько горя, сколько слез и как мало радости! Только в детстве да в ранней юности, когда жили под крылышком матери, быть может, веселились и радовались, а потом… Да что и говорить!.. «Горя реченька глубокая!» — говорил наш русский народ о своей жизни. И это — истинная правда!..

А отдохнуть-то все же хочется!.. Ведь малюсенькие минутки утешения мелькают так быстро, что не успеешь их задержать!.. И наша Святая Вера указывает нам на Господа Иисуса Христа, как на Учителя нашего, Заступника, Отца Доброго и Милостивого. К Нему иди, христианин, ищи спасения, единения с Ним, как величайшего счастья; вымоли у Него прощения себе, вымоли чистоту сердца…

Какая невыразимая радость, какое будет блаженство, если ты с Ним навеки будешь!!! Моли об этом Господа, слушай всех, кто ведет тебя к Нему, и молись за них, как за своих благодетелей! Нечего ждать на земле прочной радости, она там, у Господа, где несть ни болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная!..

Вот об этой жизни пусть будет дума твоя, христианин!..

3.

Остаются грехи наши — это страшное зло, этот ужас жизни нашей!.. Грех есть оскорбление Судьи и Господа, это — новый гвоздь в тело Господне… И как они тревожат несчастную душу, когда мысль о смерти придет… Очи Господни все проникают, все видят, вся грязь наша душевная пред Ним ясна, и какое множество грехов наших!

И что делать, Господи?!..

А вот как говорит некий священник:

«Стою я у Святого Престола за обедней и жду… Чего жду?.. Я знаю, чего жду… я с трепетом жду, когда наступит этот дивный и страшный момент в Литургии, когда поют: “Тебе поем, Тебя благословим, Тебя благодарим, Господи, и молимтися, Боже наш…”. Ведь в эти минуты, во время благословения Предстоятеля, хлеб и вино — уже не хлеб и вино, а Истинное Тело и Истинная Кровь нашего Господа Иисуса Христа.

Поймите, почувствуйте величие этой минуты!.. Ведь вот Он Сам, Господь Иисус Христос и Святые Ангелы с Ним!.. Он — вот здесь, вот Он, передо мною! Мой Господь и Владыка!

Я паду пред Ним и всю душу мою несчастную Ему открою. Все Ему расскажу!.. Пролию пред Ним моление мое, печаль мою пред Ним возвещу… Слезами моими оболью ноги Господа!.. Ведь Он добрый, милостивый, ласковый!.. Ведь Он — Отец мой Небесный!.. Неужели Он отвернется от блудного сына, когда он к Отцу сам принес покаяние!? Нет! Не может этого быть!.. Ведь Он Сам сказал: *Грядущего ко Мне не прогоню вон!*

Опять тянитесь к Господу. Опять на исповедь, опять в лечебницу, опять карабкайтесь на верную дорогу.

Скажете: да ведь это не один раз уже было, до каких пор так будет? А до тех пор, пока вы совсем, по-настоящему не сознаете полное свое ничтожество, полное бессилие свое — сделать что-нибудь действительно доброе.

И получится великое таинство в жизни христианина: получится Христоподражательное смирение, а с ним вместе тяжкий вопль несчастной души к Господу о помощи, и слезы — не ручьем, как говорят, а рекой, — и вместе сотрется вовсе ***“Я — сам”***. И сердце со всей искреннестью скажет: “На Тебя вся надежда моя!”

И после каждой исповеди опять вставать, опять силиться восстанавливать в себе ревность по Богу, решимость жить по-Божьи…»

Говорят святые подвижники: лучше падать и снова вставать — чем стоять с горделивым самомнением: вот, дескать, какой я хороший! С каждым падением — все будет нарастать и увеличиваться истинное смирение, а с ним и истинная молитва… «Смирение есть единственный жертвенник, на котором должно приносить молитвы Господу», — говорит епископ Игнатий (Брянчанинов). Вот что делать надо!

Аминь.

Не прогони и меня, Господи!.. Прости меня, Дорогой мой; прости всех, кто просил меня за них помолиться!.. Прости и омой все грехи наши Пречистою Кровью Твоею!..

Кровь Иисуса Христа, — говорит Апостол, — *очищает от всякого греха!* А вот Она — Твоя Кровь Пречистая! вот Она, здесь, в этой Чаше Святой!.. Частицы, за всех нас вынутые, за живых, за умерших… будут опущены в эту Кровь Твою Пречистую!..

Сотвори чудо, Господи! Очисти и нас от всякого греха!.. Пусть мы выйдем отсюда чистыми, светлыми, искренними рабами Твоими. Мы не хотим больше служить сатане… льется молитва от сердца.

Вот бы нам так молиться!…

И так хочется верить, что Господь слышит и услышит молитву такую, ведь Он беспредельно Милостив!…

…Будем же и мы все: и я, и вы, молиться друг за друга молитвой подобной — искренней, сердечной, от всей души. И я твердо верю и надеюсь, что грехи наши не встанут в момент смерти, как стена непреодолимая, как страшное препятствие, — и мы будем прощены…

Буди, Господи, Милость Твоя на нас, якоже уповахом на Тя! Буди, Господи!.. Грехов наших множество, но и Милосердие Божие безгранично!.. Праведник Божий, телом своим почивающий на кладбище нашем (инок Владимир), мне говорил так: «Грехов наших бездна, а Милосердия Божия — пучина, и наша бездна в этой пучине потонет!» А сам смотрит так ласково-ласково, точно подбадривает: не унывай, Господь милостив.

Велика сила покаяния!.. Я вам не раз говорил: как радостно священнику, когда у аналоя на исповеди бьется и плачет горько несчастная жертва сатаны; и как радостно знать, что вот сейчас, «властию Его, мне данной», я разорву сатанинские сети, и выйдет душа обновленная на путь доброделания!

Скажу: «Прощаю и разрешаю тебя от всех грехов твоих» — и все грехи будут истреблены, как во всяких записях врага, так и в самом человеке — грешнике…

Остается сказать немного о добрых делах. Мы в этом вопросе тоже многое недопонимаем. Мы ограничиваем доброделание зачастую только милостыней — подаянием денег бедному.

Это — не так.

Необъятен круг доброделания… Мы, когда каемся в грехах наших на исповеди, просим прощения во всем, в чем согрешили делом, словом и помышлением. Если же грешить можно делом, словом, и помышлением, то тем более и добро делать можно и должно — и делом, и словом, и помышлением. Ценность и достоинство добрых дел Господь определяет расположением духа человека, с каким эти дела творятся.

«Господь и намерение целует (то есть приветствует)», — говорит св. Иоанн Златоуст.

Доброе дело — это есть исполнение заповеди Господней, причем такое исполнение заповеди, когда мы совсем забываем о себе и держим на сердце только одну заботу: *угодить Господу, сделать то, что Он нам завещал*.

Вот такое наше намерение — угодить Господу — и есть самое ценное в доброделании. В толковании Евангелия Троицкой Лавры буквально написано: *Бог смотрит на сердце твое и карает, или награждает — не самое дело, а твое намерение*.

А какие же могут быть намерения у людей, например, подающих милостыню? Очень различны намерения эти…

Один — подает милостыню потому, что он по природе добрый человек, и ему жалко оставить без помощи бедного.

Другой — подает потому, чтобы самому испытать ту чудную радость, которую испытывает человек после каждого доброго дела.

Третий — чтобы получить Царство Небесное.

Четвертый — как, например, Евангельский фарисей, чтобы люди видели и хвалили его.

Пятый — чтобы отвязаться скорее от бедного: ему неприятно смотреть на рваную одежду.

Шестой — чтобы потом себя самого похвалить и этим утешиться.

Седьмой — …

Но всех намерений человеческих в этом деле и перечесть нельзя!.. И как оценит Господь таких людей — мы не можем знать. Но выше всех возможных намерений и побуждений — тот случай, когда человек подает милостыню потому и для того, чтобы ***угодить Господу***, потому, что так повелел Господь. Он вспоминает слова Господа: *Просящему у тебя дай*. И немедленно подает, что может дать: ведь это угодно Господу, а о себе, о наградах, о своих чувствах тут и помину нет.

Святой Златоуст в своем толковании Евангелия от Матфея говорит, что такая милостыня ценнее всех перед Богом: «Бог награждает только чистое истинное добро». А это и есть настоящее, истинное добро. Вот и надо это толкование святого Златоуста распространить на всякое доброе дело, и делать его только потому, что так хочет Господь, и все будет хорошо, причем совершенно безразлично, будет ли это доброе дело сделано делом, словом или помышлением.

Для ясности еще приведем примеры.

Как быть, когда подать бедному нечего, денег нет?.. А поговорите с ним ласково, отнеситесь приветливо, как к брату своему. — вот и доброе дело словом. (Я рассказал случай о себе, когда у меня денег не было и я протянул старику бедному руку, просил извинения, а он заплакал от умиления и сказал мне: «Батюшка! Ты больше всех мне дал: ты меня за человека сосчитал, другие мне в шапку кидают и не посмотрят на меня».)

А вот еще пример доброго дела словом. Говорила мне одна прихожанка такое хорошее слово, что я не утерплю, чтобы не поделиться с вами.

«Иду, — говорит она, — и вижу: идет навстречу человек, с которым мы недавно крепко поссорились. Смотрит на меня недружелюбно, нахмурился. А мне так стыдно стало, зачем это я ссорилась? Ведь Господу неугодны наши ссоры. Я сразу подошла к нему и с ласковой улыбкой заговорила. Он

весь просиял, протянул мне руку. Такой веселый стал. Не помню, о чем мы с ним говорили, а разошлись, как будто никакой ссоры не было».

Прекрасно она поступила. Да и сколько случаев в жизни, когда так можно поступить.

А вот доброе дело помышлением.

«Еду, — говорит мне некий человек, — в трамвае и вижу: бегут по тротуару девушки с книжками, такие веселые, щебечут, смеются. И так мне радостно стало посмотреть на них, и я сказал про себя: Господи! Помоги им, ведь они такие хорошие». Тут и слова вслух не сказано, все в мысли произошло. А дело доброе, истинно доброе. А каждое доброе дело есть шаг в Царство Небесное.

И мало ли дел добрых. Прохожему дать напиться — немудреное дело, а как Господь его высоко поставил. Вдовица дала две полушки — выходит, одну копейку, — а Господь поставил это дело выше всех других, которые тоже подавали тогда. Все определяется силами, какие даны человеку. Люди состоятельные больше могут дать и должны так подать, с них больше и взыщется. А ты твори добро по силе твоей…

А то у нас и так бывает: сидит человек и гадает: вот, если бы я имел столько-то, сколько бы добра я сделал!? А епископ Феофан такому говорит: не мечтай, неразумный человек. Быть может, ты бы и ничего не сделал, если бы много имел: жадничать стал бы. А вот сейчас, пока мечтаешь, можешь пропустить случай, какой сейчас у тебя под руками, и за это ответишь… Помните слово Господне: *Благий рабе и верный! в малом был Мне верен, вниди в радость Господа твоего* (Мф. 25, 23).

Теперь подведем итоги:

Так вот, что нужно нам, чтобы умереть спокойно:

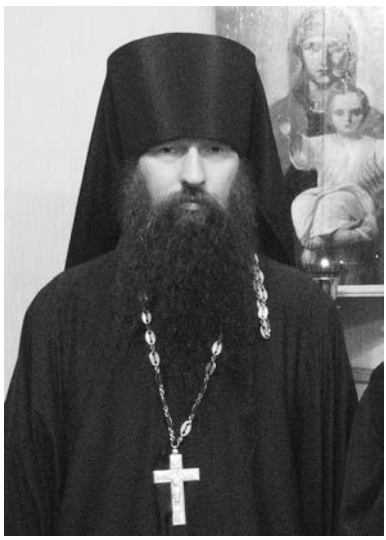
I. Не иметь пристрастия ни к чему земному.

II. Совесть очистить и жить добродетельно.

III. Воспитывать в себе сильное желание благ вечных.

Первое и последнее придут сами, когда будет главное, то есть *чистая совесть и добрые дела*. (Так говорит епископ Феофан.)





Иеромонах МЕФОДИЙ (Зинковский)

«ПРОСВЕЩЕНИЕ СВЕТОМ ВЕРЫ ХРИСТОВОЙ»

Училищные монастыри

1. О просветительской деятельности монастырей

Как известно из истории Церкви, монастыри всегда были насадителями христианской культуры. Неустанными трудами монахи пролагали пути в непроходимых лесах, осушали болота, обрабатывали поля. С этим материальным трудом монастыри соединяли духовное просвещение народов. По слову священномученика прот. Иоанна Восторгова, монахи «спасли науку, литературу и искусство древности. С изумительным трудолюбием они списывали целые библиотеки, устраивали в монастырских стенах школы и ревностно занимались в них обучением. Но они спасли больше, чем науку, ибо они спасли нравственность и добродетель, укрощая варваров и обращая ко Христу дикарей-язычников»[1].

---

[1] *Иоанн Восторгов, прот.* Поучение о том, что такое монастырь для монахов и мирян // О монашестве. Т. 1. С. 447.

Иеромонах Мефодий (Зинковский) — родился в Ленинграде в 1969 году. С отличием окончил Ленинградский политехнический институт, кандидат технических наук. Большое влияние на смену мировоззрения оказали сочинения знаменитого русского писателя Ф. М. Достоевского, чтение Святого Евангелия и житий святых, а также встреча с духовником протоиереем Иоанном Мироновым. В 2001 году проходил трехмесячный курс ознакомления с системой богословского образования в Англии, в Оксфорде и одновременно работал над диссертациями в знаменитой Оксфордской библиотеке Bodleian. Сослужил в Лондоне приснопамятному митрополиту Антонию Сурожскому. В 2002 году рукоположен во иеромонаха. По окончании Духовной Академии, получив степень кандидата богословия, оставлен преподавателем догматического богословия и патрологии при СПбДАиС. Ныне **служит в храме Казанской иконы Божией Матери в п. Вырица Ленинградской области.**

Носителями духовного Просвещения были все древние основатели монашества, а в последующие времена эту традицию продолжило старчество[1], благодаря которому монастыри представляли собой как бы «запасные водоемы живой воды религиозного воодушевления»[2]. В монастырях непрерывно совершалась живая духовная работа христианского самовоспитания и служения Богу. Они питали и увлажняли иссохшие пустыни духа мирской жизни и давали живительную и спасительную влагу жаждущим душам. Православная Церковь всегда воспринимала подлинное монашество как чуткое и действенное средство к охранению христиан от упадка благочестия и от испорченности нравов.

С древних времен православное монашество обращало внимание на воспитание и образование последующих поколений. Иноки с христианскою любовью и заботливостью «спешили помочь мирянам в важном и трудном деле христианского воспитания детей»[3].

Уже святитель Иоанн Златоуст, сравнивая современные ему общественные школы с иноческими, указывал на пользу монастырского воспитания. Он убеждал даже богатых граждан Константинополя отдавать своих детей для воспитания в монастыри и оставлять «до тех пор, пока не приобретут они крепкого навыка в жизни благочестивой и не окажутся способными приносить вожделенные плоды и для себя самих, и для родителей, и для общества». «Если тот, кто воспитывает борцов для городов, или образует воинов царя, удостаивается великой чести, — то какой дар можем получить мы, воспитывая для Бога столь доблественных и великих мужей или лучше сказать, ангелов?»[4]

2. Устроение монастырских школ и училищ

Традиция устроения школ при монастырях появилась едва ли не с начала монашества. Первые такие школы известны уже в IV веке в Египте, в монастырях прп. Пахомия Великого (†348). Прп. Пахомий часто говорил своим ученикам, что дети, по причине нежного возраста, способны приобрести спасительный навык ходить «пред Лицем Господним», и через благочестивыя упражнения восходить на высоту духовнаго совершенства. Он сравнивал детей с землею, «которая приносит или хорошие плоды, если с заботливостью возделывают ее, или колючее терние, если оставляют ее необработанною и без надзора, хотя бы и брошено было на нее доброе семя. Потому-то, говорил Преподобный, мы должны иметь особенное попечение о детях, как повелел нам Господь; тогда можем надеяться, что и Он будет милостив к нашим душам»[5].

---

[1] Широко известно влияние на людей разных слоев русского общества таких старцев как прп. Серафим Саровский, старцы Оптинские, прп. Серафим Вырицкий. Подобная картина наблюдается и в Греции, Румынии и других православных странах.

[2] *Иоанн Восторгов, прот.* Подвижничество и монашество // О монашестве. С. 411.

[3] *Вишняков С., священник.* О благотворном влиянии древняго православного монашества на общество // Душеполезное чтение. 1860. Ч. 2. С. 268.

[4] *Иоанн Златоуст, свт.* Слово против возстающих на монашескую жизнь третье // Творения. СПб.: Изд-во СПбДА, 1898. Т. 1. С. 122.

[5] *Вишняков С., священник.* О благотворном влиянии древняго православного монашества на общество // Душеполезное чтение. 1860. Ч. 2. С. 268.

В это же время были организованы школы в Понте и Каппадокии, в монастырях свт. Василия Великого (†379). Известно, что тогда же существовали школы и у отшельников в Антиохии.

В Низивии в IV веке монастырская школа была устроена свт. Иаковом (†350). Известно, что в этой школе учился и «был после наставником прп. Ефрем Сирин (†373–379). А самим прп. Ефремом открыто было подобное училище в Едессе»[1]. В Едессе же, в начале VI века прп. Равула построил «училище, в котором дети из соседних городов и селений, а также обращенные ко Христу персы, под руководством иночествующих, изучали таинства Святой веры и правила христианской жизни и потом посылались на проповедь Евангелия к язычникам»[2].

Ученик прп. Антония Великого прп. Евгений (†363) устроил училище в городе Мезене, в котором все желающие учились «у иноков христианской вере и благочестию»[3].

Несколько веков спустя появились школы для детей в монастырях Палестины. Чаще школы организовывались при киновиях. Так, из жития прп. Феодосия Великого (†529) известно, что «в его киновии воспитывались дети»[4]. Позже имела свою школу и великая палестинская Лавра св. Саввы Освященного, «где воспитывались прп. Феофан и Феодор Начертанные (IX век)»[5]. Тогда же граждане Константинополя и окрестных мест отдавали своих детей в школу при Студийском монастыре, основанную прп. Феодором Студитом (†826).

Святые Кирилл и Мефодий, просветители славян, в IX веке «основали подобные училища в Моравии и Болгарии»[6]. Училище, устроенное св. братьями в Моравии, продолжало существовать и после их смерти. Особенно прославилось оно в X веке, при покровительстве царя Симеона, который любил книжное просвещение.

В XI веке организовал детскую монастырскую школу известный грузинский святой прп. Георгий Святогорец (†1065), прославленный, как духовный писатель, переводчик, филолог и текстолог. Во время своего пребывания на Афоне и будучи настоятелем в Иверской Лавре святой Георгий задумал собрать детей и «на Афоне у мощей св. Евфимия, просветителя Грузии, приготовить их на служение Церкви»[7]. Первыми детьми, которых привели к нему для воспитания и обучения, были два его племянника. Других он собирал из городов и сел, а некоторых выкупал из рабства или приводил от самой неблагополучной жизни. Случалось, что сами родители приводили к нему своих детей и оставляли их у дверей его кельи. Случалось и так, что некоторые дети, желая учиться, сами упрашивали св. Георгия принять их. Таким образом, собралось у него сорок мальчиков. Как говорил Преподоб-

---

[1] *Вишняков С., священник.* О благотворном влиянии древняго православного монашества на общество // Душеполезное чтение. 1860. Ч. 2. С. 282.

[2] Там же. С. 282–283.

[3] Там же. С. 283.

[4] *Феодосий Олтаржевский, иеромонах*. Палестинское монашество с IV по VI века // Православный палестинский сборник. СПб., 1896. Т. 15. Вып. 2 (вып. 44). С. 185.

[5] *Вишняков С., священник.* О благотворном влиянии древняго православного монашества на общество // Душеполезное чтение. 1860. Ч. 2. С. 283.

[6] Там же.

[7] *Порфирий Успенский, еп.* Восток христианский. История Афона. Афон монашеский. Киев, 1877. Ч. 3. Отд. 1. С. 192.

ный, три причины понудили его начать устроение школы — «милосердие, утверждение Православия посредством переведенных им книг, которые изучать легче юным, нежели старым, и торжественное служение в Афоно-Иверской Лавре у мощей Иоанна, Евфимия, Арсения и других святых»[1].

Покинув Афон, в 1061 году св. Георгий вернулся в Грузию вместе с малолетними учениками. Во время пребывания в Грузии, где «царь поручил ему воспитание престолонаследника, царевича Георгия»[2], прп. Георгий продолжил просветительскую деятельность и открыл училище для восьмидесяти мальчиков. В училище «принимались дети всех сословий, но главным образом это были сироты и подкидыши»[3].

3. Монастырские школы на Руси

На Руси школы и книжное просвещение появились вскоре после Крещения. Первые летописные сведения о школах связаны с деятельностью св. князей Владимира Красное Солнышко (†1015) и Ярослава Мудрого (†1054). Из «Повести временных лет» известно, что св. князь Владимир на юге Руси, в Поднепровье «начал забирать у нарочитой чади детей, и начал отдавать их на учение книжное»[4]. «Матери же этих детей, — писал автор Повести, — плакали по ним, словно по мертвым, потому что не были еще тверды в вере»[5].

Несколько десятилетий спустя св. князь Ярослав в Новгороде продолжил дело, начатое отцом. Новгородско-Софийские летописи сохранили уникальные известия об устроенной им новгородской школе для детей священников и церковных старост. По свидетельству летописца после возвращения из похода в 1030 году князь Ярослав «собрал от старост и от поповых детей триста — учить книгам»[6].

Сохранились известия, что школы, подобные новгородской, хотя и меньших размеров, существовали в других городах Древней Руси. Так, из жития прп. Феодосия Печерского мы узнаем о школе, существовавшей в 30–40-е годы XI века в небольшом тогда городе Курске, куда «будущий святой отдан был родителями «на учение божественных книг»»[7]. Успехи русских детей в обучении были значительными. Сегодня замечательные открытия археологов свидетельствуют «об исключительно высоком уровне грамотности населения Новгорода и других русских городов. Грамотными здесь были люди самых разных слоев общества: бояре, купцы, простолюдины, не говоря уже о священниках и монахах»[8].

В Новгороде при князе Ярославе возник «один из первых на Руси центров по переписке книг — предшественник знаменитого киевского скриптория Ярослава Мудрого»[9]. По свидетельству летописца любил князь Ярос-

---

[1] *Порфирий Успенский, еп.* Восток христианский. История Афона. Афон монашеский. С. 192.

[2] Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 11. С. 77.

[3] Там же.

[4] *Карпов А. Ю.* Ярослав Мудрый. (Серия — Жизнь замечательных людей, вып. 1008). М.: Молодая гвардия, 2001. С. 271.

[5] Там же. С. 271.

[6] Там же.

[7] Там же. С. 319.

[8] Там же. С. 272.

[9] Там же.

лав «церковные уставы, и священников любил весьма, особенно же черноризцев, и к книгам прилежал и читал их часто и ночью и днем. И собрал писцов многих, и переложили те от грек на славянское письмо и списали книги многие, ими же поучаются верные люди, наслаждаясь учением божественным»[1].

Трудами книжников и писцов князя Ярослава на Руси быстро распространялось книжное просвещение. В летописи сохранилось знаменитое «сравнение князя Ярослава с сеятелем, плодами трудов которого питаются последующие поколения: «Если некто землю вспашет, другой же засеет, иные же пожинают и едят пищу неоскудевающую: так и сей. Ибо отец его Владимир землю вспахал и умягчил, то есть Крещением просветив; сей же насеял книжными словесами сердца верных людей, а мы пожинаем, приемля учение книжное»[2].

В XIV веке книжное просвещение распространялось на обширных русских землях благодаря проповеди свт. Стефана Великопермского (†1396). Святитель посвятил свою жизнь обращению и просвещению языческого народа пермской земли. Для новокрещенных зырян святителем была устроена школа, где обучались и взрослые и дети. Всех крещеных он наставлял учить изобретенную им зырянскую грамоту, а также «читать Часослов, Осмогласник, Псалтирь и прочие книги. В зависимости от успехов он поставлял кого в священники, кого в дьяконы, чтецы и певцы, «писать научая их пермские книги, и сам помогая им»[3]. Так вместе с Христовой верой в языческой стране зажегся очаг христианской культуры.

В XVI веке широко известны монастырские школы при четырех обителях, основанных святителем Гурием Казанским (†1563) и его учениками в Казани и Астрахани. Монастыри были основаны с целью развития миссионерского дела, чтобы «иноки, не отвлекаясь житейскими попечениями, занимались обращением неверных и обучением детей»[4]. В школе Зилантова Казанского монастыря, устроенной свт. Гурием, монахи обучали детей «читать, писать и правильно понимать Священные книги»[5].

Сотрудник свт. Гурия архимандрит Герман согласно воле святителя основал и устроил в Казанском крае Свияжский монастырь, где также «иноки занимались обучением детей и обращением неверных»[6]. Имел школу и Спасо-Преображенский монастырь в Казани, основанный помощником свт. Гурия архимандритом Варсонофием. Игуменом Кириллом в 1568 году была основана школа для детей, обучавшихся грамоте в Астраханском монастыре во имя Пресвятой Троицы и Святителя Николая[7].

Устраивая монастыри, свт. Гурий просил Государя Иоанна Грозного дать для их содержания вотчины, чтобы монахи были свободны от других забот и занимались только насаждением слова Божия в душах детей. Царю

---

[1] *Карпов А. Ю.* Ярослав Мудрый. С. 313.

[2] Там же. С. 314.

[3] Там же. С. 135.

[4] Жития русских святых. Патриаршее подворье Заиконоспасского и Никольского монастырей в Китай-городе. М.: Изд-во «Сибирская благозвонница», 2003. С. 533.

[5] Там же. С. 553.

[6] *Макарий, митрополит Московский и Коломенский.* История русской Церкви. Кн. 4. Ч. 1. С. 191.

[7] Там же. С. 192.

очень понравилось такое намерение, и он отвечал святителю: «Чернецы должны уподобляться апостолам, которых Господь послал учить и крестить людей неведущих. Учить же детей надобно не только читать и писать, но и право разуметь читаемое, чтобы они могли научить и других»[1].

В середине XVIII века в Петербурге при Александро-Невском монастыре появилась монастырская Славянская школа, из которой впоследствии выросла Санкт-Петербургская Духовная академия[2]. Славянская школа при Александро-Невском монастыре создавалась с целью сделаться основой всех учебных заведений столицы[3]. Основной задачей школы было формирование «ученого братства» — русского ученого монашества. «Особым послушанием воспитанников школы в обители было произнесение проповедей, перевод и составление собственных духовных сочинений»[4]. Преподаватели школы активно занимались научной и издательской деятельностью.

Существовали монастырские школы и при женских русских обителях. Они устраивались для детей-сирот, детей низших сословий, детей из духовенства, а также для послушниц. Как правило, учащиеся таких школ получали начальное образование и обучались простым ремеслам.

Большой вклад внесли женские обители в организацию женского образования в XIX веке, так как в России долгое время не было специальных женских учебных заведений. Так, при знаменитой Пюхтицкой обители вскоре после открытия ее в 1891 году игуменьей Варварой был открыт приют для девочек бедных родителей. В приюте девочки «обучались чтению, письму и другим предметам, предусмотренным программой церковно-приходских школ, а также рукоделию, иконописному и золотошвейному мастерству»[5]. Известны женские школы при Елабужском монастыре Казанской епархии[6], при Богоявленском Анастасиинском монастыре в Костроме и при многих других обителях. Во время жизни в Тихвинском Введенском монастыре обучением детей занималась и духовная дочь св. праведного Иоанна Кронштадтского игумения Таисия (†1915). В то время в Тихвине не было женских школ, «и некоторые из граждан обратились к матушке игумении с просьбой: поучить их детей в монастыре подготовительно для поступления в столичные учебные заведения»[7]. Обучение девочек было поручено будущей игумении Таисии.

---

[1] *Макарий, митрополит Московский и Коломенский.* История русской Церкви. Кн. 4. Ч. 1. С. 190–191.

[2] В 1726 году Славянская школа была преобразована в Славяно-греко-латинскую семинарию, в 1797 году — в Александро-Невскую Духовную академию, а после реформы 1809 года — в СПб. Духовную академию.

[3] Открытие школы было приурочено к указу Петра I «Объявление о монашестве» от 31 декабря 1724 года, в котором Император говорил о необходимости «социально-активного и полезного для общества служения монашества». См. об этом: Православная энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 614.

[4] Там же.

[5] Пюхтицкий Успенский женский монастырь. Библиотека СПбДА. Машинопись, 1986. С. 40.

[6] В Елабужском монастыре Казанской епархии (построенном в 1856–1868 годах) была организована школа для девиц. В основном в ней учились послушницы монастыря, большей частью крестьянского сословия, не знающие грамоты. См. об этом: Елдашев А. М. Монастыри Казанского края. Очерки истории. Казань, 2004. С. 146.

[7] *Таисия (Солопова), игумения*. Келейные записки. М., 2005. С. 107.

Прославилась, как просветительский и духовный центр Леснинская женская обитель. Основательница обители игумения Екатерина, выпускница Московского университета, ученица знаменитого педагога С. А. Рачинского, главным делом монастыря считала просветительскую деятельность. При монастыре были открыты несколько школ, где обучали грамоте и различным ремеслам. Сестры монастыря впоследствии организовывали свои обители в округе и устраивали в них подобные школы.

Знаменитая игумения Арсения (1834–1905) во время своего игуменства в Усть-Медведицком монастыре «открыла училище для малограмотных послушниц, занималась в нем сама и подобрала преподавателей из среды монахинь»[1].

Иногда женские обители только давали средства для устроения школ и не участвовали непосредственно в обучении. Такие обычаи были в обителях со строгим уставом, например в Иверском Выксунском женском монастыре, основанном прп. Варнавой Гефсиманским[2].

Особым проявлением милосердия и заботы о детях были приюты-школы для детей-инвалидов и умственно отсталых детей. Известен такой приют в XIX веке при Московском Ивановском женском монастыре[3]. Здесь очень внимательно подбирались учителя и учительницы, которые должны были иметь особенные внутренние дарования для того, чтобы облегчать состояние страждущих детей.

4. Цели и правила воспитания в монастырских школах

Большинство древних обителей при устроении школ руководствовались указаниями устава свт. Василия Великого, где воспитанию детей посвящены несколько глав. С течением времени многое изменялось, но основные положения и правила воспитания сохранились и поныне.

Целью монастырского воспитания с древности было, прежде всего, воспитание детей в страхе Божием и истинном благочестии. Так, из истории Студийского монастыря известно, что монахи сами водили детей «в монастырский храм к церковным службам, наставляли их слушать и читать Святоотеческие аскетические и назидательные повествования и жития Святых»[4]. Второй задачей воспитания было начальное образование, вместе с которым дети обучались различным ремеслам, специальностям и искусствам, необходимым в жизни.

Как правило, дети жили внутри монастыря или поблизости[5] и имели особый дом и наставников. Часто наставниками становились сами монашествующие, и даже игумены и игумении монастырей, но известны случаи, когда для воспитания детей приглашались благочестивые христиане-миряне.

В древних монастырях была традиция присутствия детей на общей трапезе вместе с иноками, а позже стали иногда устраивать особую трапезную для детей. Уже из правил свт. Василия известно, что в пище детям «де-

---

[1] Русское православное женское монашество XVIII–XX вв. Сост. монахиня Таисия. Изд. ТСЛ, 1992. С. 96.

[2] Там же. С. 219.

[3] Там же. С. 222–224.

[4] *Добропоклонский А. П.* Прп. Феодор исповедник и игумен Студийский. Одесса, 1913. С. 581.

[5] Как, например, в Студийской обители.

лалось снисхождение, и они кушали всегда два раза в день»[1]. Однако с раннего возраста детей приучали к жизни по Церковным канонам, поэтому не было обычая готовить для них особую пищу. Они вкушали то же, что и насельники обителей.

Довольно часто воспитанники монастырских школ — дети-сироты, дети из духовенства или дети из низших сословий — желали стать послушниками и монахами воспитавших их обителей. Другая миссия монастырских школ была просветительская, когда воспитанникам школы предстояло нести свет христианского учения в мир[2]. Детей, которые не желали вступить в монашество или которых вызывали к себе родители, никогда не принуждали оставаться в обители, но «с молитвою и напутственным благословением отпускали домой»[3].

5. Монастырские школы и современное общество

Обращаясь к настоящему, можно сказать, что сегодня, как никогда, подрастающее поколение нуждается в подлинном христианском воспитании. Немалую роль здесь может сыграть православное начальное образование, ведь именно в семье и начальной школе происходит становление личности и формируется внутренний мир ребенка.

Сегодня многие общеобразовательные школы имеют значительное количество предметов, и в их программы включены все достижения современной науки. Но нашим школам, как и древним, недостает главного — Просвещения Светом веры Христовой. Именно такое Просвещение и стремились передать ближним и детям монастыри и монастырские школы. Ведь только такое — духовное Просвещение — стремится очистить человека от всего греховного и «дает ему чистое и радостное сердце, напечатлевает в нем образ Христов и созидает в душе Царствие Божие»[4]. Ничто не может заменить этого внутреннего Просвещения, при котором законы духовные и нравственные сообщаются не только уму, но и сердцу и всему существу человека, и он опытно ощущает их и чувствует в себе как бы новую жизнь.

И сейчас, когда умножается количество монастырей и оживляется их внутренняя и внешняя деятельность, возрождение монастырских школ может и должно значительно повлиять на состояние страны и общества в целом. Ведь именно в монастырях в первую очередь должна быть «сосредоточена та светлая, духовная истинно-христианская жизнь, без которой задыхается живая душа»[5], существует и не угасает то истинное Просвещение, которое «обновляет и оживляет всю душу человека и дает ей истинное счастье и невозмутимый мир»[6].

---

[1] *Вишняков С., священник.* О благотворном влиянии древняго православного монашества на общество // Душеполезное чтение. 1860. Ч. 2. С. 145.

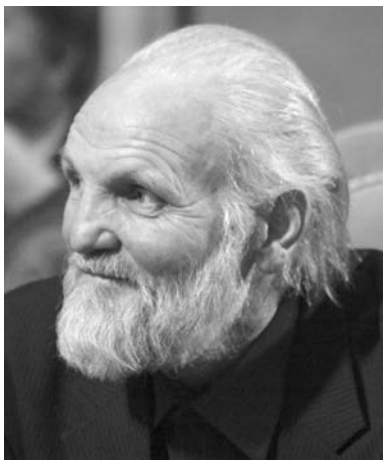
[2] Например, в школах св. Кирилла и Мефодия или в школах свт. Гурия Казанского.

[3] *Вишняков С., священник.* О благотворном влиянии древняго православного монашества на общество // Душеполезное чтение. 1860. Ч. 2. С. 277.

[4] На службе Богу — на службе ближним. По письмам Оптинских старцев о. Амвросия и о. Анатолия. Тип. Казанской Амвросиевской женской пустыни, 1909. С. 19.

[5] Там же. С. 23.

[6] Там же.



Владимир КРУПИН

ПРОГРАММЫ ПРЕВРАЩЕНИЯ ДЕТЕЙ В ЖИВОТНЫХ

Выступление в Общественной палате на слушаниях «Роль литературы в духовно-нравственном формировании общества»

Владимир Николаевич Крупин — родился в 1941 году в с. Кильмезь Кировской области, сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты, служил в армии. Окончил областной педагогический институт Н. К. Крупской, преподавал в школе, работал на ЦТ, был главным редактором журнала «Москва». С 1994 года преподает в Московской Духовной академии. Главный редактор журнала «Благодатный огонь». Секретарь правления Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Знаменитая триада, формула графа Уварова: «Православие, Самодержавие, Народность», на которой стояла во все времена Россия, все чаще вспоминается сейчас, когда не оправдала ожиданий идеология большевизма и коммунизм оказался мифом, когда в новом периоде жизни обнаружилось новое вранье про построение справедливого общества. Мы видим крушение всех демократических институтов, видим, что ни Конституция, ни законы не могут сдержать диктатуру воровства, которая царит в сегодняшней России. Что же ее спасет? Ее спасет нравственность и совесть, этот глас Бога в душе.

Последнее, что хранило нравственность и духовные силы Отечества, после Церкви, была классическая литература и, прежде всего, литература в школе. Как слабеющие в битве былинные богатыри припадали к Матери — сырой земле, и она давала им силы, так нам надо припадать к своим истокам, к накопленному классикой богатству, иначе превратимся непонятно в кого. Мы видим, что сейчас спасительное влияние литературы убивается. Литература изгоняется из школы, государство швырнуло ее под колеса капитала. Конечно, необразованным, зомбированным электоратом легче управлять. Даже в семнадцатом году не смогли тогдашние революционеры «сбросить Пушкина с парохода современности», а сейчас сам видел выброшенные на помойку его книги. «Творцы» новых стандартов образования, вы этого хотели? Но так получается. Неужели составители их всерьез считают, что версификатор Бродский лучше великого Рубцова, неужели просто хороший поэт и плохой прозаик Пастернак, не говоря об Окуджаве, лучше нужнейших Заболоцкого, Исаковского и Твардовского?

Думаю, что так случилось не от глупости и незнания, а от того, что

составляли программу те, кто лишен трех качеств, составляющих человеческую личность. По мысли русского философа Владимира Соловьева, для того, чтобы превратить человека в животное, надо лишить его: первое — чувства стыда, второе — чувства сострадания и жертвенности и третье — благоговения перед святынями. От чувства стыда начала избавлять мир сексуальная революция 1960-х, когда «ливерпульская четверка» кричала о сексе, как об избавлении от всех проблем, прибавляя при этом: «Мы более знамениты, чем Христос», когда пошлость и насилие загадили все кино и телеэкраны, когда образ героя, любящего Отечество, вытеснил образ прохиндея и мошенника Остапа Бендера, а образ любящей жены и матери заменила ведьма Маргарита.

Ворвался в мир школы и Интернет, этот сплошной дом терпимости (напомним, что терпимость в переводе — это столь желанная либералам толерантность), уже не стыдно принародно жевать, материться, не почитать старших, дерзить учителям, угрожая им «телефоном доверия», уже популярен лозунг «закончим школу женщинами», уже лаховцы начинали приносить в начальную школу презервативы и учить ими пользоваться, куда еще?

Сострадание, жертвенность убиваются демократическим рынком. Конкуренция развивает эгоизм. Пропагандируется карьерный рост, как признак жизненного успеха, а чувства долга, солидарности уже и не вспоминаются. Ведь ничего же не получится у головы без участия сердца. Сколково — центр процветания мировой науки уже прозван Склоково.

А что касается третьего, главного чувства человека — благоговения перед святынями, сохранения Бога в душе, оно постоянно оскорбляется и унижается, когда новые Саломеи пляшут перед алтарями, когда оскверняются Кресты, иконы и могилы, когда госпожа интеллигенция занимается любимым делом — сплетнями о священноначалии.

Конечно, чиновники, убивающие предмет литературы, скажут, что не хотят такого кощунства, но если они вдвигают в программы, например Мандельштама, то как их понять. Мандельштам еще после первой революции в статье «Кровавая мистерия 9 января» призывал к цареубийству. Писал: «Нельзя жить, если не будет убит царь».

И постоянное, мы видим, обезъянничание перед какой-то неведомой мировой цивилизацией. Неужели страны, где епископы женщины и где венчают двуногих однополых, для нас пример? Мы — ведущая европейская держава. Русские летописи старше на сто лет французских и итальянских хроник, немецкие вообще появились в IV веке. Наш Нестор писал одновременно с греческими и латинскими авторами. И это до сих пор. Напоминать ли, что мир держится русским искусством и русской научной мыслью?

Задолго до всяких Конституций в России зарождалась симфония духовных и светских властей, какой мир не видывал. Вместе с игуменом Даниилом в Святую Землю ходил киевский князь Изяслав. Духовником у князя был основатель русского монашества преподобный Антоний. «Иду к Антонию на исповедь, ноги подгибаются», — говорил Изяслав. Но ни эти факты, ни сам памятник духовности и литературы «Хождение игумена Даниила» в школе и близко не бывали. Как и написанное за сто лет до «Слова о полку Игореве» «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона.

И отдельно от школы существуют и лежат прямо под ногами золотые россыпи русской речи, народное творчество: песни, сказания, легенды, бы-

лины, пословицы, поговорки, потешки, обрядовая поэзия. А ведь на народное творчество мы не можем смотреть, как на давно прошедшее, оно всегда будет, по крайней мере для пишущих, недосягаемо впереди.

Понимания значения литературы как предмета, поддерживающего свод нравственности над Россией, нет у наших властей. Видимо, им безразлична их посмертная судьба. А ведь все помрем и надо торопиться остаться в истории. Тредиаковский, вручая Императрице Екатерине свою оду, заметил: «Царствованию великого Августа потребен Гораций».

Исследователь происхождения большевизма из протестантизма, а протестантизма из безбожия русский философ Виктор Тростников сделал вывод: «Подлинного мудреца может дать человечеству только православная цивилизация, поскольку мировоззрение, из которого выросла ее культура, есть неповрежденное учение самого Бога, воплотившегося и сошедшего на землю, чтобы дать его людям».

И в самом деле: почему русская классическая литература — ведущая в мире? Потому что она выращена Православием. Как и величайшая музыка, как и живопись — дитя иконописания. А архитектура? Не церковью ли рождена. И если мы начатки Православия взяли от Византии, то уже рост их и созревание свершились на русской почве.

Большевики сделали из Пушкина революционера, пора в школе говорить о нем, как о православном гении. То же и вообще со всем курсом литературы. Гибель Катерины в «Грозе» не протест против «темного царства», а глубочайший стыд за свершенный позор прелюбодеяния, за осквернение брачного венца. Маша Миронова и Петр Гринев любят друг друга, но не могут вступить в брак без родительского благословения. «Покоримся воле Божией, Петруша», — говорит Маша. Но когда Петра оклеветали, то она, нигде не бывавшая, в одиночку едет в Петербург и спасает любимого.

Главный мотив настоящей русской литературы — служение Богу небесному и Царю земному. И утверждение простейшей мысли, что у России свой, Богом указанный путь, что русский язык — язык Богослужебный. Пушкина спросили о даме, с которой он долго разговаривал: «Умна ли она?» Пушкин искренне ответил: «Не знаю, мы говорили по-французски».

Жизни не хватит, чтобы овладеть величием русской словесности, а школа наша вдвигает в программу все вытесняющее изучение иностранных языков. Как будто школа подрядилась поставлять для мирового сообщества англоязычных ЕГЭнедоумков. Но, писал апостол: «Знание языков — есть самое низкое знание». А что самое высокое знание? Конечно, мудрость. А кто мудр? Тот, кто делает добро.

А языки въехали в Россию через дворян, чтобы им скрывать свои разговоры от дворни, вот и весь секрет офранцуживания. Потрясенный своим открытием Митрофанушка восклицает: «Маменька, ведь в Париже даже извозчики говорят по-французски».

«Слово есть высший подарок Бога человеку, — писал Гоголь, и этим словом написал одно из своих главных завещаний: — Воспитание должно происходить … в беспрестанном применении и сличении всего с законом Христа: в чем оно не противоречит Христу, то принимать, а в чем не соответствует Его закону, то отвергать: ибо все, что не от Бога, то не есть истинно».

Когда Россия благоденствовала? Когда в ней усиливалась молитва. Царь Феодор Иоаннович больше молился, чем занимался государственными делами, и при нем Россия процветала. Ибо «Ищите прежде всего Царствия Божия, а все остальное приложится вам». Ибо нет никакой истории, кроме одной: мир или приближается ко Христу, или удаляется от Него. Мы так долго удалялись, что диву даешься, что Господь все еще нас любит.

Рекомендации Общественной Палаты в вопросе преподавания литературы очень нужные и толковые. Только не произошло бы с ними, как с другими документами, созданными в Палате — поговорили, спустили пар на свистки, а дело не сделано.

ВЫШЛА КНИГА

Фаминский Д. Г.

Кладоискатели. — Нижний Новгород: «Вертикаль. XXI век»: ВРЕМЕНА И МНЕНИЯ, 2012. — 272 с.

Дмитрий Фаминский по своему мировоззрению человек глубоко православный. Но тем и ценнее его проза, что это свое духовное состояние он передает героям произведений не навязчиво, без всякой излишней риторики, а органично, естественно, используя лишь художественные приемы. Именно так происходит духовное взросление героев повести «Кладоискатели» Андрея Кораблева, Костика, Симы. Вообще в этом произведении произошло смешение сразу нескольких литературных жанров — исторического повествования, приключенческой повести, мелодрамы. Прием, не раз использовавшийся в русской литературе, и далеко не всегда подобный эксперимент приводил к желаемому результату. В случае с Фаминским произошло радостное исключение. В «Кладоискателях» историческая линия жизни рода князя Федора Петровича Вельского с супругой Елизаветой Андреевной и детьми (выписанная очень зримо, художественно, правдиво) тесно завязывается сначала с научно-кладоискательской линией поиска материальных сокровищ, которые могли остаться от князя, а затем и с любовной линией наших героев. Я не стану пересказывать сюжеты других повестей и рассказов Дмитрия Фаминского. Думаю, заинтересованный читатель уже догадался какого качества и какой проблематики произведения поместил автор в свою книгу. Только добавлю, что с такой искренней христианской любовью в сердце, с такой преданностью Православной Вере пишутся у нас произведения не так часто. Потому я от всей души поздравляю с выходом в свет этой книги как ее автора, так и вас, дорогие читатели.



Валерий СДОБНЯКОВ,
председатель Нижегородской организации
Союза писателей России
главный редактор
журнала «Вертикаль. XXI век»



Галина СКОТНИКОВА

СВЯТОЙ ВОИН В ВИЗАНТИЙСКО-РУССКОМ ДУХОВНОМ АРХЕТИПЕ

К осмыслению ключевого смысла иконы «Благословенно воинство Небесного Царя»

Никакими внешними средствами, реформами нельзя надломить народную жизнь, если она верна своему духовному архетипу, таинственно действующей внутренней органике. Эта мысль[1] Ап. А. Григорьева (1822–1864), «наиболее русского человека из всех своих современников», по характеристике Ф. М. Достоевского, в настоящее время, когда идет мощный процесс размывания ценностных опор и критериев, приобретает особое значение. Ключевой задачей образования и воспитания становится формирование русского самосознания на основе постижения выработанных в веках национальных идеалов. Их исток — в древнерусской культуре, завещавшей архетипы нашей духовности, воплотившей вечные духовные законы, которыми животворится мир.

В становлении русского национального мировосприятия и самосо-

[1] Время. 1861. № 4.

Галина Викторовна Скотникова — потомственный житель Санкт-Петербурга (в четвертом поколении). Доктор культурологии, профессор. В Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусств читает курсы культурологии, культуры Византии, искусства Византии. Участник Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» (о. Родос). Член жюри конкурса «Служение Отечеству: события и имена», проводимого Межрегиональным общественным фондом «Центр Национальной Славы России». Изучает проблемы самобытности русской духовности и культуры. В монографиях «Византийская традиция и русская культура» (2001), «Византийская традиция в русском самосознании» (2002) и в статьях последних лет исследовала проблему византизма в русской философии культуры и византиноведении, государственном и общественном сознании. **Живет в Санкт-Петербурге.**

знания особая роль, как известно, принадлежит Византии. Византийское влияние — один из важнейших факторов, «давших нашей истории и всему культурному ее строю свою определенную фигуру и свое лицо» (Ф. И. Успенский, 1845–1928)[1]. Византия стала Одигитрией в горний мир, открыв наши очи духовному зрению, определив, прежде всего, наш *вероисповедный архетип.* Будучи неразрывно связана с Византией, русская культура самобытна. Этот факт был отчетливо проявлен уже в Древней Руси.

Византийская культура вырастает из античности, осознает истоки своей силы в творческой преемственности — христианском преображении — античного наследия, являя собой «вековечный эллинизм». «Из константинопольской “средины” открывались перспективы не только в географическом пространстве, но и в историческом времени — путь в незамыкающееся прошлое», добавим — и в разомкнутое будущее. «Каждому Византия могла дать то, что было ему нужно: Италии — филологию, традицию платонизма, культ античности, вплоть до неоязычества Плифона; южным славянам и Руси — тысячелетние традиции культуры, духовность исихастов и навыки эллинистического отношения к слову, ожившие в «плетении словес»[2].

Древняя Русь, воспринимая Византию как *хранительницу Православия*, стремится отделить Православие от греков. Академик А. М. Панченко (1937–2002)[3] отмечал, что озорная русская «ахинея», происходящая от искажения слова Афина, яркий символ, выявляющий совершенно различный *фундамент…*[4] культур Византии и России. А один из основоположников русской философии, русского самосознания, А. С. Хомяков (1804–1860) высказывал парадоксальную идею: «Византия прожила Средние века и породила Россию, оставаясь чуждою и средним векам, и России»[5]. Мыслитель говорил о присутствии в византийской культуре двух несовместимых стихий: эллинско-христианской и римско-государственной. Соединив в себе две «величайшие славы Древнего мира», византиец не хотел и не мог дать право равенства с собою новым народным стихиям, идущим с Севера. Пользуясь славянами, вполне завися от союза с ними, он не признавал их братьями. Византия не дала образец христианского государства, ибо слово евангельское просветило совесть человека, но не коснулось совести гражданина: «юридическая цепь Рима охватила и сдавила жизнь Византии». Церковь через равнодушие ко всему временному сохраняла в неприкосновен-

---

[1] *Успенский Ф. И.* Из истории и византиноведения в России // Ф. И. Успенский. Анналы: Журнал всеобщей истории. Пг., 1922, № 1. С. 110. Отметим, что в современном русском самосознании влияние Византии осмысливается самым противоречивым образом. Об этом свидетельствуют материалы специального номера журнала «Развитие и экономика» 2012, № 4: «Империи не исчезают». Из содержания: *Степанов А. Д.* «Еще один византийский урок», *Семикопов Д. В.* «Симфония священства и царства: византийское наследие в современной практике церковно-государственных отношений», *Хоружий С. С.* «Колючий клад: византийское наследие в его обоюдоострой актуальности», *Живов В. М.* «Исследование того, как Россия связана с Византией, должно быть тонким и нюансированным».

[2] *Аверинцев С. С.* Введение: [Литературы византийского региона XIII–XIV вв.] // История всемирной литературы. В 8 т. / АН СССР, Ин-т мировой лит им. А. М. Горького. М.: Наука, 1983–1984. С. 30–31.

[3] *Панченко А. М.* О специфике славянской цивилизации // Знамя, 1992, № 9.

[4] *Аверинцев С. С.* Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. 1988. № 7. С. 210–220; № 9. С. 227–239.

[5] *Хомяков А. С.* Записки о всемирной истории. Ч. 2 // Хомяков А. С. Полн. собр. соч. Т. IV / под ред. А. Ф. Гильфердинга. М., 1873. С. 479.

ности внутреннюю чистоту, при этом не питая в душе человека стремления к согласию между его гражданскими и нравственными обязанностями. Это противоречие и породило, по Хомякову, аскетизм, явившийся не причиной, а следствием общественной болезни. Все лучшее: жизнь духа и мысли, жар поэзии, бежало из общества, которому не могло и не хотело покориться, в монастыри Афона, Сирии, Синая, Египта. Говоря о том, что «в чистоте и цельности просветительских начал», хранимых Византией, «спаслась наша будущая Русь», философ вместе с тем подчеркивает различие Византии и России и как двух духовно-культурных миров.

Русские паломники видели в Константинополе только святыни и реликвии, Царьград был для них Новым Иерусалимом. В своих «хождениях» они не фиксировали внимание ни на каких других впечатлениях[1]. Этот факт проявляет органичность и цельность культурного развития, верность духовному архетипу, в своей основе — славяно-православному. Однако некоторые авторы говорят о поверхностном восприятии русскими людьми многосложной жизни столицы Ромейской империи («забывая», что речь идет о *паломниках*), склоняются к тому, чтобы истолковывать Древнюю Русь не как самобытный тип культуры, развившийся в пространстве православной цивилизации, а как некую ущербную культуру[2]. Следует иметь в виду, что до настоящего времени остается сильным действие в западноевропейском сознании негативного «византийского мифа»[3].

Говоря о диалоге культур, необходимо подчеркнуть, что в истории культуры никогда не происходит усвоение целого культурного строя. «Усвоены, заимствованы могут быть только те или другие общечеловеческие начала, но не самый духовный, законченный строй их, всегда у народа, доросшего до культурности, до самосознания, своеобразный, неподражаемый и неповторимый»[4]. Наши древнерусские предки отнюдь не были прекраснодушно наивны. Русская духовная трезвость позволяла спокойно относиться к недостаткам греков[5]; летописи говорят об их «лукавстве», «льстивости», «прелести» «хитрости», признавая духовный авторитет Византии, смело беря и щедро получая из ее рук все полезное, творчески преобразуя воспринятое.

Православие так глубоко усвоено нами, «что оно есть самый существенный культурный признак наш», — писал автор знаменитого трактата «Ви-

---

[1] *Житенев С. Ю.* История русского православного паломничества в X–XVII вв. М.: Индрик, 2007.

[2] *Дагрон Ж.* Русские паломники в Константинополе: заметки на полях // Дагрон Ж. Император и священник: этюд о византийском «цезарепапизме». СПб.: Филологический факультет; Нестор–История. СПб., 2010. Послесловие переводчика А. Е. Мусина. С. 420–421.

[3] *Скотникова Г. В.* Византия в западноевропейском культурном сознании XXI в.: путь к очевидности // Культура как стратегический ресурс России: Сб. статей. СПб., 2011. С. 267–278. *Лидов А. М.* Византийский миф и европейская культурная идентичность. Лекция, прочитанная 8 апреля 2010 г. в Политехническом музее в рамках проекта «Публичные лекции. Полит.ру».

[4] *Астафьев П. Е.* Национальность и общечеловеческие задачи // Астафьев П. Е. Философия нации и единство мировоззрения. М.: Москва, 2000. С. 34.

[5] См.: *Скабаланович Н. М.* О нравах византийского общества в Средние века // Скабаланович Н. М. Византийское государство и церковь в XI веке: от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина: В 2-х кн. Кн. II. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2004. С. 223–261. В этом блестящем эссе одного их наиболее крупных русских историков-византинистов дан анализ национального греческого (византийского) характера.

зантизм и славянство» К. Н. Леонтьев (1831–1891). Священная цель жизни Византии и Древней Руси — верность Православию. Именно Византия научила нас тому, что без служения Православию жизнь становится унынием и пошлостью. Уместно вспомнить, что слово «пошлость» есть только в русском языке. Значит, мы, русские, воспринимаем, ощущаем безблагодатную жизнь как неподлинную. В Новое и Новейшее время для человеческой души наиважнейшим остается принцип «жить по совести», в основе своей исконно христианский, православный.

Казалось бы, изучение истории и культуры Византии должно быть частью фундаментальной основы отечественной системы образования. Дело, однако, обстоит противоположным образом. Именно этот основополагающий культурный признак и игнорируется. В результате нарушается органика духовного становления, самочувствия и самосознания личности. Искажается тип национальной духовности, постигаемый именно благодаря обращению к истокам, византийско-древнерусскому Средневековью.

В современном образовании можно отчетливо выделить два фактора-препятствия освоению средневековой православной культуры:

— атеистическое умонастроение, воспринимаемое как непременный критерий научности подхода (имеющее корни как в советском, так и в досоветском периоде);

— «внешнее» изучение любых духовных явлений, «псевдопонимание» (по В. В. Розанову, 1856–1919), «бессердечная культура» (по И. А. Ильину, 1883–1954), то есть доминирование позитивистского взгляда.

Вспоминается мысль А. де Сент-Экзюпери о том, что искушение — это соблазн уступить доводам разума, когда спит дух. Особенно опасен этот соблазн, когда речь идет о понимании средневековой культуры, центром жизни которой был храм, литургия. Крупнейшие исследователи византийской духовности пишут: «совершенно … безнадежно и неверно изучать историю Византии извне», так же как «ошибочно писать историю религии безрелигиозному человеку. Кажущаяся объективность и так называемая научная бесстрастность при неверии исследователя приведут к лженауке, не оплодотворенной внутренним дыханием религиозного чувства» (архимандрит Киприан Керн, 1899–1960)[1]; «объективность вовсе не состоит в том, чтобы ставить себя вне данного объекта, а, наоборот, в том, чтобы рассматривать этот объект в нем и через него. Существуют сферы, где то, что обычно называется “объективностью”, есть просто безразличие, и где безразличие обозначает непонимание». (В. Н. Лосский, 1903–1958)[2].

Нередко в процессе образования духовно-смысловая реальность отечественной истории остается вне поля внимания. В результате не возникает душевного созвучия, разрушается преемственность, культурно-историческая традиция начинает рассматриваться не как стимул, а как тормоз для новации. Вместе с тем именно духовное начало обладает мощным созидательным, культуротворческим потенциалом, ибо, как писал в своей работе «Запоздалый голос сороковых годов» один из классиков русской философии (творческое наследие которого еще ждет своего освоения)

---

[1] *Киприан Керн, архимандрит.* Антропология св. Григория Паламы. Гл. 1 «Культурный фон эпохи». М., 1996. С. 37.

[2] *Лосский В. Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви // Мистическое богословие. Киев: Путь к Истине, 1991. С. 100–101.

П. А. Бакунин (1820–1900): «**метафизика господствует над миром и изменяет его своими формулами**»[1]. Современный поэт открывает в нашем бытии ощущение реальности русских духовных идеалов, укорененных в далеком прошлом:

Сквозь время свободно пульсирует память,
я ею жива и сильна[2].

Православие учит духовной брани (христианин — воин Христов), в которой особое значение приобретает ратный подвиг христианского воинства. Почитание святых воинов возникает и развивается в Византии. Основой явилась нескончаемая война с сарацинами, которую государство вело на протяжении многих веков. Особенно напряженный характер приобретает оборона империи в X веке. Идея борьбы за родину окрашивается в религиозные тона. Император Никифор II Фока (963–969) требовал от Патриарха Полиевкта (956–970), чтобы церковь почитала воинов, павших на поле боя, наравне со святыми мучениками[3].

Христианское понимание ратного дела, представленное в древнерусской литературе XI–XVII вв., проанализировано В. В. Лепахиным[4] на примере шестидесяти произведений. Приведем некоторые примеры, представленные автором. Согласно древнерусскому книжнику воин готов отдать свою жизнь: «За веру христианскую, за бедных вдов и малых детей (Былины). — За веру христианскую, за землю российскую и за стольный Киев-град (Былины). — За святую Троицу, за святые церкви, за свое Отечество («Сказание о Довмонте»). — За святые Божии церкви, за веру христианскую, за отчину («Повесть о разорении Рязани Батыем»). — За землю русскую, за веру христианскую, за обиду великого князя (Задонщина). — За святые церкви, за веру православную, за землю русскую, за великую обиду («Сказание о Мамаевом побоище»). — За православное Христианство, за свое Отечество (Послание на Угру). — За Бога, за своего Государя, за его государевых детей, за православную христианскую веру, и за свои дома, жен и детей («Повесть о прихожении Стефана Батория»). — За христианскую веру, за Псков-град, за свой дом и за жен и детей («Повесть о прихожении Стефана Батория»). — За святую Христову веру, за православного Государя, за его государевых детей, наших государей («Повесть о прихожении Стефана Батория»). — За христианскую веру, за большую любовь Царя к воинам, за дары его и за почести (Казанская история). — За веру православную, за монастыри спасенные, за церкви Божии («Смерть царицы Анастасии»). — За святую православную веру, за обитель прп. Сергия («Сказание Авраамия Палицына»). — За веру христианскую, за церкви Божии, за все государство Московское и за имя царское («Повесть об азовском сидении»)».

---

[1] *Бакунин П. А.* Запоздалый голос сороковых годов (по поводу женского вопроса). СПб., 1881.

[2] *Ефимовская В. В.* Долгий свет. Стихи. СПб., 1998.

[3] *Алпатов М. В.* Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси // Алпатов М. В. Этюды по истории русского искусства. Т. 1–2. М.: Искусство, 1967. Т. 1. С. 157.

[4] *Лепахин В. В.* Воинство в древнерусской литературе и иконописи // Православие.RU

Вывод очевиден: на первом месте для воина стоит защита веры. В богослужебной стихире пятого гласа «Благословенно воинство Небесного Царя» воины-страстотерпцы приравниваются к ангельскому чину: «аггельское достоинство потщашеся достигнути». «Гнушайтесь убо врагами Божьими, поражайте врагов Отечества, любите враги ваша»[1], — таков голос Православия.

В русской культуре существуют *уникальные памятники* середины XVI в., созданные одновременно — на рубеже 1550–1560 гг. — при определяющем влиянии митрополита Макария и воплотившие посредством разных форм единое содержание — *соборный подъем и ликующее сияние* духа Руси-России[2]: *«Степенная книга царского родословия»*, *Покровский собор на рву* и икона *«Благословенно воинство Небесного Царя».* В них благодатно высветлен и необыкновенно емко проявлен глубинный, нетленный ***идеал, архетип*** *русской жизни*, в котором слиты церковно-государственно-личностное начала.

Автор «Степенной книги» создал образ Руси как ***райского сада***. Многосторонний анализ этого образа (выявление его истоков и смысла) осуществлен в книге А. С. Усачева[3].

Троицкий собор на Красной площади стал ***совершенным*** воплощением национальной русской идеи христианского храма[4], самым ***всеобъемлющим*** древнерусским архитектурным образом[5]. «Русский народ облек выношенный им в течение столетий идеал в блестящую архитектурно-художественную форму и воздвиг в центре своей земли и в центре своей столицы каменный образ ***прекрасного и совершенного града***. … Покровский собор является воплощением в камне русского мировоззрения середины XVI в. и отражением в архитектурной форме идеала государственного устройства»[6]. Собор являет собой *венец русского зодчества.* В нем соединены все *русские типы*[7] храмов: в центре стоит шатровый (Покрова Богородицы) храм, по сторонам света расположены четыре столпообразных храма, по диагоналям — четыре огненных храма, а весь собор — многоглавый храм. Культурная самобытность Руси, как известно, особенно ярко проявилась в храмовой архитектуре: «Но русский храм никогда не спутаешь с византийским», — писал глубокий исследователь византийского и древнерусского ис-

---

[1] Филарет (Дроздов), свт., митрополит Московский и Коломенский.

[2] Имя Россия именно в византийско-греческой форме впервые документально запечатлено в середине X в. в сочинении василевса Константина Багрянородного, говорящего Μεγάλη Ρωσία — Великая Россия. Обратим внимание, что именно со времен Иоанна Грозного византийская огласовка начинает широко употребляться, причем когда речь идет о государственных интересах. См.: *Соловьев А. В.* Византийское имя Руси // Византийский временник, 1957. Т. 12. С. 134–155.

[3] *Усачев А. С.* «Степенная книга» и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009. Труд был отмечен премией им. митрополита Макария (Булгакова) в 2012 г.

[4] *Кудрявцев М. П.* Русский храм // Символика русского храмоздательства. — Къ Свъту, М.: Родник, № 17, 1995. С. 64.

[5] *Брунов Н. И.* Храм Василия Блаженного в Москве. Покровский собор. М.: Искусство, 1988. С. 236.

[6] Там же.

[7] *Кудрявцев М. П.* Русский храм // Символика русского храмоздательства. — Къ Свъту. М.: Родник, № 17, 1995. С. 65–87.

кусства М. В. Алпатов[1]. Наиболее характерная отличительная особенность древнерусских храмов — луковичные главы. В разноголосье мнений об их происхождении убедительную гипотезу предлагает А. М. Лидов[2]. Ученый видит в луковичной главе устойчивый иконографический канон, идеальную форму церковной главы, символически указывающую «на внутренне единство каждой христианской церкви с первохрамом Гроба Господня».

Собор на Красной площади и знаменитая икона имеют несколько названий (храм именуется — Троицкий собор, Покровский собор на рву, Небесный Иерусалим; икона — «Благословенно воинство Небесного Царя» «Церковь воинствующая», «Торжество Православия»[3]. Этот факт говорит не только о смысловой многозначности данных памятников древнерусской культуры, но и об их уникальной образной целостности воплощения русского духовного архетипа, откристаллизовавшегося к середине XVI века.

Икона «Торжество Православия», содержащая идею христианского воинства, раскрывает ее, как представляется, в **возможной полноте совершенства**.

Икона «Благословенно воинство Небесного Царя» — новое явление, необычное в древнерусском искусстве. Отметим, что столь же необычна и архитектура Покровского собора, который всеми своими композиционными особенностями противоположен традиционному облику русского соборного храма X–XVI веков. Если «замкнутость, покой и углубленная созерцательность — основные особенности последнего», то Покровский собор весь приникнут «движением, устремленностью, волей к действию. Это памятник подвигам Церкви воинствующей…»[4].

В иконе *все необычно*: огромный размер (144×396), горизонтальный формат, иконография, содержание.

Иконография иконы не имеет прецедентов ни в русской, ни в византийской живописи. Исследователи указывают лишь аналогию, называя фреску 1487 г. в церкви Святого Креста села Петреуци в Румынии[5].

---

[1] *Алпатов М. В.* Рублев и Византия // Алпатов М. В. Этюды по истории русского искусства. М.: Искусство, 1967. Т. 1. С. 104.

[2] *Лидов А. И.* Иерусалимский кувуклий. О происхождении луковичных глав // Иконография архитектуры: Сб. научн. тр. / под общ. ред. А. Л. Баталова. М., 1990. С. 57–68. Автор отмечает, что в середине XI в. после восстановительных работ императора Константина Мономаха в 1042–10438 гг. купол кувуклия (балдахина, сооруженного непосредственно над Гробом Господним в храме Воскресения Христова в Иерусалиме) приобрел *луковичную форму*, ставшую устойчивым, освященным авторитетом византийской церкви иконографическим мотивом. Существенно важно, что Храм Гроба Господня, возникший на месте искупительной жертвы и воскресения Христа, истолковывался богословами как Новый Иерусалим, зримое воплощение Царства Небесного. Луковичные главы знаменовали изначальный символический замысел многоглавого и многопрестольного Покровского собора, задуманного как храм-город, *образ Нового Иерусалима*, зримым воплощением которого был для каждого христианина комплекс Гроба Господня.

[3] *Кочетков И. А.* К истолкованию иконы «Церковь воинствующая» («Благословенно воинство Небесного Царя) // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: 1985. Т. XXXVIII. В статье отмечаются и другие наименования иконы. Так, в описи 1627 г. икона названа «Образ Пречистыя Богородицы и Грозного Воеводы», а в описи 1701 г. — «Образ Пресвятыя Богородицы да Архангела Михаила с лики святых». С. 207–208.

[4] *Брунов Н. И.* Храм Василия Блаженного в Москве. Покровский собор. М.: Искусство, 1988. С. 48.

[5] *Кочетков И. А.* К истолкованию иконы «Церковь воинствующая» («Благословенно воинство Небесного Царя) // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. XXXVIII. С. 205.

Содержание иконы, по мнению большинства исследователей, непосредственно связано с событиями времени ее создания. Икона представляет собой символическое изображение Казанской победы Иоанна Грозного. Конное и пешее войско движется тремя колоннами от охваченного пламенем города в городу, стоящему на горе и покрытому шатром, в котором восседает Богородица с Младенцем. Горящий город — Казань. Воины с нимбами — павшие воины.

Икона «Благословенно воинство Небесного Царя» — это и торжество Победы, и панихида по павшим. Оплакивание павших входило составной частью в торжество победы. «Вовсе не случайно Иоанн Грозный назначает пир победителей на 40-й день после штурма: это одновременно были грандиозные поминки по погибшим»[1].

Памятник «Благословенно воинство Небесного Царя» сочетает в себе земной и небесный план, временное и вечное. Именно это обстоятельство позволяет ученым видеть в нем и икону, и «икону-картину» (и даже «картину исторического содержания»). В. М. Сорокатый рассматривает икону как воплощение *эсхатологических* представлений об истории и судьбах мира и «о роли церкви в спасении человечества», полагая, что она была создана *до* Казанского похода Иоанна Грозного[2].

При осмыслении иконы обычно выделяют три «пояса» («яруса», «регистра») в шествии воинов. Однако можно видеть[3] и *кольцо* (его части) святых воинов, всадников с нимбами (Небесное воинство), окружающих центральную группу. Тогда икона становится символом единства Церкви Небесной (Торжествующей) и Церкви земной (Воинствующей). Кремлевскому памятнику несомненно близка по содержанию икона, находившаяся в Никольском единоверческом монастыре, получившая в посвященном ему издании характерное название «Соединение земной воинствующей Церкви и Небесной Торжествующей»[4].

Таким образом, живописный памятник «Благословенно воинство Небесного Царя» — икона и икона-картина, торжество Победы и панихида по павшим, символ единства Церкви Небесной и Церкви земной — ***пластический образ Святой Руси, России как «Богу служащей и потому освященной Родины»*** (И. А. Ильин).

Высший духовный подвиг в русской культуре — святость. У классика русской мысли, одного из знаменитых почвенников, Н. Н. Страхова (1828–1896) находим такие слова: «К святости, как завершению всякой нравственности, направляются все те действия, которые можно назвать

---

[1] *Кочетков И. А.* К истолкованию иконы «Церковь воинствующая» («Благословенно воинство Небесного Царя) // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. XXXVIII. С. 201.

[2] *Сорокатый В. М.* Икона «Благословенно воинство Небесного Царя». Некоторые аспекты содержания // ДРИ: Византия и Древняя Русь. К 100-летию. А. Н. Грабара (1896–1990) СПб., 1999. С. 413–414.

[3] *Морозов В. В.* Икона «Благословенно воинство Небесного Царя» как памятник публицистики XVI века». Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. М., 1984. Вып. 4: Произведения русского и зарубежного искусства XVI — начала XVIII века. С. 17.

[4] *Сорокатый В. М.* Икона «Благословенно воинство Небесного Царя». Некоторые аспекты содержания // ДРИ: Византия и Древняя Русь. К 100-летию. А. Н. Грабара (1896–1990) СПб., 1999. С. 399–417. С. 405.

нравственными, и лишь она одна может дать им вполне этот смысл и характер»[1].

На Руси говорили: «Умрем за Святую Русь! За дом Пресвятыя Богородицы!»

Крупнейший русский мыслитель XX в. И. А. Ильин называл три основных закона духа: свобода, любовь и предметность. Жить предметно — это значит соединить самого себя с такой ценностью, которая придает твоей жизни высший, подлинный смысл, смысл, за который стоит сражаться и умереть. Для русского такой ценностью является Россия. «Если мои книги нужны России, то Господь убережет их от гибели, а если они не нужны ни Богу, ни России, то они не нужны и мне самому. Ибо я живу только для России» (И. А. Ильин).

Задача постижения отечественной истории как единого духовного организма состоит, прежде всего, в открытии для личности родников любви к России, «ибо нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви» (А. С. Пушкин)[2]. Вспомним и мысль Гоголя о том, что, не полюбив России, русскому человеку не спастись, то есть не открыть для себя Церкви. А значит не открыть и духовной сущности народа, потому что «кто любит народ русский — не может не любить Церкви. Потому что народ и его Церковь — одно. И только у русских это — одно» (В. В. Розанов).

Как писал И. А. Ильин «…родина есть *живая духовная сила*, пребывание в которой дает твердое ощущение ее блага, ее правоты; ее энергии и ее грядущих одолений. Вот почему *отчаяние* в судьбах своего народа свидетельствует о начавшемся *отрыве* от него, об *угасании* духовной любви к нему. Но верить в родину может лишь тот, кто живет *ею, вместе с нею и ради нее,* кто соединил с нею истоки своей творческой воли и своего духовного самочувствия»[3].

Византия полностью принадлежала периоду Средневековья. Само время существования Ромейской империи (330–1453) стало рассматриваться историками как границы европейского Средневековья. В отличие от Византии история культуры России знает не только средневековый период, но и Новое, и Новейшее время. Два последних ознаменованы активным отталкиванием от византийско-древнерусского, православного наследия, то есть искажением исконно типа русской духовности. Поэтому в Новое и Новейшее время наряду с ратным подвигом важнейшую роль приобретает подвиг «светского духовного воина», созидающего православную культуру. Высшей целью гуманитарного образования и воспитания в русской культуре является «внутренний человек». Ап. Павел в Послании к Коринфянам говорит: «…если внешний наш человек и тлеет, но внутренний со дня на день обновляется» (2 Кор. 4:16). Обновление для христианского сознания есть благодатное преображение души на пути ее спасения.

---

[1] *Страхов Н. Н.* Справедливость, милосердие и святость // Страхов Н. Н. Воспоминания и отрывки. СПб.: тип брат. Пантелеевых, 1892. С. 214.

[2] *Пушкин А. С.* Александр Радищев // Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. М.: Художественная литература, 1962. Т. 6.

[3] *Ильин И. А.* Путь духовного обновления // Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. С. 234.

Сокровищем духовной связи времен является традиция русской классической литературы и линия «метафизического персонализма»[1] в отечественной философии (Н. Н. Страхов, П. Е. Астафьев, В. И. Несмелов, П. А. Бакунин, И. А. Ильин и др.). Постижению национального типа мышления, для которого высшей ценностью является «внутренний человек», образ и подобие Божие, человек, устремленный к вечным идеалам в реалиях культуры XXI в., помогают сочинения современных авторов: труды архиепископа Константина (Горянова), А. Л. Казина, А. А. Королькова, В. А. Фатеева.

Именно ощущение России в ее сокровенной глубине как живой духовной реальности открывает человеку неисчерпаемый родник духовных сил, позволяя ему видеть Родину в Божьем луче. Подлинное образование и призвано воспитывать национальный дух: очищая и просветляя его интуитивную, непосредственно данную составляющую; философски-рационально укрепляя интеллектуальную — русское самосознание, от которого зависит устроение земной жизни, устремленной к Небесной.

Список литературы

1. *Аверинцев С. С.* Введение: [Литературы византийского региона XIII–XIV вв.] // История всемирной литературы. В 8 т. / АН СССР, Ин-т мировой лит им. А. М. Горького. М.: Наука, 1983–1984.

2. *Аверинцева С. С.* «Византия и Русь: два типа духовности» // Новый мир. 1988. № 7. С. 210–220; № 9. С. 227–239.

3. *Алпатов М. В.* Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси / Алпатов М. В. Этюды по истории русского искусства. В. 2 т. М.: Искусство, 1967. Т. 1.

4. *Алпатов М. В.* Рублев и Византия // Алпатов М. В. Этюды по истории русского искусства. М.: Искусство, 1967. Т. 1.

5. *Астафьев П. Е.* Национальность и общечеловеческие задачи // Астафьев П. Е. Философия нации и единство мировоззрения. М.: Москва, 2000.

6. *Бакунин П. А.* Запоздалый голос сороковых годов (по поводу женского вопроса). СПб., 1881.

7. *Брунов Н. И.* Храм Василия Блаженного в Москве. Покровский собор. М.: Искусство, 1988.

8. Время. 1861. № 4.

9. *Дагрон Ж.* Русские паломники в Константинополе: заметки на полях // Дагрон Ж. Император и священник: этюд о византийском «цезарепапизме». СПб.: Филологический факультет; Нестор-История. СПб., 2010. Послесловие переводчика А. Е. Мусина.

10. *Ефимовская В. В.* Долгий свет. Стихи. СПб., 1998.

11. *Житенев С. Ю.* История русского православного паломничества в X–XVII вв. М.: Индрик, 2007.

12. *Ильин Н. П.* Трагедия русской философии. М.: Айрис-Пресс, 2008;

13. *Константин (Горянов), архиепископ*. И познаете Истину. СПб.: Родная Ладога, 2011.

[1] *Ильин Н. П.* Трагедия русской философии. М.: Айрис-Пресс, 2008.

14. *Киприан Керн, архимандрит.* Антропология св. Григория Паламы. Гл. 1 «Культурный фон эпохи». М., 1996. С. 37.

15. *Кочетков И. А.* К истолкованию иконы «Церковь воинствующая» («Благословенно воинство Небесного Царя) // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. XXXVIII. С. 207–208.

16. *Кочетков И. А.* К полемике об иконе «Благословенно воинство Небесного Царя» // Иконографические новации и традиции в русском искусстве XVI в. (Памяти В. М. Сорокатого). М.: Индрик, 2008. С. 329–338.

17. *Кудрявцев М. П.* Русский храм // Символика русского храмоздательства. — Къ Свъту, М.: Родник, № 17, 1995.

18. *Лепахин В. В.* Воинство в древнерусской литературе и иконописи // Православие.RU.

19. *Лидов А. И.* Иерусалимский кувуклий. О происхождении луковичных глав // Иконография архитектуры: Сб. научн. тр. / под общ. ред. А. Л. Баталова. М., 1990. С. 57–68.

20. *Лосский В. Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви // Мистическое богословие. Киев: Путь к Истине, 1991.

21. *Морозов В. В.* Икона «Благословенно воинство Небесного Царя» как памятник публицистики XVI века. Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. М., 1984. Вып. 4: Произведения русского и зарубежного искусства XVI — начала XVIII века.

22. *Панченко А. М.* О специфике славянской цивилизации // Знамя, 1992, № 9.

23. *Пушкин А. С.* Александр Радищев // Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. М.: Художественная литература, 1962. Т. 6.

24. *Скабаланович Н. М.* Византийское государство и церковь в XI веке: от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. В 2-х кн. Кн. II. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2004. С. 223–261.

25. *Скотникова Г. В.* Византия в западноевропейском культурном сознании XXI в.: путь к очевидности // Культура как стратегический ресурс России: Сб. статей. СПб., 2011. С. 267–278.

26. *Соловьев А. В.* Византийское имя Руси // Византийский временник, 1957. Т. 12. С. 134–155.

27. *Сорокатый В. М.* Икона «Благословенно воинство Небесного Царя». Некоторые аспекты содержания // ДРИ: Византия и Древняя Русь. К 100-летию. А. Н. Грабара (1896–1990) СПб., 1999. С. 399–417.

28. *Страхов Н. Н.* Справедливость, милосердие и святость // Страхов Н. Н. Воспоминания и отрывки. СПб.: тип. брат. Пантелеевых, 1892.

29. *Усачев А. С.* «Степенная книга» и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009.

30. *Успенский Ф. И.* Из истории и византиноведения в России // Ф. И. Успенский. Анналы: Журнал всеобщей истории. Пг., 1922, № 1. С. 110.

31. *Хомяков А. С.* Записки о всемирной истории. Ч. 2 // Хомяков А. С. Полн. собр. соч. Т. IV / под. ред. А. Ф. Гильфердинг. М., 1873.

Точка зрения



Светлана ШОРОХОВА

СПОР О «РИМСКОМ НАСЛЕДСТВЕ»

Светлана Петровна Шорохова — родилась в 1975 г., кандидат философских наук, доцент. Окончила философский факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Работает в Институте бизнеса и политики (г. Москва), где занимает должность заведующей кафедрой социологии и политологии. Автор более 40 научных публикаций. Тематика исследовательских интересов — история зарубежной философии, является членом Российского философского общества. «Почетный работник высшего профессионального образования» (2012). **Живет в Москве.**

С крушением «социалистического блока» (по сути *панславянского военно-экономического союза*) во главе с СССР («Советской Россией» по западной классификации) странами Запада во главе с США было объявлено об их победе в «холодной войне с коммунизмом» и неоспоримом торжестве *западных ценностей.* Главным образом это ценности «свободы личности» и «свободы предпринимательства (обогащения)», то есть *права человека* и *рынок.* В основе их — этика протестантизма, который в свою очередь является иудаизированным христианством (не случайно, что США — это симбиоз иудео-протестантизма, с культом богатства — как богоизбранности).

К ценностям «западного» мира также традиционно относят ценности гуманизма, толерантности, плюрализма, в которых, на первый взгляд, нет ничего предосудительного, но которые, при более внимательном рассмотрении, обнаруживают свою страшную разрушительную силу.

Слово «толерантность» (от латинского *tolerantia* — терпение) первоначально функционировало только в роли термина, использующегося в физиологии и медицине, где оно означает способность организма принимать в себя чужеродное тело. Более широкое значение слова, с которым оно вошло в современный русский язык, — терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению. Говоря о толерантности, предполагают чаще всего безграничную (в соответствии с общей концепцией современного глобализированного «мира без границ») внутреннюю готовность того или иного национального и культурного сообщества принимать в себя чуждые, а зачастую и прямо враждебные культурные и этнические элементы.

«Плюрализм» — термин, противоположный «монизму», был предложен немецким философом Х. Вольфом в начале XVIII в. для обозначения философской позиции, которая отрицает единство мира и утверждает, что в основе мира лежит множество самостоятельных и независимых начал бытия. В последующие эпохи гносеологической основой плюралистических концепций становится релятивизм, то есть утверждение условности всякого знания и отрицание устойчивости вещей и явлений. В современном мире плюрализм развился и в социологическую теорию, согласно которой общественно-политическая жизнь представляет собой конкуренцию множества социальных групп, партий и организаций. В более широком значении плюрализм — это сосуществование разных форм политической, экономической, культурной жизни как главный принцип устройства правового общества, а также многообразие взглядов и мнений, дающее возможность свободы выбора.

Гуманизм — это общефилософский, методологический принцип, лежащий в основе бытия современной индустриально-технологической цивилизации, образно называемой «Западом». Как известно, общепризнанного определения понятия «гуманизм» не существует. Обычно под гуманизмом понимают стремление к человечности, к созданию условий для максимального развития способностей человеческой личности, а также условий для достойной человека жизни. В реальной жизни принципы гуманизма формулируются в трех основных категориях: 1) общечеловеческие ценности; 2) права человека; 3) идеал всемерно развитой, гармоничной личности.

Именно гуманизм сегодня считается самой передовой идеологией, признаком цивилизованности того или иного народа, неким пропуском в семью иных «самых цивилизованных» государств и народов. Более того, многие идеологи на основе «принципов гуманизма» вообще делят народы на «цивилизованные» и «нецивилизованные» («дикие»). А сами принципы гуманизма сегодня пропагандируются как самые передовые и прогрессивные, используются в качестве политического инструмента воздействия на другие государства и народы при решении разнообразных, в том числе экономических, социальных, политических вопросов в области международных отношений и в координации внутренней политики различных государств.

Казалось бы, нет более благородных целей, нежели гуманистические, и недаром многие столетия именно эти лозунги, эти идеи лежали в основе всего развития человеческого общества, каковое олицетворяла собой, чуть ли не общему признанию, западная цивилизация, объявленная примером, образцом цивилизации вообще.

С историко-философской точки зрения культура и философия гуманизма — это грандиозное и противоречивое, а во многом и противоестественное смешение христианства, античной философии, позднеантичной и восточной магии и мистики. Будущая западноевропейская культура рождалась в эпоху Возрождения на основе смешения различных религиозных, научных, литературных и мистических традиций. Именно эта установка позволила мыслителям гуманизма порвать с традиционным христианским мироощущением и объявить личность отдельного человека если еще и не равной Богу, то, во всяком случае, приближающейся к Богу по своим возможностям, способностям и, главное, по своей степени свободы. В XVI–XIX вв. религиозно-философские установки гуманизма стали методологической базой всех основных религиозных, философских, этических, политических, эко-

номических, эстетических учений западноевропейской цивилизации: протестантизма (во всех его разновидностях), рационализма, эмпиризма, «теории естественного права», просветительства, английской политэкономии, немецкой классической философии, марксизма, позитивизма и т. д. Гуманистические установки в этих учениях принимали разные формы — от самых радикальных (марксизм) до либеральных и охранительных (гегельянство). Но суть оставалась одна — каждый крупный мыслитель, воспитанный в гуманистическом духе, стремился творить новое законченное мировоззрение, которое должно было полностью заменить собой христианство.

Таким образом, именно гуманизм стал, с одной стороны, орудием идеологического разрушения традиционного христианского общества Западной Европы (стоит вспомнить, что США изначально создавались как протестантская держава, а основные гуманистические лозунги нашли свое отражение в Конституции США 1776 г.), а с другой стороны, средством создания нового общества, которое известно нам под разными именованиями — «правовое государство», «гражданское общество», «капиталистическое общество», «современная западная цивилизация» и др.

И каких же результатов достигло человечество, опираясь на философию гуманизма? Первое — это научно-технический прогресс, активное познание природы, создание многообразных, не существующих в природе технологий. Второе — мощнейшее экономическое развитие в XIX—XX вв., приведшее человечество уже к созданию «постиндустриального общества». Третье — идеология и практика «правового государства» и знаменитые, незыблемые в своей основе «права человека». В результате уже в XX столетии человек стал поистине владельцем планеты, способным совершенно свободно с ней обращаться. Иначе говоря, человек в полном смысле этого слова оказался приравненным к Богу (о чем свидетельствуют последние достижения в клонировании).

Но есть и иные результаты. Последние триста лет развития человечества, когда наука набирала все бóльшую и бóльшую силу, когда вера в абсолютность способностей человека стала господствующей, показали — человек, не признающий Бога, способен лишь к разрушению. С тех пор, как гуманизм стал общефилософским принципом бытия западной цивилизации, человечество оказалось ввергнуто в бесконечную цепь социальных конфликтов. Это вполне объяснимо — человек, признав себя равным Богу, принялся бороться за лучшие условия своего социального существования, начал преобразовывать социальное пространство в соответствии с собственными представлениями об обществе, кроить общественное устройство по им самим придуманным меркам. Более того, человек начал преобразовывать и природную среду в соответствии со своими представлениями. Недаром возникло определение человека как «царя природы», идеология «покорения природы» в интересах человека. Именно XX век стал пиком торжества философии гуманизма. Но именно XX век, век науки и техники, век атома и космоса, век торжества человеческого разума, именно этот век принес человечеству наибольшие разрушения — две мировые войны, бесконечные экологические катастрофы, сотни миллионов погибших людей. Сегодня, как известно, мир стоит на грани самоуничтожения.

И в этих условиях на наших глазах разворачивается формирование нового мирового порядка. И это не просто очередная экономическая система

или система международных отношений. Пред нами открывается попытка формирования нового целостного мироустройства, для которого необходимо найти единые основания, в том числе и идеологические, нравственные и мировоззренческие.

И в этом новом идеологическом пространстве и меняется положение главных акторов международной политики.

* * *

После десятилетий разрухи и перманентной гражданской войны — современная Россия, потерявшая треть своей территории и населения, по определению *не является* соперником для США и Запада в целом. За последние двадцать лет поднялись Китай, Индия, оформился исламский фундаментализм.

И, тем не менее, *главными врагами* США и Европы (по установке Голливуда, глобального инструмента агитации и пропаганды, перед которым Геббельс и Суслов — нашкодившие первоклассники) — были и остаются русские и… сербы. В нескольких фильмах начала 2000-х мелькнул Китай в качестве соперника Запада, сняли с десяток фильмов про исламских террористов. Но в сотнях и тысячах (а именно таков годовой фильмооборот Голливуда) других фильмов — русские по-прежнему остаются *главным врагом Запада.* То в качестве «русских спецслужб», внедрившихся в руководство ЦРУ (самый свежий пример «Двойной агент» с Ричардом Гиром, 2012, или «Солт» с Анжелиной Джоли, 2010), то в качестве «русской мафии» («Кодекс вора» с Антонио Бандеросом, 2009), а то вовсе в качестве возврата «тоталитарной России, мечтающей о мировом господстве» (очередные похождения Джеймса Бонда в фильме «Золотой глаз» или более яркий пример — сериал CBS 2001 года «Агентство», исполнительный продюсер которого фактически работал в соавторстве с бывшим агентом ЦРУ и моряком Баззелом Базом, а также с ним работали и другие бывшие агенты ЦРУ в качестве консультантов).

Встает вопрос — почему же именно русские и сербы выставляются главными врагами Запада? Антиславянские, нацистские предрассудки? Нет, Запад прекрасно любит «окатоличенных» поляков, чехов, хорватов, «омусульманенных» боснийцев; ничего не имеет против «вестернизированного православия» болгар и румын.

Ответ на этот вопрос может быть только культурно-историческим: это вопрос о «Римском наследстве». Только Рим предложил *универсальную систему международного общежительства, приемлемую для христианского мира.* Многочисленные халифаты и Османская Порта не могут быть примерами такого универсума именно по этой, религиозной причине.

Причин для утверждения римского универсума несколько. Христос родился в Римской империи и Его Младенцем повезли в Назарет по причине переписи населения Римской империи. Римская империя времен Константина Великого становится идеалом Христианской империи. Не случайно, что именно к грамоте Константина Великого (как оказалось, поддельной) апеллировали католики, утверждая первенство Римского епископа.

Представление об универсальной модели государства стало складываться в римском сознании еще со времен Цицерона (I в. до Р. Х.). В своих

произведениях он высказал ценные мысли о причинах появления государства (он считал, что государство возникло из-за природной приверженности людей к общению и, как следствие, из-за добровольного их желания это общение упорядочить, взаимодействуя через государство). Кроме того, он провел сравнительный анализ трех основных форм государства (демократической, аристократической и монархической) и причин их неустойчивости, и худшей формой государства считал демократию, увидев порочность в тирании массы, ужасаясь злой воле толпы, присвоившей себе имя и видимость народа. Лучшей формой государства среди трех названных он считал монархию. Превосходство ее над другими формами он видел в том, что воля одного лица эффективнее воли многих: разумная царская власть, по его мнению, управляет страной так же, как умный отец семейства управляет семейными отношениями.

Заимствовав у греческих мыслителей идею «смешанного» государственного устройства, Цицерон развивал представления об «общем благе», «согласовании интересов», «общем правопорядке» — принципы, лежащие в основе построения Римского государства. Свои общие представления о справедливой власти и законах Цицерон конкретизировал в предлагаемых им проектах законов о религии и о магистратах. Имея в виду универсальный характер этих законов, писал: «Ведь мы издаем законы не для одного только римского народа, но и для всех народов, честных и стойких духом».

Следует сказать, что широкое употребление в римской политической и юридической практике имело выражение *concordia* (согласие). Цицерон определял дух Римского государства наличием в нем свободы и согласия, *libertas et concordia*, конечно, в римском понимании этих понятий. Слово *concordia* этимологически происходит от «сосердечия», то есть от субъективного, сердечного предрасположения. *Concordia* — олицетворение согласия между гражданами, народом и сенатом, в эпоху империи — между императорами и их соправителями. В эпоху империи *Concordia* с эпитетом Августа (как воплощение согласия в войске, между провинциями и Римом и пр.) часто изображалась на монетах и имела святилища в разных частях римского мира. Например, самим Августом был построен алтарь — *Ara pacis*, Алтарь мира, представляющей символ мира и согласия между всеми людьми. Он созвал правителей разных стран, представителей различных религий, чтобы создать великое Государство, провозгласил Согласие как самое разумное, гуманное и естественное равенство. В политической практике Римского государства использовалось понятие «согласия сословий» (*concordia ordinum* или *consensus bonorum omnium*). Цицерон во II книге диалога «О государстве» дал чрезвычайно поэтичное, даже вдохновенное сравнение гармонии в музыке и пении с гармонией сословий: «…так и государство, с чувством меры составленное путем сочетания высших, низших и средних сословий…, стройно звучит благодаря согласованию [самых несходных начал]».

Не будет преувеличением утверждение, что от Согласия — прямой путь к симфонии, Симфонии властей — доктрине св. Императора Юстиниана Великого о гармонических отношениях между священством и государством. Император Юстиниан формально подытожил процесс перерождения Римской империи из языческой в христианскую, найдя подходящий термин, с помощью которого он выразил идеал этого нового положения. Кроме того, он придал четкую юридическую форму определению этого идеала. Добрая

симфония (созвучие) между государством и Церковью, согласно учению императора Юстиниана, возможна при следующих условиях:

1. Ее осуществление возможно лишь с каким-нибудь из трех правильных государственных режимов, то есть с монархией, аристократией или политейей (республикой), или, в крайнем случае, с каким-нибудь смешанным режимом, в котором преобладают эти правильные режимы. Но само определение симфонии исключает возможность таковой с каким бы то ни было политическим строем, являющимся извращением правильных режимов. Значит, симфония Церкви невозможна ни с тиранией, ни с олигархией, ни с демократией (понимаемой в классическом смысле, то есть как извращение политейи, или республики).

2. В рамках такого правильного режима необходима компетентность государственной власти.

3. Добрая симфония, требуя от государства два этих условия, не предъявляет никаких требований Церкви. Однако Юстиниан выдвигает требования к священству, ибо именно от его качеств (оно должно быть честным, беспорочным и полностью верным Богу) зависит сама возможность доброй симфонии Церкви и государства. И, наконец, в основании всех этих предыдущих объективных условий для достижения доброй симфонии лежит равнозвучие царства и священства, каждого в своей сфере, ибо «оба происходят от одного источника», оба являются «величайшими дарами Божиими» и оба имеют одну и ту же цель «украшать человеческую жизнь» для «пользы рода человеческого».

В восточной Римской империи доктрина симфонии всегда была идеалом соотношений между Церковью и государством. Правда, идеалом труднодостижимым, а потому зачастую так или иначе нарушаемым. Однако эти нарушения почти всегда были практического, а не принципиального характера.

Английский историк Арнольд Тойнби в своем последнем труде (опубликованном посмертно) «The Greeks and their Heritage» приводит «внушительный список» Константинопольских Патриархов, имевших конфликты с императорами. Он подчеркивает, что некоторым Патриархам удавалось выйти победителями из этих конфликтов. Все же начиная с середины XI в. «чаша весов склонилась в сторону Церкви». «В столкновениях римских восточных императоров с Константинопольскими Патриархами первые выиграли много сражений, но не выиграли ни одной войны… Даже в тех случаях, когда принесенный в жертву Патриарх не получал личного удовлетворения, в прошествии времени обычно побеждало то дело, за которое он принес себя в жертву». Тойнби даже дает объяснение, почему это так получалось: «В религиозных вопросах восточные римские императоры в конечном итоге всегда терпели поражение, когда их политика отходила от преобладающего народного чувства». Значит, конечным арбитром в конфликтах между императорами и Патриархами был народ, так как обе эти инстанции были институциями одного и того же народно-общественного организма и обе имели своей задачей «украшать человеческую жизнь».

Для более совершенного понимания этой мировоззренческой и одновременно конституционной системы необходимо не упускать из виду, что симфония отнюдь не сводилась к отношениям между римскими императорами и Константинопольскими Патриархами. Симфония не была внутренним

делом только лишь восточной половины Римской империи, а существовала между империей и всеми пятью Патриархатами Христианской Церкви.

Во время императора Юстиниана Великого все эти Патриархаты находились на территории империи. Однако после смерти Магомета в 632 г. начинается мусульманская экспансия, которая уже к 650 г. приведет к потере для империи территорий, находившихся в юрисдикции Антиохийского, Александрийского и Иерусалимского Патриархатов. В 669 г. пал Карфаген, а к началу VIII в. вся христианская Африка оказалась под мусульманами. Из Африки и Азии мусульмане попытались ворваться и в Европу на востоке и на западе. В 718 арабы держали в течение целого года под осадой Константинополь, но город не сдался. В 722 победа в Ковадонге астурийских войск над арабами обеспечила сохранение в Испании этого маленького христианского королевства, откуда затем и начнется «реконкиста» Испании.

* * *

В результате этих перемен в тогдашнем мире полностью изменилось и геополитическое положение всего христианского мира. Его центр тяжести стал перемещаться с северных, восточных и южных берегов Средиземного моря на северо-запад, во внутреннюю часть Западной Европы, а затем и на северо-восток, в Россию. В Западной Европе наступает период гегемонии бывших варварских королевств над остатками империи. В рамках этих процессов и происходит отход Римского епископства (папства) от империи и его сближение с франкским государством, в конечном итоге приведший к потере симфонии, а затем и к искажению Символа Веры на территории его юрисдикции.

После раздела Христианского Рима на Восточную Римскую империю (Византию) и Западную (Священная Римская империя германской нации) на протяжении полуторатысячелетия длится этот спор: кто же является подлинным наследником Великого Рима? Запад неоднократно пытался решить этот спор силой: «четвертый крестовый поход» и разграбление Константинополя, «крестовые походы» шведов и тевтонцев на Псков и Новгород, поддержка Лжедмитрия в обмен на обещание «окатоличить» русских.

Россия, после падения Второго Рима — Византии провозглашенная Третьим Римом, эти силовые попытки всегда с успехом отражала. Между тем религиозность самого Запада становилась все более слабой, но на смену ей уже шел сложившийся «цивилизационный код» (выросший из религии). И последующие войны Запада против России (Шведская, Наполеоновское вторжение, фашистская агрессия) были войнами «цивилизационного» характера, когда шли воевать с «восточными варварами». Но не просто «варварами» (как в Индии, Китае, Персии или Африке), а *с «варварами», создавшими (точнее сохранившими) иную модель «римского универсума», не порабощающую народы, не ассимилирующую и не крестящую «огнем и мечом», то есть* ***соответствующую духу Христова учения***. Именно в силу этой уникальной цивилизационной модели на территории России сохранились народности, упомянутые еще в «Повести временных лет» (полторы тысячи лет назад). В противоположность этому стоит задуматься: кому-нибудь сегодня что-либо известно

о западных славянах (бежецкие, лужицкие), составлявших большинство населения на севере современной Германии вплоть до XII века? Или о пруссах? Куда исчезли галлы во Франции и кельты с бриттами в Англии? Еще К. Н. Леонтьев — русский философ, дипломат, публицист и литературный критик, писал об охранительстве этнического богатства России, называя его «цветущей многосложностью», и о несовместимости его с европейским эгалитаризмом, ликвидацией культурно-мировоззренческих границ и «вавилонском всесмешении» рас и народов. По его мнению, тигель европейской цивилизации равнодушно переплавляет окситанцев, бретонцев, фризов, лужичан в средних европейцев — французов, немцев, и региональная этничность приносится в жертву наднациональной идеологии европеизма. Европейский эгалитаризм и демократизация — это путь к утере национальных корней, дорога к этнической безличности. Европа — кладбище национальных культур, но пьедестал для мещанских добродетелей. «Не ужасно и не обидно было бы думать, — сокрушался К. Леонтьев, — что Моисей всходил на Синай, что эллины строили свои изящные акрополи, римляне вели Пунические войны, что гениальный красавец Александр в пернатом каком-нибудь шлеме переходил Граник и бился под Арбеллами, что апостолы проповедовали, мученики страдали, поэты пели, живописцы писали и рыцари блистали на турнирах для того только, чтобы французский, немецкий или русский буржуа в безобразной и комической своей одежде благодушествовал бы “индивидуально” и “коллективно” на развалинах всего этого прошлого величия?». Для К. Леонтьева почитание усредненности подобно преступлению против цельной личности. Полезно вспомнить и то, что, отстаивая российскую имперскую идею, Леонтьев никогда не опускался до узкого национализма (например, он выступал против русификации балтийских провинций). В отличие от тогдашних либералов (да и сегодняшних тоже), величайшую угрозу он видел в ослаблении государственнического начала в русском народе. На примере Византии К. Леонтьев показал, как держава, какой бы мощью она не обладала, может превратиться в одночасье в закатившуюся звезду мировой политики, если утерян инстинкт государственности. Внешнеполитические интересы России, ее история, ее прошлое и настоящее, представляли для него эмпирико-моральную ценность, противостоявшую ценностям современного Западного мира. При этом К. Леонтьев делал четкое различие между собственно европейской цивилизацией и цивилизацией антрополатрийной (от греч. антрополатрия — человекопоклонничество), которая явилась порождением кризиса Европы. Этот кризис создал целую псевдоцивилизацию, где на смену роли религии пришла священная вера в человеческие права, самобытные государства посчитали необходимым уравнивающее объединение, а оригинальные культуры были заменены суррогатом общечеловеческих «ценностей». Одним из проявлений этого кризиса стал рост расистских взглядов в Европе, и, в частности, появление уничижительного отношения к славянам, чего не было до XV в., когда, несмотря на войны и конфликты, имели место взаимный интерес и уважение. Особенно это было характерно для взаимоотношений домонгольской Руси с Европой, в противном случае европейские наследники не сватали бы наследниц русского престола. Причем подобное отношение Европа распространяла не только на славян (среди которых русские были

единственными творцами значительного государственного образования), но и на другие «нецивилизованные» народы.

И сегодня на мировое господство претендует именно та западная модель общества, которая характеризуется откатом к ценностям языческого Рима («разделяй и властвуй», а точнее — грабь более слабых). Именно этой модели противостоят Россия и Сербия, с большими потерями и перекосами создавшие к концу XX в. другие, более справедливые модели человеческого и межэтнического общежития (поздний СССР и Югославия). Ни Китай, ни мусульманский мир этого предложить не могут.

Поэтому-то ослабленные и разобщенные русские и сербы остаются сегодня для Запада самыми *опасными конкурентами* — и не в области новых технологий, а в области новой общечеловеческой идеологии, которая, хочется верить, должна возникнуть на основе неповрежденного христианства, то есть Православия.

Вышла книга

Молитвы русских поэтов. XX–XXI. Антология / Авт. проект, сост. и биогр. статьи В. И. Калугина; послесловие В. Г. Захарченко. — М.: Вече, 2013. — 1040 с. Издание 2-е, исправленное и дополненное.



«Стихи — это молитвы» — в этой дневниковой записи Александра Блока 1902 года выражена одна из основных черт всей русской поэзии, начиная с первых молитвословий митрополита Илариона, Феодосия Печерского, Кирилла Туровского — трех поэтов-иноков, причисленных к лику святых. Молитвы как поэтический жанр существуют в России уже тысячелетие. Молитвенные шедевры Ломоносова и Державина, Пушкина и Лермонтова, Алексея Толстого и К. Р. (Константина Романова) — высшие воплощения вековых традиций.

В антологии впервые представлена новохристианская поэзия XX века, освященная именами священномучеников Илии (Громогласова) и Владимира (Лозина-Лозинского). Через все круги гулаговского ада прошли новохристианские поэты Лев Карсавин, Даниил Андреев, Александр Солодовников, Александр Тришатов, Наталья Ануфриева, Николай Стефанович, Виктор Василенко, не опубликовавшие при жизни ни единой строки своих молитвенных стихов.

Широко представленные в антологии молитвы выдающихся поэтов Серебряного века и Русского зарубежья — это именно новохристианская поэзия, которой суждено было возродиться в конце XX века и стать одним из самых ярких поэтических явлений начала нового столетия и нового тысячелетия.

Второе издание антологии в этом отношении не просто «исправленное и дополненное», а продолженное новыми именами и новыми молитвословиями современных поэтов России.

Антология издается по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

ПОЭЗИЯ



Александр БЫВШЕВ

НА АЛЛЕЕ ВОИНСКОЙ СЛАВЫ

Александр Михайлович Бывшев — родился в 1972 году в поселке Кромы Орловской области. Окончил факультет иностранных языков Орловского государственного педагогического института. В настоящее время работает преподавателем иностранного языка. Печатается с 1991 года. Стихи публиковались более чем в 400 газетах России, а также стран ближнего и дальнего зарубежья. Лауреат Всероссийского литературного фестиваля-конкурса «Хрустальный Родник-2012» (3 место), лауреат Всероссийского поэтического конкурса им. Сергея Есенина (2012) и др. **Живет в Орловской области, пос. Кромы.**

РАССКАЗ ФРОНТОВИКА

Все помню — бои и атаки.
Сегодня опять снилось мне,
Как с лязгом фашистские танки
Ползли по родной стороне.

Что будет с Отечеством нашим?
Москва уже на волоске…
И вот я с товарищем павшим
В окопе. Граната в руке.

Кругом взрывы, грохот и пламя.
Все тонет в дыму и пальбе.
Прошитое пулями знамя
Выносит сержант на себе.

И нету предела тревоге.
От бед поседела трава…
Пылят фронтовые дороги —
Солдатская память жива.

КОММУНИСТ

С засохшею кровью
партийный билет
Не раз и не два мной пролистан…
В неполные двадцать
безусый мой дед
Стал в сорок втором коммунистом.

Он пал смертью храбрых
в неравном бою,
Как сухо гласит похоронка.
Любил больше жизни Отчизну свою
Без пафосных слов и негромко.

В нем был негасимый
корчагинский пыл.
Он знал, что такое отвага.
И, первым поднявшись,
он не посрамил
Цвет красный советского флага.

СТАЛИНГРАД

Мир видел ад, земля пылала,
Стоял до неба черный смрад.
И смерти было трупов мало…
И звалось это — «Сталинград».

Людские стоны, крови реки
И вой свинцового дождя —
Для всех останутся навеки
Под грозным именем вождя.

* * *

Вести тревожные с фронта…
Что будет с нашей землей?
Линия горизонта
Стягивается петлей.

Киева боль и бессилье,
«Брянск» прозвучал, точно крик. —
Быстро узнала Россия
Страшное слово «блицкриг».

Стало совсем уже туго.
Кто-то решил: «Всё, хана!..»
Пали Орел и Калуга.
Дальше по списку — она.

В самую пору молиться.
Наро-Фоминск тоже взят.
Немцы все ближе к столице:
Восемьдесят… Пятьдесят…

Мысли — сплошное мученье.
Родина — на волоске.
И слабый вздох облегченья:
«Сталин остался в Москве!..»

СЛАВА БОГУ!

Страшной кровью грозила заря.
Засверкал над страною нож острый.
Пробил мужества час. Здесь не зря
Было сказано: «Братья и сестры!»

У Москвы встал фашистский сапог.
Худо нам без небесной подмоги!..
Глас раздался: «Вперед —
с вами Бог!»
И пришлось немчуре делать ноги.

С именами святых наш народ
Возвращался к корням понемногу.
Так что ярый партиец — и тот
В день Победы твердил:
«Слава Богу!..»

В ОКОПЕ

Бомб полутонных свист неистов.
Всё ближе к «цели» их кладут…
Окопы — не для атеистов,
В два счета Бога вспомнишь тут.

Разверзлось адом поднебесье…
И у солдат порой нет-нет
Да и касалось троеперстье
Груди, где спрятан партбилет.

ТАБАК

Затих свист пуль и вой снарядов,
И грохот полутонных «дур».
Товарищ мой прокашлял рядом:
«Кажись, ребята, перекур».

И каждый вынул из кисета
Свой драгоценный самосад.
Короткий отдых до рассвета,
А завтра — вновь кромешный ад.

Мы затянулись горьким дымом,
Пахучим и до слез родным,
Таким сейчас необходимым
Нам, молодым бойцам седым…

Прервал молчанье бас майора:
«Не одолеть им нас никак.
Мы прикурить дадим им скоро. —
Их дело все равно табак».

ВЕТЕРАН

Он носил осколок возле сердца —
В память о проклятой той войне.
Никуда от прошлого не деться.
Продолжал он воевать во сне.

Вот опять упрямо лезут фрицы,
А вокруг клубами вьется дым.
Злобой перекошенные лица.
Ничего, сейчас мы вам дадим!

Боль в груди —
и в землю он уткнулся,
Пулею сраженный наповал…
Ветеран наутро не проснулся.
За окошком ветер бушевал.

Старец, весь в отметинах металла,
Ратный путь прошел здесь до конца.
В воинстве небесном больше стало
В эту ночь на одного бойца.

В ДЕНЬ ПАМЯТИ И СКОРБИ

Подойду в День Скорби нашей
Молча к Вечному огню.
Перед памятью всех павших
Низко голову склоню.

И вздохну в бессилье горько,
Слез горячих не тая,
Как подумаю, во сколько
Обошлась им жизнь моя!

* * *

Шагаю вдоль поля. Дорога в пыли.
И сердце сожмется от боли порою:
Ведь каждая пядь
нашей русской земли
Пропитана потом и полита кровью.

Здесь было от трупов
солдатских черно,
Теперь здесь земли
зарубцованы раны.
Уж сколько десятков лет минуло, но
В архив ту войну нам сдавать
еще рано.

Еще мерзких свастик полно там и тут.
Поклонники их не сложили оружье.
Устроить хотят над Победою суд —
Борьба развернулась за юные души.

И, значит, не время идти на покой.
Нас ждет впереди не одна еще битва.
Восход полыхает огнем над рекой…
Никто не забыт и ничто не забыто.

НА АЛЛЕЕ ВОИНСКОЙ СЛАВЫ

Буквы черные на обелисках —
Светлой памяти горестный груз.
В этих скорбных,
безжалостных списках
Пофамильно вся названа Русь.

На Земле были сроки их кратки.
Имена, имена, имена…

Собрала в алфавитном порядке
Миллионы трагедий война.

Эта рана горит и поныне.
Гладит мрамор холодный рука.
Наши павшие… «Спите, родные.
От живых вам поклон на века!»



Ярослав КАУРОВ

«МЫ ЦАРЯ И РОССИИ ВОИНЫ»

Ярослав Валерьевич Кауров — доктор медицинских наук, член Союза писателей России. Один из создателей «Театра поэтов». Автор 13 стихотворных сборников, печатался в газетах, журналах и альманахах. Родился в 1964 году. Окончил Горьковский медицинский институт. Автор 32 изобретений, 1 монографии и 1 открытия. Все материалы о «Театре поэтов» — тексты стихов, фотографии, песни, радиоспектакли, размещены на созданном им сайте teatrpoetov.com, там же — макеты выпущенных сборников стихов. **Живет в Нижнем Новгороде.**

* * *

Ноги опущены в речку.
Воздух, как тающий мед.
Бьется бродяги сердечко —
Радость свою не уймет.

Вот и сбылись ожиданья
Долгих и тягостных дней.
Я прибежал на свиданье
К нежной России моей!

* * *

И муравьи, и капельки смолы,
И лес, и прокаленные поляны,
И влажные пещеры черной мглы,
И дышащие заросли бурьяна —

Все это — вместе, понимаешь ты, —
Один живой и просветленный разум.
И шепчут обнаженные цветы
Тебе понятные когда-то фразы.

Но мальчик вырос и забыл язык,
Которому его и не учили.
И новый мир из ничего возник,
Работы, упований и усилий.

Потом слабеет хватка сильных рук,
И за тобой все выжжено и голо.
И все слышнее этот дивный звук,
И все яснее этот вечный голос.

* * *

Ничему нет объяснений:
Ни рожденью, ни концу.
Смысла в мареве сомнений
Не увидеть гордецу.

Не оплакать все потери,
Не измерить красоту.
Остается только верить
Кротко Господу Христу!

* * *

Под маской бронзовой мессии
Их прегрешенья велики.
Идут, ступают по России
Временщики, временщики.

Расчетом занятые скучным
Всем насладиться на веку,
Похрустывают равнодушно
По черепам, как по песку.
Любой ценою жаждут власти,
Богатства, женщин и жратвы.
И вырастают на несчастье,
И не боятся злой молвы.
Ведомые чужой рукою,
Бросают в бой свои полки.
И пулей жалуют героев
Временщики, временщики.
Им не доступно состраданье,
Им не понятно слово «честь».
Они не ищут оправданья
И ценят то, что можно съесть.
И вновь в крови стоят по плечи,
Как в половодие реки.
И снова о свободе речи.
Временщики, временщики!

* * *

Преемник царственного рода!
Тебя возвел на царство Бог.
Чем виноват ты пред народом?
Тем, что не мог быть так жесток.
Ты провинился лишь любовью.
И предан, зла не сотворя.
Грех доброты искуплен кровью.
Помилуй, Господи, Царя!

* * *

Бьет набат на Руси святой,
Собираются вновь дружины,
Поднимается люд лихой
От Маньчжурии до Украины.
Вновь нас гнули как полонян,
Вновь текла наша кровь водою,
Вновь лежали кости славян
Под кровавою черной ордою.
Нас сгибали десятки рук
Ложью, золотом и бедою.
Но натягивающий лук
Будет снова пронзен стрелою.
Мы сгибаемся, как лоза
По болотистым перелескам,
Что, срываясь, сечет глаза,
Разгибаясь легко и резко.
Мы сгибаемся, словно меч.
Как булат, не меняя формы,
Распрямляемся в вихре сеч,
Убивая пришельцев черных.
Не скрывайтесь, мы видим вас,
Вы по крови купцы, мы — воины.
Голубая сталь серых глаз
Смотрит холодно и спокойно.
Слишком долго верили зря
Мы в предательских слов химеры.
Мы сражаемся за Царя.
За Царя и за нашу веру.

* * *

Распались связи, рухнул город,
Растет на пашне белена,
И тенью серой ходит голод,
И распадается страна.
Настали годы роковые!
Нет, это только страшный сон.
Всегда хватало у России
Безвременья лихих времен.
Мы закалились, крепче стали,
В кострах горя и вас кляня.
Вы нас столетья разоряли,
Для возрожденья хватит дня.
Мы смотрим серыми очами,
Усталыми от многих бед.
Но там, за нашими плечами,
Тысячелетия побед.
Но там, за нашими плечами,
Все убиенные встают.
И приговор над палачами
Уж произносит Божий суд!
Встают Российские святые,
Под пули подставляя грудь.
Царь и единая Россия —
Единственный для русских путь!

* * *

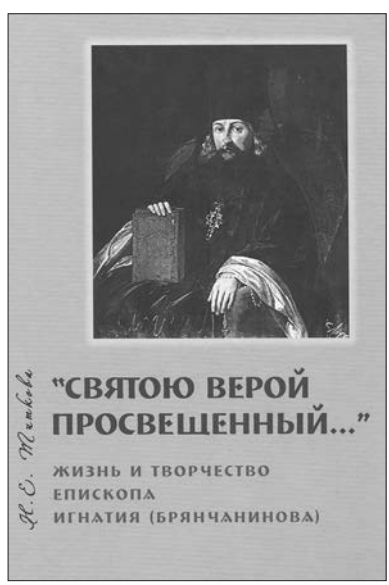
Я. К.

Да, мы белые, господа!
Блещут золотом эполеты.
Да, мы белые. Навсегда!
Чище нет у России цвета.
Слава рыцарей всех времен
Светит снова на старом месте.
И вернуть Государю трон
Для славян — это дело чести.
Память мира нами горда,
А в российских сердцах — куда вам! —
Не потушите никогда
Нашей мученической славы.
Наша цель проста и чиста:
Мы Царя и России воины,
Мы пройдем в боевых крестах
По Москве по первопрестольной.
Путь начертан Божьим перстом.
Не измерить столетья меркой.
И под синим косым крестом
Знамя белое не померкнет!

Вышла книга

Титкова Н. Е.

«Святою верой просвещенный…». Жизнь и творчество епископа Игнатия (Брянчанинова): монография / Н. Е. Титкова; ИНГУ, АГПИ. — Н. Новгород-Арзамас: АГПИ, 2012. — 312 с. (Серия «Вузовская и школьная библиотека»).

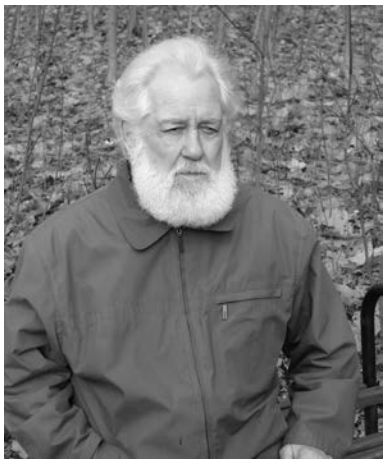


В монографии представлена творческая биография святителя Игнатия Брянчанинова — выдающегося русского церковного деятеля и духовного писателя XIX века. Основные этапы его жизни и творчества рассмотрены в историко-культурном контексте эпохи. При анализе творческого наследия святителя особое внимание уделено произведениям, концентрирующим основные богословские, антропологические, педагогические идеи, происходящие из внутреннего духовного опыта Богопознания.

В приложении помещены работы святителя: «Слово о человеке» и «Слово о смерти».

Адресовано преподавателям и студентам теологического, исторического и филологического отделений, учителям и школьникам, всем интересующимся историей русской православной культуры.

Точка зрения



Борис СПОРОВ

КРОХОБОРЫ

Борис Федорович Споров — родился в 1934 году в Актюбинске. Работал на заводе, на строительстве Горьковской ГЭС слесарем, электросварщиком, сборщиком и монтажником. Заочно получил среднее и высшее образование. Автор многих книг прозы. Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Нельзя недооценивать работу литературоведов-текстологов, которые порой которые буквально спасают погибающие рукописи, восстанавливают утраченные списки, способствуя раскрытию реальных тайн древней или новой истории.

Правомерно и достойно, когда подлинный документ, подлинное слово прочитывается, обретая первоначальную форму и содержание. Работа проводится ради *спасения подлинности исторически существовавшего текста.* Иной цели в такой работе наверно и не может быть.

Иное дело, когда имеется вторичная заданность, ради чего и распутываются отнюдь не утраченные тексты, а черновики, напрочь отвергнутые авторами. Издавна подобных текстологов называли *крохоборами* — это и в прямом смысле этого слова, и в переносном.

Невольно внимание задерживается на С. Бонди, как на одном из авторов, работавших именно с черновиками Пушкина. Показательна в этом отношении работа «*Вот Муза, резвая болтунья*». (С. Бонди. Новые страницы Пушкина. М.: Мир, 1931). С первых же строк автор предупреждает: *«Чтение Пушкинского черновика напоминает иногда решение шарады или ребуса».* И уже это не может не насторожить. У шарады и ребуса имеется определенная, заложенная данность в единственном числе; в шараде черновика данность можно сочинить или переиначить — и это ложь, подтасовка. Показательным такого рода и является черновик *«одного из трех посвящений к “Гавриилиаде”»*... И *«каждое издание сочинений Пушкина давало его текст по-своему, и везде он представлялся каким-то набором отрывочных групп стихов, в которых трудно уловить связь».* Вот ведь как! Пять-

шесть соавторов Пушкина по черновику! Но уже и здесь наталкиваешься на недоумение. Помилуйте, ни в каких черновиках Пушкина даже намека на «Гавриилиаду» нет. Да и поэма бездоказательно и нахально приписана Пушкину, хотя, известно, поэт в письме к Вяземскому прямо называет автора поэмы — князь Д. Горчаков. Крохоборов это не интересует — они заявляют даже *о трех* посвящениях! Но ведь это же откровенная выдумка, продуманная заданность. В те годы уже готовилось юбилейное академическое издание произведений Пушкина — требовалось увековечить «Гавриилиаду», как пушкинский подлинник. И даже *с посвящением*, хотя бы в соавторстве с Бонди. (И ведь отработали идею — увековечили!)

В своей работе Бонди стремится к открытой объективности: он предлагает транскрипцию черновика, хотя фактически от себя вставляя, скажем, вымаранное и непрочитываемое слово «*преступной*». Предлагается фотокопия черновика — и это, действительно, набор мало связанных между собой слов и строк, значительная часть которых зачеркнута. Можно предположить: делал поэт наброски, что-то для памяти — и все это выбросил в корзину. Ну и оставьте в покое чернильную отработку…

Но живет в грешном человеке лукавое любопытство, да и цели лукавые нередки. А вдруг именно здесь Пушкин и написал что-нибудь потешное или грешное, так что поджилки затрясутся… А тут и слова *«израильскому платью»*! Открывается для крохобора вседозволенность — увязать *«шараду»* с Гавриилиадой. Это же то, что так необходимо советскому пушкиноведению.

«Любопытно, по-разному передавался текст этих стихов в разных изданиях.

Пропустив более ранние публикации — Бартенева (*один из примечательных крохоборов. — Б. С.*), («Рус. Арх.» 1881, 1, с. 218), Якушкина («Рус. Стар.», 1884, апрель, с. 97); Ефремова (Пушкин, изд. Суворина, VIII, с. 185) и др. — начнем с Академического издания (т. 2, с. 45). Там вместе даны только четыре стиха:

Вот Муза, резвая болтунья,
Которую ты столь любил.
Она раскаялась, шалунья,
Придворный тон ее пленил…

Однако уже в издании Брокгауза-Ефрона, замечает Бонди, под редакцией Венгерова напечатаны еще два отрывка, причем стихи-уродцы. Зато Брюсов в том же Венгеровском издании в статье о Гавриилиаде размахнулся куда как широко: тут и *«опасные стихи»*, *«Преступной жертвует игрой»*… Затем руку прикладывает Томашевский (1923); и для издания ГИЗа (1930) оформили более складные вирши… И, наконец, Бонди взялся по рифмам из отдельных слов в соавторстве с Пушкиным составлять посвящение. Так родилась новая «черновая классика»:

Вот муза, резвая болтунья,
Которую ты столь любил.
Раскаялась моя шалунья:
Придворный тон ее пленил;

Ее всевышний осенил
Своей небесной благодатью;
Она духовному занятью
Опасной жертвует игрой.
Не испугался, милый мой,
Ее израильскому платью,
Прости ей прежние грехи
[И] под заветною печатью
Прими [опасные] стихи.

С натяжкой это уже можно назвать стихами, но пушкинскими их не назовешь ни по мастерству, ни по авторству. Ведь у этих стихов косяк соавторов. И надо сказать, неплохо поработали: из того, что поэт не счел нужным даже переписать порядком, соавторы сделали посвящение к Гавриилиаде. И крохоборы добились своего: коллективно поставили стихи в Академическое издание, тем самым еще раз оболгав Пушкина.

* * *

Я хорошо осознаю, если опубликовать настоящее мнение, то публикацию или вовсе не заметят, или автора ее осмеют, назовут неучем и невежественным человеком — это в лучшем случае. Нет крохоборских выкладок, нет плетения тенет. А к этому уже привыкли основательно, возведя плетение словес в ранг науки.

И, тем не менее, я готов утверждать, что действия подобных ученых неправомерны и безнравственны, как если бы глазеть в замочную скважину в чужую спальную комнату. Мало ли что может написать человек в определенном настроении и состоянии, затем изрисовать, зачеркнуть и забыть об этой писанине…

И можно ли положительно ответить на вопросы:

1. *Имеет ли моральное право крохобор составлять из разрозненных слов и строк посредственные стихи за подписью классика?*

2. *Можно ли сфабрикованные стихи ставить в один ряд с подлинниками автора?*

3. *Допустимо ли подобное соавторство, когда из бросового черновика политические послушники «конструируют стихи» принципиального значения?*

4. *Как можно без каких-либо доказательств роднить вымученное крохоборство с Гавриилиадой, которая и сама-то по себе всего лишь фикция?*

5. *Можно ли по реплике из частного письма: «Посылаю тебе поэму в мистическом роде — я стал придворным», — делать прямой вывод: Пушкин говорит о Гавриилиаде?..*

Бонди в статье делает сноску: «Отметим, между прочим, что правильное чтение зачеркнутого варианта *«Пример двора ее пленил»* (прочитано Т. Г. Зенгер), вместо читавшегося до сих пор *«Престиж двора ее пленил»* дает возможность точно осмыслить не совсем ясный намек (?) окончательного варианта: *«Придворный тон ее пленил».* Даже вот эти три варианта:

Престиж двора ее пленил…
Пример двора ее пленил…
Придворный тон ее пленил…

согласитесь, не однозначны.

Так и всё здесь на расшифровке, на перестановках и всевозможной компиляции по собственному уму и заказу. Невольно возникает вопрос: допустимо ли в литературе, тем более в классической, подобное *крохоборство*? А ведь крохоборы потрудились в литературе весьма «плодотворно».

Итак, после черновика-ребуса, фотокопию которого предлагает Бонди, раскроем Академическое издание произведений Пушкина в переиздании 1949 года. Здесь уже на одних правах с «Полтавой» и «Медным всадником» красуется «Гавриилиада»! А на странице 91-й третьего тома соавторы Пушкина ставят версию Бонди «Вот муза, резвая болтунья…» И ни слова о косяке соавторов. Чистый подлинник! А на странице 412 в примечаниях читаем: *«Вот муза, резвая болтунья». Черновой набросок посвящения "Гавриилиады", адресованный, вероятно, Алексееву».*

Вот так ставят точки над i. Здесь и поэма, и посвящение всего-то из мусора перечеркнутых слов. Но более того, если Бонди возможные, условные, слова заключал в квадратные скобки, то в издании скобки исчезли, да и весь текст отредактирован, появляются принципиальные знаки препинания, а строка *«Не испугался, милый мой»* становится *«Не удивляйся, милый мой»*. Это уже доводка до «классики».

Вот так работают крохоборы, я бы сказал, политические крохоборы.

Вышла книга

Ильина Г. А.

Зачерёмушело… Стихотворения. — СПб.: Родная Ладога, 2013. — 96 с.



В третьей поэтической книге петербургской поэтессы Галины Ильиной представлены стихотворения, объединяющие тему малой родины и природы, городскую лирику и впечатления от путешествий, стихи-воспоминания и стихи-размышления.



Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

РУСИ ПРАВОСЛАВНЫЙ ДУХ

Алла Анатольевна Новикова-Строганова, доктор филологических наук, профессор Орловского государственного университета, Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХ и ГС), юрист, консультант Орловского областного Совета народных депутатов, советник государственной гражданской службы 1-го класса. Автор трех монографий и более 300 опубликованных в России и за рубежом научных работ о творчестве Лескова, Достоевского, Тургенева, Бунина и других классиков мировой литературы. **Живет в Орле.**

«Записки охотника» И. С. Тургенева (1818–1883) — одна из тех книг отечественной классики, где наиболее сильно выражен «русский дух», где в прямом смысле «Русью пахнет»: «Вы раздвинете мокрый куст — вас так и обдаст накопившимся теплым запахом ночи; воздух весь напоен свежей горечью полыни, медом гречихи и кашки; вдали стеной стоит дубовый лес и блестит и алеет на солнце» («Лес и степь»)[1]. В рассказе «Певцы» Тургенев пишет о своем герое: «Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль» (3, 222). Писатель явил себя таким же певцом благословенной русской земли, с тем же одухотворенно-проникновенным голосом: «Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны» (3, 222). Этими тургеневскими словами можно было бы выразить пафос цикла рассказов в целом.

Не случайно И. А. Гончаров, прочитав «Записки охотника» во время своего кругосветного путешествия, у берегов Китая — за тысячи верст от России — ощутил ее дух, ее живое присутствие: «заходили передо мной эти русские люди, запестрели березовые рощи, нивы, поля и <…> прощай, Шанхай, камфарные и бамбуковые деревья и кусты, море, где я — все забыл. Орел, Курск, Жиздра, Бежин луг — так и ходят около». Гончаров отметил, что Тургенев не только с детства «пропитался любовью к родной почве

[1] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1979. Т. 3. С. 355. В дальнейшем сочинения И. С. Тургенева цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы.

своих полей, лесов», но и «сохранил в душе образ страданий населяющего их люда»[1].

В год кончины Тургенева его друг и поэт Я. П. Полонский говорил: «И один рассказ его “Живые мощи”, если б он даже ничего иного не написал, подсказывает мне, что так понимать русскую честную верующую душу и так все это выразить мог только великий писатель».

Ф. И. Тютчев проницательно уловил в «Записках охотника» тургеневское стремление к синтезу реального и сакрального: «поразительно сочетание реальности в изображении человеческой жизни со всем, что в ней есть сокровенного»[2].

Известно, какое глубокое впечатление произвели «Записки охотника» на земляка Тургенева — Н. С. Лескова, заслуженно признанного «величайшим христианином среди русских писателей»[3]. Он испытал настоящее нравственно-психологическое потрясение, впервые прочитав тургеневский цикл: «весь задрожал от правды представлений и сразу понял: что называется искусством»[4].

М. Е. Салтыков-Щедрин справедливо считал, что «Записки охотника» значительно повысили «нравственный и умственный уровень русской интеллигенции»[5].

Л. Н. Толстой писал, что рассказы тургеневского цикла еще в юности открыли ему, что русского мужика «можно и должно описывать не глумясь и не для оживления пейзажа, а можно и должно описывать во весь рост, не только с любовью, но с уважением и даже трепетом»[6].

В. Г. Короленко вспоминал, как, познакомившись в свои гимназические годы с «Записками охотника», впервые испытал чувство внутреннего обновления, ощутил духовное просветление: «Меня точно осияло. Вот они, те “простые” слова, которые дают настоящую, неприкрашенную “правду” и все-таки сразу подымают над серенькой жизнью, открывая ее шири и дали, <…> озаренные особенным светом»[7].

М. Горький называл «Записки охотника» в числе книг, которые «вымыли» ему душу, «очистив ее от шелухи»[8].

Сходное впечатление испытывает и нынешний вдумчивый читатель, хотя со дня публикации первого рассказа цикла «Хорь и Калиныч» (1847) минуло более 165 лет и более 160 лет — со времени первого отдельного издания «Записок охотника» (1852). «Склад жизни изменился, а звук души остается»[9], — говорил Б. К. Зайцев о восприятии тургеневского творчества в статье «Непреходящее» (1961).

Быть неувядаемой, всегда новой и актуальной — таково свойство русской словесности, уходящей своими корнями в сакральные источники Хри-

---

[1] *Гончаров И. А.* Собр. соч. М., 1955. Т. VIII. С. 262; 108–109.

[2] *Тютчев Ф. И.* Весенняя гроза: Стихотворения. Письма. Тула, 1984. С. 186.

[3] *J. von Guenter.* Leskov. Russlands Christlichster Dichter. Jahrgang 1. 1926. S. 87.

[4] *Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 11 т. — М.: ГИХЛ, 1956–1958. Т. 11. С. 12.

[5] *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. М.: Худож. лит., 1970. Т. 9. С. 459.

[6] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 66. С. 409.

[7] *Короленко В. Г.* Собр. соч. М., 1954. Т. V. С. 265–266.

[8] *Горький М.* Полн. собр. соч. М.: Наука, 1972. Т. 15. С. 373.

[9] *Зайцев Б. К.* Собр. соч.: В XI т. М.: Русская книга, 1999–2001. Т. IX. С. 375.

стианства. Так, Новый Завет, пребывая вечно *новым*, призывает человека любой исторической эпохи к обновлению, преображению: «И не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что (есть) воля Божия, благая, угодная и совершенная» (Рим. 12:2). Каждый, кто прикасается к Евангелию, всякий раз открывает для себя заново слово Бога живого. Живые голоса русских писателей звучат для нас, когда мы перечитываем классику и неизменно черпаем из ее глубин нечто такое, что до времени оставалось сокрытым от восприятия. Так, прочтение на новом уровне рассказов Тургенева в христианском контексте понимания может стать настоящим открытием, откровением.

Доминантой приведенного отзыва Лескова о «Записках охотника» является слово «правда» во всей его полисемантической объемности: правдивость реалистического изображения; реализм в «высшем смысле», одухотворенный романтической традицией; и главное — правда как вечное стремление к высшей Истине, к идеалу Христа, сказавшему: «Аз есмь Путь, и Истина, и Жизнь» (Ин. 14:6).

Бесплодным оказывается направление прежнего литературоведения, провозгласившее Тургенева атеистом. Побеждая свои религиозные сомнения, в практике художественного творчества писатель изображал жизнь в свете христианского миропонимания. В «Записках охотника» Тургенев показал, что именно духовное, идеальное содержание — основа человеческой личности; ратовал за восстановление в человеке образа и подобия Божия.

Герои «Записок» — русские православные люди. Как известно, понятие «русский» исторически уже подразумевало: «православный христианин». Свидетельство полноценного, духовно не поврежденного чувства национального достоинства — народное самоназвание: «крестьяне», в простонародной артикуляции — «хрестьяне», то есть «христиане» — верующие во Христа.

В бытии и быте народа ощутимо живое Божье присутствие. Христос — в жизни, в сердце, на устах русского человека. «Господи, Владыко живота моего!» (3, 37); «ах, Господи, Твоя воля!» (3, 16); «прости, Господи, мое прегрешенье!» (3, 137), — то и дело приговаривают герои тургеневских рассказов: старик Туман («Малиновая вода»), Калиныч («Хорь и Калиныч»), мужик Анпадист («Бурмистр»), многие другие. Наслушавшись в ночном зловещих поверий о нечистой и неведомой силе, маленькие герои рассказа «Бежин луг» ограждают себя крестом, именем Божьим. Все герои «Записок охотника» молятся, осеняют себя крестным знамением, божатся, призывают «Господа Бога в свидетели» (3, 182), просят «ради Самого Господа Бога нашего» (3, 42), уповают на «силу крестную» (3, 95); на то, что «Бог милостив» (3, 78), и т. д.

Все это не формализация застывших речевых оборотов, а духовная составляющая русского языка, словесное выражение православного духа русского народа, христианской языковой среды его обитания; показатель глубинной связи слова с самой его сущностью в таинстве языка: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1).

В каждом жилище русского человека: будь то помещичий дом или крестьянская изба — теплятся лампадки перед образами: «перед тяжелым образом в серебряном окладе» в богатой избе Хоря («Хорь и Калиныч» — 3, 9); в «чистенькой» комнатке провинциальной барышни («Уездный лекарь» —

3, 42). Чистое пламя лампадок, свечей символизирует горение духовное, благоговение, внутренний трепет перед Богом в надежде покаяния и обновления души. Православный человек, входя под любой кров, прежде всего крестится на образа, показывая тем самым, что истинный хозяин дома — Господь Бог. Так, в больнице у фельдшера «мужик вошел в фельдшерову комнату, поискал глазами образа и перекрестился» («Смерть» — 3, 202).

Тургенев упоминает также народный обычай с образами обходить пострадавшие от пожара лесные угодья — с тем, чтобы с Божьей помощью возродить оскудевшую «производительную силу» земли на таких ««заказанных» (с образами обойденных) пустырях» («Смерть» — 3, 198). «А с Богом-то завсегда лучше» (3, 352), — так выражает убеждение всякого православного человека Филофей — герой рассказа «Стучит!».

На Руси в каждом селе — в таком, например, как Шумихино, «с каменною церковью, воздвигнутой во имя преподобных Козьмы и Дамиана» («Малиновая вода» — 3, 31) — была церковь. Божьи церкви становились духовно-организующими центрами благословенных просторов родной земли. Они являлись и целью паломничества, и пространственными ориентирами, и условленным местом встречи для странников, путешествующих. Так охотник сказал своим спутникам, что будет «ждать их у церкви» («Льгов» — 3, 77), и «добрался, наконец, до большого села с каменной церковью в новом вкусе, то есть с колоннами» («Контора» — 3, 139).

Все крестьяне в «Записках охотника» — люди Божьи. Каждый наделен своими талантами и дарованиями. Особо одаренные натуры: Яков Турок («Певцы»), Павлуша («Бежин луг»), Матрена («Петр Петрович Каратаев»), Акулина («Свидание»), Лукерья («Живые мощи»); главные герои одноименных рассказов Хорь и Калиныч, Бирюк, Касьян с Красивой Мечи и другие — выписаны ярко, рельефно, выпукло.

Но есть и такие, которые кажутся совсем невзрачными, как бы невидимыми, живут что называется «Святым Духом». Но и эти с виду неприметные люди пребывают в лоне православных традиций. Так церковный сторож Герасим проживал в каморочке («Христа ради» — 3, 31), как и другой герой рассказа «Малиновая вода» — Степушка, который «не получал решительно никаких пособий, не состоял в родстве ни с кем, никто не знал о его существовании», и все же в «Светлое Воскресенье с ним христосовались» (3, 32).

Вглядываясь в русскую литературу, известный духовный писатель XX века митрополит Вениамин (Федченков) отмечал, как «мало в ней положительных типов! Все больше грешные, страстные. Хорошие люди почти исключение». Среди этих «исключений» названы герои «Записок охотника», где «изображены преимущественно люди из «простого народа», немало хороших людей. Из всех выделяется истинно преподобная Лукерья («Живые мощи»)»[1].

Писатель показал русских людей как искателей и носителей истины, Божьей правды. «Мысль народная» во всех ее ипостасях, в национально-русской, всемирно-исторической и метафизической перспективах — всепроникающая в цикле рассказов. Тургенев писал Полине Виардо: «Я про-

[1] *Вениамин (Федченков), митрополит.* Молитва Господня. М.: Отчий дом, 2010. С. 166, 172.

должу мое изучение русского народа, самого странного и самого удивительного народа на свете».

Таков Касьян с Красивой Мечи из одноименного рассказа — образ странный и удивительный. В нем ярко выражены христианские черты, и в то же время — много сложного, противоречивого. Недосказанность как художественный прием в создании образа особенно усиливает его загадочность, неоднозначность.

Охотник настолько потрясен встречей с Касьяном, что на мгновение теряет дар речи: «до того поразила меня его наружность. Вообразите себе карлика лет пятидесяти с маленьким, смуглым и сморщенным лицом, острым носиком, карими, едва заметными глазками и курчавыми, густыми черными волосами, которые, как шляпка на грибе, широко сидели на крошечной его головке. Все тело его было чрезвычайно тщедушно и худо, и решительно нельзя передать словами, до чего был необыкновенен и странен его взгляд. <…> Звук его голоса также изумил меня. В нем не только не слышалось ничего дряхлого, — он был удивительно сладок, молод и почти женски нежен» (3, 110).

Карлик с диковинной внешностью выглядит как существо таинственное, полусказочное. Этот «странный старичок» (3, 110) чем-то напоминает гриб, высунувшийся из-под земли. И в самом деле, герой органично связан с землей, с родной почвой, с русской природой. Касьян, словно лесной гном — хранитель леса и его обитателей.

Гибель деревьев ради коммерческих интересов, срубленные места в лесу (на орловском диалекте — «ссечки») вызывают в Касьяне душевную боль. Не имея возможности помешать хищнической вырубке, герой апеллирует к Божьему суду: «Тут у нас купцы рощу купили, — Бог им судья, сводят рощу-то, и контору выстроили, Бог им судья» (3, 111). Да и сам автор видит в рубке леса нечто трагическое, уподобляя срубленное дерево человеку, умирающему в последнем земном поклоне: «Вдали, ближе к роще, глухо стучали топоры, и по временам, торжественно и тихо, словно кланяясь и расширяя руки, спускалось кудрявое дерево…» (3, 114).

Касьян живет в полном симбиозе с миром природы, буквально говорит с ней на ее языке. Завидев маленьких птичек, «которые то и дело перемещаются с деревца на деревцо и посвистывают, внезапно ныряя на лету. Касьян их передразнивал, перекликался с ними; поршок* (*молодой перепел. — Примечание Тургенева. *А. Н.-С.*) полетел, чиликая, у него из-под ног — он зачиликал ему вслед; жаворонок стал спускаться над ним, трепеща крылами и звонко распевая, — Касьян подхватил его песенку» (3, 113).

Природа в ответ открывает герою целительные тайны своей «Божьей аптеки»: «есть травы, цветы есть: помогают, точно. Вот хоть череда, например, трава добрая для человека; вот подорожник тоже; об них и говорить не зазорно: чистые травки — Божии» (3, 118). Вместе с животворными «чистыми», «Божьими» травками Касьяну ведомы и другие растения — загадочные, «греховные», применяемые только вкупе с молитвой: «Ну, а другие не так: и помогают-то они, а грех; и говорить о них грех. Еще с молитвой разве…» (3, 118).

Так, в своей практике врачевания Касьян также предстает как христианин, оградивший себя молитвой, заручившийся Божьей помощью. Сопровождая охотника, таинственный знахарь «беспрестанно нагибался, срывал

какие-то травки, совал их за пазуху, бормотал себе что-то под нос и все поглядывал на меня и на мою собаку, да таким пытливым, странным взглядом» (3, 113).

В обывательской среде знахарей часто считали колдунами, подозревали в сношениях с нечистой неведомой силой. Однако настоящий народный целитель не только наделен открытым ему знанием сил природы. Чтобы врачевать, лекарь должен быть нравственно чистым, духовно возвышенным. Касьян помогает людям бескорыстно, от души, не помышляя о вознаграждении за свои познания и труды. На вопрос, чем он промышляет, герой отвечает: «Живу, как Господь велит <…> — а чтобы, то есть, промышлять — нет, ничем не промышляю» (3, 117). В этом он следует евангельскому завету, данному Христом апостолам, — о том, чтобы бескорыстно делиться с людьми тем талантом, который получен человеком от Бога в дар: «Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте» (Мф. 10:8).

В народе целителя Касьяна справедливо именуют «лекарка» (3, 112), но он уверен, что и здоровье, и жизнь человека — все в Божьей воле: «“Лекаркой меня называют… Какая я лекарка!.. и кто может лечить? Это все от Бога. <…> Ну, конечно, есть и слова такие… А кто верует — спасется”, — прибавил он, понизив голос» (3, 118). В этих последних словах героя — сокровенная убежденность в действенной силе христианской веры. Согласно заповеди Христа «если вы будете иметь веру с горчичное зерно», «ничего не будет невозможного для вас» (Мф. 17:20). В новозаветном эпизоде воскрешения дочери Иаира Христос говорит: «Не бойся, только веруй, и спасена будет» (Лк. 8:50).

Касьян с его идеалами добра и милосердия наделен чертами праведника. С другой стороны — сумеречная таинственность судьбы героя вносит диссонанс в его образ, не позволяя ему быть до конца открытым, светлым. Так, у Касьяна есть дочь, но он говорит о ней — «сродственница», скрывая ее происхождение, хотя их кровная связь для всех очевидна. Очередная загадка: о матери девушки никто не знает, герой об этом тоже умалчивает.

Кровь, ее пролитие особенно страшат Касьяна. Недоверчиво и неодобрительно относится он к охотникам. Герой смотрит на охоту как на жестокое истребление, бессмысленное убийство «Божьих тварей», напрасное пролитие невинной крови, смертный грех нарушения библейской заповеди «не убий»: «Пташек небесных стреляете, небось?.. зверей лесных?.. И не грех вам Божьих пташек убивать, кровь проливать неповинную?» (3, 110).

Этот грех тем более непростительный, что совершается он для пустого развлечения, а не ради хлеба насущного, испрашиваемого в молитве Господней «Отче наш»: «хлеб наш насущный даждь нам днесь» (Мф. 9:11). И Касьян не страшится открыто уличить барина в грехе убийства «братьев наших меньших»:

«Ну, для чего ты пташку убил? — начал он, глядя мне прямо в лицо.

— Как для чего?.. Коростель — это дичь: его есть можно.

— Не для того ты убил его, барин: станешь ты его есть! Ты его для потехи своей убил» (3, 116).

С этим наставлением «рифмуется» оценка, данная Лукерьей — героиней рассказа «Живые мощи»: «В позапрошлом году так даже ласточки вон там в углу гнездо себе свили и детей вывели. Уж как же оно было занятно!

Одна влетит, к гнездышку припадет, деток накормит — и вон. Глядишь — уж на смену ей другая. Иногда не влетит, только мимо раскрытой двери пронесется, а детки тотчас — ну пищать да клювы разевать… Я их и на следующий год поджидала, да их, говорят, один здешний охотник из ружья застрелил. И на что покорыстился? Вся-то она, ласточка, не больше жука… Какие вы, господа охотники, злые!» (3, 331).

Касьян также не боится устыдить барина, внушает ему мысль отказаться от жестокой забавы: «много ее, всякой лесной твари, и полевой и речной твари, и болотной и луговой, и верховой и низовой — и грех ее убивать, и пускай она живет на земле до своего предела… А человеку пища положена другая; пища ему другая и другое питье: хлеб — Божья благодать, да воды небесные, да тварь ручная от древних отцов» (3, 116).

В определении хлеба как Божьей благодати кроется священная сущность: «хлеб Божий есть Тот, Который сходит с небес и дает жизнь миру» (Ин. 6:33). Так, хлеб — одно из евангельских самоименований Иисуса Христа: «Аз есмь хлеб жизни» (Ин. 6:35), «ядущий его не умрет» (Ин. 6:50). «Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий» (Ин. 6:27), — заповедал Господь.

Касьян в свои бесстрашные поучения барину вкладывает именно этот евангельский смысл. Крестьянин наделен поистине апостольским даром слова. Так, святые апостолы просили у Бога духовного укрепления, мужества на стезе христианского благовествования: «И ныне, Господи, <…> дай рабам Твоим со всею смелостью говорить слово Твое», «и исполнились все Духа Святого и говорили слово Божие с дерзновением» (Деяния. 4:29, 31).

Одухотворенно-«дерзновенное» слово Божие на устах мужика не может в очередной раз не вызвать глубокого изумления автора-повествователя: «Я с удивлением поглядел на Касьяна. Слова его лились свободно; он не искал их, он говорил с тихим одушевлением и кроткою важностию, изредка закрывая глаза. <…> Я, признаюсь, с совершенным изумлением посмотрел на странного старика» (3, 116). Так удивлялись словам апостолов «начальники народа и старейшины» в Новом Завете, «видя смелость Петра и Иоанна и приметивши, что они люди некнижные и простые <…> между тем узнавали их, что они были с Иисусом» (Деяния. 4:13).

Касьян говорит, как древний пророк, как прорицатель: «Его речь звучала не мужичьей речью: так не говорят простолюдины, и краснобаи так не говорят. Этот язык, обдуманно-торжественный и странный… Я не слыхал ничего подобного» (3, 116–117). Слова простолюдина по своей сути и по стилю уподобляются священнической проповеди. В «обдуманно-торжественной» речи Касьяна с большим духовным подъемом выражены представления о святости и грехе: «Кровь, — продолжал он, помолчав, — святое дело кровь! Кровь солнышка Божия не видит, кровь от свету прячется… великий грех показать свету кровь, великий грех и страх… Ох, великий!» (3, 116).

Мужик старается довести до сознания охотника библейское понятие о крови как предмете таинственном и священном. В Ветхом Завете кровь ассоциируется с самой жизнью, с живой душой: «кровь есть душа» (Второзаконие. 12:23); «душа тела в крови», «ибо душа всякого тела есть кровь его, она душа его» (Левит. 17:11, 14). Бог заповедал Ною: «только плоти с душою ее, с кровью ее, не ешьте» (Бытие. 9:5). В Новом Завете апостолы проповедуют язычникам «воздерживаться от идоложертвенного и кро-

ви» (Деяния. 15:29), отказаться от использования крови в каких бы то ни было целях. Жертвенной кровью распятого на Голгофе Христа побеждена смерть, омыты грехи спасенного человечества.

Чаяния русского крестьянства о спасении Божьей милостью, о том, что «придут времена отрады от лица Господа» (Деяния. 3:20), мечты о народном счастье находили воплощение в страннических скитаниях. Странничество, правдоискательство было своеобразной формой оппозиции неправедному устроению социальной жизни, протестом против угнетения и закрепощенности свободной в Боге человеческой души. Не только лучшей доли в социально-бытовом смысле искали простонародные странники, но и — прежде всего — духовно-нравственного идеала, Божьей «правды-истины», как она определилась в русском фольклорном сознании.

Касьян — один из таких странников — получил в народе еще одно прозвище: Блоха. Вероятно, из-за малого своего роста и прыти, способности к динамичным перемещениям. С другой стороны, зоологическое прозвище — отсылка к паразитарному насекомому — снижает образ: «Недаром его прозвали Блохой. Его черная, ничем не прикрытая головка <…> так и мелькала в кустах. Он ходил необыкновенно проворно и словно все подпрыгивал на ходу» (3, 113).

«Человек я бессемейный, непосед» (3, 119), — говорит о себе герой. Может быть, душу загадочного Касьяна, именующего себя «грешным», тяготит какой-то тайный грех, который требует искупления. Оттого он и мается, не находит душевного равновесия. Это гипотеза, но бесспорно другое: его неусидчивость, «непоседливость», «охота к перемене мест» вызваны томлением народного духа по высшей правде: «И не один я, грешный… много других хрестьян в лаптях ходят, по миру бродят, правды ищут…» (3, 119).

Универсальный в отечественной литературе мотив странничества в поэтике «Записок охотника» становится сквозным, находит свое разностороннее художественное выражение. Даже в рассказе об обездвиженной героине «Живые мощи» явственно звучит мотив паломничества, богомолья. Парализованная Лукерья представляет себя странницей среди других русских паломников-богомольцев: «Вижу я, что сижу я этак будто на большой дороге под ракитой, палочку держу оструганную, котомка за плечами и голова платком окутана — как есть странница! И идти мне куда-то далеко-далеко на богомолье. И проходят мимо меня все странники» (3, 336).

Вековечное русское странничество: «Сколько странников ходило и скитальцев по Руси… <…> Мало что переменилось, хоть сменялись, шли века»[1], — в наши дни нашло подкрепление в поэме Николая Мельникова «Русский крест». Здесь показана «дорога поисков силы и смысла жизни», «жажда чистоты душевной»[2], как объясняет оптинский старец схиархимандрит Илий. В образе «странника с крестом» воплотились прошлое и настоящее России, ее грядущие судьбы, восхождение души к Богу:

Я грешил на свете много,
А теперь вот сам молюсь…
Если все попросим Бога

[1] *Мельников Н. А.* Русский крест. М.: Отчий дом, 2011. С. 33.

[2] Там же. С. 4.

За себя, за нашу Русь,
За грехи людские наши
И за весь позор и стыд —
Неужели ж Он откажет,
Неужели не простит? —
В пояс кланялся, прощался,
Крест на плечи поднимал
И в дорогу отправлялся.
А куда — никто не знал…[1]

Тургеневский Касьян в своих странствиях не находит искомого совершенства: «Справедливости в человеке нет, — вот оно что…» (3, 119). Но сам процесс поисков идеала приносит ему душевное облегчение: «Да и что! много, что ли, дома-то высидишь? А вот как пойдешь, как пойдешь, — подхватил он, возвысив голос, — и полегчит, право» (3, 119).

В образе героя духовный подъем, духовное раскрепощение соединяются с патриотическим чувством русского национального единства. Этот странник-правдоискатель — деятель и созерцатель одновременно. Ему открыта одухотворенная красота родной земли, любуясь которой Касьян испытывает глубокую любовь и нежность. Он одушевляет Русь, подбирает ласкательные имена ее городам и рекам — всем местам, где ему довелось побывать: «Ведь я мало ли куда ходил! И в Ромен ходил, и в Синбирск — славный град, и в самую Москву — золотые маковки; ходил на Оку-кормилицу, и на Цну-голубку, и на Волгу-матушку» (3, 119). Генетически герой связан с миром прекрасного: недаром он родом с *Красивой* Мечи. Места, где протекает эта река — Красивая Меча (или Мечь) — приток Дона, — считались одними из наиболее живописных в европейской части России.

Касьян не перестает удивляться чуду гармоничного Божьего мира. Для того чтобы видеть и всей душой воспринимать это чудо, нужно быть чудовидцем, духовно отзывчивым «очарованным странником». Именно таков Касьян. Религиозный характер носят его эстетические переживания красоты природы как Божьей благодати: «И солнышко на тебя светит, и Богу-то ты видней, и поется-то ладнее. Тут, смотришь, трава какая растет; ну, заметишь — сорвешь. Вода тут бежит, например, ключевая, родник, святая вода; ну, напьешься — заметишь тоже. Птицы поют небесные… А то за Курском пойдут степи, этакие степные места, вот удивленье, вот удовольствие человеку, вот раздолье-то, вот Божия-то благодать! <…> Эко солнышко! — промолвил он вполголоса, — эка благодать, Господи! эка теплынь в лесу!» (3, 119–120).

Любование героев «Записок охотника» своей Родиной, русской землей сливается с голосом автора, рисующего с проникновенной любовью в каждом рассказе художественные картины природы. Точные до мельчайших деталей, узнаваемых примет тургеневские пейзажи представлены в их пространственной глубине, игре света и тени, оттенков красок, в переливах звуков и ароматов. В то же время картины эти настолько одухотворенные, что в них отчетливо ощутимо Божье всеприсутствие, незримое вышнее заступничество. Русский пейзаж, воссозданный не в линейной перспективе и

[1] *Мельников Н. А.* Русский крест. М.: Отчий дом, 2011. С. 36.

даже не в трехмерном пространстве, а с выходом в некое четвертое — духовное — измерение становится самостоятельным сквозным «героем» тургеневского цикла, формирует чувство национального единства, цельный и прекрасный образ Родины, богохранимой земли русской.

Вот, например, как выглядят под пером Тургенева родные места на рассвете: «А между тем заря разгорается; вот уже золотые полосы протянулись по небу, в оврагах клубятся пары; жаворонки звонко поют, предрассветный ветер подул — и тихо всплывает багровое солнце. Свет так и хлынет потоком; сердце в вас встрепенется, как птица. Свежо, весело, любо! Далеко видно кругом. Вон за рощей деревня; вон подальше другая с белой церковью, вон березовый лесок на горе» («Лес и степь» — 3, 355). Столь же христиански «осердечена» зарисовка летней ночи: «Картина была чудесная <…> Темное чистое небо торжественно и необъятно высоко стояло над нами со всем своим таинственным великолепием. Сладко стеснялась грудь, вдыхая тот особенный, томительный и свежий запах — запах русской летней ночи», и «тихо мигая, как бережно несомая свечка», затеплилась на небе «вечерняя звезда» («Бежин луг» — 3, 90; 86).

В народно-поэтическом сознании живет неистребимая мечта о сказочном чуде, золотом «тридесятом царстве» — мире благоденствия, свободы и справедливости, где добро неизбежно одерживает верх над злом, правда пересиливает кривду. Сказочность и странничество как формы духовной жизни народа соотносятся в жизни русского скитальца: «И идут они, люди сказывают, до самых теплых морей, где живет птица Гамаюн сладкогласная, и с дерев лист ни зимой не сыплется, ни осенью, и яблоки растут золотые на серебряных ветках, и живет всяк человек в довольстве и справедливости… И вот уж я бы туда пошел…» (3, 119).

С этими народно-странническими мечтами Касьяна с Красивой Мечи перекликаются детские грезы засыпающих в ночном маленьких героев «Бежина луга». Они убаюканы сладкими надеждами на дивное чудо в сказочной земле за «теплыми морями», куда отправляются птицы небесные:

«— Это кулички летят, посвистывают.

— Куда ж они летят?

— А туда, где, говорят, зимы не бывает.

— А разве есть такая земля?

— Есть.

— Далеко?

— Далеко, далеко, за теплыми морями.

Костя вздохнул и закрыл глаза» (3, 104).

В поэтизации странничества переплетаются мотивы фольклорные и христианские. Священная, светлая птица Гамаюн в мифологическом ракурсе олицетворяет чудодейственное заступничество. Эта птица — Божья вестница, подательница надежды на чудо Божьего Промысла. Окрашенное в золотой цвет «иное царство, небывалое государство» соотносится с солнечным светом, с небесной сферой. В христианском контексте «золотое царство» соотносимо с евангельским откровением об уготованном для праведных светоносном «золотом граде» Небесном Иерусалиме, в котором «отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет»; «ночи там не будет»; «спасенные народы будут ходить во свете Его» (Откровение. 21:4, 24, 25).

«Юродивец» — третье прозвище Касьяна. Его поведение представляется окружающим странным, нелепым. И сам он выглядит человеком чудаковатым, почти безумным: «Неразумен я больно, с мальства» (3, 117). Касьян, не занятый, как все, крестьянским трудом, признается: «Ничем я этак не занят… Работник я плохой» (3, 117). Охотник мысленно соглашается с прозвищем героя, дивясь его необычной манере держаться, вести таинственные, малопонятные речи: «последние слова Касьян произнес скороговоркой, почти невнятно; потом он еще что-то сказал, чего я даже расслышать не мог, а лицо его такое странное приняло выражение, что мне невольно вспомнилось название “юродивца”» (3, 119).

На взгляд со стороны «юродивец» подобен безумцу, хотя таким и не является. Касьян просветлен более многих крестьян, обладает широким кругозором, он грамотный человек: «Разумею грамоте. Помог Господь да добрые люди» (3, 117). В первоначальном издании рассказа герой говорил также о своем участии в церковных богослужениях: «Случается, так в церкви Божией на крылос меня берут по праздникам. Я службу знаю и грамоте тоже разумею» (3, 468).

Касьян скорее принимает вид безумца, как многие юродивые. Его «неразумность» — особого рода. Он не способен «промышлять», наблюдать свой эгоистический интерес. Христианская вера очищает ум и душу от маниакального стремления к наживе, корысти: «не бедных ли мира избрал Бог быть богатыми верою и наследниками Царствия, которое Он обещал любящим Его?» (Иак. 2:5).

В душе герой ведет напряженную внутреннюю работу, непрерывно размышляя об истинном предназначении человека в соответствии с Божьим замыслом: «Да это все под Богом, все мы под Богом ходим; а справедлив должен быть человек — вот что! Богу угоден, то есть» (3, 118). Недаром в нашем языке синонимы к слову «юродивый» — «блаженный», «Божий человек», «Христов человек». Духовное делание развивает в герое дар прозорливости, прорицания.

Таким же даром наделена Лукерья — героиня рассказа «Живые мощи».

Этот тургеневский шедевр с его глубинным религиозно-философским содержанием, весь проникнутый православным духом, вызывал заслуженное восхищение современников писателя и по сей день является предметом особого внимания читателей, литературоведов, философов, богословов, писателей.

Так, например, французский писатель и философ Ипполит Тэн признавался в письме Тургеневу: «Я прочел “Лукерью” три раза кряду» (3, 514). Именно рассказ «Живые мощи» позволил И. Тэну осознать всемирное значение и духовное величие русской литературы по сравнению с литературами других стран: «Какой урок для нас, и какая свежесть, какая глубина, какая чистота! Как это делает явным для нас, что наши источники иссякли! Мраморные каменоломни, где нет ничего, кроме лужиц стоячей воды, а рядом неиссякаемый полноводный родник» (3, 514). Посвящая Тургеневу свой рассказ, навеянный «Касьяном с Красивой Мечи», Жорж Санд так отозвалась об авторе «Записок охотника»: «Вы — реалист, умеющий все видеть, поэт, чтобы все украсить, и великое сердце, чтобы всех пожалеть и все понять». После прочтения «Живых мощей» французская романистка на склоне лет признала превосходство русского писателя: «Учитель, — все мы должны пройти Вашу школу» (3, 426).

Даже более чем Касьян, Лукерья вызывает у повествователя чувство безграничного изумления. Увидев ее, охотник буквально «остолбенел от удивления» (3, 327). Благоговение испытывает Тургенев перед мощью христианского духа, который обитает в немощном теле героини — в полном соответствии с антиномиями Нового Завета: «Господь сказал мне: “довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи”. <…> Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силен» (2 Коринф. 12:9–10).

С героиней рассказа — жизнерадостной крестьянской девушкой, красавицей Лукерьей, помолвленной невестой — незадолго до свадьбы приключилась неведомая болезнь, неподвластная лечению докторов. От начала болезни до кончины — без малого семь лет (семь — священное число духовного порядка) — обездвиженная Лукерья пролежала одна в плетеном сарайчике на пасеке. Внешне она так иссохла, что превратилась в почерневшую мумию, «живые мощи». Так медоносная пчела, когда завершает свое благодатное земное предназначение, сохнет, чернеет, умирает.

Охотник, знавший девушку прежде, ошеломлен контрастным зрелищем: «Возможно ли? Эта мумия — Лукерья, первая красавица во всей нашей дворне, высокая, полная, белая, румяная, хохотунья, плясунья, певунья! Лукерья, умница Лукерья, за которою ухаживали все наши молодые парни, по которой я сам втайне вздыхал, я — шестнадцатилетний мальчик!» (3, 328).

Искрящаяся радостью и весельем физическая жизнь отлетела, сковалась неподвижностью, тишиной. Сарайчик Лукерьи напоминает усыпальницу, гробницу: «темно, тихо, сухо; пахнет мятой, мелиссой. В углу приспособлены подмостки, и на них, прикрытая одеялом, какая-то маленькая фигура…» (3, 327).

Сакральный подтекст рассказа позволяет предположить, что Лукерья накануне замужества, то есть в один из переломных моментов жизни, когда человек становится наиболее уязвимым, подверглась бесовской атаке «врага рода человеческого». В это время она думала только о себе, о своей любви, о встречах со «статным, кудрявым» женихом: «Очень мы с Василием слюбились; из головы он у меня не выходил» (3, 328–329). Безоглядное чувство, всепоглощающая сосредоточенность на личном счастье обезоруживают человека перед происками нечистой силы, выискивающей беззащитную жертву; могут привести к физической и духовной гибели.

Так, перед рассветом (согласно традиционным представлениям — время разгула нечисти, ее особой активности) девушке, завороженной ночными соловьиными трелями, почудился зов жениха: «зовет меня кто-то Васиным голосом, тихо так: “Луша!..” Я глядь в сторону, да, знать, спросонья оступилась, так прямо с рундучка и полетела вниз — да о́ землю хлоп! И, кажись, не сильно я расшиблась, потому — скоро поднялась и к себе в комнату вернулась. Только словно у меня что внутри — в утробе — порвалось… <…> — С самого того случая, — продолжала Лукерья, — стала я сохнуть, чахнуть; чернота на меня нашла; трудно мне стало ходить, а там уже — и полно ногами владеть; ни стоять, ни сидеть не могу; все бы лежала. И ни пить, ни есть не хочется: все хуже да хуже» (3, 329).

М. М. Дунаев считал, что в этой истории болезни кроется не только «несчастная случайность», но и «слабый намек, хоть и не вполне проявлен-

ный, на бесовское вмешательство»[1]. Из приведенного рассказа Лукерьи не «слабо», а вполне явственно проступает метафизический характер недуга, сразившего девушку. Лукавый голос, злокозненно маскируясь под призыв жениха, влечет ее в гибельную бездну («так прямо <…> и полетела вниз»).

Отголосок этой сцены — в рассказе «Бежин луг», когда Павлуша услышал ночью над рекой предвестие его скорой гибели — зовущий голосок утопленника Васи: «Только стал я к воде нагибаться, слышу вдруг зовут меня этак Васиным голоском и словно из-под воды: “Павлуша, а Павлуша!” Я слушаю; а тот опять зовет: “Павлуша, подь сюда”» (3, 104). Характерна реакция героев «Бежина луга», стремящихся при помощи крестного знамения отразить вредоносные нападки нечистой силы: «Ах Ты, Господи! ах Ты, Господи! — проговорили мальчики, крестясь» (3, 104).

В то же время в народном сознании живет убеждение, что истинная христианская душа выстоит, одержит верх, несмотря на временную победу бесовщины. Эту мысль выразил один из мальчиков в рассказе «Бежин луг»: «Эка! — проговорил Федя после недолгого молчанья, — да как же это может этакая лесная нечисть хрестиянскую душу спортить» (3, 95).

Вера в Христа-Спасителя, религиозное миросозерцание Лукерьи, христианское смирение становятся для нее источником огромной духовной силы, несказанной душевной красоты. Портрет героини — также совершенно бестелесный — вызывает у автора представление о древних иконописных ликах, потемневших от времени: «Передо мною лежало живое человеческое существо, но что это было такое? Голова совершенно высохшая, одноцветная, бронзовая — ни дать ни взять икона старинного письма» (3, 327). По определению В. И. Даля, «мощи — нетленное тело угодника Божия». Тургеневская героиня, прозванная в народе «живые мощи», еще при жизни становится «истиннопреподобной» угодницей Божией.

Охотника крайне изумляет, что страдалица Лукерья не сетовала на судьбу, «рассказ свой вела почти весело, без охов и вздохов, нисколько не жалуясь и не напрашиваясь на участие» (3, 329). Односельчанам она также не докучает: «от нее никакого не видать беспокойства; ни ропота от нее не слыхать, ни жалоб. Сама ничего не требует, а, напротив — за все благодарна; тихоня, как есть тихоня» (3, 338), — рассуждает хуторской десятский.

В христианской модели мира человек пребывает не во власти языческого «слепого случая» или античного «фатума», но во власти Божественного Провидения. Случившееся с ней героиня расценивает как данный Богом Крест, принимает Божью волю со смирением, с благодарностью и молитвой: «А то я молитвы читаю, — продолжала, отдохнув немного, Лукерья. — Только немного я знаю их, этих самых молитв. Да и на что я стану Господу Богу наскучать? О чем я Его просить могу? Он лучше меня знает, чего мне надобно. Послал Он мне крест — значит меня Он любит. Так нам велено это понимать. Прочту Отче наш, Богородицу, акафист Всем скорбящим — да и опять полеживаю себе безо всякой думочки. И ничего!» (3, 332). Она почти не может спать, и тем исполняет заповедь: «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна» (Мф. 26:41). «Бодрствующая» героиня приучила себя не размышлять, а молитвенно созерцать «мир Божий, который превыше всякого ума» (Филип. 4:7).

[1] *Дунаев М. М.* Православие и русская литература. М., 1997. Ч. III. С. 37.

В народе поговаривают, что испытание тяжелой болезнью послано Лукерье в искупление за какой-то тайный грех: «Богом убитая, <…> — стало быть, за грехи; но мы в это не входим. А чтобы, например, осуждать ее — нет, мы ее не осуждаем. Пущай ее!» (3, 338).

Готовя рассказ к печати, Тургенев в письме к Я. П. Полонскому вспоминал о страшном времени голода 1841 года, когда «чуть не вымерли поголовно» Тульская и смежные с ней губернии (Орловская — в том числе). Писатель воспроизводит народный отзыв, показывающий отношение простого человека к бедствию как ниспосланному свыше испытанию — во оставление грехов: «Ты и так Богом наказан, а тут ты еще грешить станешь?» (3, 511).

Так в чуткое православное сознание вживляется евангельское изречение апостола Петра: «страдающий плотию перестает грешить, чтобы остальное во плоти время жить уже не по человеческим похотям, но по воле Божией» (1 Пет. 4:1, 2). В этом суть православно-аскетического взгляда на жизнь: винить в несчастьях не других, а самого себя; в бедствии видеть справедливое воздаяние, ведущее через глубокое покаяние к духовно-нравственному обновлению, возрождению и спасению.

Лукерья также считает, что болезнь послана во благо ее душе, и в этом смысле она счастливее физически здоровых людей: «Хоть бы то взять: иной здоровый человек очень легко согрешить может; а от меня сам грех отошел. Намеднись отец Алексей, священник, стал меня причащать да и говорит: “Тебя, мол, исповедовать нечего: разве ты в твоем состоянии согрешить можешь?” Но я ему ответила: “А мысленный грех, батюшка?” — “Ну, — говорит, а сам смеется, — это грех не великий”. — Да я, должно быть, и этим самым, мысленным грехом не больно грешна» (3, 330–331). Более того — она самим своим безропотным перенесением многолетних страданий «отмаливает» чужие грехи, грехи родителей: «было мне видение — я уж и не знаю. Почудилось мне, будто я в самой этой плетушке лежу и приходят ко мне мои покойные родители — батюшка да матушка — и кланяются мне низко, а сами ничего не говорят. И спрашиваю я их: зачем вы, батюшка и матушка, мне кланяетесь? А затем, говорят, что так как ты на сем свете много мучишься, то не одну ты свою душеньку облегчила, но и с нас большую тягу сняла. И нам на том свете стало много способнее. Со своими грехами ты уже покончила; теперь наши грехи побеждаешь. И, сказавши это, родители мне опять поклонились — и не стало их видно: одни стены видны» (3, 335–336).

В общерусском православном смысле воспринял образ Лукерьи Б. К. Зайцев, назвав ее заступницей «за Россию грешную, за всех нас, грешных»[1].

Плоть девушки умерщвлена, но дух ее возрастает. «Посему мы не унываем, — учит апостол Павел, — но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2 Коринф. 4:16). «Тело Лукерьи почернело, а душа — просветлела и приобрела особенную чуткость в восприятии мира и правды высшего, сверхмирного бытия»[2], — справедливо отметил выдающийся богослов XX века архиепископ Иоанн Сан-Франсис-

[1] *Зайцев Б. К.* Собр. соч.: В XI т. М.: Русская книга, 1999–2001. Т. IX. С. 436.

[2] *Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ.* Беседы с русским народом. М.: Ладья, 1998.

ский (Шаховской). Героине, почти бестелесной, открываются высшие сферы духа, невыразимые в земном слове. В своем уединении она вступает в область сверхрационального религиозного познания: «Вы вот не поверите — а лежу я иногда так-то одна, и словно никого в целом свете, кроме меня, нету. Только одна я — живая! И чудится мне, будто что меня осенит… Возьмет меня размышление — даже удивительно. <…> Этого, барин, тоже никак нельзя сказать: не растолкуешь. Да и забывается оно потом. Придет, словно как тучка, прольется, свежо так, хорошо станет, а что такое было — не поймешь! Только думается мне: будь около меня люди — ничего бы этого не было и ничего бы я не чувствовала, окромя своего несчастья» (3, 333).

В снах-видениях открывается прямая связь чуткой христианской души с запредельным миром на пороге вечности. Вместо венка из васильков (в символическом контексте рассказа полевые васильки — намек на любовь к земному жениху Василию Полякову) девушка увенчана небесным сиянием — как нимбом святого: «Надеваю я месяц, ровно как кокошник, и так сама сейчас вся засияла, все поле кругом осветила» (3, 335). Свет в Евангелии не метафора и не образ, но выражение самой сущности Христа: «Доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света» (Ин. 12:36). В земной жизни жених оставил свою невесту-калеку. Но в духовных сферах праведницу одобряет и принимает Сам Господь: «Глядь — по самым верхушкам колосьев катит ко мне скорехонько — только не Вася, а Сам Христос! И почему я узнала, что это Христос, сказать не могу, — таким Его не пишут, — а только Он!» (3, 335). Лукерья становится «Христовой невестой» (устойчивое выражение, обозначающее умершую девушку или девушку, которая предпочла браку монашество): «Не бойся, говорит, невеста моя разубранная, ступай за Мною; ты у меня в Царстве Небесном хороводы водить будешь и песни играть райские. <…> тут мы взвились! Он впереди… Крылья у Него по всему небу развернулись, длинные, как у чайки, — и я за Ним! И собачка должна отстать от меня. Тут только я поняла, что эта собачка — болезнь моя и что в Царстве Небесном ей уже места не будет» (3, 335).

На крыльях христианской веры героиня духовно воспарила, «достигла того состояния целостности и высшей простоты духа, когда человек мыслит уже не рациональным рассудком, а интуицией, духом, сердцем своего бытия. Это есть состояние сердечной чистоты, что есть начало уже Царствия Божия в человеке», — комментирует архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской)[1].

В своем отношении к жизни и к миру Лукерья проявляет себя столь одухотворенно-сострадательно, что вновь подкрепляет ассоциацию с бесплотными женскими ликами русских икон, особенно с чудотворным образом «Умиление». Выступая как заступница обездоленных, она совсем забывает о своем личном страдании: «Ничего мне не нужно; всем довольна, слава Богу, — с величайшим усилием, но *умиленно* (курсив мой. — *А. Н.-С.*) произнесла она. — Дай Бог всем здоровья! А вот вам бы, барин, матушку вашу уговорить — крестьяне здешние бедные — хоть бы малость оброку с них она сбавила! Земли у них недостаточно, угодий нет… Они бы за вас

[1] *Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ*. Беседы с русским народом. М.: Ладья, 1998.

Богу помолились… А мне ничего не нужно — всем довольна» (3, 337). Здесь состояние умиления в его духовном смысле обозначает соприкосновение души с Божьей благодатью.

Истинная праведница боится прогневить Бога: не ропщет на свою участь, не мучается гневом, завистью, не проклинает, а благословляет мир Божий. Обездоленная и обездвиженная, но сильная духом, она не позволяет злу проникнуть в свою душу. Наоборот, ее душа вся светится добром, участливым отношением к людям. В ее положении, хуже которого отыскать вряд ли что возможно, она беспокоится о тех, кому еще труднее: «А что будешь делать? Лгать не хочу — сперва очень томно было; а потом привыкла, обтерпелась — ничего; иным еще хуже бывает. <…> у иного и пристанища нет! А иной — слепой или глухой! А я, слава Богу, вижу прекрасно и все слышу, все. Крот под землею роется — я и то слышу. И запах я всякий чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый! Гречиха в поле зацветет или липа в саду — мне и сказывать не надо: я первая сейчас слышу. Лишь бы ветерком оттуда потянуло. Нет, что Бога гневить? — многим хуже моего бывает» (3, 330).

Земная жизнь Лукерьи завершается под слышимый только ею «сверху» колокольный звон, призывающий ее в вечность, в Царство Небесное, в соответствии с евангельским обетованием: «Претерпевший же до конца спасется» (Мф. 24:13).

«Откровение души», «торжество бессмертного в тленном», — так определил суть тургеневского рассказа архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). По его справедливому суждению, Тургенев «не только выразил жизнь в ее последней тайне, он открыл человеческую бессмертную душу, не зависящую в своей глубине ни от чего внешнего, ни от каких материальных или экономических условий»[1].

Преданность Божьей воле как замечательную особенность русского народа Тургенев проникновенно рисует и в рассказе «Смерть». То, как умеет умирать православный человек, — также является предметом уважительного удивления писателя и в очередной раз подтверждает его мысль о русском народе «как самом удивительном народе на свете»: «Удивительно умирает русский мужик! Состоянье его перед кончиной нельзя назвать ни равнодушием, ни тупостью; он умирает, словно обряд совершает» (3, 200). Так, придавленный деревом во время рубки леса подрядчик Максим в свои последние минуты думает о Боге, о покаянии: «за попом… послать… прикажите… Господь… меня наказал… ноги, руки, все перебито… сегодня… воскресенье… а я… а я… вот… ребят-то не распустил» (3, 199). Для православных день земной кончины — день рождения в жизнь вечную.

Антикрепостническое содержание тургеневского цикла глубоко и всесторонне изучено. В то же время необходимо заострить внимание на этой теме, рассматривая ее не только как историко-литературный факт, но как проблему, не теряющую своей актуальности и в наши дни.

Жестокосердные поработители народа — изощренный изувер помещик Пеночкин и его подручный — бурмистр Софрон («Бурмистр»), Хвалынский и Стегунов («Два помещика»), господин Зверков с его говорящей фа-

[1] *Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ*. Беседы с русским народом. М.: Ладья, 1998.

милией и такой же зоологической внешностью («Ермолай и мельничиха»); многие другие помещики, в том числе матушка охотника, в которой различимы черты Варвары Петровны — матери Тургенева («Живые мощи»). Все они стремятся свести подневольных людей к рабскому животному состоянию. Угнетатели не только распоряжаются судьбами крепостных, физически губят их непосильным рабским трудом, голодом, нуждой, телесными наказаниями, но методически убивают живую душу. Иных доводят до самоубийства, иных — до сумасшествия.

Вот один из крохотных эпизодов, повсюду рассыпанных в цикле рассказов, за которым стоит подлинная драма исковерканной человеческой судьбы: вскользь упоминается «подверженный сумасшествию резчик Павел», который «к каждому проезжему подходил с просьбой позволить ему жениться на какой-то девке Маланье, давно уже умершей» («Смерть» — 3, 201–202). Столь же искалечены судьбы многих крепостных, лишенных по вине господ права на любовь, личное счастье: это горничная Арина и лакей Петрушка («Ермолай и мельничиха»), Татьяна и Павел («Контора»), Матрена («Петр Петрович Каратаев») и другие.

В предисловии к переводам тургеневских рассказов в журнале Чарльза Диккенса — английского писателя-христианина, наиболее близкого по духу русской литературе, — высказывалось негодование по поводу зверств «сильных мира сего», творящихся в стране, считающей себя «цивилизованной и христианской» (3, 430).

Не случайно официальные власти затеяли секретное следствие о «Записках охотника», усматривая в них политическую оппозиционность и опасность для правящего режима. Сотрудник Главного управления цензуры доносил министру просвещения: «мне кажется, что книга г. Тургенева сделает более зла, чем добра <…>. Полезно ли, например, показывать нашему грамотному народу <…>, что однодворцы и крестьяне наши, которых автор до того опоэтизировал, что видит в них администраторов, рационалистов, романтиков, идеалистов, людей восторженных и мечтательных (Бог знает, где он нашел таких!), что крестьяне эти находятся в угнетении, что помещики, над которыми так издевается автор, выставляя их пошлыми дикарями и сумасбродами, ведут себя неприлично и противузаконно, что сельское духовенство раболепствует перед помещиками, что исправники и другие власти берут взятки или, наконец, что крестьянину жить на свободе привольнее, лучше» (3, 409). Как известно, далее последовали надзор тайной полиции, арест и ссылка «политически неблагонадежного» Тургенева.

Для подавляемой властью личности пространством свободы служит православная вера. Писатель показал, что крепостное право — рабство внешнее — не убило в русском народе внутренней свободы души и духа. Художественная логика тургеневского цикла рассказов неуклонно ведет к выводу о том, что люди не должны быть рабами людей. Люди не рабы, а дети Божьи: «Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий чрез Иисуса Христа» (Гал. 4:7). Тургенев утвердил богоподобное достоинство человеческой личности, ее духовную независимость. Человек рожден свыше, его Господь-Отец сотворил. И этот дар творения подкреплен даром истинной свободы — в Боге и от Бога. Те же, кто отнимает у человека этот дар Божий, суть богопротивники, бесы — носители зла.

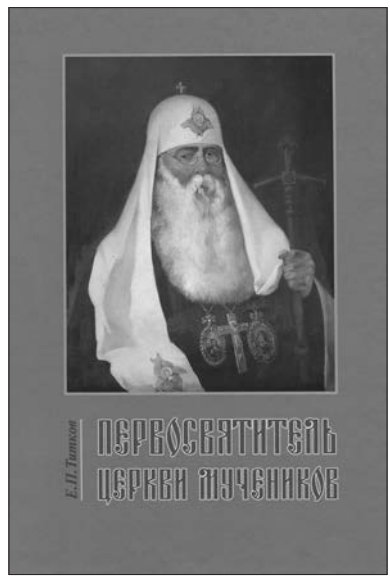
Вот почему апостол Павел призывает: «братия мои, укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его; облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских; потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Ефес. 6:10–12). В Новом Завете выражена вера в то, что во втором пришествии Христа «Он предаст Царство Богу и Отцу, когда упразднит всякое начальство и всякую власть, и силу» (1 Коринф. 15:24).

Своеобразие изображения жизни в рассказах Тургенева предстает в динамике взаимодействующих планов бытия: национально-русского и вселенского; конкретно-исторического и философско-универсального; социально-политического и религиозно-нравственного; земного и надмирного; сиюминутного и вневременного, вечного — всего того, что составляет живую русскую душу «Записок охотника».

Вышла книга

Титков Е. П.

Первосвятитель Церкви мучеников. Жизнь, труды и подвиги Патриарха Сергия (Страгородского) / Е. П. Титков; АГПИ. — Арзамас: АГПИ, 2012. — 722 с. + 32 с. ил.



Многогранная деятельность Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Сергия (Страгородского) представлена в данной книге в контексте драматической истории Русской Православной Церкви первой половины XX века. Жизненный путь, труды и подвиги одного из наиболее талантливых и противоречивых русских церковных иерархов, вокруг которого до сих пор не утихают острые споры и дискуссии, представлены автором на основе многочисленных документов и исследований светских и церковных отечественных и зарубежных историков.

Автор работы, доктор исторических наук, профессор Е. П. Титков определяет жанр книги как документально-историческое повествование и относит его к научно-популярным изданиям.

Книга адресована всем интересующимся судьбами России и Русской Православной Церки в XX веке.



Анатолий ПАРПАРА

«ИТАК, Я ЖИЛ ТОГДА В ОДЕССЕ»

Пушкин и Воронцов

Анатолий Анатольевич Парпара — родился в 1940 году. Советский и российский поэт, драматург, общественный деятель, профессор Московского государственного университета культуры и искусств (МГУКИ), председатель фонда имени М. Ю. Лермонтова, создатель (1996) и редактор «Исторической газеты». Заслуженный работник культуры РСФСР, награжден орденом Дружбы народов, лауреат Государственной премии РСФСР им. М. Горького. **Живет в Москве.**

Власть и поэт. Молодость и зрелость. Фронда и ответственность. Воля и свобода. Искусство и поклонники. Благородство и политика. Вот темы, которых мы касаемся, когда начинаем говорить о взаимных отношениях графа М. С. Воронцова и чиновника Коллегии иностранных дел А. С. Пушкина. Сколько здесь переплетается земного с небесным, чести с интригами, подлости с достоинством. У власти свои законы, но и у творчества — свои! Как разобраться в этом?

Советские литературоведы обвинили М. С. Воронцова в лицемерии, нелюбви к гению русской поэзии, переросшей в ненависть. Даже искренние строки на гибель поэта, написанные Михаилом Семеновичем в письме к сослуживцу своему М. И. Лексу: «Мы все здесь удивлены и огорчены смертию Пушкина, сделавшего своими дарованиями так много чести нашей литературе. Еще более горестно думать, что несчастия этого не было бы, если бы не замешались в этом деле камеражи (сплетники. — *А. П.*), которые вместо того, чтобы успокоить человека, раздражали и довели до бешенства» и были истолкованы И. С. Зильберштейном, публикатором отрывка из письма, как продуманную подлость: «Несомненно, — что лицемерно-сочувственные строчки Воронцова о гибели поэта вызваны были желанием хитрого царедворца отделить себя в глазах общества от врагов Пушкина». Пушкиноведу даже не пришло в голову, что частное письмо это не станет известно «глазам общества», настолько его заряженность на интриганство генерал-губернатора (а Воронцов, боевой генерал, не был причислен к Царскому двору) была преднамеренна.

Словно предвидя произошедшее через тринадцать лет, друг Александра Сергеевича, барон А. А. Дельвиг

писал ему: «Великий Пушкин, маленькое дитя! Иди, как шел, т. е. делай что хочешь: но не сердись на меры людей и без тебя довольно напуганных! Общее мнение для тебя существует и хорошо льстит. Я не видел ни одного порядочного человека, который бы не бранил за тебя Воронцова, на которого все шишки упали…»

Узнав о том, что в мае 1823 года М. С. Воронцов был назначен генерал-губернатором Новороссии и наместником Бессарабии, друзья Пушкина решили, что поэту будет лучше под крылом благородного человека, выдающегося администратора. Князь П. А. Вяземский писал в письме А. И. Тургеневу: «…Говорили ли вы Воронцову о Пушкине? Непременно надобно бы ему взять его к себе. Похлопочите, добрые люди! Тем более, что Пушкин точно хочет остепениться, а скука и досада — плохие советники». Александр Иванович ответил, что поговорил с Воронцовым о поэте и тот берет его к себе от генерала И. Н. Инзова, полномочного наместника Бессарабской области, чтобы «спасти его нравственность, а таланту дать досуг и силу развиться».

М. С. Воронцов сдержал свое слово и дал полную свободу для творческих занятий Пушкину, не заставляя молодого писателя приходить на работу, хотя 700 рублей (деньги по тем временам немалые. — *А. П.*) он получал от Коллегии иностранных дел. Было предположение о том, что Воронцов хотел использовать способности Пушкина для разбора архивных документов, но, как заметил историк И. М. Шкляж: «А. С. Пушкин, и это не секрет, мало утруждал себя служебными обязанностями, стал бы он много времени и сил тратить на воронцовские бумаги». Впрочем, как пишет биограф Михаила Семеновича О. Ю. Захарова, исторические материалы, обнаруженные в библиотеке губернатора, помогли поэту в работе над «Борисом Годуновым» и «Историей Пугачевского бунта».

Другой биограф М. С. Воронцова В. А. Удовик основательно и непредубежденно проанализировал отношения его с Пушкиным. И вот к какому выводу он пришел: «Наговаривая на Воронцова, изображая его врагом Пушкина, исследователи невольно наговаривают и на Пушкина. Если Пушкин принимал приглашения своего врага и бывал в его доме, следовательно, честь не была ему дорога. Но, как известно, честь и чувство собственного достоинства были для Пушкина превыше всего. В гости к врагу он ходить не стал бы. С другой стороны, честь, чувство собственного достоинства были присущи и М. С. Воронцову. А это также исключало приглашение им к себе в гости врага».

Пушкин часто бывал в доме Воронцова. Интересно, что за четыре месяца 1823 года Пушкин нарисовал 9 портретов Михаила Семеновича и 17 его супруги. Всего же он сделал более 20 рисунков Воронцова. Редко кто из друзей Пушкина может сравниться с таким вниманием к себе. Впрочем, даже эти портреты задумчивого человека выдавались А. Эфросом, искусствоведом и критиком, за пушкинский «штамп “вельможного англомана” с каким-то звериным оскалом, с чертами грубости, жестокости, ограниченности».

Что же касается конфликта по поводу саранчи, то Воронцов пожелал, чтобы Пушкин, как и другие чиновники его канцелярии, выехал на освидетельствование результатов борьбы с прожорливыми насекомыми. Возможно, как предполагал П. В. Анненков, он был «движим желанием

предоставить Пушкину случай отличиться по службе». Так же считал и друг поэта И. П. Липранди. Маленькая любопытная деталь, характеризующая понимание генерал-губернатором финансового состояния Александра Сергеевича: он распорядился выдать поэту командировочных втрое больше, нежели полагалось. Однако Пушкин, пробыв в поездке несколько дней, сдал 28 мая в канцелярию следующий отчет:

САРАНЧА
23 мая — Летела, летела,
24 мая — И села;
25 мая — Сидела, сидела,
26 мая — Все съела,
27 мая — И вновь улетела.



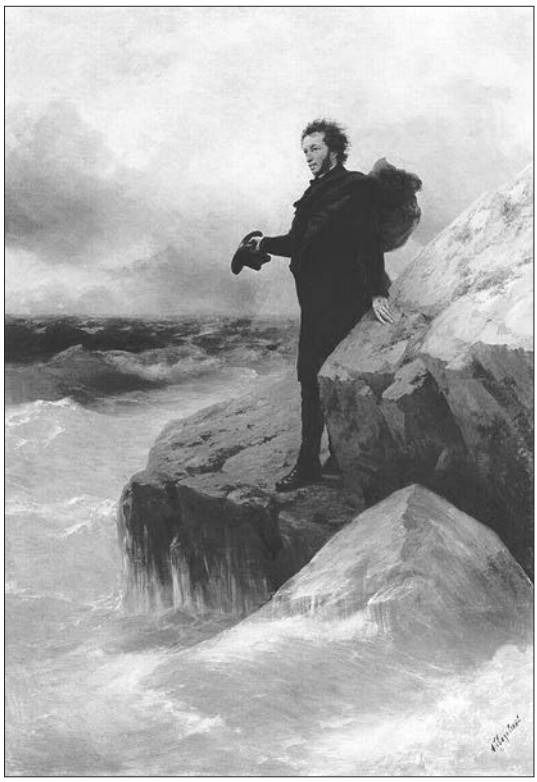
Портрет М. С. Воронцова. Художник Томас Лоуренс

Полковник Х. доложил Воронцову о возмутительном рапорте поэта, требуя наказания его. Но об отходчивом характере Михаила Семеновича более всего говорит письмо своему приятелю, в котором он описывает этот эпизод: «Конечно, полковник был прав. Подобные стихи и такое легкомысленное отношение к порученному делу недопустимо. Меня возмутила только та радость, с которою полковник рыл яму своему недругу. И вот я решил на другой день утром вызвать Пушкина, распечь или, вернее, пристыдить его и посадить под арест. Но ничего из этого не вышло. Вечером я начал читать другие отчеты по саранче. На этот раз серьезные, подробные и длинные-предлинные. Тут и планы, и таблицы, и вычисления. Осилил я один страниц в 30 и задумался — какой вывод? Сидела, сидела, все съела и вновь улетела — другого вывода я сделать не мог. Прочел вторую записку и опять то же — все съела и опять улетела… Мне стало смешно, и гнев мой на Пушкина утих. По крайней мере, он пощадил мое время».

Человек с таким чувством юмора не мог быть врагом талантливого поэта! Хотя встреча между ними и могла быть. И разговор соответствующий мог быть.

Тем не менее некоторые пушкинисты настойчиво считают «эпизод с саранчой» началом войны между губернатором и подчиненным. Есть предположение, озвученное П. П. Вяземским, сыном поэта, о том, что Пушкин, влюбленный в графиню Е. К. Воронцову, не хотел уезжать в командировку, ибо думал, что граф специально отсылает его подальше от предмета его обожания на целый месяц. К тому же он мечтал о включении его в состав сопровождающих чету Воронцовых в Крым.

Факт остается фактом: 2 июня Пушкин подал прошение об отставке. Виноват ли Воронцов в этом? В. А. Удовик пишет: «Ни в те дни, ни позже



Прощание А. С. Пушкина с морем. Художник Иван Айвазовский

“неглупый” (определение Пушкина. — *А. П.*) Воронцов никогда не обвинял его в возникшем между ними конфликте».

Возможную точку в долгом споре о том, кто виноват, может поставить умное письмо княгини В. Ф. Вяземской своему супругу поэту П. А. Вяземскому от 7 июня 1824 года: «Я ничего тебе не могу сказать хорошего о племяннике Василия Львовича (Пушкина. — *А. П.*). Это мозг совершенно беспорядочный, над которым никто не сможет господствовать; недавно он снова напроказил, вследствие чего подал прошение об отставке; во всем виноват он сам… Я сделаю все, что могу, чтоб успокоить его голову; я браню его и от твоего имени, уверяя, что, конечно, ты первый обвинил бы его, так как его последние прегрешения истекают из легкомыслия. Он постарался выставить в смешном виде лицо, от которого зависит, и сделал это; это стало известно, и, вполне понятно, на него уж не могут больше смотреть благосклонно. Он мне, в самом деле, причиняет беспокойство, но никогда я не встречала *столько ветрености и склонности к злословию*, как в нем; вместе с этим я думаю, что *у него доброе сердце* и много мизантропии; не то чтобы он избегал общества, но *он боится людей; может быть, это следствие несчастия и несправедливостей его родителей, которые сделали его таким*».

А как же его оценка Воронцова в письме А. И. Тургеневу от 14 июля: «Воронцов — вандал, придворный хам и мелкий эгоист. Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое»? Хотя за два месяца до того он писал в черновике письма к А. И. Казначееву: «Повторяю здесь то, что уже <честь имел говорить> сказал самому графу М. С. если бы я хотел служить, то никогда бы не выбрал себе начальника, кроме е.<го> с.<иятельства>».

Но друзья знали взрывчатость и раздражительность его характера и прощали ему многое. Сказывался его темперамент и в переписке с близкими людьми. Впрочем, и сам поэт замечал за собой «резкие и необдуманные суждения» и просил оставить их только между ним и адресатом. Настоящие друзья Пушкина упрекали его в том, что он не смог ужиться с Воронцовым.

И все-таки отставка поэта, принятая Императором, и последующий отъезд его из Одессы, последовавший в конце июля, оказались благом для него, как писал об этом осведомленный во многом офицер и друг Алек-

сандра Сергеевича Липранди, зная, что в Одессе появились заговорщики, будущие декабристы и: «Пушкин, с мрачно-ожесточенным духом, легко мог быть свидетелем бредней, обуревавших наших строителей государства, и сделаться жертвой».

Подводя итог годовому пребыванию Пушкина в Одессе, можно сказать, что поэт плодотворно поработал над главами «Евгения Онегина», им была завершена поэма «Бахчисарайский фонтан», обдуман план создания «Цыган», написаны прелестные стихи, посвященные красавицам Амалии Ризнич, Каролине Собаньской и, конечно, Екатерине Воронцовой. «Итак, я жил тогда в Одессе» — с полным основанием мог сказать поэт, вспоминая свое пребывание в южном городе.

Вышла книга

Скиф В. П.

Молчаливая воля небес. Стихи. Вступ. ст. В. Лютого. — Иркутск, 2012. Изд. 2-е доп. и перераб., 522 с.: ил.



Новая книга Владимира Скифа во всех отношениях — новая. Автор включил в нее стихи последних пяти лет, часть из которых публиковалась в журналах «Наш современник», «Москва», «Родная Ладога», «Всерусский Соборъ», «Подъем», «Сибирские огни», «Дальний Восток», «Простор», «Аргамак», «Сибирь», «Байкал», «Бийский вестник», в газетах «День литературы», «Слово», «Литературной газете». В последующих разделах читатель обнаружит стихи разных лет, в основном, ранее тоже не публиковавшиеся.

Известный русский критик Вячеслав Лютый в своем предисловии к книге пишет: «Пройдя большой литературный путь от вполне типичной городской лирики до тончайших описаний сибирской природы, от альбомных стихотворений до проникновенных и в чем-то даже неземных любовных строк, Скиф интуитивно нашел собственную художественную территорию, на которой надмирное соприкасается с реальным».

Кроме лирики автор впервые публикует свое переложение «Слова о полку Игореве» и перевод стихотворения «Ворон» Эдгара По.

Пути познания



Лариса БЕЛЕНЧУК

ЗАПАДНИКИ И СЛАВЯНОФИЛЫ О ПРОСВЕЩЕНИИ РОССИИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ЧАСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ

Лариса Николаевна Беленчук — родилась в Москве, окончила историко-архивный институт. Работает в институте теории и истории педагогики РАО. Занимается проблемами истории отечественного просвещения XIX в. в контексте гуманитарной культуры России. Кандидат исторических наук. **Живет в Москве.**

«Россия и Европа» — один из великих вопросов российского национального бытия. Именно в сравнении с Западной Европой определялась и определяется национальная идентичность России. При всей любви к Родине западноевропейская высокая культура, техническое превосходство, материальное процветание не могут не очаровывать русского человека. От разрешения дилеммы «Европа—Россия» зависит очень многое в нашем мировоззрении.

«Золотая середина» в этой теме встречается не часто. Мы склонны или преувеличивать достоинства западноевропейской жизни, или, напротив, ставить все их под сомнение. Именно по этой демаркационной линии проходит разделение идеологических позиций. Одни превозносят высокие достижения либерализма, другие разносят в пух и прах «либертарианство», не видя разницы между ними, и понятно почему: эти два явления выросли из одного корня, да и сами слова-то однокоренные, хотя и означают разное. Н. А. Нарочницкая, глубокий и подлинно национальный мыслитель, в одной из своих последних книг[1] объяснила понятийный смысл того и другого. К ее пояснению нечего добавить, кроме того, что если первое слово происходит из слова «свобода», то второе — от слова «вольнодумство», «распущенность».

Мы же рассмотрим самое начало идейно-философского оформления исторического противостояния славянофильства и западничества в середине XIX века.

Важнейшей составляющей государственной политики России с XVII века стала политика европеизации. Из Европы, признанного источ-

[1] *Нарочницкая Н. А.* Русский код развития. М., 2013.

ника просвещения и культуры, заимствовались не только технические достижения, но и сам образ жизни. Начиная с Петра Великого, европеизация становится не только основой официальной правительственной политики, но и культурно-политической миссией петербургского Самодержавия.

Под словом «просвещение» стал пониматься перенос европейских форм культуры в Россию. Любое сомнение в этой миссии ощущалось вызовом не только самой монархии, но и образованному обществу. Поэтому историки отмечают гражданскую смелость славянофилов, которые первыми бросили перчатку устоявшимся мнениям[1]. Славянофилы, в отличие от многих западников, очень хорошо знали Запад, подолгу жили там, знали европейские языки и культуру. По их убеждению, наука, достигшая в Европе огромных успехов, «оторвалась от неба», и поэтому миссия России, утверждали они, состояла в преображении просвещения, «ибо в истинном познании должен участвовать не только рассудок, но и все свойства души»[2].

Славянофилы первыми поставили перед русским самосознанием тему Востока и Запада. Глубже всех исследовал ее А. С. Хомяков, безмерно любящий Россию и с глубоким уважением относящийся к западноевропейской культуре. В статьях «О сельских условиях» и «Еще раз о сельских условиях» (1842) он ставит вопрос: в какой мере надо усваивать западную образованность? Под термином «просвещение», «образованность» он разумеет не культуру и образованность вообще, а духовную сторону культуры, опирающуюся на ее религиозно-философские основы. «В этом смысле Хомяков противопоставлял просвещение науке», замечает его исследователь Б. Щеглов[3]. Сочувствие и симпатию Хомяков испытывал ко всем проявлениям высоты человеческого духа, где бы они ни возникали. Хомяков отмечал недостатки культуры Европы, но еще в большей степени — русские. Национальное чувство его никогда не переходило в национальный эгоизм или национальное самодовольство.

Славянофилы ставили важнейший для своего времени вопрос: в чем заключается разница между русским и западноевропейским просвещением: в одной ли степени развития, или в самом характере просветительных начал?

Отвечая на этот вопрос, Хомяков писал, что надо возвратиться к духовным истокам Древней Руси. Ни в коем случае не отвергать всю культуру, пришедшую с Запада, но не принимать главный принцип западной образованности — примат рационального знания. От разъединения разума и веры в человеческой душе произошел разлад. Запад в своих лучших умах постепенно только сейчас, пишет он, постигает необходимость того начала, которое хранилось в образованности восточной. Наше же просвещенное общество должно перевоспитываться в народном духе, в котором это начало существует.

Знаменитая работа А. С. Хомякова «Письмо об Англии» наделала много шума в русском обществе. Одни обвиняли автора в англофильстве, другие — в непонимании этой великой культуры. В. Завитневич помечает, что

---

[1] *Ефремов А. В.* Иван Киреевский: «Россия и Европа». // Иван Киреевский. Духовный путь в русской мысли XIX–XXI веков (К 200-летию со дня рождения). Сб. науч. статей. М., 2007. С. 264.

[2] Там же, с. 273.

[3] *Щеглов Б.* Ранние славянофилы как религиозные мыслители и публицисты. Ч. 1. К вопросу о сущности учения Хомякова. Киев, 1917. С. 19–20.

«…Хомяков выдвинул лишь те стороны английской истории и современной жизни, в которых выразились богатые дарования, прочные устои, здоровые инстинкты и трезвый смысл этого народа». «Нельзя говорить об иноземной стране с большей похвалою, чем та, с какой Хомяков говорит об Англии»[1]. В подтверждение приведем некоторые характеристики Хомякова: «английское воспитание готовит деятелей, которые умеют двигать жизнь вперед, не порывая связи настоящего с прошедшим». Он превозносит «величавую тишину университетских городов», дисциплину университетов, которая «похожа на монастырскую». Именно поэтому, по мнению Хомякова, из университетских стен выходят сильные, возмужалые люди, а не «бессильные мальчишки, безвременно убежавшие из родительского дома». О высоком месте образования в английском самосознании он пишет так: «Редкий англичанин спросит у вас, видели ли вы Бирмингем и Ливерпуль; всякий спросит, видели ли вы Оксфорд и Кембридж»[2].

Однако, отдавая дань европейскому просвещению, Хомяков не находит его совершенным. Успехи его он объясняет даровитостью народов, а причину недостатков видит в односторонности (преобладании материальной стороны над духовной). С точки зрения европейского просвещения, идеи которого заняли важное место в западноевропейской культуре с конца XVIII века, человек есть высшее животное. По Хомякову человек — это Человек. Поэтому мыслитель искал такой культуры и просвещения, которые, не пренебрегая материальными интересами жизни, главной задачей своей ставили бы всестороннее развитие сил духа.

Односторонности европейского просвещения вызывали в Хомякове скорее сожаление, чем неприязнь. «Я взошел на английский берег с веселым изумлением, а оставил его с грустной любовью». Так кончается «Письмо…».

Суть различия двух типов просвещения, отечественного и западноевропейского, по Хомякову, состоит вот в чем: двигателем западного просвещения является личность, удовлетворение утилитарно-эгоистическим потребностям которой становится конечной задачей стремления человека. Средство — борьба, орудие — наука. Восточное же просвещение стремилось овладеть законами человеческого духа, положить предел развитию личного эгоизма и построить жизнь человека по закону любви. Цель его — обожение человека, где движущая сила — любовь, а средство — религиозно-нравственное возрастание, имеющее конечной целью искоренение начал эгоистических и замену их альтруистическими.

В письме госпоже N о Первом философическом письме Чаадаева Хомяков говорит о недостатках отечественного просвещения: «Родной язык не уважен; древний наш прямодушный нрав часто заменяется ухищрением; крепость тела изнеживается; новость стала душой нашей; переимчивость овладела нами… Отвечай мне, мой друг, на эти вопросы, истинны ли они? … Если нравственность повсюду одна и мы, подобно прочим народам, ею пользуемся, кто же побуждает нас предаваться совершенствованию только наружной жизни? … Смотрите только на Запад, и вы ничего не увидите на Востоке». Место своей культуры в общечеловеческом хоре определяется

[1] *Щеглов Б.* Ранние славянофилы как религиозные мыслители и публицисты. Ч. 1. К вопросу о сущности учения Хомякова. Киев, 1917. С. 551.

[2] Там же. С. 558.

именно ее самобытностью: «…Мы могли бы прибавить к просвещению общему, если бы смотрели вокруг себя, а не вдаль; мы все заботимся только о том, чтоб следить, догонять Европу»[1].

В работе «Мнение иностранцев о России» (1845) Хомяков еще раз подчеркивает: «Есть невольное, почти неотразимое обаяние в этом богатом и великом мире западного просвещения». Может быть, именно поэтому «направление, данное нам почти за полтора столетия, продолжается и до нашего времени. Принимая все без разбора, добродушно признавая просвещением всякое явление западного мира, всякую новую систему и новый оттенок системы, всякую новую моду и оттенок моды, всякий плод досуга немецких философов и французских портных, всякое изменение в мысли и быте, мы еще не осмеливались ни разу хоть вежливо, хоть робко, хоть с полусомнением спросить у Запада: все ли то правда, что он говорит? Все ли то прекрасно, что он делает?»

И еще раз об ограниченности нашего восприятия западной культуры: «Образованность иноземная, переходя к нам, привязывалась упорно к тем видимым и вещественным формам, в которые она была облечена у западных народов. Ее нерусские и необщечеловеческие начала отличались уже и тем, что не могли и не хотели расстаться со своим западным нарядом»[2]. Опровержение широко распространенного в то время, да отчасти и сейчас, отождествления западноевропейского и «общечеловеческого» — одна из основных идей славянофильства.

Хомяков подчеркивает пагубность для отечественного образования безмерного влияния Западной Европы: «Система просвещения, принесенная извне, принесла с собою свои умственные плоды в гордости, которая пренебрегла всем родным и свои жизненные плоды — в оскудении всех самых естественных сочувствий. Раздвоение утвердилось надолго»[3].

При таком разумном и вдумчивом отношении к европейской культуре славянофилы никогда не были исключительно почвенниками. Творчество Хомякова опровергает расхожее мнение о славянофилах как неисправимых ретроградах, защищающих все древнее только потому, что оно древнее и свое, а не чужое. А. С. Хомяков писал о древнерусском просвещении: «Следует ли из того, что мы должны, как полагают защитники всех старинных форм, отвергать всякое нововведение, будь оно в науке, в художестве, в промышленности или в быте? Из-за зла сомнительного и которое само может быть переходом к высшему сознательному добру, можем ли мы отвергать несомненно полезное, необходимое или прекрасное? Есть что-то смешное и даже что-то безнравственное в этом фанатизме неподвижности. В нем есть смешение понятий о добре и зле. Как бы Запад ни скрывал нравственное зло под предлогом пользы вещественной, отвергайте все то, что основывается на дурном начале, всякую регуляризацию порока, всякое проведение безнравственности в законный порядок (как, например, прежние игорные дома во Франции, воровские цеха в Древнем Египте и т. д.). Этого от вас требует ваше достоинство человеческое… Отвергайте всякое нравственное зло, но не воображайте, что вы имеете право отвергать какое

[1] *Хомяков А. С.* Богословские сочинения. СПб., 1996. С. 101–102.

[2] *Хомяков А. С.* Избранные статьи и письма. М., 2004. С. 43–44, 49.

[3] Там же, с. 50.

бы ни было умственное или вещественное усовершенствование… под тем предлогом, что оно опасно для целости жизни и что оно вводит в нее новую стихию раздвоения. Мы **обязаны** принять все то, чем может укрепиться Земля, расшириться помыслы, улучшиться общественное благосостояние. Все раздвоения примирятся, все ошибки изгладятся. Эту надежду налагает на нас, как обязанность, наша вера (если мы только верим) в силу истины и в здоровье русской жизни»[1]. Из этого отрывка становится ясной мысль философа: новое и старое надо соотносить с нравственными критериями и, исходя из этого, принимать или отвергать их. Не может быть хорошо или плохо старое только потому, что оно старое, или новое, только потому, что оно новое.

Советская историческая наука упростила вопрос соотношения западноевропейского и народного в трудах славянофилов до примитива. Так, исследователь В. И. Кулешов писал, что славянофилы считали, что надо изолироваться от Европы, выработать свое место в просвещении[2]. Собственное место в просвещении — да, это мысль всех славянофилов. Но чтобы его выработать, не обязательно изолироваться от Европы. Да это и вряд ли возможно. Никто из ранних славянофилов этого не писал. Позже эту мысль развивал К. Н. Леонтьев (его известное высказывание, что нам надо не бежать за Европой, а «подзаморозиться», чтобы сохраниться в свежем, неиспорченном виде).

Еще надуманнее следующее заключение: «Для Хомякова все добродетели заключаются только в народности, и именно в русской. А на долю общечеловеческого, т. е. «западного», приходятся только недостатки»[3]. Но Хомяков никогда не отождествлял западное и общечеловеческое, что сделал В. Кулешов, а, напротив, боролся с таким пониманием. Тем более, он никогда огульно не хвалил русских. Достаточно привести строки из его знаменитого стихотворения «России» (1854), вызвавшего бурю негодования в обществе и даже среди друзей Хомякова. Обращаясь к России, поэт говорит:

Но помни: быть орудьем Бога
Земным созданьям тяжело.
Своих рабов он судит строго,
А на тебя, увы! как много
Грехов ужасных налегло!
В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

Советское понимание славянофильства имело свои истоки в дореволюционной исторической литературе. Например, А. Н. Пыпин писал: «Самобытности просвещения надо было достигать не отвержением этой (западной. — *Л. Б.*) образованности, а сколько можно большим распространени-

[1] *Хомяков А. С.* Всемирная задача России. М., 2008. С. 493–494.
[2] *Кулешов В. И.* Славянофилы и русская литература. М., 1976. С. 107.
[3] Там же. С. 77.

ем ее в массе; “западного” было в этом обществе так мало, что смешно было приписывать ему столь гибельное влияние; причина отчуждения от народа лежала не в просвещении, а в бедственном состоянии народа, подавлении крепостным правом, и в политическом бессилии самого общества»[1]. Опять вопрос: да кто же отвергал западноевропейскую образованность? И как зависит нравственность от социального устройства?

Подводя итог идеям Хомякова, скажем, что он выступил на сцену публичных баталий как истинный христианский универсалист, не противопоставляя западноевропейское и отечественное просвещение, помня об их общих корнях, но и не соединяя их в одно гомогенное европейское просвещение, обозначив различия и самобытные особенности в самих образовательных основах России и Европы.

Раздумья сподвижника и друга А. С. Хомякова И. В. Киреевского на тему «Россия и Европа» отражены во многих статьях, одна из которых так и называется «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» (1852). Мысль его на протяжении жизни претерпела существенную перемену. В одной из первых своих статей в журнале «Европеец» «XIX век» (1832) Киреевский призывал расстаться со старым и усвоить «новое просвещение», в этом правительство усмотрело опасность (в Европе только кончилась революция). Якобы Николай I, ознакомившись со статьей, счел, что под словом «просвещение» автор понимает свободу, а «деятельность разума» означает у него революцию, и т. п.[2]. Это конечно, упрощенный взгляд, но в тот момент к европейским событиям власти относились настороженно и слово «новое» могло быть истолковано похожим образом. Но под «новым просвещением» сам Киреевский понимал научную мысль, которой так богата была Западная Европа.

Хомяков считал путь Киреевского от «Европейца» к «Москвитянину» (в 1844 тот ненадолго стал его главным редактором) и перемену его мировоззрения знаковым. «Не символ ли это необходимого пути, по которому должно пройти наше просвещение?», — писал он[3]. Если в статье «XIX век» Киреевский предлагал искать просвещения на Западе, то в статье «В ответ А. С. Хомякову» (1839) он уже твердо заявил о существовании самобытного начала русской образованности и указал, что искать его надо в первую очередь в многовековых традициях Православной Церкви. Важным событием в жизни Киреевского стало участие в издании святоотеческих произведений в Оптиной пустыни. Это была работа, начатая Паисием Величковским, по изданию лучших творений Отцов Церкви (так наз. «Добротолюбие»), большинство из которых были неизвестны русскому читателю. Знакомство с ними повлияло на взгляды Киреевского, который открыл Оптину пустынь для многих своих друзей. В Оптину началось настоящее паломничество русской интеллигенции. Гоголь и его друг Максимович побывали там проездом в Малороссию. Одним из первых в монастырь приехал Т. Н. Грановский, с которым Киреевского связывали добрые дружеские отношения. Постепенно Козельская Введенская Оптина пустынь стала оказывать мощное влияние

---

[1] *Пыпин А. Н.* Характеристики литературных мнений от 20-х до 50-х годов. 3-е изд. СПб., 1906. С. 346–347.

[2] *Березина В. Г.* Русская журналистика II четверти XIX века. Л., 1965. С. 43.

[3] *Киреевский И. В.* Разум на пути к истине. М., 2002. С. 4.

на отечественную культуру XIX столетия. Ее частыми посетителями стали К. Н. Леонтьев, Ф. М. Достоевский, а позже — и Лев Николаевич Толстой.

Киреевский тепло пишет о культуре Запада: «Я принадлежу ему моим воспитанием, моими привычками жизни, моими вкусами, моим спорным складом ума, даже сердечными моими привычками; но в сердце человека есть такие движения, есть такие требования в уме, такой смысл в жизни, которые сильнее всех привычек и вкусов, сильнее всех приятностей жизни и выгод внешней разумности, без которых ни человек, ни народ не могут жить своей настоящей жизнию»[1].

В статье «В ответ А. С. Хомякову» Киреевский впервые выразил главную мысль своего творчества о синтезе отечественных образовательных начал и западноевропейского просвещения: «Сколько бы мы ни были врагами западного просвещения, западных обычаев и т. п., но можно ли без сумасшествия думать, что когда-нибудь какою-нибудь силой истребится в России память всего того, что она получила от Европы в продолжение двухсот лет? Еще менее можно думать, что 1000-летие русское может совершенно уничтожиться от влияния нового европейского… Поэтому мы поневоле должны предполагать нечто третье, долженствующее возникнуть из взаимной борьбы двух враждующих начал». Киреевский практически исключает возможность какого-то выбора: «Не в том дело, который из двух (типов просвещения. — *Л. Б.*)? Но в том: какое *оба* они должны получить направление, чтобы действовать благодетельно?»[2].

Западноевропейское просветительное начало Киреевский определяет, прежде всего, как логическое, умственное, аналитическое, подчеркивая его неполноту. «Поэтому, вполне оценивая все отдельные выгоды рациональности, я думаю, что в конечном развитии она своею болезненною неудовлетворительностью явно обнаруживается началом односторонним, обманчивым, обольстительным и предательским. Я припомню только, что все высокие умы Европы жалуются на теперешнее состояние нравственной апатии, на недостаток убеждений, на всеобщий эгоизм, требуют новой духовной силы вне разума, требуют новой пружины жизни вне расчета, — одним словом, ищут веры и не могут найти ее у себя, ибо христианство на Западе исказилось своемыслием»[3].

Киреевский показывает отличие в отношении к западноевропейскому просвещению простого народа от знати: «Русский простолюдин рад учиться у немца, чтобы быть умнее, однако же лучше хочет быть глупым, чем немцем. Русский образованный класс рассуждает иначе: он лучше хочет быть глупым ничтожеством, чем быть похожим на русского»[4].

В статье «О характере просвещения Европы…» автор говорит о кризисе основы западноевропейского просвещения — о кризисе логики: «Самое торжество ума европейского обнаружило односторонность его коренных стремлений… самая жизнь лишена была своего существенного смысла, ибо, не проникнутая никаким общим, сильным убеждением, она не могла быть ни украшена высокою надеждою, ни согрета глубоким сочувствием. Многове-

---

[1] *Киреевский И. В.* Разум на пути к истине. М., 2002. С. 7–8.

[2] Там же. С. 5.

[3] Там же. С. 8.

[4] Там же. С. 55.

ковой холодный анализ разрушил все те основы, на которых стояло европейское просвещение от самого начала своего развития, так что собственные его коренные начала, из которых оно выросло, сделались для него посторонними, чужими, противоречащими его последним результатам, между тем как прямою собственностью его оказался этот самый разрушивший его корни анализ, этот самодвижущийся нож разума, этот отвлеченный силлогизм, не признающий ничего, кроме себя и личного опыта, этот самодовлеющий рассудок…»

Обратим внимание на то, что не вообще логика или рассудок не хороши, но «самодовлеющая» логика и рассудок.

Но трагедия состоит не только в том, что европейское просвещение, не замечая того, постепенно подрубило свои корни, но в том, что, наконец, человек осознал этот свершившийся факт: «…Тот самый отвлеченный разум, на который человек надеялся, дошел до сознания своей ограниченной односторонности»[1].

И. В. Киреевский соглашается с Хомяковым, что обычный путь — от западничества к славянофильству — проделывает сознание многих современников: «Большая часть людей, следивших за явлениями западной мысли, убедившись в неудовлетворительности европейской образованности, обратили внимание свое на те особенные начала просвещения, неоцененные европейским умом, которыми прежде жила Россия и которые теперь еще замечаются в ней помимо европейского влияния… Ежедневно видим мы людей, разделявших западное направление, и нередко между ними людей, принадлежащих к числу самых просвещенных умов и самых твердых характеров, которые совершенно переменяют свой образ мыслей единственно оттого, что беспристрастно и глубоко обращают свое внимание внутрь себя и своего Отечества, изучая в нем те основные начала, на которых сложилась особенность русского бытия, в себе открывая те существенные стороны духа, которые не находили себе ни места, ни пищи в западном развитии ума»[2]. Таким образом, источник западничества И. В. Киреевский усматривает в недостаточности образования, или даже в невежестве.

Чтобы найти эти начала, пишет философ, «надобно искать», так как они не раскрылись во всей очевидности. Вследствие посторонних и случайных причин Россия была постоянно останавливаема на пути своего просвещения, поэтому это именно «начала». Чтобы лучше высветить их, автор сравнивает корни, основы западноевропейского и отечественного просвещения.

Три особенности присущи европейскому просвещению: 1) особая форма христианства; 2) особый вид образованности древнеклассического мира; 3) особые элементы, из которых сложилась его государственность.

Античная образованность была известна Европе только в ее римском варианте, «но другая сторона ее, образованность греческая и азиатская, в чистом виде своем почти не проникала в Европу до самого почти покорения Константинополя». То есть великая раннехристианская культура, развившаяся из синтеза культуры древнегреческой и новой, христианской, в том числе александрийская, антиохийская и другие совершенно не были извест-

[1] *Киреевский И. В.* Разум на пути к истине. М., 2002. С. 154–155.

[2] Там же. С. 159–160.

ны в Европе. Между тем, писал Киреевский, Рим не был представителем всего античного просвещения: ему принадлежала образованность материальная, тогда как умственная принадлежала культуре греческой. Еще большее влияние на европейскую культуру оказал разрыв церквей, западной и восточной.

«Когда же в XV веке греческие изгнанники перешли на Запад с своими драгоценными рукописями, то было уже поздно. Образованность Европы, правда, оживилась, но смысл ее остался тот же: склад ума и жизни был уже заложен. Греческая наука расширила круг знания и вкуса, разбудила мысли, дала умам полет и движение, но господствующего направления духа уже изменить не могла»[1]. Импульс культурному всплеску Ренессанса в Западной Европе дала именно греческая культура, пришедшая туда сначала с крестоносцами, основательно разграбившими цветущие города Востока, а затем после падения Византии.

Наконец, государственность Западной Европы возникла из непрерывных войн, под сильным влиянием обычая германских языческих племен.

В России же все три элемента были по характеру другими. Христианство, воспринятое от Греции, она хранила в тесной связи с Вселенской Церковью; античность узнавала только через учение христианское, которое не встретило в ней сопротивления развитой языческой культуры, как в Западной Европе. Враги, угнетавшие Россию, всегда оставались вне ее, не мешаясь в ее внутреннее развитие. Они останавливали развитие просвещения, но не могли изменить его внутреннего смысла. Государственность возникла путем собирания земель вокруг центра. Это собирание происходило разными путями, чаще мирными, реже — военными[2].

А. С. Хомяков в работе «По поводу статьи Киреевского “О характере просвещения Европы и его отношению к просвещению России”», дополняя некоторые положения своего друга, писал: «Западные народы развились быстрее в сфере просвещения потому, что имели несколько его начал; Русь же только одно — веру, “а вера разумная далеко не обнимала земли, которой большая часть была христианской более по наружному обряду, чем по разумному сознанию… В русском народе недоставало положительного христианства”»[3].

Осмысливая замечание Хомякова, причину такого положения вещей Киреевский анализирует в подготовительных отрывках к предполагаемому большому философскому труду, которые были опубликованы его друзьями уже после его смерти: «Древнерусская православно-христианская образованность, лежавшая в основании всего общественного и частного быта России, заложившая особенный склад русского ума, стремящегося ко внутренней цельности мышления, и создавшая особенный характер коренных русских нравов, проникнутых постоянной памятью об отношении всего временного к вечному и человеческого к Божественному, — эта образованность, которой следы до сих пор еще сохраняются в народе, была остановлена в своем развитии прежде, чем могла принести прочный плод в жизни или даже обнаружить свое процветание в разуме. На поверхности

---

[1] *Киреевский И. В.* Разум на пути к истине. М., 2002. С. 166.

[2] Там же.

[3] *Хомяков А. С.* Избранные статьи и письма. М., 2004. С. 129.

русской жизни господствует образованность заимствованная, возросшая на другом корне. Противоречие основных начал двух спорящих между собой образованностей есть главнейшая, если не единственная причина всех зол и недостатков, которые могут быть замечены в Русской земле».

Киреевский говорит о необходимости синтеза этих двух типов просвещения: «Примирительное мышление», основу которого составлял бы корень древнерусской образованности, а развитие — все достижения западной культуры и в «подчинении выводов ее образованности господствующему духу православно-христианского любомудрия», могло бы стать началом новой умственной жизни[1].

Вторым событием, повлиявшим, по его мнению, на недостаток «положительного христианства» в России, был раскол Церкви: «в конце XV и в начале XVI века были сильные партии между представителями тогдашней образованности России, которые начали смешивать христианское с византийским и по византийской форме хотели определить общественную жизнь России, еще искавшую тогда своего равновесия, то мы поймем, что… в этом самом стремлении и начинался упадок русской образованности … Как скоро византийские законы стали вмешиваться в дело русской общественной жизни и для грядущего России начали брать образцы из прошедшего порядка Восточно-Римской империи, то в этом движении ума уже была решена судьба русской коренной образованности. Подчинив развитие общества чужой форме, русский человек тем самым лишил себя возможности живого и правильного возрастания в самобытном просвещении и хотя сохранил святую истину в чистом и неискаженном виде, но стеснил свободное в ней развитие ума и тем подвергся сначала невежеству, а потом, вследствие невежества, подчинился непреодолимому влиянию чужой образованности»[2].

Таким образом, причины недостаточного развития христианства в российском просвещении философ видел: а) в длительном господстве монголо-татарского ига; б) в победе «византийской» партии во времена раскола. Но иноземная образованность, пишет Киреевский, не может принести даже тех плодов, какие она приносит в других странах, потому что вся жизнь у нас проникнута другим смыслом. Причем в нравственном отношении такое противоречие еще вреднее, чем в умственном: «В обычаях и нравах своих отцов русский человек видит что-то святое; в обычаях и нравах привходящей образованности он видит только приманчивое или выгодное, или просто насильственно неразумное. Потому обыкновенно он поддается образованности против совести, как злу, которому противостоять не нашел в себе силы»[3].

Таким образом, мы не можем говорить о противопоставлении Киреевским отечественной и западноевропейской культур, но скорее, о поиске общего пути их развития и взаимообогащения.

Глубоко разрабатывал проблему соотношения западноевропейского и отечественного просвещения Ю. Ф. Самарин. Анализируя присущий только России феномен западничества, он пишет о его эволюции в русском сознании. Оно мимикрирует, прячется даже от самосознания, давно замаскиро-

---

[1] *Киреевский И. В.* Разум на пути к истине. М., 2002. С. 269.

[2] Там же. С. 270–271.

[3] Там же. С. 270–272.

валось: «…мы далеко еще не освободились от подражательности; но, напротив, убеждаемся все более и более, что, по своей живучести, она беспрестанно меняет свои формы и через это ускользает в нас самих от самого зоркого наблюдения. Правда, мы теперь уже не решаемся с прежнею наивностью проповедовать поклонение чужеземному, потому что оно чужеземно; но какая в том польза, если умственные плоды долговременной подражательности до сих пор еще составляют обильный запас не фактических сведений, которыми мы бедны, а бессвязных, не соглашенных между собою понятий и представлений, когда-то принятых на веру, потом усвоенных привычкою и теперь применяемых нами бессознательно, как общечеловеческие истины, как безусловные законы и правила?» Причем это направление культуры Самарин называет господствующим[1].

Причина такой живучести западничества, по его мнению, — в том, что в наше просвещение вошли не отдельные факты культуры, но целые ее фрагменты и неоспоримо принимаемые догмы. Рассматривая явления русской народной культуры с точки зрения другой культуры, отделяя себя от нее, ставя себя на высокий пьедестал, невозможно представить эту культуру иначе как нечто несуразное, дикое, бесконечно далекое от искомого идеала. Таким образом, один из главных вопросов, поставленных славянофильством — является ли западноевропейское просвещение эталонным? Законно ли присвоило оно себе такое звание?

В пагубности бездумных заимствований западноевропейских культурных реалий уверен и известный русский писатель В. Ф. Одоевский. В «Записках для моего праправнука о русской литературе» (1840) он пишет: «Исторический период, в котором мы находимся, производит еще особенную черту в нашей литературе: подражание. Наш народный характер, наша государственная жизнь, место, занимаемое нами на земном шаре, — все это так огромно, так полно силы и поэзии, что не может вместиться в литературу; оттого мы пропускаем себя мимо и глядим лишь на других. Это скромное чувство подражания так далеко у нас простерлось, что иностранцы принялись уверять, будто бы мы лишены всякого творчества… Нет, мы не лишены творчества; оно, напротив, сильнее у нас, нежели у других народов, но оно в зародыше; нашей литературе (за немногими исключениями), как я сказал выше, недостает отличительного характера, физиономии». И далее: «…ты видишь ясно, что наше мнимое подражание было только школою, вышедши из которой, мы перегнали учителей»[2]. Поскольку это обращено к будущему поколению, очевидно, что писатель уповает на преходящий характер этой подражательности, называя ее «мнимой», и уверен в будущем процветании России в науках и искусствах.

Заслуга славянофилов и близких к ним мыслителей заключается, прежде всего, в том, что они пытались показать великую восточную образовательную традицию, которая существовала в Европе наряду с западной, определить ее самобытный характер в России, а также наметить пути к позитивному и плодотворному взаимодействию этих двух традиций.

Западничество приходится признать характерным и исключительным феноменом русского сознания. По словам И. Шафаревича, западничество

---

[1] *Самарин Ю. Ф.* Православие и народность. М., 2008. С. 440–441.

[2] *Одоевский В. Ф.* Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1981. С. 260–269.

по своей сути означает признание духовной зависимости. В настоящее время его распространение носит подчас характер какой-то болезни. Не скажу ничего нового, признав, что им в большой степени заражены не только многие наши СМИ, и частные, и государственные, но и художественная литература. Посмотрим на истоки формирования западничества как мировоззрения.

Признанный лидер классического западничества — А. И. Герцен — тоже, как ни странно, пережил полное разочарование Западом. Особенно ярко это выражено в его прощальном эссе «С того берега»: «В русской жизни много безобразного, но зато нет закоснелой в своих формах пошлости». Еще более резко: «Самодержавная толпа сплоченной посредственности, мещанство — вот последнее слово цивилизации». И далее: «…я вижу неминуемую гибель старой Европы и не жалею ничего из существующего, ни ее вершинное образование, ни ее учреждения… я ничего не люблю в этом мире, кроме того, что он преследует, ничего не уважаю, кроме того, что он казнит, — и остаюсь… остаюсь страдать вдвойне, страдать от своего горя и от его горя, погибнуть, может быть, при разгроме и разрушении, к которому он несется на всех парах»[1]. Обычный для автора пафос и выспренность слога все же могут затмить полного разочарования в Западной Европе, куда он ехал с такими упованиями.

А. И. Герцен часто высказывал мнения, как будто противоположные западническим. Он признавал за Православием многие преимущества, по сравнению с католицизмом и протестантством. Его всегда задевало высокомерие западноевропейского человека по отношению к Восточной Европе: «Несправедливость Запада к славянам всегда казалась мне возмутительной», — писал он.

С другой стороны, он всегда был резким оппонентом славянофилов: «Славянизм — мода, которая скоро надоест; перенесенный из Европы и переложенный на наши нравы, он не имеет в себе ничего национального; это явление отвлеченное, книжное, литературное — оно так же иссякнет, как отвлеченные школы националистов в Германии, разбудившие славянизм»[2]. Мировоззрение, выросшее на национальной почве, пусть и имевшее исток, а точнее импульс в Германии — это мода; а либерализм, не имевший никаких корней в России — это, видимо, национальная философия!

Главную ошибку славянофилов Герцен видел в том, что они выдавали возможность за действительность: «веря (и не без основания) в огромное будущее славян как того племени, которое имеет призвание своею непосредственностью соответствовать высшему, логическо-историческому вопросу, выработанному Европой, они хотят и в самом младенчестве его видеть что-то высшее европейского развития, как будто возможность будущего значит превосходство над действительностью развитою и осуществившей свое призвание»[3]. Если говорить о развитии логики, которая для Герцена имеет высший смысл, это, конечно абсолютно верно. Но логика не исчерпывает культуры, и потом — как естественно видеть даже в малом — зародыши великого просвещения, тем более, если это родная страна!

---

[1] *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30-ти т. М., 1954–1958. Т. VI , М., 1957. С. 13.

[2] Там же, т. I, М., 1954. С. 138.

[3] Там же. С. 328.

Вновь и вновь возвращается Герцен на страницах своих произведений к своим разногласиям с бывшими друзьями: «Мы разно поняли вопрос о современности… Да, в наш патриотизм входит общечеловеческое, и не токмо входит, но занимает первое место — а у них разве христианство, какое-нибудь суздальское явление. Из этого никак не следует, чтобы мы протянули друг другу руки, — нет, но не следует и того, чтоб вся монополь любви к отечеству принадлежала им, и они имели право нас упрекать в ненависти к России»[1]. Совершенно не ясно, что именно принимает автор за «общечеловеческое», уж не западноевропейское ли просвещение, которое он так нещадно критикует? Тогда как именно христианство, с его универсализмом, как раз вполне можно считать общеевропейским и общечеловеческим основанием культуры. В конце концов, и «суздальское явление», которое с такой иронией поминает Герцен, как совершенно дикое и ему непонятное, вполне может иметь общечеловеческое значение, как, например, выдающийся памятник владимиро-суздальского зодчества церковь Покрова на Нерли, да и многое другое. Отметим отношение Герцена (и если бы только одного его!) к религии как к чему-то архаичному, фольклорному, имеющему исключительно музейную ценность.

Для Герцена характерно противопоставление веры и разума, знания и религии, науки и христианства. «Вчера Самарин защитил свою диссертацию. Поражает сочетание высоких диалектических способностей этого человека с жалкими православными теориями и с утрированным славянизмом; в нем противоречие это бросается особенно в глаза потому, что у него решительно логика преобладает надо всем»[2]. То есть, по Герцену, логика и вера — несовместимы.

Горько звучит последнее его замечание: «На днях получил письмо от Самарина. Удивительный век, в котором человек до того умный, как он, как бы испуганный страшным, непримиримым противоречием, в котором мы живем, закрывает глаза разума и стремится к успокоению в религии… Сегодня писал ему ответ… Прощайте. Идите иной дорогой; как попутчики, мы не встретимся, это наверное. Да как это ему не стыдно принадлежать к этим запакощенным славянофилам?»[3]. Разлука с другом причиняет боль Герцену, отсюда и такие резкие слова по отношению к друзьям-врагам.

В «Былом и думах» Герцен писал о московских кружках 40-х годов: «Такого круга людей талантливых, развитых, многосторонних и чистых я не встречал потом нигде… Оконченная, замкнутая личность западного человека, удивляющая нас сначала своей специальностью, вслед за тем удивляет односторонностью. Он всегда доволен собой, его suffisance (самонадеянность. — *Л. Б.*) нас оскорбляет»[4]. Это «всегда доволен собой» прямо повторяет слова И. В. Киреевского.

Тот же путь, что и Киреевский, да и в каком-то смысле Герцен, проделал в своем понимании России и Европы В. Г. Белинский. Литературовед и историк Б. Н. Тарасов во вступительной статье к сборнику произведений Чаадаева приводит слова П. Анненкова о последних годах жизни В. Г. Бе-

---

[1] *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30-ти т. М., 1954–1958. Т. VI, М., 1957. С. 407.

[2] Там же. С. 356.

[3] Там же. С. 407.

[4] Там же. Т. IX, М., 1956. С. 112.

линского: «…насколько становился Белинский снисходительнее к русскому миру, настолько строже и взыскательнее относился он к заграничному. С ним случилось то, что потом не раз повторялось со многими из наших самых рьяных западников, когда они делались туристами (т. е. посещали западноевропейские страны. — *Л. Б.*): они чувствовали себя как бы обманутыми Европой… »[1].

Такая же эволюция произошла и с П. Я. Чаадаевым. В «Апологии сумасшедшего» Чаадаев пересмотрел свои многие ранние суждения, в том числе и восхищение Европой и католичеством. «Теперь, не без влияния славянофилов, Чаадаев готов был видеть в социальной идее католичества, в его “чисто исторической стороне” “людские страсти” и “земные интересы”, искажающие чистоту “христианской истины”, а потому и приводящие к такому несовершенству». Он, наконец, увидел высокие задачи христианской цивилизации. Христианство, писал он А. И. Тургеневу, предполагает «житие истины на небеси, а не на земле, политическое христианство должно уступить свое место христианству духовному, должно действовать на общество только опосредованно, властью мысли, а не вещества». Здесь видим отход от практицизма и материализма, пропитавшего собой культуру Западной Европы. Теперь искомое он обнаруживает в Православии: «христианство осталось в России незатронутым людскими страстями и земными интересами, ибо в ней оно, подобно своему Божественному основателю, лишь молилось и смирялось, а потому мне представлялось вероятным, что ему здесь дарована будет милость последних и чудеснейших вдохновений».

В русском народе Чаадаев видит бескорыстие сердца и скромность ума, терпение и надежду, совестливость и самоотречение. Плоды Православия — не наука и благоустроенность жизни, а именно эти качества, которых он не замечал ранее. Именно они, а не внешние достижения и успехи культурного строительства на Западе способствуют преодолению индивидуализма и всечеловеческому соединению людей на подлинных нравственных началах.

Б. Н. Тарасов пишет, что Чаадаев со временем перешел от «негативного» патриотизма к «позитивному»: вслед за В. В. Кожиновым он утверждает, что уже в первом философическом письме зрели эти семена; в других произведениях П. Я. Чаадаев вообще стал положительно оценивать культурную обособленность России[2].

Например, о славянофилах Чаадаев писал, что их изыскания познакомили нас с фактами, бывшими неизвестными, что мы слишком мало походим на остальной мир, чтобы подвигаться по их дороге.

У него заметна вера в миссионерское призвание России, и он в этом пошел дальше славянофилов: «Мы призваны обучить Европу бесконечному множеству вещей, которых ей не понять без этого… таков будет логический результат нашего долгого одиночества: все великое приходило из пустыни». Таким образом, Чаадаев сравнивает русскую культуру с иноком, монахом, который после долгого сосредоточения, наконец, когда ему есть что сказать, а главное — показать, выходит на Божий свет, к людям.

В письме Ю. Ф. Самарину от 15 ноября 1846 г. Чаадаев пишет, как бы в свое оправдание, опять-таки подчеркивая, что многое открыл для себя

---

[1] *Чаадаев П. Я.* Философические письма. М., 2006. С. 461.

[2] Там же. С. 464–465, 467.

из трудов новых ученых: «Я любил мою страну по-своему, вот и все, и прослыть за ненавистника России было мне тяжелее, нежели я могу вам выразить… Дело в том, что я, как и многие мои предшественники, большие меня, думал, что Россия, стоя лицом к лицу с громадной цивилизацией, не могла иметь другого дела, как стараться усвоить себе эту цивилизацию всеми возможными способами; что в том исключительном положении, в которое мы были поставлены, для нас было немыслимо продолжать шаг за шагом нашу прежнюю историю, так как мы были уже во власти этой новой всемирной истории, которая мчит нас к любой развязке. Быть может, это была ошибка, но, согласитесь, ошибка очень естественная. Как бы то ни было, новые работы, новые изыскания познакомили нас со множеством вещей, остававшихся до сих пор неизвестными, и теперь уже совершенно ясно, что мы слишком мало походим на остальной мир, чтобы с успехом подвигаться по одной с ним дороге. Одобряем мы или не одобряем тот путь, по которому мы недавно двигались, нам все равно придется вернуться в известной мере к нему, так как очевидно, что наше уклонение с него нам решительно не удалось»[1].

Теперь поставим вопрос: можно ли считать человека, писавшего все это, западником? Как только он познакомился с трудами славянофилов, раскрывающих особенности просвещения России, он, по его собственному утверждению, принял суть их позиции. Но эту эволюцию как-то не заметили ни современники, ни потомки, ни историки. До сих пор с упоением цитируются хлесткие фразы из первого философического письма, как будто Чаадаев больше ничего не писал. Это наносит урон его репутации философа и выдающегося просветителя своего времени.

Теперь посмотрим, что думал о соотношении русского и западноевропейского просвещения другой «западник» — Т. Н. Грановский.

В статье «Ослабление классического преподавания в гимназиях и неизбежные последствия этой перемены» (1852) Грановский писал: «Державная мысль, которой граф Уваров был счастливым и искусным истолкователем (имеется в виду небезызвестная триада. — *Л. Б.*), ясно определила задачу русского просвещения, возвратив нас к коренным началам русской жизни, от которых в продолжение полутора столетий мы более или менее постоянно уклонялись. Исключительное и вредное преобладание иноземных идей в деле воспитания уступило место системе, истекшей из глубинного понимания русского народа и его потребностей… Неоспоримые факты доказывают, как быстро двинулась у нас наука в эти семнадцать лет, и насколько она стала независимее и самостоятельнее. Обязанности русского преподавателя, от профессора университета до сельского учителя, были определены с возможной отчетливостью. Каждому указана была цель его трудов, состоящих в преподавании слушателям *нужных им* (курсив Грановского. — *Л. Б.*) знаний… Умственная связь России с европейской образованностью не была ослаблена, но отношение изменилось к нашей выгоде. Мы не отреклись от благ просвещения, но приобрели право критики и самостоятельного приговора»[2]. Из этой цитаты видно, что ученый уповал на самостоятельность русской науки и просвещения и считал «исключительное» преобладание за-

[1] *Чаадаев П. Я.* Философические письма. М., 2006. С. 385–386.

[2] *Грановский Т. Н.* Избранные сочинения. М., 1905. С. 135–136.

падноевропейских идей в образовании «вредным». Здесь те полтора столетия, которые прошли со времени преобразований Петра I, именно «в деле воспитания» подверглись критике.

Очевидно, что в решении ключевого для отечественного просвещения вопроса культурного соотношения России и Европы западничество и славянофильство имели много общего: понимание ими различных истоков и смыслов этих культур, общего направления развития каждой из них, самобытных особенностей было единым. Мы можем утверждать, что западничество было даже для самих западников детской болезнью, которой просто надо было переболеть. Однако они, часто сами себе не давая в том отчета, питали почву для подражательности, пассивности, высокомерия по отношению ко всему народному в русской культурной традиции. С другой стороны, только некоторые представители славянофильства (скорее даже примыкавшие к ним) пытались разорвать судьбы западноевропейского и отечественного просвещения, отметить их полную противоположность и несовместимость. Собственно славянофилы всегда признавали единство культурных начал России и остальной Европы. Поэтому недоумение и критику вызывали лишь некоторые стороны западноевропейской жизни.

Н. А. Бердяев писал о полемистах середины XIX века: «Русские мыслители гораздо раньше Шпенглера установили различие между культурой и цивилизацией и с ужасом отшатнулись от образа торжествующей буржуазной цивилизации Западной Европы XIX века… Русской этике не были свойственны экономические продуктивные добродетели»[1].

Это есть коренная русская тема, традиционная в нашей мысли и литературе, полагал он. Отсюда начался поиск самобытного пути, «минуя капитализм», который виделся моральной, а не экономической категорией.

Позицию Бердяева развивают современные исследователи: русская культура XIX века совершила не имеющее аналогов переосмысление общечеловеческих ценностей. Почему это произошло? Глобальные социальные процессы привели Запад к научно-технической, экономической эволюции, повлиявшей на разрыв материального и духовного мира. «Модели духовно-целостного мировосприятия» стали искать за пределами западноевропейской цивилизации. Центр мировых духовных поисков переместился в Россию, что и стимулировало развитие русской культуры…» — пишет В. И. Холодный[2]. Отсюда и «золотой век» русской культуры.

Таким образом, пробудившееся в середине XIX века русское общество в лице лучших представителей отечественного просвещения приняло и осознало как данность самобытность культуры и образования своего народа. Общество, опираясь на свое историческое своеобразие, при этом не только ничуть не отвергало других культур, но относилось к ним с любовью и уважением. Однако при этом, славянофилы сочли невозможным отрицать свою собственную образовательную традицию, к которой иногда снисходительно, а иногда насмешливо и критически, относились западники. Такая ситуация и позволила поставить в общечеловеческом объеме (а не в национальной замкнутости) главные вопросы просвещения, а значит и жизни.

---

[1] *Бердяев Н. А.* Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков. М., 2007. С. 44–46.

[2] Х*олодный В. И.* А. С. Хомяков и современность: зарождение и перспективы соборной феноменологии. М., 2004. С. 284–285.



Никита ШЕВЦОВ

ПРАВДА О ГЕНЕРАЛЕ КУРОПАТКИНЕ



Елена НАУМОВА

В советское время его только ругали. Даже в школьных учебниках генерала Куропаткина называли не иначе как бездарным, считая чуть ли не главным виновником военных поражений России в начале XX века. Больше всего генералу досталось за неудачи в русско-японской войне. Ведь он был главнокомандующим дальневосточной армией. Именно с его именем связывали поражение в битве при Мугдене, из-за которого Куропаткина отстранили от командования. Случилось так, что поражение в войне, объяснявшееся, прежде всего, неподготовленностью к ней России и слабостью военной машины, свалили практически на одного человека. Так что история с Куропаткиным подтвердила печальное обыкновение искать козла отпущения, закрывая глаза на происходившие в стране политические процессы и сложившуюся экономи-

---

Никита Всеволодович Шевцов — родился в 1951 году в Москве, окончил факультет международной журналистики МГИМО. Длительное время работал соб. корр. газеты «Труд» в Праге и Брюсселе. Автор книг «От вашего собственного корреспондента» (2002) и «От вашего специального корреспондента» (2010). Зав. кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ. Кандидат исторических наук. Награжден памятной медалью «100-летие А. Т. Твардовского». **Живет в Москве.**

Елена Евгеньевна Наумова — родилась в 1964 году в Потсдаме, окончила с отличием факультет русского языка и литературы МГПИ. Координатор международных культурных проектов (фестиваль «Цюрих—Москва 2007», фестиваль немецкоязычной литературы «Три страны — один язык» в Москве и Екатеринбурге, 2010). Преподает в РГГУ и МГИМО. Регулярно публикует (в соавторстве с Н. В. Шевцовым) материалы по истории и культуре в различных периодических изданиях. **Живет в Москве.**

ческую ситуацию. В плену стереотипа оказались и мы. Мало что зная о жизни генерала, по-дилетантски не были высокого мнения об этом человеке, пока не оказались в Торопце — небольшом районном центре, что на окраине Тверской области.

Городок расположился на берегу голубого озера, в котором в ясную погоду отражаются изящные купола древних храмов. В одном из них разместился городской музей. Знакомясь с его хоть и не столь богатой, но зато со вкусом оформленной экспозицией, мы обратили внимание на стенд, который, к нашему удивлению, был посвящен генералу Куропаткину. На репродукции старой литографии он, в бытность военным министром, преклоняет колени перед мощами преподобного Сергия Радонежского. На другой, уже будучи главнокомандующим, посещает солдат, раненных в боях с японцами. Обратили также внимание на семейный альбом с видами окрестностей деревни Шешурино, где находилось имение Куропаткина. Удивительно, но чудесные пейзажи, в чем мы убедились позднее, мало изменились с тех пор. Необычайно красивый альбом в переплете из тисненой кожи с орнаментом можно назвать произведением искусства. Его сделал известный архитектор И. Шарлемань, по проекту которого возведен величественный пятиглавый Богоявленский собор в Ниловой пустыни на озере Селигер. Кстати, озеро расположено не так уж далеко от Шешурино.

Судя по экспозиции музея, память о генерале Куропаткине бережно сохраняется в здешних краях. Его имя глубоко чтится местными жителями. В этом мы убедились, когда, покинув Торопец, часа через два оказались в селе Наговье, а затем в деревне Шешурино, от которой, по правде говоря, мало что осталось. Но прежде чем описать наше короткое путешествие в тверскую глубинку, хотелось бы немного рассказать о генерале Куропаткине, о необычной судьбе этого незаурядного человека.

Алексей Николаевич Куропаткин родился в 1848 году в Шешурино, в семье отставного капитана. Как и отец, посвятил себя военной службе, окончив кадетский корпус и Павловское военное училище в Петербурге. Молодой офицер принимал участие во многих военных кампаниях и даже входил в состав экспедиции французских войск в Сахару, за что удостоился ордена Почетного легиона.

Он храбро сражался во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Под Плевной получил контузию, чуть не лишившую его жизни. О нем с похвалой отзывался легендарный генерал Скобелев, назвавший Куропаткина «чрезвычайно храбрым офицером». Затем начинается служба в Генеральном штабе, открывшая путь к успешной военной карьере. С 1898 по 1904 год он занимал пост военного министра. Ну а затем в течение достаточно короткого периода с октября 1904 по март 1905 года А. Н. Куропаткин являлся Главнокомандующим вооруженными силами на Дальнем Востоке. Военные действия складывались не в пользу России, и генерал вышел в отставку, которая продолжалась до 1915 года. Но его боевой опыт очень пригодился, когда началась Первая мировая война. После неоднократных настойчивых требований он сначала принимает командование Гренадерским корпусом, потом Пятой армией, после чего назначается Главнокомандующим Северным фронтом. Последним местом службы становится Туркестан, где он когда-то воевал. В 1916 году Куропаткин прибывает в Ташкент в качестве генерал-губернатора. Но наступает Февральская революция, и Ку-

ропаткина вновь, уже навсегда, отстраняют от всех должностей. Боевой генерал возвращается на свою родину в Шешурино, где начинается последний и весьма примечательный период жизни этого уже пожилого шестидесятидевятилетнего военачальника.

Проследить последние годы жизни А. Н. Куропаткина мы решили, оказавшись в спрятавшемся среди бескрайних лесов селе Наговье. Так же называется и озеро, на берегу которого оно расположено. Когда-то здесь существовал брод, через него гнали коров, отсюда, как считают специалисты по топонимике, и произошли названия озера и села. Во всяком случае, именно такой версии придерживается директор местной сельской школы Елена Николаевна Лебедева. Обратиться к ней нам посоветовали что-то строившие на приусадебном участке местные жители. «Она все знает и обо всем расскажет», — с уверенностью сказали они. Мы подошли к школе — вытянутой деревянной постройке, но директора там не оказалось. «Она живет напротив», — сказала школьная уборщица.

Домик директора соседствовал с огромной поленницей дров, чуть ли не вплотную подступавшей к крыльцу. Постучали в дверь, и вскоре на крыльце показалась женщина лет тридцати. От Елены Николаевны мы узнали, что в селе живет около двухсот человек. В девяти классах школы учится двадцать детей. Директор родилась в Наговье, закончила Тверской педагогический университет и сразу же вернулась в родное село. Живет с мужем и сыном в избе без городских удобств. Вместо центрального — печное отопление, хорошо хоть электричество есть. Директор вспомнила, как после печально знаменитого ледяного дождя больше месяца жили при свечах.

О Куропаткине Елена Николаевна рассказывала со знанием дела, не как деревенский дилетант, а как опытный знающий специалист с отлично поставленной речью. Очень скоро мы поняли, что разговариваем не с человеком, в силу привычки решившим жить в медвежьем углу, а с энтузиастом, любящим родной край и его людей. От Елены Николаевны мы узнали, что, навсегда обосновавшись в Шешурино, Алексей Николаевич Куропаткин полностью отошел от политической деятельности. Однако в покое его не оставили. Существует предположение, что в 1918 году Шешурино посетили эмиссары генерала Алексеева, начальника штаба Добровольческой армии. Но Куропаткин отказался примкнуть к белому движению. Не захотел он присоединиться и к действовавшим на севере России британским войскам. Не отправился он и в эмиграцию. Большевики тоже проявили интерес к Куропаткину. Его арестовали и доставили в Петроград. Правда, вскоре генерала отпустили, а вот его сына Алексея, оказавшегося в заложниках, расстреляли. Большевистские власти прислушивались к мнению Куропаткина. Во всяком случае, существует легенда о письме Куропаткина Ленину. В нем содержалась просьба помочь голодающим крестьянам. И говорят, что после этого обращения жителям Шешурина и окрестных сел был отправлен вагон с зерном.

В Шешурино Куропаткин оказался в полном одиночестве. Семья осталась в Петрограде. Но отставной военачальник вовсе не хотел жить в уединении, предаваясь лишь воспоминаниям. Он развернул активную хозяйственную и просветительскую деятельность. Его стараниями на окраине Наговья срубили деревянные корпуса сельской больницы, он же основал в Шешурино почту, сельскохозяйственную школу, где преподавал как простой сельский учитель. «Вполне понятно, — продолжала свой рассказ Еле-

на Николаевна, — что генерал снискал в наших краях всеобщее уважение». Крестьяне вступились за него, когда местные власти попытались выселить Куропаткина из родового гнезда. Генерал оставался в своем доме вплоть до самой смерти в 1925 году.

Простившись с директором школы, мы перешли через дорогу и вскоре оказались возле сельского кладбища, где находится могила генерала Куропаткина. Она не затеряна. Ежегодно, в день смерти над ней проходит панихида. Очистив надгробную плиту от листвы, прочитали надпись. Она не сообщала о военных заслугах Куропаткина. Вот ее текст:

ПАТРИОТУ РОССИИ ГЕНЕРАЛУ
КУРОПАТКИНУ АЛЕКСЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ
1848–1925
ОТ ТОРОПЧАН

И ниже:

основателю сельскохозяйственной школы
высокая честь любить землю
и научно уметь трудиться на ней

Надгробная надпись, по сути дела, сообщала о тех занятиях, которым генерал посвятил последние годы своей жизни.

Покинув кладбище, мы из Наговья отправились дальше, в сторону Шешурино, надеясь отыскать остатки усадебного дома, а заодно и учрежденной А. Куропаткиным сельскохозяйственной школы. Но прежде остановились возле основанной когда-то генералом сельской больницы. Она по своей планировке чем-то напоминала монашеский скит. В центре стоял срубленный лечебный корпус, а вдоль ограды по периметру вытянулись такие же деревянные хозяйственные постройки. Не скроем, но нам показалось, что вместо врачей увидим монахинь. Однако появление куда-то спешившей медсестры все же убедило, что мы находимся на территории больницы. Сколько лет прошло, а затерянная в сельской глубинке среди дремучих лесов и голубых озер деревенская больница в Наговье продолжает приносить исцеление людям.

Мы продолжили наш путь, дорога становилась все уже, и все с большим трудом приходилось преодолевать крутые ухабы и глубокие лужи. Но вот и Шешурино. Остановились, немного не доехав до деревенских изб, следуя наставлениям директора школы. Оставили машину у обочины и пошли к озеру, пробираясь сквозь гигантские лопухи. Вскоре увидели остатки лишенного крыши некогда великолепного здания в стиле модерн. Невольно представили себя героями фантастического фильма, оказавшимися на далекой планете с еле заметными следами исчезнувшей цивилизации. Оставалось только представить, как здесь, вдали от крупных городов, в одиночестве доживал свой век известный всей России военачальник. Он общался в основном с книгами из своей роскошной библиотеки. Есть версия, что на ее создание генерал израсходовал почти сто тысяч золотых рублей. В библиотеке хранилось около десяти тысяч томов на разных языках — художественная литература, научные труды, книги по сельскому хозяйству. Особую ценность представляли издания, посвященные военному делу. Уста-

новлено, что Куропаткин располагал одним из наиболее полных в России собраний военных книг. В местных краях бытует легенда, что в 1914 году американцы предлагали Куропаткину за военный раздел библиотеки около четырех миллионов рублей. Среди военных изданий хранилась вышедшая в 1910 году книга «Русская армия». Ее в 1910 году написал сам Куропаткин. Этот труд содержит глубокие размышления об истории нашей страны. Генералу принадлежат такие сохраняющие и поныне свою актуальность слова: «В России в текущий исторический период необходимо развивать не граждан будущего всесветного мира, а мужественных представителей великой русской нации». Серьезный анализ русско-японской войны содержится в вышедшем в 1906 году четырехтомном «Отчете генерал-адъютанта».

Интересно, что в первые годы Советской власти генерал числился заведующим библиотекой, для которой был выделен отдельный деревянный дом. Псковский губисполком, а Шешурино в 20-е годы входило в состав Псковской губернии, поначалу бесплатно отпускал для библиотеки дрова и даже учредил должность сторожа для ее охраны. Но в 1922 году должность охранника сократили, а дрова давать перестали. Поэтому пришлось Куропаткину перенести библиотеку на второй этаж усадебного дома.

После смерти генерала библиотека стала таять на глазах. Оказавшись без присмотра, она расхищалась стремительными темпами, и значительная часть книг за бесценок продавалась на окрестных базарах. Книги оказались бесхозными, потому что после кончины генерала его родственникам не разрешили поселиться в шешуринской усадьбе. И все же кое-что удалось спасти. Некоторые книги оказались в Псковской губернской библиотеке, откуда затем их передали в различные архивы и книгохранилища. Ныне в Москве, в Военно-историческом архиве, хранится наиболее полный фонд А. Н. Куропаткина.

Покинув Шешурино, мы решили найти место, где находилась основанная Куропаткиным сельскохозяйственная школа. Поиски оказались крайне трудными, потому что школа была построена в стороне от деревни. Почувствовали себя настоящими следопытами, долгое время рыская среди оврагов и вековых деревьев. Сначала обнаружили остатки фундамента какого-то здания. Но от директора школы мы знали, что единственное, что осталось от школы — это лестница. Увидев, наконец, заветные ступеньки, мы были поражены тем, что они ведут прямо в темные воды озера.

Возвращаясь обратно, решили вновь остановиться в Наговье, чтобы зайти в сельскую библиотеку, вместе с клубом разместившуюся в одноэтажном здании из бетонных блоков. Вошли и увидели надпись: «Сельская библиотека имени А. Н. Куропаткина». Наше внимание сразу же привлек стенд, посвященный генералу, с трогательными стихами и публикациями местных краеведов. В одной из них впервые приводится письмо Куропаткина Ленину. Рассказывая о своей просветительской деятельности, об основанном при его содействии уездном народном музее, в конце письма Алексей Николаевич осмеливается спросить пролетарского вождя о судьбе сына.

Библиотека не пустовала. Несколько ребятишек с горящими глазами копались на книжных полках. Выбор книг — небогатый. И подумалось: как бы пригодились здесь книги из собрания Куропаткина… Мы представили, что, наверное, с таким же интересом прадеды этих детей листали книжки, которые выдавал сам генерал Куропаткин.



Татьяна ГРИБАНОВА

И НИКАКОГО ИНОГО ПАМЯТНИКА

Татьяна Ивановна Грибанова — родилась в деревне Игино на Орловщине. Окончила факультет иностранных языков Орловского государственного педагогического института. Работала преподавателем иностранного языка. Автор двух поэтических книг «Апрель» и «Прощеный день». Член Союза писателей России. Лауреат международного конкурса «Звезда полей». **Живет в Орле.**

Мир весь общая могила священная есть, на всяком бо месте прах отец и братий наших.

Акафист об упокоении усопших. Кондак 8

Перечитывая биографию Николая Семеновича Лескова, узнаю, что великий писатель завещал похоронить его «самым скромным и дешевым порядком», просил никогда не ставить на могиле «никакого иного памятника, кроме обыкновенного, простого деревянного креста», считая, что наш русский православный памятник — дубовый крест с голубцом — и более ничего. И ставится он на могиле в знак того, что здесь погребен христианин; а о делах его и значении не следует писать и возвещать, потому что все земные дела — тлен и суета. Наш знаменитый земляк знал наверняка, почему многих великих камнями не прессуют, а всего лишь «означают» крестом. Там, где от этого отступают, отступают от древнего родительского обычая.

Справа от большака, на подходе к нашему селу, на макушке горы Поповки, виднеется старинный деревенский погост. Три дальние стороны его окружают хлебные поля, а та, где ворота, подступает к самой дороге. Над аркой, у входа высится восьмиконечный крест, снабженный небольшой «крышей», защищающей от непогоды осиянный образ Казанской Пресвятой Богородицы. Простенькая икона в потускневшем окладе дни и ночи хранит многовековую память о моих односельчанах.

Сколько раз входила я под сень кладбищенских вековых дерев! Помню: с малых лет крошила здесь, на родные могилы, с бабушкой на Радоницу пасхальный кулич, лакомилась (не задумываясь, что кладбищенская) спелой земляникой в Духов день. Пока бабушка «правила

могилочки» я без страха (одолевало любопытство) успевала облазать меж холмиков и оградок погост, блуждая вдоль и поперек по чуть приметным, поросшим простенькими цветиками-муравками тропинкам. Спустя много лет прочту у Арсения Тарковского:

Тот жил и умер, та жила
И умерла, и эти жили
И умерли. К одной могиле
Другая плотно прилегла.
Земля — прозрачнее стекла,
И видно в ней, кого убили
И кто убил: на мертвой пыли
Горит печать добра и зла.
Поверх земли мятутся тени
Сошедших в землю поколений…

Старое кладбище, времен крепостного права, окружает высокий вал, непролазно поросший простушкой-сиренью. Этими бледно-лиловыми зарослями мир прошлого отгородился от недоступной ему земной жизни. Деревья, посаженные внутри или за оградками, никогда не пилят. Считается, что они священны. Кладбищенские березы и ели, дожив до почтенного возраста, умирают сами. Их придают огню тут же, недалеко от входа, подсыпая затем пепел под кусты шиповников и жасминов.

В плотной тишине, нарушаемой лишь цвеньканьем пронырливых синиц да редким вскаркиванием важных, словно примогильные служки, ворон, беззвучно суетятся пристроившиеся к кладбищенским законам шныркие ящерки. Непривычно стремительно исчезают, наперекор времени, остановившемуся здесь на веки вечные.

Невольно подумаешь: враки это все, мол, человек — хозяин, наиглавнейший на Земле. По воле Божией приходим мы в этот мир и по Его же Всевышней воле покидаем порою опостылевший, и все же такой любимый белый свет. Каждый в свой роковой час, но обязательно все… без предпочтений.

Среди обычных крестов на нашем погосте то тут, то там встречаются замшелые, древние, с кровелькой — голубцы. Мимо них даже мне, девчонке не из пугливых, было боязно проходить. Казалось, заденешь ненароком покосившийся, поросший мхами-лишайниками крест, и он тут же рухнет, рассыплется в прах, в мельчайшую пыль. А может это и не голубец вовсе, а сама древняя древность. Мало ли чего можно от нее ожидать?!

Кладбище, как исстари повелось, показатель поэтического и художественного вкуса народа. И наши предки, и мы украшаем то, что нам дорого. Для меня, может быть, это осталось из детства, погост — таинственный, непостижимый, сказочный мир. И старинный голубец в нем до сих пор не последний персонаж. Может, подкупает очарованием своих самобытно-чистых форм?

Голубец на русском погосте так же органичен, как запах цветущего шиповника, кипенные кусты жасмина, пуговки дикой герани. Сомневаешься в рукотворности позеленевших от времени крестов, настолько ощутима их слитность с праматерью Природой, словно кресты эти старинные — ее

детища. Как бездонные небеса над верхушками вырвавшихся из зарослей сирени березок, как тихоструйная, пескариная Крома, стеснительно прячущая свои воды в прибрежных осокорях под Поповкой, как разукрашенные перламутровыми лишайниками камни-валунки у Василева переезда.

Вероятно, в деревне нашей когда-то жили и староверы, такой крест-голубец более распространен на их кладбищах. У нас хоронили всех на одном погосте, а потому и крестов каких только на нем не ставили. Бабушка моя по этому поводу говаривала так: «Что ни мужик — то вера, что ни баба — толк».

Давным-давно уж принято считать крест-голубец символом исконно русской культуры, старины. А потому наиболее распространенной формой древних намогильных памятников на Руси являются столбики-голбцы[1]. В. Даль относил их к древнейшему периоду нашей истории. Происхождение столбцов связывают с языческими идолами, а также с описанным в «Повести временных лет» обычаем хоронить прах умерших после сожжения в урнах на столбах. Так было заведено и у радимичей, и у вятичей, и у кривичей дохристианской и раннехристианской Руси. Несмотря на запреты, голубец прочно вошел в православную культуру в виде креста с двускатным покрытием из двух досок, объединяющим три верхних конца. Порою можно встретить и более сложные сооружения: развитая кровля с охлупнем, причелинами и помещенным в средокрестии объемным киотом, что напоминает крошечную часовню, а потому об упреках в язычестве не может быть речи.

Все это я узнала намного позже, а в детстве меня разжигало простое любопытство. Чуть повзрослев, набравшись смелости, я отдирала мхи с поверхности окаменевших тесин, обнаруживала, что они обработаны контурной резьбой. Торцы выкрошились, но порой можно было еще различить их причудливость. Встречались и круглые, и восьмигранные без убора с длинноскатной кровлей. Они, словно сухопарые седые старцы (до двух метров высотой) возвышались над сровнявшимися с землей могилами. Порой в верхней части, под кровелькой, удавалось обнаружить почти истлевший киот с медным образком, а коли повезет, то и с частью еле различимого складня. Однажды посчастливилось: в самом центре погоста, пробравшись в заросли крушинника, отыскала почти упавший массивный голбец. На самом верху — крошечная, совсем развалившаяся часовенка. Концы тесин — наконечники стрел. А столбик с несколькими перехватами и обильной резьбой: тут и колобки, и веревочки, и горбыльки, и бусинки.

Я наловчилась очищать голубцы — мхи и лишайники шапками снимались с дубовых тесин, только поддень их острой щепочкой. Резьба разнообразна, но все-таки вся она сочетала крупные упругие линии и формы с мелкими ритмично чередующимися деталями. Казалось, мастера изощрялись друг перед другом в умении передать особым рисунком характер того, в память о ком ставился памятник. У каждого столбца обнаруживалось свое лицо!

Позже, увлекшись древней историей, я узнала, что многие элементы декора сложились именно тогда, в дохристианской Руси. Например, круглая розетка на причелинах олицетворяла солнце, зубчатый городок — символ плодородия Берегини, а изукрашенное причудливой резьбой «полотенце» под коньком — знак жизненной чистоты. Встречались голубцы, у основа-

[1] Голбец = голубец.

ния которых — зубчатые линии. Известно, что это — древние водные символы. Цветок над такими линиями — солярный знак — солнце, плывущее ночью по подземной реке. Тесины голубцов окрашивали в небесные цвета, а солярные знаки на них имели ярко-желтые расцветки.

Придумана эта форма деревянного зодчества давным-давно, и многие традиции, на основе которых она возникла, уже позабыты. Но стоят еще кое-где на погостах редкостные памятники старины — кресты-голубцы.

Иногда в лесной глуши, в самой ее чащобе, нет-нет да и встретишь последнего свидетеля невозвратно минувших времен — замшелый крест с часовенкой на кровле, с иконкой покровительницы Руси — Пресвятой Богородицы, с причудливой солярной символикой.

Обнаружишь его, и захочется заглянуть подальше в историю своего народа, узнать, чему он радовался, какие песни пел, отчего кручинился.

По всей Руси расселились наши пращуры. Из года в год кипела и волновалась жизнь по древним поселениям: одни рождались, другие умирали. В одной хате радость — сын на свет белый народился, в другой — панихиду затянули: отошла в мир иной старуха-мать. На деревенском погосте прибавлялся крест, семья ставила вблизи родных могил новый голубец. С тех стародавних времен и считается русской национальной формой надгробия «голубец»: восьмиконечный крест с двускатным покрытием или завершенный резной столбик, на котором укреплен медный крестик.

Помнится, брали мы с бабушкой землянику в дальнем Куманевом лесу и натолкнулись на стар-голбец. Сели подле него потрапезничать-передохнуть. Сморило меня, уж и задремала, вдруг слышу: то ли поет бабуля, то ли плачет. Грустно так, будто по близкому стонет, песню прабабкину тянет:

Со восточной со сторонушки
Подымалися да ветры буйныя
Со громами да со гремучими,
С молоньями да со палючими;
Пала, пала с небеси звезда
Все на батюшкину на могилушку…
Расшиби-ка ты, громова стрела,
Еще матушку да мать — сыру землю!
Развались-кося ты, мать-земля,
Что на все четыре стороны!
Скройся-ко да гробова доска,
Распахнитеся да белы саваны!
Отвалитеся да ручки белы
От ретива от сердечушка.
Разожмитеся, да уста сахарные.
Обернись-кося, да мой родимый батюшко
Перелетным ты, да ясным соколом,
Да слетай-кося да на сине море,
Да на сине море, да Хвалынское,
Ты обмой-ко, родной мой батюшко,
Со белова лица ржавчину;
Прилети-ко ты, мой батюшко,

На свой ет да на высок терем.
Все под кутисе[1] да под окошечко,
Ты послушай-ко, родимый батюшко,
Горе горьких наших песенок.

То ли об ушедших родных печалилась бабушка, то ли выплакала на безымянной лесной могиле разом горечь за всех наших баб. По всем без вести пропавшим, ни за что убиенным, бесследно сгинувшим на безмерных русских просторах за века дремучие, долгие. Как бы то ни было, только и по сей день не могу позабыть той песни, врезалась она с единого раза в мою генетическую память, да так и осела где-то у самых ее истоков. Рядом с накопленной за века предками моими вятичами, впитанной с молоком матери любовью ко всему истинно славянскому.

Вероятно, это кровь древних русичей радостно вскипает во мне и сладостно тоскует по приокским лесным кущам и безбрежным степным просторам, когда в Третьяковке простаиваю я часами в зале Михаила Нестерова. Чуден и многогранен мир этого великого художника, как и прекрасна земля, породившая его. С нескрываемой любовью создавал он ряд женских и мужских образов в традиционных русских одеждах. Широкие сарафаны, белые расшитые сорочки, большие цветастые платы. Героев окружают обыденные предметы. Это и деревянные бадьи, и коромысла, и рубленые колодцы, и ковши, и те же голбцы.

Мне близко понимание, ощущение автором Родины — это не феерический мир знати, а простолюдинная Русь с ее лесистыми холмами и ковыльными долами, с бело-розовыми кувшинками в первозданных затонах, с васильковой просинью средь поспевающих хлебов. Русь М. Нестерова такая же, как и моя: то скромно-сдержанная, то сказочно-таинственная. С полотен прямо в душу смотрят ее «из простых простые» святые и герои, купцы и крестьяне, монахи и странники — мой родной народ, живущий испокон веку дедовскими заветами, следуя за Христом. Посмотришь на мастерски выписанные древние погосты, на Соловецких пустынников, на застывших, словно вне времени старцев, и тут же уверуешь: русский народ — воистину является носителем православной цивилизации.

Каждый раз, приезжая на малую родину, вижу Нестеровские дали, просторные — не объять — небеса. Встречаю лица с его полотен. Здесь, у нас, на наших проселках, на наших лесных стежках.

Застала я за Сенькиной околицей последний придорожный голубец в нашей округе. Сказывают деревенские такую быль. Пришел когда-то на ручей Желтый пращур мой вятич. Срубил избу, зажил семьей. Только рождались у него в дому одни дочери, не дал Бог наследника. А без него, знамо дело, и семья — не семья. Затосковал мужичок и поставил у тропинки, ведущей в хуторок, обетный крест с треугольной тесовой кровелькой. А через некоторое время понесла его жена тройню. Да все — парни!

Сколько воды утекло в Желтом с тех туманных пор, сколько голбцов источило время за хуторской околицей! А тот, последний, остался навсегда в моей памяти. Дубовый, двухметровой высоты. Склонил главу свою на правый

[1] Кут — угол в крестьянской избе; Красный угол.

бок, словно всматривался в даль: не видать ли откуда ворога. Стоял старинный голубец на страже у въезда в деревеньку, охранял Репейный проселок. А иконка Пресвятой Богородицы из-под кровельки простирала свой благословенный Покров на хаты и пашни, оберегая скудные крестьянские радости.

Выбегая за околицу встретить корову из стада, мы усаживались вблизи голбца, у Сладкого родника. Водица в источнике, по заверениям стариков, была святая. А потому с детства нас приучили обращаться с нею бережно. Напившись из ковшика, что висел тут же на ракитовом сучке, располагались чуть поодаль.

Вокруг креста носились ласточки, гонялись за мошками, возвращались к ненасытным птенцам, пищавшим в гнезде под самой кровелькой. Гнездышко это никто (даже Леха Басурман!) никогда не разорял — Божии пташки.

Каждой весной дед Федот, деревенский старожил, выползал за околицу собственноручно подкрасить «лазоревой» краской столбец, перекладинку и кровельные тесинки. Перед работой, прикрыв глаза, долго стоял на коленях у подножия креста. О чем он беседовал с Божьей Матерью, никто не ведает. Мало ли накопилось печалей за такую-то долгую жизнь у осиротевшего старика. Поделиться ими особо не с кем, разве что Казанской открыться.

За лето дикий вьюн, проскальзывая по волнистым зазубринам и насечкам до самой кровли, густо украшал столбец нежно-розовыми граммофончиками. Дед сдергивал прошлогоднюю повитель и, перекрестившись в последний раз, принимался за работу. Мы, готовые в любую минуту подскочить на подмогу, крутились около. Но Федот, занятый самым важным для него делом в году, не обращал на нас никакого внимания. Да разве мог он доверить мальцам свою заботу о хуторском хранителе — старинном кресте-голубце?!

Закончив ежегодный ритуал, старик важно крякал, вытирал кисти и руки пучком травы, степенно крестился на образок, говоря каждый раз одну и ту же фразу: «Пресвятая Богородица! Защити нас!» Полагая, что этого достаточно, чтобы обошли стороной беды-несчастья, чтобы весь год над хутором сияло солнце, за околицей не полег хлебушек, чтобы велась по подворьям скотинка. А самое главное, чтобы в семьях земляков царили лад да покой.

Детвора к голубцу приближаться остерегалась, но относилась всегда с почтением. Проходя мимо, в луга на сенокос ли, в ближнюю рощицу за ягодкой-малиной ли, родители наши сбавляли ход, кланялись и крестились, а потому и мы, ребятня, крестились за ними в след.

Парни девушкам неподалеку назначали свидания, бабы тайком прибегали сюда поплакаться о своей незадавшейся доле, мужики, как бы ненароком, заглядывали подумать думки крестьянские, попросить Богородицу о защите.

На Троицу и Духов день водили здесь «карогоды», увешивали голбец березовыми венками.

Лето пробегало по пыльному проселку мимо креста за Сычин бор, за Больший лог, догоняя взбалмошных непоседливых касаток. Над золотистым жнивьем парила «богородичная пряжа». С первыми морозами на кресте поникала веселая повилика. И уже не понять, Казанская ли грустит-печалится, или пронырливая струйка моросящего неделю напролет дождя пробралась сквозь обветшавшую кровельку и прозрачной слезкой стекает

по иконе на ворох ракитовых листьев, нанесенных занудными ветрами к подножию голбца.

Заблудились мы однажды с дедушкой в зимнее ненастье. Конь из сил выбился, ветер крепчал, впереди — ни зги. И вдруг, прямо перед нами — голбец, наклонился, почти из сугроба не видать, тесинку от кровельки оторвало, закружило, в поле понесло. Крест промерз, закалянел, аж звенит. Но держится, стоит! Службу свою праведную несет. Как мы ему обрадовались! Оказывается, два часа водил нас бес вокруг деревни, пока голубец не повстречали. А может, он сам нас отыскал, не дал сгинуть?

А еще — жил у нас когда-то охотник по кличке Сохатый. Перед тем как в лес идти, приладился на околицу, к кресту заглядывать. Положит к подножию с вечера травку «голубец болотный», спозаранку заберет, приговаривая: «Пойду в лес легко и смело, вернусь с добычей и целый». Травку на груди в мешочке на охоту прихватит. И будет верить, что с ней, с травкой этой освященной, никакой зверь его не тронет.

В семье моей всегда почитался праздник Воздвижения Креста Господня. Он выпадал на последний день Бабьего лета. Праздник этот постный, а потому, стряпая голубцы с маслятами или рыжиками, бабуля приговаривала: «На Воздвиженье зипун с шубой сдвинется. Воздвиженье — последняя копна в поле движется». Именно в этот день в давние времена ставились обетные придорожные голбцы, водружались кресты на новых храмах. Бабушка рассказывала о том, как на Воздвиженье в былые времена участвовала она девчонкой в Крестном ходе вокруг деревни — для ограждения от всякого лиха на круглый год. В каждой хате на стол подавалось блюдо из капусты — голубцы.

Время неустанно бежит вперед. И вот уже почти совсем не заметны следы нашей родной старины. Грустно… чувствую, как безвозвратно теряются исконно русские понятия. Все чаще слышу: «Я — гражданин планеты». Обезличивание, обесценивание накопленных столетьями национальных ценностей ни к чему хорошему не приведет. Потеря генеологической памяти — страшная прогрессирующая болезнь нашего века. Наверно оттого так отрадно мне нечаянно увидеть у дорог на Орловщине свежесработанные кресты-голубцы с образом Пресвятой Божьей Матери. Потому с великой радостью встретила я и весть о вновь обретенном моими земляками православном храме во имя преподобного Сергия Радонежского. Церковь-красавица высится на той же горе Поповке, где в зарослях сирени приютился наш древний погост, где хранится «память и грусть моей родины милой». У большака — новый, дубовый, пятиметровый крест-голубец. Смотрю на него, и сердце тает, и вспоминаются Бунинские строки:

В лесу, в горе, родник, живой и звонкий,
Над родником — старинный голубец
С лубочной почерневшею иконкой,
А в роднике березовый корец.
Я не люблю, о Русь, твоей несмелой,
Тысячелетней рабской нищеты,
Но этот крест, но этот ковшик белый —
Смиренные, родимые черты!

ПРОЗА



Михаил ЗАРУБИН

ВО СНЕ И НАЯВУ

Рассказы

Михаил Константинович Зарубин — родился в 1946 году в деревне Кеуль Нижнеилимского района Иркутской области. После окончания строительного института работал мастером, начальником участка на строительстве комплекса зданий Сибирского отделения АН СССР. Более 20 лет возглавляет 47-ой строительный трест. Заслуженный строитель России, Почетный архитектор России, Почетный гражданин Кировского района Санкт-Петербурга. Действительный член трех международных академий. Награжден орденами и медалями РФ. Председатель Общественного Совета Кировского района, член Общественного Совета Санкт-Петербурга. Член СП России. Автор пяти книг публицистики. **Живет в Санкт-Петербурге.**

ТАМ, ГДЕ ВСЕГДА ЖИВА МАМА…

…Плывет по Илиму на большой лодке крестьянская семья. Молодые, здоровые люди ищут пригодные для своей будущей жизни места. По обе стороны реки сомкнутым строем грозно стоят угрюмые леса, мирно в них соседствуют сосны, лиственницы, ели и березы. Здесь нет деревьев-гигантов, при одном взгляде на которые кружится голова; здешние деревья нисколько не крупнее тех, что растут где-нибудь на Вологодчине. Здесь тайга без конца и без края. Заливаются птицы, жужжат насекомые. Хвоя, припекаемая солнцем, насыщает воздух густым запахом смолы. Поляны и опушки у берегов, покрытые голубыми, розовыми и желтыми цветами, кажутся похожими на кусочки упавшей на землю радуги. Сила и притягательность тайги в ее тайнах, в том, что лишь перелетные птицы знают, где она кончается. Сделаешь остановку, взберешься на сопку, заросшую лесом, глянешь вперед на восток, по направлению реки, и видишь: внизу лес, дальше еще сопка, кудрявая от леса, за ней другая сопка, потом еще одна… И так без конца. Идешь дальше. Через сутки глянешь с другой сопки вперед — та же картина. Что же находится за этими лесами, которые тянутся по сторонам реки на север и юг? Где они кончаются? Это неизвестно было даже тунгусам, родившимся в тайге. На такие вопросы они отвечают привычно, коротко и убежденно: «Конца нет!»

Сколько тайн прячет в себе тайга! Вот меж деревьев петляет, словно запутывая след, тропинка, исчезающая в лесных сумерках. Куда она ведет? В тайный ли винокуренный завод, о существовании которого не

слыхал еще местный исправник, или может быть к золотому прииску, открытому артелью бродяжек? Но какой манящей, тревожной свободой веет от этой загадочной тропинки!

По рассказам людей бывалых, в тайге живут медведи, волки, сохатые, соболи, дикие козы. Лодка плывет вдоль берегов, на которых непроглядные чащобы соседствуют с просветленными рощицами. Оглянешься назад и увидишь, как важно, по-хозяйски выходит и смотрит тебе вслед медведь или лось. Стремглав пролетают над головой утки, шлепают крыльями взлетающие гуси. А в прозрачной воде, в пластах глубинных течений видны косяки непуганых рыб.

Первые шаги по незнакомой земле. В лес не углубиться, ни тропинок, ни дорог, только высокие завалы обломанных жестокими осенними ветрами сухих веток, нагромождения вывернутых с корнем деревьев. Они повсюду преграждают путь, кажется, никогда не пройти сквозь бастион, образовавшийся из поваленных стволов, вывороченных пней и острых обломанных сучков, торчащих во все стороны как копья.

Жарко… С чуть слышным шелестом пролетают таежные птички. Ветви и кусты составляют как будто единый орнамент, затканный радужно сверкающими алмазными паутинками. А то вдруг взлетит из-под ног, пугая резким шумом крыльев и теряя перья, линяющий косач или рябая глухарка. Кажется беззащитной горстка людей в этом огромном мире природы, живущем по своим законам. Вверху синь с кучевыми облаками и животворные лучи солнца, ниже — оркестр таежных красок, цветастые бабочки, увлеченные своей непостижимой работой, умиротворяющий, убаюкивающий шелест листвы, беспрерывный стрекот кузнечиков в траве. Вечером — костер у реки, уха из только что пойманной рыбы и негромкая печальная русская песня, неизбывной надеждой согревающая души…

Трудно представить, а тем более передать словами особенности жизни и быта моих предков. Но очень хочется иногда это сделать. Так больно иногда врезаются в сердце какие-то незримые, крепкие, не порвавшиеся нити, соединяющие меня с далекой родней, прошлое с настоящим.

Вспоминая свое детство, когда я был такой же, как сейчас мой десятилетний внук Паша, я невольно сравниваю два мира: сегодняшний и тот, ушедший навсегда. И каким же прекрасным и светлым он мне кажется! Сейчас я постоянно слышу призывы о защите природы, о том, как современная цивилизация уничтожает ее. Наши предки жили и берегли окружающий их мир без всяких призывов, они делали это для нас, не задумывались — это было нормой их бытия.

Каким было мое детство? Оглядываюсь назад. Вижу маму — она всегда в работе, и на колхозной ферме, и дома. Я не помню, чтобы она отдыхала. Ее жизнь была непрерывным трудом, привычка к нему как наследство передавалась из поколения в поколение. Удивительно, но мне, мальчишке, казалось, что это состояние труда она любила. На мой взгляд, мама трудилась всегда легко, радостно, с улыбкой. Сейчас я понимаю, что это был подвиг «во имя». Так трудиться она была вынуждена, чтобы мы, ее дети, не знали нужды.

Я помню ее усталые, измученные постоянной работой руки, ими она нежно гладила мою голову, помню ее добрые, глубокие голубые глаза. Ласка и тепло, исходящие от матери, остались во мне на всю жизнь. Она лю-

била меня, и я любил ее. Сейчас, когда я уже взрослый и даже старше по возрасту, чем тогда мама, понимаю, что она была человеком мудрым, наделенным любовью ко всему миру. Она сердцем понимала природу, любила жизнь, какой бы стороной та к ней ни поворачивалась. Мама хранила свою душу в первозданной чистоте, не пускала туда зависть и уныние.

Мама была сильной и выносливой, как все женщины в Сибири, но вместе с тем удивительно отзывчивой к красоте. По-детски могла любоваться заходом и восходом солнца, восторгалась, рассматривая узоры мха на камнях или затейливые листочки папоротника. Помнится, если я в тайге находил цветок саранки, мама не позволяла мне выкапывать его вкусную сладкую луковку, говорила, что такую красоту нельзя губить, ею можно только любоваться.

Тогда я не подозревал, что наш, простой, как будто приземленный мир, не единственный, что есть мир другой, возвышенный, духовный. Не знал, что есть мир больших знаний, искусства, музыки, литературы. Но я благодарен своей детской судьбе за то, что она наградила меня жизненной силой Сибири. И хотя жили мы тогда небогато, но были счастливы, веселы. Да и как иначе можно было жить в том удивительном природном мире, питающем нас животворными соками первозданного бытия.

Та далекая сибирская жизнь закалила меня, обкатала незаметно и ласково, как речка обкатывает голыши. Вот и остался я таким обкатанным «голышом», пусть неправильной формы, но зато крепким и надежным.

Лет с десяти все ребята нашей деревни уже работали в колхозе. Это не называлось, как теперь, эксплуатацией детского труда. Нас приучали к работе, прививали трудовые навыки. А уж сенокос — мечта любого деревенского мальчишки! Сенокосные угодья были и рядом с деревней, и далеко от нее, километров за пятьдесят. В начале июля на лошадях мы отправлялись заготовлять сено. Дорога шла по тайге. Я и сейчас явственно слышу звуки тех минувших времен, голоса друзей, вижу лица родных, даже иногда вспоминаю давно растаявшие запахи.

Для меня тайга — моя жизнь, моя радость, моя надежда. Для меня она олицетворяет всю красоту Сибири: богатырское стояние гор, плодородное лоно равнин. Мне кажется символом неиссякаемости жизни вековой кедр с розовыми, как младенцы, смолистыми цветочками, прячущимися в глубине кроны. Музыкальна неуловимая игра света и тени в таежном лесу. Полезно для души здесь побыть одному и последить, как спешит с хвоинкой на спине муравей, посмотреть, как под корой старого дерева прячется гусеница, почувствовать на себе внимание дятла, который делает вид, что высматривает на сухом стволе пропитание, а на самом деле с любопытством поглядывает на меня.

В детстве мне посчастливилось плавать на судне по Илиму. Это было большое плавание. Плыли мы только днем, а на ночлег обязательно приставали к берегу. Те ночевки на берегу я хорошо помню. Лодка чалилась к корягам, каких много по берегам, или к большим валунам, сбрасывался большой железный якорь. Парни заготовляли дрова, разжигали огромный костер, дым которого в какой-то мере спасал нас от гнуса.

Бреднем ловили рыбу, она, непуганая, прямо шла в невод. Иногда мы видели всплески огромных рыбин, от их предполагаемой доисторической величины становилось жутковато. Это был таймень. Девчата в большом

котле варили уху на всех. Ужинали весело и шумно. Все чем-то были заняты, у каждого было свое задание, говорили и суетились, радовались берегу.

Значительно позже, читая книжки про первобытные племена, я вспоминал эти ужины у костра посреди дремучей тайги и, сравнивая, находил много общего с древними временами.

С кружками в руках мы рассаживались вокруг котла, окруженные непроглядной глушью ночной тайги. В нашем стане распоряжался капитан-лоцман, опытный специалист, много раз водивший большие лодки по реке, хорошо знавший фарватер и тайгу. Он же отвечал за жизнь людей и сохранность груза. Авторитет капитана, излучающего силу и уверенность, был непререкаем. Помню, что на его лице был большой шрам, на который мы смотрели с уважением. После ужина мужчины долго пили таежный чай, курили и рассказывали разные страшные истории. Постепенно разговоры затихали, люди умолкали, завороженные в глухой ночи мистическим слиянием тайги, костра, реки и наших жизней, казавшихся такими незначительными в огромном пространстве Сибири.

В этих походах были и неустранимые трудности. Нас изматывал таежный гнус. Плавание обычно начиналось в самое жаркое время лета, когда он особенно воинственен. На реке гнуса почти не было, а вот берега от него гудели. Добычу мог съесть живьем, человека свести с ума. Страдало и зверье. Мы не раз слышали, как животное ревет, съедаемое этой мелкой тварью. Лоси были хитрее, они выходили на берег и периодически окунали головы в воду, так спасаясь от гнуса. Людям, закутанными с ног до головы, приходилось спать с дымокурами, но все равно мошка доставала, мы были искусанные и опухшие.

Запомнились бури и грозы на реке. Конечно, это не морской шторм, но при утлости нашего суденышка все же было страшновато. Тревога взрослых передавалось и нам, детям. Во время ненастья мы приставали к берегу или укрывались в ближайшей заводи.

Днем при ясной погоде можно было полюбоваться сибирскими красотами. Река и берега казались неизменными в своей непреходящей, величественной красоте, которая, однако, каждый день открывалась по-разному. После такого путешествия в душе на всю жизнь оставался немеркнущий свет восторга от щедрости природы и гармонии бытия…

В памяти с того времени остался страх большой воды, ощущение усугубляющейся угрюмости тайги, безмолвие расширяющегося пространства.

Мне тогда открывался мир, а открывается он человеку полнее всего в детстве. Я этот мир не забыл: до сих пор помню запахи пронизанных солнцем брусничных полян, смоляной дух поскрипывающих кедрачей. А главное, моя память хранит ощущение величия таежных просторов, речных течений, высоких небес. Величия жизни.

Много лет назад я покинул эту свою малую родину, сколько на своем веку городов и весей повидал, но нет для меня уголка земли краше и роднее нашего, Илимского. Места благодатные, хороши и для охоты, и для рыбалки, сладки для ягодников и грибников. До сих пор помню свои дрожащие от волнения руки, которыми снимаю с крючка хариуса, длинного и узкого, который почти не отличается от своей родной сестры — форели.

Я люблю свой Илим и горжусь тем, что мои предки выбрали для жизни именно этот край! Люблю ненаглядные сопки, покрытые молочного цвета

цветами багульника, похожие на ответвления Млечного пути. Люблю воздух, напоенный дыханием разогретой полуденным солнцем хвои. А как не вспомнить нашу опрятную улицу, никогда не знавшую никакого транспорта. Поэтому пространство между домами и огородами всегда было покрыто идеально ровным травянистым ковром, расцвеченным покачивающимися на длинных стебельках ослепительно желтыми одуванчиками. Через этот двухцветный ковер от дома к дому скромно проходила тропка-дорожка. Это она выводила меня в жизнь.

Все мы живем на одной земле, все освещены одним солнцем, но у каждого из нас есть свой заветный край, свой уголок земли, где цветы душистее, солнце ярче, хлеб вкуснее, и где всегда жива мама.

…ВО СНЕ И НАЯВУ

— Дедушка, ну где ты так долго был?! — Пашка бежал по дорожке к воротам, размахивая, что есть силы, руками. — Мы же договаривались, что приедешь к семи!

— Договаривались, Паша, но работа задержала, а потом, как назло, пробка на кольцевой…

Следом за Пашей степенно шла Нина. Тоже упрекнула меня:

— Хоть бы позвонил. Мы уж не знали, что и думать.

— Прости, милая, телефон разрядился, — начал я оправдываться.

— Сколько раз я просила тебя купить автомобильную зарядку.

— Обязательно куплю.

— Одни обещания…

— Завтра, Нина, куплю точно.

Но внук не стал выслушивать мои оправдания:

— Дедушка, хоть и поздно, а слово нужно держать. Ты обещал поехать! Велосипеды готовы. Тебе это тоже нужно, и так целый день сидишь то в кресле, то в машине, — мой девятилетний внук явно повторял бабушкины слова.

Нина с улыбкой смотрела на меня.

— Обещал любимому внуку ежедневные поездки? Выполняй.

Я развел руками, изобразил страдальческую гримасу:

— Но хотя бы переодеться можно?

— Ура! — закричал Пашка, а Нина сказала:

— Конечно, можно. Я подогрею тебе ужин, пока вы катаетесь на велосипедах. Мы уже поели, но вместе с тобой чаю попьем, чтоб тебе не было скучно.

— Спасибо, родная, — я обнял ее за плечи и поцеловал.

Радость общения с женой прошла драгоценной нитью через всю мою жизнь. Увидев ее в шестнадцать, я был вдохновлен редкой красотой девчонки и долгих три года добивался ее сердца и руки. С годами краса моей возлюбленной как будто не убавлялась, прожитые годы, казалось, не старили жену. Свою красоту она передала двум дочерям и четырем внукам, учила их уму-разуму и беззаветно любила, по первому зову бросала все дела и летела к ним, прикрывая от бед, помогая быстрее залечить любую боль. Для всех в нашей семье она была главной и достойно несла это свое служение: никто никогда не слышал ее крика, рыданий, истерик. Тихий голос, ласковый взгляд, любящее сердце — вот проверенные средства от всех семейных невзгод.

Нина осторожно тронула меня за плечо:

— Внук ждет, Миша, да и время позднее.

Я быстро надел спортивный костюм, и покатили мы с внуком на велосипедах по улицам маленького городка, который одним своим бочком как будто прижимался к Питеру, отделенный от него лишь узкой лесополосой. Дачный дом летом был постоянным пристанищем для всей нашей большой семьи. Здесь все было хорошо: зеленая лужайка с маленьким футбольным полем, добротные качели, способные возносить тебя так быстро и высоко, что казалось, небо летит к тебе навстречу, и ты вот-вот коснешься ногами облаков. Ранней весной расцветали занесенные в Красную книгу ландыши. Как они, как будто укрываясь от охотников за диковинными цветами, оказались за нашим забором, не помнил никто. В середине июля на участке поспевала черника, нет, не садовая, а самая настоящая лесная. И никто из нас не проходил мимо, чтоб не поклониться ее щедрости и не собрать горстку блестящих ягод.

На дороге, засыпанной мелкими камушками, шины велосипедов натужно шуршали, колеса вихляли, преодолевая преграды из камней покрупнее. Но, как только галька заканчивалась, ход становился плавным, скорость увеличивалась. Пашка всегда был впереди, и не потому, что я поддавался ему. Сил у меня не хватало, чтобы обогнать внука, особенно трудно приходилось, если встречалась горка. Совсем недавно врачи обнаружили у меня болезнь легких и настоятельно советовали совершать велосипедные прогулки.

— Дедушка, — Пашка повернулся ко мне, — давай по большому кругу!?

Я помолчал, обдумывая свои возможности. Большой круг — пять километров, малый — три. Пашке, конечно, хотелось покататься подольше.

— Ну ладно, раз ты меня заставил поехать, и погода отличная, поедем по большому. Только повнимательнее, не соревнуйся с машинами и мотоциклами.

— Хорошо!

И Пашка понесся вперед, раскачивая из стороны в сторону велосипед.

— Паша! Паша! — закричал я. — А ну, стой!

Но внук, не слушая, летел по улице.

— Паша, я поворачиваю назад!

Услышав мою беспрекословную интонацию, чуть притормозил, обернулся с притворно обиженным выражением лица и согласно замахал рукой:

— Ладно, дедушка.

Педали Пашка стал крутить медленнее.

Погода была по-летнему теплая, возле домов благодатно нежились цветы. Отдельные дворы хорошо просматривались сквозь заборы, не скрывавшие материальные приметы дачного отдыха. Грациозные металлические скамейки с мягкими цветными подушками под непромокаемыми крышами ярких зонтиков, кресла-качалки из ратанга, закопченные мангалы с выплескивающимися из них струйками ароматного дыма. Откуда-то доносилась тихая музыка, слышались смех молодежи и веселые крики детей. Все это создавало неповторимое очарование дачной жизни.

Ноги, крутившие педали, стали уставать, сиденье больно врезалось в ягодицы. Я остановился, и Пашка, увидев это, сразу повернул назад.

— Дедушка, что с тобой?

— Устал, отдохну минутку.

— Хорошо, я подожду. Знаешь, дедушка, что я заметил?

— Что?

— Ты на этом повороте всегда останавливаешься.

— Какой ты внимательный. Это правда. На этом повороте я всегда останавливаюсь, а если бываю ранним утром здесь один, когда вы с бабушкой еще спите, то передохнуть сажусь вот на эту скамеечку, что стоит под огромным дубом, и наслаждаюсь покоем утра, появлением первых солнечных лучей. Мне хорошо здесь.

Внук понял, что надо возвращаться. Нина ждала у ворот. Сначала Пашку обняла и поцеловала, потом меня. Помывшись, поужинав, даже не посмотрев в сторону телевизора, я пошел отдыхать. А Пашка за мной.

— Дедушка, попроси бабушку, пусть она разрешит мне спать на раскладушке в вашей комнате, а то знаешь как скучно одному.

— Знаю, Паша, поэтому никогда не сплю один в комнате.

— Ну вот, хоть ты меня понимаешь. А то и дома я один, и здесь один. А перед сном так поговорить хочется, а с кем поговоришь?

Я обнял Нину.

— Пусть Паша спит у нас, он ведь прав, когда и где нам поговорить?

— Миша, но он уже большой.

— Конечно, большой. Но знаешь, если честно, то мне, наверное, сильнее, чем ему, хочется, чтоб он был с нами.

— А кто вам мешает общаться? Сидите себе в большой комнате и говорите.

— Нина, самые интересные, самые задушевные разговоры — перед сном.

— Ладно, что с вами делать, вас не переспоришь, — согласилась, улыбнувшись, моя умная жена.

Мы с Пашкой быстро разложили раскладушку, благо, стояла она тут же за шкафом, расстелили постель, и внук юркнул под одеяло.

— Ну, что, Паша, будем спать и смотреть сны?

— Дедушка, а ты сны видишь?

— Вижу.

— А я нет. Хотя, вроде бы, и вижу, но когда просыпаюсь, забываю.

— Что значит — «вроде бы»?

— Какие-то картинки остаются.

— У меня тоже такое бывает, просыпаешься и чувствуешь, что твой сон словно уплывает. Некоторые утверждают, что совсем не видят снов, но это не верно. Сны видят все.

— Откуда ты знаешь?

— Ученые этим специально занимались. Человек спит треть своей жизни, представляешь? Существует целая наука о сне.

— А животные видят сны?

— Конечно, видят, но что они видят, об этом можно только догадываться. Ты замечал, как Мурзик во сне дергает лапами, будто бежит? Может, ему и снится погоня.

— А расскажи, дедушка, про свои сны.

— Устраивайся поудобней, накройся одеялом, подушку повыше подтяни. Все сделал, ну тогда слушай. Очень часто в последнее время я вижу один и тот же сон. В этом сне я летаю.

— На самолете?

— Да нет.

— На ковре-самолете, как Хоттабыч?

— Не перебивай, Паша. Ни на чем таком я не летаю, ни на самолете, ни на ракете, ни даже на ковре-самолете. Но как будто смотрю на землю сверху и не с одной точки, а кружусь над огромным зеленым морем кедрово-сосновых зарослей, заполнивших родные благословенные места. Лечу над каменистым и крутым Красным Яром, над желтыми, отлогими берегами реки Илим, над лугами и пашнями. И видно мне сверху деревню моего детства Погодаевку, что когда-то стояла на Илиме. Вижу пионерский лагерь в трех километрах от деревни на другой шустрой таежной речке Тушме.

Как птица парю, и сверху все отчетливо вижу. Вот ясно вижу, как стремительным ручейком в берегах тропинки бегут из деревни в пионерский лагерь ребята. Среди них узнаю себя. Конечно же, это я!

— Дедушка, ты мне сказку рассказываешь? Как можно летать неизвестно на чем и сверху видеть себя?

— Во сне можно увидеть и не такое. Каждый сон — это сказка. Ну, где я увижу сейчас родную деревню. Ее давно нет, и место, где она стояла, покрыто водой. Причем глубина огромная — шестьдесят метров.

— Ого, дедушка, а что случилось? Почему вода затопила деревню?

— Это, Паша, отдельный разговор: про море, про исчезновение деревень. Я тебе свой сон рассказываю, будешь слушать?

— Буду.

— Ну, вот и славно. В моем сне я всегда вижу поляну перед деревней. Это место игр, встреч, увеселений, празднеств, общественных собраний и гуляний по самым разным поводам. Мы, пацаны, играли здесь в лапту, взрослые — в городки. Поляна — большая, место — красивое. Осенью и весной здесь жгли костры. Иной раз пламя поднималось очень высоко, летели искры в небо, словно настоящий фейерверк. Все деревенские люди здесь собирались и радовались этому огню не меньше, чем в городе какому-нибудь салюту. А зимой с этой поляны гоняли вниз к речке на санях. Нет, не на санках, какие у нас в сарае стоят, а на больших санях, в которые можно было запрягать лошадей и возить грузы. Отпрягалась лошадь, убирались оглобли, девчата садились в эти санки, а парни толкали сани сзади, запрыгивали в последний момент, и все вместе весело, со смехом, в обнимку друг с другом летели с угора до середины реки. Вот было радости!

Эта замечательная поляна была еще и местом нежных встреч, любовных свиданий. Отсюда же уезжали на покосы. Обойти, объехать эту поляну — невозможно. Откуда бы ни возвращались, она на пути, а дошли до нее, значит, уже дома. Ее никогда не распахивали, и там всегда росла густая, какая-то радостная трава. Ты знаешь, я столько повидал в жизни, а такой красоты не встречал.

— Миша! О чем ты говоришь с внуком? Какие любовные свидания? Паше девять лет, разве ему нужны такие разговоры?

— Ниночка, мы ведем беседы про сны.

— Ну, раз про сны, тогда гасите свет и спите, уже поздно.

— Видишь, Паша, как бабушка сурово с нами поступает. Но она права, время позднее. Давай спать, завтра суббота, я буду с тобой весь день, и мы найдем время поговорить обо всем на свете.

— Вот так всегда, как интересный разговор, так — спать.

— Хорошо, мои родные, — сказала бабушка. — Пять минут вам на окончание разговора.

— Ну что ж, попробуем управиться. Знаешь, Паша, что я еще всегда вижу в этом сне? Реку Илим! Сейчас она известна всему миру, а когда я был маленьким, о ней знали лишь наши таежные деревни, что стояли по ее берегам. Повзрослев, я понял, что для меня это лучшее место на свете. Ведь там прошло мое детство.

Сразу после весеннего ледохода, как только успокаивалась вода и становилась чуть теплее, мы начинали купальный сезон, купались до пупырышек на теле — почему-то это у нас называлось «продавать дрожжи». Чтобы согреться, бежали на большую площадку у колхозного амбара, сделанную из плах (на ней осенью сушили зерно), и там грелись на солнце. Вода нас притягивала, словно магнит, а дно Илима мы знали, как свой огород. Знали, где плыть, где встать, где нырять. Я не помню рядом взрослых, мы старались обходиться без них, хотя из-за этого и беды случались.

Илим — река-дорога. Первые русские, осваивавшие Сибирь, проходили по Ангаре и Илиму. Это — река-трудяга. Летом лодки, баржи и катера шли по ней вверх и вниз. А зимой она превращалась в широкую и ровную сухопутную стезю. Ее очищали от снега, лошади, машины от деревни к деревне возили людей, товары, всякий груз.

Илим — это река-кормилица. Летом каждое утро, рано поднимаясь, я бежал на берег, садился в лодку и плыл к поставленным с вечера «мордам» — это такие ивовые устройства для ловли рыбы. Они стояли на реке напротив каждого дома. Места всем хватало. Единственно — чтобы не перепутать «морды», поплавки были разные.

В основном попадались ельцы и сорога. Иногда — ерши и мокчоны, но они безжалостно выбрасывались, мороки с ними много. Правда, из ершей уха получалась отличная, но на ее приготовление требовалось время и вдохновение.

Ельцов и сорогу я нес домой, чистил, и мама тут же зажаривала добычу на сковородке, заливая яйцами. Все покрывалось хрустящей, необыкновенно вкусной корочкой. Это был завтрак, который мы запивали парным молоком. Я до сих пор ощущаю вкус этого необыкновенного блюда. Потом я много раз пробовал его приготовить, кажется, все делал так же, но не получалось. Чтобы получилось, нужен наш Илим, нужен тот особый речной воздух, нужна мама.

— Миша, пора.

— Пашенька, давай спать, у бабушки скоро лопнет терпение. Попробуем утром рассказать друг другу то, что мы видели во сне.

Утром я проснулся, как всегда, рано. На улице было пасмурно, но дождик не крапал. Я вышел на крыльцо, вдохнул утренний прохладный воздух. Его аромат был сложен, как симфония: ярко звучали пряные ароматы трав, им тихо вторили благоухания цветов, врывались смоляные нотки запахов сосен и елей. Окутанный утренней душистой мелодией нашего сада, я стоял грустный и думал, что нечего будет рассказать внуку.

Сегодня ночью не было сновидений, а, может, были, но растаяли, не оставив в памяти следа. Сновидение — волшебная сказка, а сказки прихотливы: захочет — придет, а не захочет — жди следующей ночи.

Паша спал долго, наверное, еще бы спал, но бабушка разбудила.

— Ну как, видел сон? — спросил я

Паша задумался, потом честно ответил:

— Нет, ничего не видел, а ты?

— И я ничего. Наверное, моя память слишком быстро перепутала то, что я раньше видел во сне и о чем думаю.

— А о чем ты думаешь?

— Ну, так просто об этом не скажешь. Обо всем на свете. Как у каждого человека, все перемешано: мысли о работе, о родных, друзьях и врагах, воспоминания накатывают. Сейчас, как ни странно, на седьмом десятке часто вспоминается детство.

— Почему?

— Наверное, хочется быть юным, чтобы впереди была долгая-долгая жизнь. Иногда и не во сне, еду в машине, прикрою глаза и вспоминаю.

— Как можно закрывать глаза в машине, на дороге?

— Я закрываю, когда не за рулем, у меня же служебный автомобиль. Прикрою и вижу Красный Яр, что заслонял нашу деревню от северо-западных ветров.

Красный Яр — почти отвесный склон, высотой под сто метров. Словно какой-то гигант разрезал ножом огромную краюху хлеба пополам: одну половинку оставил, а вторую съел. Я часто приходил на этот яр. С него хорошо было видно нашу деревню, соседнее село, Кулигу, Малую речку. Стоишь на берегу обрыва, дух захватывает. Внизу под ногами птицы летают, Илим, делая крутой поворот, течет к Ангаре, за рекой поля, а дальше до самого горизонта, тайга без конца и края.

— Добрые люди в это время уже завтракают, а вы еще постели не застелили, все разговоры ведете, — это бабушка возвращает нас к привычной жизни.

Паша вздыхает и идет умываться. За завтраком он спрашивает меня:

— А бабушка говорила, что ты в детстве спал на печке. Наверное, это сказка. Ну как на печке можно спать, на ней можно только варить или жарить.

— Бабушка права. Место, где мы жили, называлось прирубом. Его прирубили к основному дому. Был он метров шесть в ширину и метров пять в длину, кухонька, отделенная деревянной перегородкой, огромная русская печка. Остальное — большая комната, в которой стояли две кровати. На одной спали две мои сестры, на другой — мы с мамой. Когда я стал постарше, лет шести, мне отвели место на русской печке. Здесь сушилось зерно. Я устраивался на подстилке и засыпал, окутанный запахом свежего хлеба. А утром в воскресенье, когда мать начинала стучать посудой, выглядывал в проем между дымовой трубой и стеной и протягивал руку: «Мама, пирог хочу». И тут же он — только из печи, горячий — у меня в ладони… Хоть печь и топилась дровами, но сгореть на ней было нельзя. Вообще это была жизнь, наполненная чудесами. Научившись читать, я ставил рядом с собой керосиновую лампу и, закрывшись шторкой от реальности, запоем читал. Вокруг темно, только желтый кружок от керосиновой лампы, а я далеко-далеко — в вымышленном мире книги, где столько интересного, где ты и силен, и храбр, и смекалист.

Иногда я не расставался с книжкой до утра, за что мама ругала, правда, без злости, я это чувствовал. Рядом со мной спал любимый кот. Но я с моим

чтением интересовал его меньше, чем тепло и блюдечко с молоком. Все, что было у меня дорогого и любимого, хранилось здесь же, на печи. Здесь я мечтал и рос, как писалось в сказках, не по дням, а по часам. Два раза в год печь подмазывалась и белилась. Чуть-чуть дав ей отдохнуть от себя, я снова забирался наверх, чтобы жить жизнью счастливого человека.

А какую вкуснятину делала мама в самой печи! Эти круглые большие хлеба, аромат их каждое воскресенье заполнял дом. А щи и борщи в чугунках, подтомленные в русской печи, а пареная брюква…

Разговор с внуком прервала Нина. С улыбкой попросила:

— Поешьте спокойно, не мне вас учить, что за столом лучше помолчать.

— Наша бабушка, как всегда, права, Паша.

Мы посмотрели друг на друга, улыбнулись и стали завтракать. Через минуту Паша не выдержал:

— Очень хочу полежать на русской печи.

— Сначала ее надо найти.

Нина погрозила нам, и мы опять смолкли, глядя в тарелки. Но через мгновение, поглядев друг на друга, без причины стали улыбаться: сначала Паша, следом — я, а потом и Нина. Мы улыбались, потому что начался новый день, что выглянуло солнце, согрелся воздух, распелись птицы. И, казалось, весь мир радовался вместе с нами.

Вышла книга

Коняев Н. М.

Шлиссельбургский след Казанской иконы. *К 400-летию Московского чуда Казанской иконы Божией Матери. К 310-летию обретения Шлиссельбургского образа Казанской Божией Матери.* — СПб.: Издательский Дом «РУССКИЙ ОСТРОВ», 2012. — 56 с.

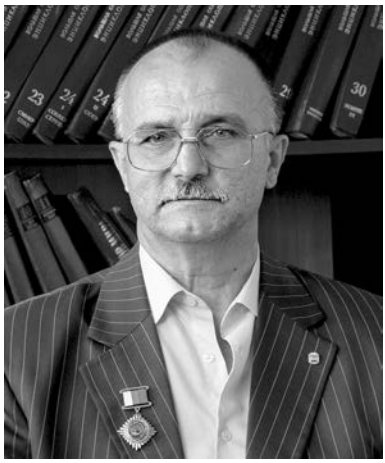


Восстановление праздника Казанской иконы Божией Матери в ранге государственного праздника — Дня единения России — оказалось настолько неожиданным по своим результатам, что вызвало настоящий приступ русофобии у нашей прозападно настроенной либерально-демократической публики.

Но мог ли этот праздник, как бы уклончиво ни именовали его, быть иным?

Из новой книги известного петербургского писателя Николая Коняева читатель узнает не только об истории обретения и истории потери Чудотворного образа Казанской Божией Матери, не только о значении этого Образа в русской истории, но и о малоизвестном и, тем не менее, весьма значимом для русской истории Шлиссельбургском образе Казанской иконы Божией Матери.

Великая провинция



Виталий ШЕВЦОВ

МОЙ ГОРОД ДЕТСТВА Кёнигсберг– Калининград

Виталий Евгеньевич Шевцов — родился в Риге в 1952 г. Учился и работал в Белоруссии. Проходил службу в ВДВ и ВМФ. В настоящее время работает в военном представительстве МО РФ. Лауреат литературных премий: «Справедливый мир» (Москва), «За гуманизм и милосердие в литературе»; лауреат I Международного литературного фестиваля «Славянские традиции — 2009» (Крым); лауреат много международных литературных конкурсов в том числе конкурса, посвященного 65-летию Победы «…И память сердца говорит» (Австрия, 2010 год). Член Союза писателей России. С 2008 года председатель Правления Калининградского регионального отделения Союза писателей России. Секретарь правления Союза писателей России. **Живет в Калининграде.**

«Высшей человеческой радостью является рождение человека. Знай, что твое появление на свет было большой радостью для матери и отца, и каждый год, когда приходит день твоего рождения, они с волнением вспоминают, какими были они, когда родился ты, каким был твой первый крик, какое первое слово ты произнес. Для матери и отца ты всегда будешь дитя — даже тогда, когда тебе исполнится пятьдесят, шестьдесят лет, а отцу и матери — семьдесят, восемьдесят, девяносто. Помни, ты — смысл жизни, цель жизни, сладость и горечь жизни твоих родителей».

В. А. Сухомлинский.
«Педагогическое наследие»

Фамилия, дата рождения, место рождения. О чем говорят эти, казалось бы, обыкновенные и привычные записи в наших свидетельствах о рождении и паспортах?

Фамилия — наследственное отношение к семье. Дата рождения — возраст человека. Место рождения — его «малая Родина» — так люди привыкли называть то место на Земле, где они появились на свет. И не важно, родился кто-то из нас в большом шумном городе, в рабочем поселке или в совсем маленькой деревне, которую и на карте не отыскать. Родина — Россия — у нас одна, а вот «малая Родина» у каждого своя.

Мы, дети, внуки и правнуки первых переселенцев: русских, украинцев, белорусов, приехавших на эту балтийскую землю сразу после войны, — гордо называем себя калининградцами.

А знаете ли вы, дорогие мои читатели, кто был первым калининградцем или калининградкой, родившимися в нашем городе? Чтобы найти ответ на этот вопрос, я решил обратиться в Государственный архив Калининградской области. Но неожиданно для себя нашел ответ в совершенно другом государственном

учреждении — в Калининградской областной универсальной научной библиотеке, которая располагается на проспекте Мира, 9. Мне даже не пришлось перелистывать и перечитывать старые подшивки газет и журналов того времени. Все решил его величество случай.

Зайдя в библиотеку по своим писательским делам, я неожиданно встретил на лестнице Валентину Андреевну Климок — одну из старейших работников этой библиотеки.

— О чем сейчас пишете? — поинтересовалась она.

— Да вот, ищу материал для написания очерка о первых калининградцах, родившихся в нашем городе. Завтра собираюсь отправиться в областной архив. Ну, а если там не повезет, то в архив Дворца бракосочетаний.

— Если вы не очень спешите, то я вам попробую помочь прямо сейчас, — неожиданно предложила мне Валентина Андреевна.

— Готов с благодарностью принять любую вашу помощь, — обрадовался я.

— Ну, что ж, — улыбнулась она. — Я и есть первая калининградка, которая родилась в этом городе 1 мая 1945 года. Правда, тогда этот город еще назывался Кёнигсберг. Так что я считаю городом своего детства Кёнигсберг—Калининград.

В первый момент, признаюсь честно, я растерялся. Невероятно, но факт. О такой удаче можно было только мечтать.

— Валентина Андреевна! Как здорово, что мы с вами встретились! — не сдержав переполняющих меня радостных эмоций, воскликнул я.

— Да что вы, — скромно улыбнулась она. — Буду рада вам помочь, чем смогу.

* * *

Шел январь 1945 года. Советские войска вышли к границе фашистской Германии. Началась знаменитая Восточно-Прусская операция. В жестоких сражениях участвовали все рода войск: пехота, артиллерия, авиация, танки, им активно помогали Краснознаменный Балтийский флот и разведка.

Утром 10 апреля 1945 года на башне «Дона» — одном из поверженных бастионов города-крепости Кёнигсберг — было водружено Красное знамя — символ одержанной Победы.

Кёнигсберг лежал в руинах. Центр города был полностью уничтожен. Разрушены водопровод, канализация, железнодорожный узел, не действовали электростанции. Еще шли последние кровопролитные бои за город Пиллау (теперь это город Балтийск), а на железнодорожную станцию Кёнигсберг рано утром 24 апреля 1945 года прибыл первый эшелон со специалистами из Белоруссии. В их задачу входило — как можно быстрее восстановить железнодорожные коммуникации и организовать бесперебойное принятие эшелонов с первыми переселенцами из Советского Союза. Начальником этого эшелона был Андрей Григорьевич Орлов. Вместе с ним в Кёнигсберг приехала и его жена Лидия Христиановна Кайзер. Это были родители Валентины Андреевны.

Война! Великая Отечественная война! Более семидесяти лет прошло с того трагического дня 22 июня 1941 года. Но разве мы вправе забыть об этом?!

Мне вспомнились стихи белорусского поэта-фронтовика Дмитрия Ковалева:

Зачем вы эти «…помните, пожалуйста!»
На камне высекаете слова,
Достойные не мужества, а жалости,
Где гордая и в горе голова?..
Слова должны быть подвигу под стать.

* * *

…Прошла целая неделя с тех пор, как эшелон с «рабочей силой» для Великой Германии был торжественно отправлен фашистами из Одессы. «В неметчину, в неметчину, в неметчину…» — стучали колеса товарных вагонов. В одном из них вместе с такими же, как и она, подругами по несчастью оказалась Лида Кайзер. Попала в облаву на рынке, куда пошла в тот день, чтобы обменять кое-что из вещей на продукты. На вокзале у нее еще было время обратиться к немецкому офицеру…

Лида родилась в 1917 году в селе Ивановка Троицкого района Одесской области. Национальность — немка. Из дворянского рода Кайзеров. Ее родители были землевладельцами и занимались сельским хозяйством. Из того далекого и короткого детства она запомнила только большой двухэтажный дом с колоннами и вишневый сад. В 1922 году родителей расстреляли. Лиду и ее младшего брата спасла кормилица. Жили они как все дети того времени. Только по совету той же кормилицы никому и никогда о своем прошлом не рассказывали. Школа, комсомол, работа на ткацкой фабрике. Брат окончил курсы ОСОВИАХИМА и стал летчиком. Погиб в первом же своем полете во время войны с Финляндией. Предать брата и свою Родину она не могла…

Эту мамину тайну Валентина Андреевна узнала только в 1960 году. За несколько недель до своей трагической смерти мать, наконец, решилась рассказать дочери историю своей жизни.

«Странно — подумает, наверно, кто-то, — сказать о себе правду и тем самым сохранить жизнь. Ну что здесь плохого?»

«…Не жалей себя — это самое гордое, самая красивая мудрость на Земле. Да здравствует человек, который не умеет жалеть себя! Есть только две формы жизни: гниение и горение. Трусливые и жадные изберут первую, мужественные и щедрые вторую; каждому, кто любит красоту, ясно, где величественней» (Максим Горький).

Вот и ответ тем, у кого закралась в душе «спасительная мыслишка».

Мой отец приписал себе лишний год, чтобы уйти добровольцем на фронт. А ведь мог спокойно отсидеться в тылу. Я горжусь им так же, как гордится своей мамой Валентина Андреевна.

…Белоруссия. Небольшая железнодорожная станция со странным названием «Темный лес». Для многих парней и девчат из того страшного эшелона, который вез их в рабство, на чужбину, название этой станции останется в памяти на всю жизнь. Именно здесь они были освобождены из плена белорусскими партизанами. Руководил дерзкой операцией по захвату эшелона начальник той самой станции «Темный лес», подпольщик Андрей Григорьевич Орлов.

— Почему в тот день среди десятков сотен обезумевших от радости освобождения молодых людей отец обратил внимание именно на маму, он

нам никогда не рассказывал. Не любила говорить об этом и сама мама, — вспоминает Валентина Андреевна.

Война! Сколько человеческих тайн хранит она в себе. Но позволю себе все-таки высказать свое личное мнение. Я знаю, что в годы войны бытовала такая поговорка: «Война все спишет». Но придумали ее, как мне кажется, люди трусливые и слабохарактерные, не привыкшие отвечать за свои поступки. Выбрать в жены девушку со странной немецкой фамилией, находясь на оккупированной врагом территории, да к тому же будучи подпольщиком, членом партии большевиков, — так мог поступить только сильный человек.

Это сейчас, стоит только включить радио или телевизор, — любовь, любовь, любовь… На все случаи жизни. Выбирай любую, какую хочешь. А чувства? А когда глаза в глаза, и на всю жизнь… Ведь такая любовь была. А что не говорили они и много… Зато любили крепко.

Но не буду опережать события.

После освобождения Белоруссии от фашистов молодожены Орловы остались жить на станции «Темный лес». Ждали прибавления в семье. Но война приготовила им еще одно испытание. Коммунисту Орлову было приказано убыть в город Кёнигсберг с группой специалистов-железнодорожников для выполнения специального задания. Приказы военного времени не обсуждались. Но Андрей Григорьевич и здесь проявил свой характер. Может быть, в первый раз за всю жизнь использовал служебное положение — забрал молодую жену с собой на новое место службы и жизни.

Ровно на седьмой день после их приезда в город Кёнигсберг, а это было 1 мая 1945 года, Лида Кайзер-Орлова родила девочку, которую они с мужем назвали Валентиной.

«Раз девок рожать стали — конец войне», — пошутил офицер в военной комендатуре, вручая молодым родителям свидетельство о рождении дочери.

Жаль, это свидетельство о рождении под номером один от 1.05.1945 не сохранилось у Валентины Андреевны. В 1950 году городские власти почему-то изъяли его, выписав взамен, как было сказано, «Свидетельство о рождении уставного образца». Скорее всего, как мне кажется, кому-то из чиновников просто не понравилось, что в графе «Место рождения» был записан город Кёнигсберг.

Как военспецу и семейному человеку Андрею Григорьевичу Орлову дали ордер на квартиру. Это были две небольшие комнатки и кухня в двухэтажном деревянном бараке, который располагался рядом с железной дорогой. Теперь эта улица называется Аллея Смелых.

Семья Орловых увеличивалась быстро. В 1947 году у Вали появилась младшая сестренка Вера, а в 1948 году — брат Владимир.

— Отец сутками пропадал на работе. Приходил поздно. Уставший, — вспоминает Валентина Андреевна. — Он был высокий, русоволосый. Носил красивую железнодорожную форму, очень похожую на военную. Несколько раз мы с мамой приходили к папе на Южный вокзал. У отца в кабинете стоял большой стол, а на нем много телефонов, по которым он постоянно с кем-то разговаривал. Я очень гордилась отцом. Жаль… — с грустью в голосе произнесла она, — мне было всего семь лет, когда папа умер.

Сколько лет уже прошло со Дня Победы, а война все никак не закончит свой скорбный счет боевых потерь Великой Отечественной.

— Послевоенное детство. Жили — не тужили, — улыбнувшись, говорит Валентина Андреевна. — Это сейчас проблема у родителей — ребенок кушать отказывается. А тогда, набегаешься за день во дворе… Тарелку мыть не надо. Аппетит был зверский. Мы с друзьями и подружками любили по развалинам лазить. Всё клады искали.

— Нашли? — поинтересовался я.

— Посуда, картины, книги, — махнула рукой Валентина Андреевна. — Глупыми были. Жгли да били все. Гордые: «Нам немецкого не надо». Со взрослых пример брали. Ведь целые дома тогда в городе на кирпич разбирали…

— Ну все-таки! Хоть кому-то повезло клад найти?

— Если кто и нашел настоящий клад, тот молчал. А многих кладоискателей самих не нашли. В развалинах домов мин, снарядов и другой всякой всячины опасной после войны очень много еще оставалось. Меня от кладоискательства отец раз и навсегда отучил — ремнем выпорол.

— Строгий был? — посочувствовал я.

— Строгий. Но справедливый, — произнесла Валентина Андреевна с гордостью. — Было за что выпороть. Мы с подружками как-то забрались в один заброшенный дом, и нас завалило обломками стены в подвале. Трое суток сидели, ревели, как коровы, пока нас военные саперы не откопали.

— А в какой школе вы учились, Валентина Андреевна? — задаю очередной вопрос.

— В средней школе № 2 на улице Юрия Гагарина, в Ленинградском районе города Калининграда, — отрапортовала она. И неожиданно серьезно посмотрела на меня: — А вы и про оценки будете спрашивать?

— Нет! Что вы! — не ожидавший такого вопроса, смутился я. — И тут же, увидев смешинки в глазах сидящей напротив меня женщины, понял, что она шутит.

— Мы и двойки получали, и уроки прогуливали — скрывать не стану. Послевоенное время было тяжелое. Младшие донашивали одежду старших, ну а старшим доставались перешитые мамины платья и отцовские пиджаки. Это война! Война виновата, — вырвалось у Валентины Андреевны. — Ах, если бы не было войны!..

«Если бы не было войны…» — об этом думали и мечтали наши с вами родные и близкие. На их долю выпало самое страшное и тяжелое время — война! Если бы ее не было — не было бы похоронок, сирот и вдов, братских могил, без вести пропавших людей. А еще не было бы блокады Ленинграда, концлагерей Бухенвальда, Заксензаузена… Люди бы учились, работали, ходили в кино и театр. Дружили и любили. Играли свадьбы. Рожали детей. Много счастливых мальчишек и девчонок. Вот такая хорошая жизнь могла бы быть на нашей Земле. Если б не было войны…

По глазам Валентины Андреевны было видно, как нелегко ей возвращаться мыслями в свое детство. Трудным оно было для пятнадцатилетней Вали Орловой. После трагической гибели мамы она осталась совершенно одна. Сестру Веру соседи взяли на воспитание, брата Владимира определили в детский дом, а младшую сестренку Нину, которая родилась в 1958 году, удочерили совсем незнакомые люди и увезли из Калининграда. Но Валя выдержала. Выстояла перед трудностями, свалившимися на ее хрупкие девичьи плечи.

Говорят, человек — сложный мир. За свою жизнь мне довелось соприкоснуться с десятками, сотнями человеческих судеб. Я понял самое главное: если человек открывает тебе свой мир, его надо уважать.

Мы договорились встретиться с Валентиной Андреевной через несколько дней и продолжить нашу беседу.

* * *

Выйдя из библиотеки, я решил не спешить домой, а прогуляться по вечернему городу. Проспект Мира — один из самых красивых в Калининграде. Вот — высокая фигура на постаменте, напротив драматического театра. Вздернутая вверх гордая голова. Бронзовый свиток в руке. С детства знакомый старина Шиллер. А у штаба Балтийского флота вас приветствует с высоты своего постамента сам Государь российский Петр I. Не знаю, правду говорят или нет, но среди курсантов Военно-морского института имени Ушакова существует поверье: перед выпускными экзаменами «ходить на разговор с Петром I». Говорят — помогает… Неугомонные бронзовые «быки» — так привыкли называть этих зубров калининградцы. Вот уж на самом деле — визитная карточка нашего города. На радость взрослым и детям они все никак не закончат свой давний, вековой спор. А уж сколько о них анекдотов и баек ходит, впору целую книгу издавать.

Вспугнув вечернюю тишину громким гудком, скрылась в туннеле под площадью электричка. Но уже через минуту, блестя чистыми стеклами окон, остановилась у недавно отреставрированного перрона Северного вокзала. Дорога к морю начиналась для многих из нас именно отсюда. В бывшем Межрейсовом доме моряков теперь банки, офисы, магазины. Рядом взлетели высоко к небесам золотые купола нового храма. Изменилась за 60 с лишним лет центральная площадь города. Словно на дрожжах, растут вокруг нее торговые и деловые бизнес-центры. Город, будто проснувшись от долгой спячки, строится, строится и строится.

Старый модник Кёнигсберг—Калининград. Он всегда отличался хорошим вкусом и умел ценить прекрасное. Вот и сейчас, отдавая дань времени, примерив на себя новый наряд из ярких городских улиц и проспектов, украшенных рекламой, он все еще молод и хорош собой. А ведь ему уже более 750 лет!

С нетерпением я ожидал конца рабочей недели. Ведь именно в субботу мы договорились встретиться с Валентиной Андреевной у нее дома и продолжить наш разговор. В тот день, как назло, трамвай, в который я сел на площади Василевского, не проехав и двух остановок, замер по причине отсутствия напряжения в сети. Так что оставшееся расстояние до улицы Гражданской, где проживает Валентина Андреевна, мне пришлось преодолевать ускоренным шагом.

— Проходите! — приветливо произнесла хозяйка, открыв мне двери. — Мы с Марусей вас давно ждем.

Удивленно оглядев прихожую, я никого, кроме нас двоих, не заметил. Но раздавшееся громкое «мяу» все объяснило. У ног хозяйки я увидел большую пушистую серую кошку.

— Маруся, — словно к человеку, обратилась Валентина Андреевна к кошке, — проводи гостя в комнату, пока я на кухне чайник поставлю.

Проследив за тем, как я, сняв обувь, надел комнатные тапочки, кошка одобрительно мурлыкнула. И, словно приглашая меня вслед за собой, махнула мне своим пушистым хвостом и первая направилась в комнату.

Предвижу на лицах читателей ироническую улыбку. А зря! Кошка — это удивительное животное. Не собираюсь приводить вам примеры, их предостаточно. Скажу только одно: порой именно кошки становятся для многих наших пожилых людей самыми верными друзьями. И не беда, что кошки не умеют говорить. Зато они умеют слушать и преданно любить.

— Хотела вам фотографии наши семейные показать, — раздался из кухни голос Валентины Андреевны, — да вспомнила: в прошлом году приходили молодые люди, то ли с телевидения, то ли из газеты какой-то. Спрашивали старые фотографии. Говорили — готовят программу к юбилею нашей области. А у нас в семье отец очень любил фотографировать…

Мне все стало понятно. Попросили, взяли, а вот вернуть почему-то забыли.

Однажды, точно так же, к одному фронтовику пришли двое молодых людей. Представились волонтерами какой-то «милосердной организации». Вручили старику пакет с гуманитарной — просроченной — помощью-памятью и тут же предложили безвозмездно отреставрировать имеющиеся у него воинские награды. Расчувствовался фронтовик от такого внимания к себе. И отдал этим волонтерам три свои боевые медали: «За отвагу», «За взятие Кёнигсберга», «За победу над Германией». Год уже прошел…

«Сердце — вместилище души», — гласит старая китайская пословица. Когда ржавчина бездуховности поражает душу человека, его сердцем овладевает «памятозлобие». Отсюда: неуважение к старости, ненависть к правде, страсть к наживе, пагуба добродетели. И все это происходит не где-то там, за тридевять земель, в чужом государстве, с чужим народом, а с нами, в нашей стране, сегодня и сейчас.

Самое страшнее — что ведь найдутся люди, которые скажут: «Ну, подумаешь, фотки старые, медали… Кому они сейчас нужны?»

Нужны! Представьте себе — очень нужны! Чтобы помнили и гордились своим прошлым мы с вами и наши дети. Не дай нам Бог быть преданными и обманутыми своими же внуками.

В комнату с подносом, уставленным блюдцами с домашним вареньем, пирожками и конфетами, вошла Валентина Андреевна.

— Вот, только две фотокарточки с того времени и остались у меня, — вздохнула она. — Это я и мой муж Василий. Даже не верится, что мы когда-то были такие молодые…

Только сейчас я заметил две небольшие, пожелтевшие от времени черно-белые фотографии, лежащие передо мной на столе. Юная красивая девушка и бравый краснофлотец.

Не рассказать вам услышанную мной историю любви этих двух молодых людей я просто не имею права.

* * *

В 1960 году Валя Орлова поступила в Калининградское медицинское училище. Днем учеба, а вечером, когда все ее сверстницы торопились в кино и на свидания, Валентина спешила на работу. Одной жить трудно. Помощи ожидать было не от кого. Работала и санитаркой в областной больнице, и

разнорабочей на хлебозаводе. Работу не выбирала. Цену хлеба знала не понаслышке. Жаловаться на трудности не привыкла. За все это, наверное, и уважали ее подружки с родной Орудийной улицы.

Молодость есть молодость. Но разве могло сердце молодой девушки устоять перед таким искушением, как танцы. По воскресеньям в воинской части, которая располагалась в районе бывшего немецкого аэродрома Девау (теперь это улица Молодой гвардии), были танцы. Играл духовой оркестр. Вальсы, польки, танго сменяли друг друга, заставляя хоть на время молодую девушку забыть о трудности жизни. От кавалеров отбоя не было. Но сердцем девушка чувствовала — не пришло еще время ее любви.

Как-то на танец ее пригласил высокий молодой краснофлотец, она его уже давно заметила среди других военных. И даже несколько раз позволила себе при подругах отпустить в его адрес пару шуток, которые он, конечно же, слышал.

— Ну вот, наконец-то решился, — гордо подумала она, давая согласие на танец.

— Валентин, — посмотрев ей прямо в глаза, сказал он и побледнел.

— Валентина, — ответила она, тоже растерявшись.

— Можно вас проводить домой сегодня?

— Можно, — удивляясь самой себе, прошептала она в ответ.

Так состоялось их первое знакомство.

На самом деле бравого краснофлотца звали Василий. Обман открылся через неделю, во время их второй встречи.

— Вася, разреши пригласить на танец твою красавицу, — галантно раскланявшись перед Валентиной, обратился к лже-Валентину один из его сослуживцев. — Но, обратив внимание, как сердито девушка посмотрела на своего кавалера, мигом скрылся в толпе танцующих.

— Почему соврал? — с обидой в голосе спросила Валентина. — Обмануть решил!

— Нет! Что ты! Просто хотел тебе понравиться. Ведь Валентин и Валентина — это так красиво, — опустив голову, смущенно произнес он в ответ.

— Смотри у меня! — погрозив своим маленьким кулачком, улыбнулась Валентина. — А имя у тебя хорошее, мне нравится.

Больше своей Валёне — так ласково называл Василий жену — он старался не врать. Нет, не боялся, что она исполнит свою угрозу. Просто любил. А когда любишь, не хочется обижать любимого человека. Не мне вам объяснять, что любовь, уважение и доверие друг к другу есть слагаемые крепкой и настоящей семьи…

— А вот свадьбы у меня было две! — вдруг сказала Валентина Андреевна. — Заметив на моем лице удивление, тут же пояснила: — Василий два года за мной ухаживал. Серьезно, без глупостей. А как мне исполнилось семнадцать лет, сделал предложение — выйти за него замуж. Пошли мы в загс заявление подавать. А у нас его не приняли. «Замуж невтерпеж? — строго спросила работница загса. — Погодите годик».

Наверное, многие молодые семьи сталкивались с такой ситуацией в своей жизни. Гости на свадьбу приглашены. Молодые любят друг друга. Чего еще, кажется, надо?

Сыграли Валентина и Василий свадьбу 7 ноября 1962 года, как раз в сорок пятую годовщину Великой Октябрьской социалистической револю-

ции. А официально зарегистрировали свой брак только через год, в 1963-м. Тогда и стала Валентина Орлова Валентиной Андреевной Климок.

В канун Нового года, 29 декабря 1963 года, молодая жена подарила мужу дочку. С учебой в медучилище пришлось распрощаться. Окончив курсы продавцов, она стала работать в продовольственном магазине № 89 на улице Александра Невского. Старожилы нашего Ленинградского района наверняка помнят молодую доброжелательную продавщицу этого магазина. Это сейчас супермаркетов, как грибов в лесу, в одном месте можно купить все, от булки хлеба до туалетной бумаги. Бери — не хочу. А вот пообщаться — не проконсультироваться, а именно пообщаться — не с кем. Сам убедился: продавцы-консультанты, как роботы заведенные, им не до разговоров по душам. Одно слово, купи-продай. А жаль.

Беседуя с Валентиной Андреевной, я вдруг поймал себя на мысли, что наша с ней встреча произошла в какой-то степени благодаря ее мужу. Ведь именно он предложил жене в 1971 году перейти на работу в Калининградскую областную универсальную научную библиотеку, где сам уже работал шофером. Знаю, не каждый мужчина согласится работать в одном коллективе со своей супругой. Причины тут разные… А вот Василий был рад находиться все время поблизости к своей Валёне. Скажу вам больше — жена, к тому же, стала его начальником. Тридцать лет проработала Валентина Андреевна в библиотеке — заведующей хозяйством. А хозяйство у нее было большое. Эта библиотека, можно сказать, ведущая в нашей области. Площадь ее составляет 3200 квадратных метров. А это шесть этажей книгохранилищ, двадцать отделов, читальные залы, конференц-залы. Ну и, конечно же, люди — работники библиотеки. Только в непосредственном подчинении у Валентины Андреевны было двадцать человек, а всего в библиотеке работало 145 сотрудников.

— Что это вы все обо мне да обо мне спрашиваете? — сказала Валентина Андреевна. — Давайте я вам лучше о наших девушках из библиотеки расскажу. Вот о ком напишите: Лида Орехова, Тамара Горбунова, Лена Марченко, Таня Бурма, Александра Луханина… — Она называла и называла мне фамилии сотрудников библиотеки, вспоминая заботы и тревоги этих людей.

Глядя на Валентину Андреевну, я заметил, как задорно блестели ее глаза. Ну, конечно же — девушки, разве может она называть своих подруг иначе. «Нам бы сохранить в сердце такой задор и молодость души, какой сохранился у наших ветеранов», — с «белой» завистью подумал я.

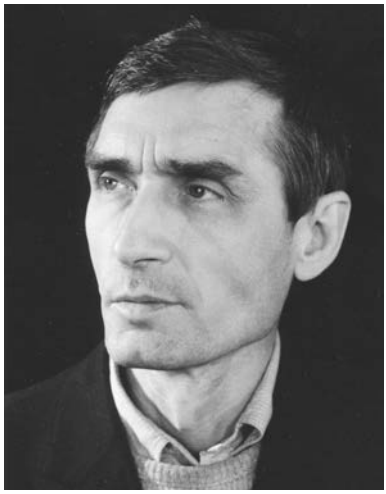
Уже не в первый раз пишу о наших ветеранах — и замечаю одну удивительную закономерность: они всегда скупо говорят о себе, но много и подробно готовы рассказывать о своих друзьях, близких и родных. Что это — природная стеснительность русского человека? Или нежелание посвящать посторонних людей в свою личную жизнь? Я думаю — это благородство души.

Уже прощаясь с Валентиной Андреевной, я спросил:

— Вы родились в мае, ведь так? — Она утвердительно кивнула. — Говорят, кто родился в мае, всю жизнь будет маяться. Так ли это?

— Нет, — покачала головой Валентина Андреевна. — Май — это весна. Время любви и радости. У меня были хорошие родители, и я ими горжусь. А если обращать внимание на горести и неприятности, то грош нам цена. Ведь жить на Земле — это большое счастье.

Точка зрения



Александр СКОКОВ

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ЧАСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ, НАПРАВЛЕННОЙ НА СБЕРЕЖЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Александр Георгиевич Скоков — родился в г. Тихорецке Краснодарского края в 1944 году. Окончил Московский полиграфический институт, Хабаровскую плавшколу. Жил на Колыме, на Чукотке. Плавал судовым радистом на морских буксирах, рыбопромысловых сейнерах. Первые рассказы опубликованы в московских и ленинградских изданиях. Член Союза писателей России с 1984 года. Лауреат премии в области литературы и искусства Правительства Санкт-Петербурга. Автор серии из пяти книг о блокаде. Председатель секции прозы Санкт-Петербургского отделения СП России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

«Актуальные проблемы региональной языковой политики и ее правового регулирования (на примере Санкт-Петербурга)». По указанной теме 30.05.13 в Законодательном Собрании Санкт-Петербурга под руководством председателя профильной комиссии по науке и высшей школе Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, доктора философ. наук, почетного профессора РГПУ им. А. И. Герцена, депутата А. В. Воронцова состоялся круглый стол, на котором обсуждались вопросы, касающиеся защиты русского языка как государственного языка РФ на территории РФ и Санкт-Петербурга, становления механизмов контроля за правильностью использования русского языка в различных сферах, разработки мер по защите и пропаганде языковой культуры в целях сохранения и развития русского языка в современных условиях. Публикуем доклад одного из участников круглого стола, писателя, члена Высшего творческого Совета Союза писателей России, лауреата Премии Правительства Санкт-Петербурга А. Г. Скокова.

Уважаемое собрание! В ноябре 1994 года Санкт-Петербургская организация Союза писателей России обратилась к Председателю Государственной Думы РФ, ко всем депутатам с призывом подготовить и принять Закон о защите русского языка. Именно из Петербурга, города Пушкина, Гоголя, Достоевского прозвучал призыв защитить, сберечь величайшее национальное достояние — русский язык. Обращение поддержали академики А. М. Панченко, А. Д. Александров, Ф. Г. Углов, директор Пушкинского Дома Н. Н. Скатов, народный художник СССР М. К. Аникушин,

президент Русского географического общества С. Б. Лавров, другие видные деятели культуры, науки, образования.

К сожалению, в те годы мы еще не осознавали, что проблема языка должна рассматриваться и решаться значительно глубже и шире. Сильное, независимое государство не может развиваться и процветать без обеспечения военной, продовольственной, и важнейшей! — информационной безопасности. В эпоху информационных войн общество, деморализованное, ориентированное на ложные, подмененные вражеской пропагандой ценности, зараженное вирусом «комплекса неполноценности», не сможет ни прокормить себя, ни защитить, ни сохранить себя на исторической арене.

В минувшее двадцатилетие в условиях военной безопасности России, ее экономике в целом нанесен колоссальный ущерб. Сегодня доля США в торговле наукоемкой продукцией составляет 36 %, а России — 0,3 %. Килограмм продукции ракетно-космической отрасли в 2–2.5 тыс. раз прибыльнее, чем продажа сырья. Ни для кого не секрет, что прибыльность отраслей высоких технологий, созданных в СССР, являлась одной из причин, по которой США заставили Россию утопить плод технического гения советских ученых МКС «МИР», свернуть производство и новейшие разработки в гражданской авиации, чтобы расчистить, подготовить рынки сбыта для своих «боингов». Наступлению на ВПК, а именно там концентрировалось 70–80 % высоких технологий, предшествовала мощная пропагандистская компания о «бремени непосильных военных расходов».

Вторая составляющая национальной безопасности — продовольственная безопасность. Трагедией русской деревни конца XX века стала так называемая «фермеризация» сельского хозяйства России по программам американских, английских наставников. Итог: 40 % пашни зарастает бурьяном, каждый день с карты России исчезает 2–3 деревни, по потреблению продовольствия страна скатилась с 7 места в мире на 71-е, что в немалой степени обеспечило ей 111 место по продолжительности жизни. Программа «фермеризации», в том числе и печально известная «нижегородская модель», имели одну цель — захват рынков сбыта западной сельхозпродукцией. Классическая модель колониальных держав — сырье из колонии, товары — из метрополии. Из 230 млрд долларов российского бюджета 40 млрд тратится на закупку продовольствия иностранного производства. К слову сказать, Белоруссия, отказавшаяся от западных советчиков и не допустившая уничтожения коллективных хозяйств, не имея российских черноземов, экспортирует продовольствия на 4–5 млрд долларов.

Подорван человеческий потенциал российской деревни. 50–70 % сельского населения не имеет работы. А ведь 70 % бывших колхозов, совхозов были рентабельны, давали возможность селянам трудиться, растить, учить детей, готовить смену.

Я подробно остановился на двух составляющих национальной безопасности государства, связанных напрямую с третьей, глобальной — информационной. Наступление на ВПК, армию, как уже говорилось, началось с информационно-стратегического наступления. С одной стороны, армия шельмовалась, унижалась, «разоблачалась», с другой, тысячекратно повторялось на ТВ, на страницах газет, что с окончанием «холодной войны» наступила эпоха всеобщего миролюбия. А между тем, Америка, первая в истории человечества применившая ядерное оружие против мирного населения

Хиросимы и Нагасаки, тратит на военные цели около 800 млрд долларов, то есть почти три российских бюджета. Какова же цель этих приготовлений? Кто остается ее главным противником? Американские конгрессмены этого не скрывают. Конечно, Россия.

Захвату продовольственных рынков России предшествовала стратегическая кампания по дискредитации колхозно-совхозной системы, утверждавшая, что «только фермер накормит Россию». Существующая система объявлялась «черной дырой», изначально убыточной, нерентабельной и т. п. При этом умалчивалось, что во всем мире сельское хозяйство — датируется: в Америке на 37 % от произведенной продукции, в некоторых европейских странах до 60–70 %. На сельскохозяйственной выставке в ЛЕНЭКСПО, беседуя с финскими фермерами, я узнал, что каждое тамошнее фермерское хозяйство, а их в Финляндии около 6 тысяч, ежегодно получает от Евросоюза субсидии в размере 30 тыс. евро. В каких российских СМИ вы об этом узнаете?

Опыт колонизации (в Индии Англия, вспомним, хозяйничала 283 года, в Пакистане — 104, в Бангладеш — 190 лет; всего под английской короной находилось 30 государств Африки и Азии) нарабатывался столетиями и сегодня, в эпоху информационных войн, успешно применяется.

Небольшой пример из Новейшей истории. В петербургском метрополитене распространяется одна на первый взгляд скромная газета, в каждом номере которой руководитель предприятия раньше давал интервью, рассказывал о проблемах своего сложнейшего хозяйства. Обычное, казалось, ведомственное издание с элементами рекламы. Название газеты набрано, конечно же, кириллицей, и ни слова, разумеется, о том, что это международное глобалистское издание с крепкой политической «подкладкой». Она очевидна сегодня: на первых страницах уже не герои производства, не события, связанные с жизнью Санкт-Петербурга, а огромные фотографии руководителей Америки, президента Барака Обамы, портреты королевы Англии, статьи о жизни ее самой и ее семейства и т. п. Стоит отметить, что эта газета по тиражу занимает в России одно из первых мест.

Все сказанное имеет непосредственное отношение к Закону о русском языке, а соответственно, и к русскому образу жизни. Закон о защите русского языка необходим, но он должен быть одной из составляющих стратегической концепции информационной безопасности государства. В разработке этой концепции могли бы принять участие как представители законодательной власти Санкт-Петербурга, так и писатели, ученые, деятели искусства, все, кому дорога судьба Отечества.





Екатерина СКОРОБОГАЧЕВА

«СИКСТИНСКАЯ МАДОННА» РАФАЭЛЯ[1]

500 лет в истории и культуре

Екатерина Александровна Скоробогачева. Кандидат искусствоведения, гл. специалист ГУК «Московская государственная картинная галерея Народного художника СССР Ильи Глазунова», и. о. директора музея Российской Академии живописи, ваяния и зодчества. Родилась в г. Самаре. Окончила Самарское художественное училище, живописно-педагогическое отделение. В 2002 г. — Российскую Академию живописи, ваяния и зодчества (Москва), факультет искусствоведения, в 2006 г. защитила диссертацию в Европейской Академии информатизации (Брюссель). Преподает в Российской Академии живописи, ваяния и зодчества. **Живет в Москве.**

[1] Печатается с небольшими сокращениями.

«Сикстинскую мадонну» Рафаэля Санти следует причислить к тем картинам, которые не только характеризуют конкретного автора, страну или эпоху, но занимают центральное место в мировой истории искусства на протяжении столетий. Создание знаменитого полотна и его жизнь в веках связаны с историческими процессами и событиями культуры. Его содержание приобретает вневременной философский смысл, что подтверждает и выставка «Сикстинская мадонна», посвященная 500-летию великой картины, открытая в Дрезденской картинной галерее, известной также как Галерея старых мастеров.

Символично, что масштабная экспозиция представлена именно в Дрездене — городе, где столь многое свидетельствует об исторических и культурных взаимосвязях Европы: между Италией, Германией, Францией, Россией, Чехией. Можно обратиться к некоторым фактам. Первые упоминания о Дрездене в исторических хрониках относятся к 1206 году. Возникновение Картинной галереи в Дрездене связано с другой эпохой (начало XVIII века) и именем другого известного правителя — Августа II Сильного — курфюрста Саксонии, короля Польши, князя Литовского. Имя «Сильный» он получил за необыкновенную физическую силу, также его называли Геркулесом Саксонским и Аполлоном Саксонским. Курфюрст дружил с Царем России Петром I. Король Франции Людовик XIV был крестным отцом Августа Сильного. Как другие европейские монархи, так и глава Саксонии вел активное строительство, в утонченно-величественных архитектурных сооружениях создавая памятник своего времени.

Еще в молодости Август II, много путешествуя по Франции, Испании, Чехии, начал составлять свое собра-

ние, в которое, наряду с драгоценностями, входили произведения изобразительного искусства. Единственным законным наследником Августа II Сильного стал его сын Август III, безвольный человек, унаследовавший от отца только одну страсть — собирательство картин. Он не жалел средств на их приобретение в Венеции, Болонье, Праге. Коллекция живописи продолжала пополняться, и 25 сентября 1855 года Дрезденская картинная галерея стала общедоступной для посещений, а шедевры ее собрания получили широкое мировое признание. «Сикстинская мадонна», одна из самых известных картин в наши дни, получила широкую известность лишь в XVIII веке, а мировое признание — в XIX столетии[1], более чем через 300 лет после ее создания.

В 1512 году Рафаэлю был дан заказ: написать алтарный образ для бенедиктинского[2] монастыря святого Сикста, Сан Систо по-итальянски, в Пьяченце. Название полотна связано также с тем, что главный алтарь монастырской церкви был посвящен святому Сиксту и святой Варваре, которых изобразил художник в картине по сторонам от Святой Девы Марии. Это поручение Рафаэль получил от папы Юлия II, для которого ранее, в 1508 году, выполнил свои знаменитые росписи станц[3] Ватиканского дворца.

Можно предположить, что заказ был связан с присоединением Пьяченцы к Папской области. Кроме того, Юлию II этот небольшой северо-итальянский город напоминал о родстве с папой Сикстом IV, его дядей. Время начала работы художника над «Сикстинской Мадонной», 1512 год, — важен в истории Италии, так как ознаменован изгнанием французов из Болоньи.

Об этом на выставке косвенно напоминает другая картина Рафаэля — портрет «Папа Юлий II», созданный, предположительно, в 1511—1512 годах. В период его понтификата Северная Италия получила независимость от Франции, а одним из главных проектов стало строительство собора святого Петра в Риме на месте древней базилики, над чем работали ведущие архитекторы: при Юлии II — Браманте, позднее — Рафаэль, Перуцци, да Сангалло Младший, Микеланджело, Мадерно.

Данный портрет понтифика известен в нескольких вариантах. Внимания заслуживают детали картины. Декоративные желуди, оформляющие спинку кресла, являются символом рода Ровере (по-итальянски rovere — дуб), из которого происходил Юлий II. На портрете, что необычно, папа римский показан с бородой — знаком траура по потерянной Болонье. Только после того как французы были изгнаны из Северной Италии в 1512 году, что положило конец противостоянию двух стран, Юлий II сбрил бороду.

Еще в 1506 году в Ватикане, по его распоряжению, была создана Швейцарская гвардия, о чем напоминает представленный на выставке освященный парадный меч (Доменико де Сутри, около 1510 года). Гвардейцы охраняли папу римского и защищали Ватикан от французской армии короля Людовика XII, вторгшейся в Италию. Для обороны от французов была образована и Священная Лига, в которую входили Швейцария и Испания. Благодаря действиям союзников удалось освободить Северную Италию, и

---

[1] Дрезденская картинная галерея стала общедоступной с 25 сентября 1855 года.

[2] Бенедиктинцы — старейший католический монашеский орден, основанный в Субиако и Монтекассино святым Бенедиктом Нурсийским в VI веке. Благодаря тому, что в уставе ордена разумно распределялось время между молитвой и физическим трудом монахов, орден стал наиболее многочисленным в Европе.

[3] Станца (итал. stanza) — комната.

Юлий II из признательности швейцарцам, помимо прочего, освятил для них этот меч.

Примерно тогда же Рафаэль начинал работу над «Сикстинской Мадонной» и для этого отправился в Пьяченцу, расположенную примерно в 70 километрах к юго-востоку от Милана. Образ небольшого средневекового города на выставке помогает представить гравюра — план «La nobilissima citta di Piacenza» («Благороднейший город Пьяченца»). В монастыре святого Сикста, расположенном в северной части города около палаццо Мадама, была построена новая церковь, для алтаря которой предназначалась картина Рафаэля Санти, уже тогда одного из ведущих художников Италии, масштаб творчества которого заслуженно сравнивали с Леонардо да Винчи и Микеланджело Буонарроти.

О зарождении замысла «Сикстинской Мадонны» свидетельствуют на выставке несколько живописных и графических произведений, представленных в одном зале с самим шедевром. Здесь также показана картина современника Рафаэля Лоренцо ди Креди (1458–1537) «Мадонна на престоле, с предстоящими ей святыми» из собрания Дрезденской галереи. Это композиция на ту же тему, что и главное полотно выставки, но во многом контрастная ему по художественному решению.

К сюжету «Мадонна с Младенцем», одному из самых распространенных в итальянской живописи, Рафаэль обращался многократно. Сохранилось очень немного подготовительных рисунков художника к его картинам. «Сикстинская мадонна» стала одним из центральных произведений Рафаэля Санти, свидетельством расцвета его мастерства. К 1512 году художник уже завершил свое не менее известное произведение — «Афинская школа» — роспись в Станце делла Сеньятура[1] в Ватикане и приступил к стенописи Станцы д'Элиодоро, где в 1511–1514 годах создал композиции «Изгнание Элиодора из храма» и «Месса в Больсене».

Тогда же была завершена роспись свода Сикстинской капеллы Микеланджело, под влиянием которого отчасти находился Рафаэль. В его произведениях этого периода уже не ощущается воздействия искусства Леонардо да Винчи. Так же как и Микеланджело, Рафаэль придавал немалое значение движению, но находил иные способы для его передачи. Он не стремился к выражению бурных порывов и предельной экспрессии, что во многом свойственно Микеланджело, а через несколько десятилетий и венецианцу Якопо Тинторетто. В своем творчестве, в частности в «Сикстинской Мадонне», Рафаэль провозглашает собственное понимание философии истории, искусства. Если для Микеланджело история подобна развивающейся трагедии, то для урбинского мастера история — это *exemplum* — «пример» (лат.): концепция повтора, преемственности, взаимосвязи эпох и событий, что соответствует утверждению основных законов диалектической философии. Отсюда иные, по сравнению с Микеланджело, построение композиций и линейные ритмы.

Для «Сикстинской мадонны» характерны сценичность пространства, внутренняя динамика фигур при их внешней статике и симметрии композиции, повторяющиеся линейные ритмы, контрасты нисходящего и восхо-

[1] Станца делла Сеньятура (Stanza della Segnatura, в переводе с итальянского «комната печати») — зала, служившая папским рабочим кабинетом, здесь же подписывались указы папы.

дящего движения. Немаловажна в картине роль мягкого, но, вместе с тем, активного света, моделирующего форму и заполняющего пространство за фигурами. Всего 4 года спустя те же художественные приемы в собственной интерпретации будет использовать не менее прославленный художник Ренессанса в одном из своих главных произведений: Тициан Вечеллио в «Ассунте»[1] или «Вознесении Марии» — алтарной картине, написанной для венецианской церкви Санта Мария Глориоза деи Фрари. Так, на примере ряда произведений, наглядно раскрывается преемственность традиций и новаторство в итальянском искусстве эпохи Возрождения.

«Сикстинская мадонна» относится к числу тех картин, история восприятия которых, их жизнь в веках, многообразна, неординарна и наполнена смыслом, что также отражает выставка. Ее посетители могут судить о высокой оценке, данной полотну сразу после его создания. Об этом, например, свидетельствует композиция «Святой Лука, рисующий Мадонну», исполненная в мастерской Рафаэля. Согласно преданию единственное изображение Девы Марии с натуры было создано святым Лукой, но в картине показан также присутствующий при этом Рафаэль, то есть иносказательно он причислен к портретистам Богоматери. Возможно, что основой для фигур святого и Девы Марии с Младенцем послужили эскизы Рафаэля.

Однако бесспорную известность «Сикстинская мадонна» получила только в середине XVIII века, когда была приобретена правителем Саксонии Августом III[2] для Дрездена. Почти два года Август III вел переговоры о покупке прославленного произведения Рафаэля, в том числе через болонского художника Джиованнини. Несколько раз это грандиозное начинание было под угрозой провала, так как сторонам не удавалось прийти к соглашению относительно стоимости картины. Наконец, после года переговоров, за нее была назначена цена 25 тысяч римских скуди, что составляло сумму в 25 раз больше той, которую обычно платил правитель Саксонии за произведения искусства. Документ об этом был подписан 9 марта 1753 года[3]. В то время в Италии для продажи монастырем или церковью алтарной картины было необходимо получить разрешение папы римского. Монахи монастыря святого Сикста ссылались на сложность выплаты долгов обители. И вскоре, 27 марта 1753 года, такое разрешение было дано. В послании кардинала Валентини говорилось: «Силой полномочий, данных нам Его Святейшеством Папой Бенедиктом IV, даем подателю прошения наше соизволение… на продажу знаменитой картины Рафаэля из Урбино…»[4].

Итак, 21 января 1754 года «Сикстинская мадонна» покинула Пьяченцу, была перевезена через Альпы в Дрезден, а 1 марта 1754 года впервые выставлена в зале для аудиенций замка-резиденции. Это событие отразил

---

[1] Ассунта — Assunta с итальянского Вознесение.

[2] Август III (1696–1763) — курфюрст Саксонский (1733–1763), король Польский, сын и наследник Августа II (Августа Сильного).

[3] Документ подписали настоятель монастыря святого Сикста в Пьяченце Караччиоло и профессор греческой филологии в Болонье, доверенное лицо Августа III, Бьянкони.

[4] Каталог выставки «Сикстинская мадонна». Культовая картина Рафаэля отмечает свое 500-летие». Составители: Андреас Хеннинг и Сандра Шмидт. Мюнхен, Лондон, Нью-Йорк, «PRESTEL». С. 37.

художник Адольф фон Менцель в картине «Дорогу великому Рафаэлю!»[1], созданной через столетие после описываемых событий. Согласно преданию, с такими словами сам Август III отодвинул трон, чтобы свет лучше падал на полотно, впервые представленное в Дрездене.

Но не только восторженные отзывы звучали в адрес шедевра Рафаэля Санти. Многие знатоки искусства центральным произведением галереи продолжали считать «Святую ночь» Корреджо[2]. Однако известный археолог и историк искусства Иоганн Иоахим Винкельман сразу же дал «Сикстинской мадонне» заслуженно высокую оценку. В книге «Мысли о подражании греческим произведениям искусства в живописи и скульптуре» он писал о ней: «…Достойное творение, принадлежащее кисти Рафаэля… Посмотрите на эту Мадонну, на ее полное невинности и в то же время исполненное не просто женского величия лицо, на ее умиротворенную позу, на покой, который царил в изображениях божеств античных мастеров»[3]. В конце XVIII века Хенрих Стеффенс, немецкий ученый, поэт и философ, также посвятил восторженные строки выдающемуся полотну в сборнике своих воспоминаний. Упомянутые книги как документы эпохи и истории полотна также можно увидеть на выставке.

XIX столетие стало временем триумфа «Сикстинской мадонны». Картина получила мировое признание, известны ее многочисленные гравюры и, начиная с середины века, фотографии, художники изображали ее в своих полотнах. Так, Иоганном Фридрихом Бури[4] был написан портрет «Курпринцесса Августа, копирующая Сикстинскую мадонну» (1808–1809). В творчестве братьев Франца и Иоханнеса Рипенхаузенов истории «Сикстинской мадонны» посвящена композиция «Сон Рафаэля» (1821). Одним из самых ранних примеров репродуцирования знаменитой картины стала гравюра 1819 года, исполненная Анри Шарлем Мюллером для «Справочника приятных забав на 1819 год», изданного в Лейпциге и Вене. Во второй половине XIX века гравюры с «Сикстинской мадонны» получают все большее распространение. Их можно видеть во многих домах Западной Европы и России.

В России «Сикстинская мадонна» получает не меньшее признание. И. Н. Крамской назвал ее «портретом того, о чем думали народы». Ею восхищался М. А. Врубель. Живя в Дрездене, Ф. М. Достоевский едва ли не ежедневно приходил в Картинную галерею и часы проводил перед полотном Рафаэля. Известно, что репродукция «Сикстинской мадонны» висела над рабочим столом в комнате писателя. Ее гравюру и сегодня можно видеть в столовой дома художника В. М. Васнецова, считавшего одним из самых

---

[1] Адольф фон Менцель (1815–1905). «Дорогу великому Рафаэлю!». 1855–1859. Бумага, гуашь, пастель. 46Ч62. Германский национальный музей, Нюрнберг.

[2] Антонио да Корреджо (Антонио Аллегри; итал. Correggio; Antonio Allegri; около 1489, Корреджо, Эмилия — 1534, там же) — итальянский живописец Высокого Возрождения.

[3] *Винкельман Иоганн Иоахим.* Мысли о подражании греческим произведениям искусства в живописи и скульптуре. Дрезден, 1755. С. 23. Цит. по: Каталог выставки «Сикстинская мадонна». Культовая картина Рафаэля отмечает свое 500-летие». Составители: Андреас Хеннинг и Сандра Шмидт. Мюнхен, Лондон, Нью-Йорк, «PRESTEL». С. 42.

[4] Иоганн Фридрих Бури — ученик Антона Вильгельма Тишбейна, после завершения обучения в Риме давал уроки живописи сестрам прусского короля Фридриха Вильгельма III.

выдающихся знатоков живописи именно Рафаэля. В той же комнате дома художника, в красном углу, находится привезенная им из Италии икона. Она создана по другому произведению Рафаэля — «Мадонна в кресле» или «Мадонна делла Седиа»[1]. Работая над алтарной композицией в киевском соборе святого Владимира и предшествующей ей станковой картиной, Виктор Михайлович основой избрал для себя «Сикстинскую мадонну». Ее образ переработал в своем художественном решении через традиции русской православной живописи, а также через события и впечатления своей жизни.

Известность «Сикстинской мадонны» не ослабевала и в XX веке, но в произведениях искусства ее восприятие отражалось далеко не однозначно. Примерно с 1800 года и по настоящее время знаменитая картина получает все новые и новые трактовки в области искусства, дизайна и китча.

История «Сикстинской мадонны» в период Второй мировой войны — история ее поиска и спасения — напоминает детективный сюжет и в то же время наполнена горькой правдой военных дней. В конце 1939 года картина была отправлена нацистами в крепость города Мейсен Альбрехтсбург, где все же оказалась недостаточно защищенной от бомбежек. По указанию саксонского рейхсштатгальтера[2] полотно вновь перевезли, а его местонахождение держали в секрете. После отступления фашистов из Дрездена «Сикстинская мадонна», как и другие сокровища галереи, едва не погибла, была спасена благодаря солдатам и реставраторам нашей страны. Как это происходило, подробно рассказывает участник тех событий, писатель и художник Леонид Волынский в своей книге «Семь дней».

В ночь с 13 на 14 февраля 1945 года на Дрезден с неоправданной жестокостью были обрушены бомбежки союзников. В течение 90 минут город планомерно расстреливали по квадратам, особенно безжалостно Альтштадт — старый город, где расположены памятники архитектуры, музеи, жилые районы. На город, в тот период один из крупнейших в Европе, сбрасывали не только фугасные, но также бомбы, начиненные каучуком и фосфором, которые воспламенялись. «Фосфорный дождь» выжигал все дотла. Число убитых превысило 300 тысяч, были уничтожены городские кварталы, погибли бесчисленные памятники истории и культуры, в том числе Альбертинум — известный музей Германии, одно из крупнейших в Европе собраний скульптур. Почти полностью были разрушены церковь Фрауэн Кирхе, купол которой от взрыва раскололся надвое, и Цвингер.

Таким увидели Дрезден советские солдаты весной 1945 года. Не сразу они смогли добраться до груд камней и остовов стен, того, чем стала галерея, где уже не было картин. Среди руин Цвингера увидели одинокую фигуру человека. Им оказался художник Вилли Шмидт, выпускник дрезденской Академии художеств, мобилизованный фашистами и вернувшийся с войны инвалидом в уничтоженный родной город. Он писал пейзаж — разрушенный Цвингер. Его безжизненный взгляд изменился только тогда, когда художник услышал о возможном спасении шедевров Дрезденской галереи, которые могли быть эвакуированы. Шмидт ничего точно не знал об этом, но проводил советских солдат через руины Цвингера в полуразрушенное крыло галереи.

---

[1] «Мадонна в кресле» или «Мадонна делла Седиа» (итал. «Madonna della Sedia»); sedia (итал.) — стул.

[2] Рейхсштатгальтер (нем. Reichstatthalter) — наместник Рейха.

Дверь им открыла седая женщина в скромном черном платье. Фрау Эльвира была главным хранителем Альбертинума, где работала 35 лет. Война отняла у далекой от нацизма женщины все: семью, дом, Альбертинум. Теперь она жила в развалинах здания Картинной галереи. Фрау Эльвира рассказала солдатам, что с 24 января 1945 года все музеи Дрездена были закрыты для посещений, вспомнила, как гауляйтер Саксонии Мучман, которого она не раз видела на улицах города, говорил: «Русские получат здесь смерть, голод и крыс». Известны и слова Гитлера о том, что если нацистам суждено уйти, то они уйдут, громко хлопнув дверью. Так и случилось: весь Дрезден был заминирован фашистами, картины исчезли.

Хранитель Альбертинума видела, что грузовики по ночам подъезжали к галерее, возможно, вывозили полотна, а у здания Дрезденской академии художеств в 1945 году шли строительные работы: переоборудовали подвалы. Догадки фрау Эльвиры оказались верны. После того как полуразрушенный подвал академии удалось разминировать, в нем обнаружили ценнейшие скульптуры Древней Греции, Рима, Германии, Франции. Здесь же стоял шкаф-секретер, в ящиках которого находились карточки — каталог картин Дрезденской галереи и сложенный листок бумаги с надписью «Geheim» (нем. «секретно») — подобие «немой карты», испещренной линиями и значками.

Вскоре солдаты, среди которых был и Леонид Волынский, смогли расшифровать секретную бумагу, сравнив ее с полевой картой. Извилистая линия на ней соответствовала течению Эльбы, а многие значки — расположению населенных пунктов. Одна из точек карты обозначалась буквой «Т». Туда, в район заброшенной каменоломни под Дрезденом, направились солдаты. Через узкую расселину они проникли в шахту, где обнаружили замурованный проем, замаскированный аккуратно уложенными слоями песчаника. Наконец удалось открыть вход в темный туннель[1]. Казалось, в нем не было ничего. В своей книге Леонид Волынский рассказывает, как вдруг увидел у стены угол золоченой рамы, темный холст под слоями пыли, стерев которую, сразу узнал черты изображенного — «Автопортрет Рембрандта с Саскией».

В туннеле было найдено множество произведений малых голландцев, Джорджоне из собрания Картинной галереи, но не шедевр Рафаэля. Рядом стоял и массивный ящик, запертый секретными замками. В каменоломне оказалось около 200 картин, которым во влажной затхлой атмосфере грозила неминуемая гибель. Они были сразу же эвакуированы отсюда солдатами. После долгих часов работы удалось открыть и загадочный ящик. Предположения оправдались. В нем, наконец, была найдена «Сикстинская мадонна» Рафаэля.

Пока картина находилась в батальоне, около нее постоянно сменялись часовые. В 1945 году полотно Рафаэля и многие другие найденные шедевры были отправлены на реставрацию в Москву и Киев, а через 10 лет, в мае 1955 года, показаны в московском Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина и возвращены Германии, в собрание Дрезденской галереи. Так в город, едва не уничтоженный войной, бессмыслием ее жестокости,

[1] По-немецки туннель — tunnel, что объясняет обозначение на карте этого места буквой «Т».

вернулся светлый образ итальянского Возрождения, став символом возрождения Дрездена, преодоления потерь войны.

Интерес к шедевру Рафаэля не ослабевает в наши дни. XXI век накладывает свой отпечаток на восприятие полотна, свидетельствует о непреходящем его значении. От настоящего времени, а, значит, и от нашей жизни неотделимы память войн, глобализация и мировые конфликты, экологические катастрофы и экономические кризисы, изменение нравственных ориентиров, обилие инсталляций и абстракций в искусстве. Но предельно контрастно им звучит «Сикстинская мадонна» Рафаэля Санти, утверждая общечеловеческие духовные начала. Ее образ и смысл каждый может открыть для себя по-своему. И, наверное, поэтому залы Картинной галереи сегодня так многолюдны.

Вышла книга

Чупров О. А.

Время листопада: Стихи. Санкт-Петербург. «Петрополис», 2012. 244 с., ил.



Олег Чупров — известный поэт, лауреат Всероссийских литературных премий имени А. Фатьянова, К. Симонова, А. Прокофьева, Г. Свиридова, Александра Невского.

Выпустил двенадцать сборников стихов в Москве, Петербурге, Сыктывкаре, вошел в ряд антологий российской поэзии.

Известен многими песнями, которые исполняют ведущие артисты кино и эстрады. Лауреат Международного и Всесоюзного конкурсов песни.

Награжден Почетным дипломом Законодательного собрания Санкт-Петербурга «За выдающийся вклад в культурное развитие Петербурга и многолетний поэтический труд», Золотой Пушкинской медалью «За сохранение традиций в русской литературе», Есенинской медалью «За выдающийся вклад в культуру Отечества».

Автор текста гимна Санкт-Петербурга.

В книгу вошли избранные стихи из предыдущих сборников и новые, написанные за последние пять лет.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖУРНАЛА «РОДНАЯ ЛАДОГА» В МОСКВЕ:

Почтовый адрес: 119146, Москва, Комсомольский проспект, дом 13.
Ясенев Владимир тел./факс: 8 (499) 246 58 44 rodnaya.ladoga@gmail.com

КОРРЕСПОНДЕНТЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА «РОДНАЯ ЛАДОГА» ЗА РУБЕЖОМ И В РЕГИОНАХ РОССИИ:

Австралия	Кучина Галина	+6 (139) 879 70 29	kuchina_galina@mail.ru
Беларусь	Семерник Снежана	8 10 (375) 152 88 55 278	snezha05@mail.ru
Белгород	Молчанов Владимир	+7 (904) 532 46 65	tavolganov@mail.ru
Болгария	Анчев Панко	+359 889 545 770	pankoantchev@mail.bg
Воронеж	Невярович Владимир	+7 (910) 285 17 7	vkn2009@mail.ru
Германия	Даксель Фриц	+49-36459-62344 +49-151-40151855	fritz.dachsel@t-online.de
Екатеринбург	Кердан Александр	+7 (912) 610 57 11	kerdan@ru66.ru
Иркутск	Забелло Василий	+7 (924) 604 39 47	irkdl@mail.ru
Казахстан	Михайлов Валерий	8 (777) 221 48 77	vfm@list.ru
Карелия	Пиетиляйнен Елена	+7 911 409 24 30	sever@karelia.ru
Кемерово	Бурмистров Борис	+7 903 916 71 85	cdlk@mail.ru
Коми Республика	Попов Андрей	+7 912 123 44 00	popov-ag-vorkuta@rambler.ru
Кострома	Мурзин Николай	+7 962 180 79 80	gonharova4848@mail.ru
Краснодар	Макарова Светлана	+7 (988) 244 09 11	
Крым и Украина	Горелов Вячеслав	8 (380) 503 24 65 85	gvn@tavrida.com
Курган	священник Павлюченко Константин	+7 (912) 570 844	pkserg@mail.ru
Молдова	Авдеева-Мокрак Ольга	8 (373) 22 58 20 32	olga_mocracavd@mail.ru
Московская обл.	Ясенев Владимир	8 (495) 231 45 21	nativeladoga3@gmail.com
Нижний Новгород	Сдобняков Валерий	+7 (910) 887 59 55	vertical.journal@gmail.com
Омск	Перминов Юрий	+7 (913) 612 84 01	j-perminovomsk@mail.ru
Орел	Кондратенко Алексей	+7 (906) 66 06 000	istorik57@yandex.ru
Псков	Смолькин Игорь	+7 (951) 756 70 14	iasmol@yandex.ru
Самара	Громов Александр	+7 (927) 260 24 43	ag-smr@ya.ru
Словакия	Пархимович Виктор	8 (421) 904 289 016	vparkhimovich@gmail.com
США	Петров Геннадий	770 923 3313	nalubitela@yahoo.com
Сербия	Булатович-Медич Лиляна	+3 (816) 331 38 63	likid@eunet.rs
Ханты-Мансийск	Стельмах Андрей	+ 7 (902) 814 13 21	stelmah@bk.ru
Чехия	Опршал Иржи	8 (420) 602 171 618	joprsal@seky.cz
Эстония и Финляндия	Илляшевич Владимир	8 (372) 507 81 95	vladila1320@gmail.com

Учредитель
Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом “Родная Ладога”»

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (*В. В. Ефимовская)*

Московское представительство:
119146, Москва, Комсомольский пр., 13.
Тел./Факс: +7 (499) 246-58-44

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. *В. В. Ефимовской*

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
e-mail: info@rodnayaladoga.ru
http://rodnayaladoga.ru
http://роднаяладога.рф

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
191014, Санкт-Петербург,
Ковенский пер. 30/7, литер А, помещение 4-н

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.

Цена свободная

Компьютерная поддержка *Николай Станкевич*
Корректор *Галина Ильина*
Компьютерная верстка *Татьяны Макаровой*

Подписано в печать 25.06.2013 г. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ.л. 28,0.
Тираж 1500 экз. Заказ 1306152.
Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»
Санкт-Петербург, Сабировская ул., д. 37.